Отдел Востоковед...

ثو. ثاميادكيتابخانه‌سى
С.-А.Г.Б.
نمره نومير
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи и замѣтки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ.

СБОРНИКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ
по порученію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Томъ 481.

ثو. ثاميادكيتابخانه‌سى
С.-А.Г.Б.

ТАШКЕНТЪ.
1908.

Оглавленіе 481 тома.

1. Судебное преобразованіе въ Туркестанѣ. Н. Дингельштедтъ. (Журналъ гражданскаго и уголовнаго права за 1892 г. 9) 1

2. Заклинаніе со стрѣлой тибетскихъ ламъ. А. А. Токарскій (Вопросы философіи и психологіи 1897 г. 2) 38

3. Записки Туркестанскаго охотника. К. Ш—нъ. (Природа и охота за 1889 г. 11) 46

4 Прокурорскій надзоръ въ народномъ судѣ Туркестанскаго края. С. Н. Трегубовъ. (Журналъ министерства юстиціи за 1903 г. 7, 8, 10) . . 64

Вырѣзки изъ Туркестанскихъ вѣдомостей за 1908 годъ.

5 Нѣкоторыя цѣнныя растенія горной части Самаркандскаго уѣзда. (212) 124

6. Каючный промыселъ на Аму-Дарьѣ. А. Михайловъ. (212, 213, 219, 220, 221) 125

7. Хлопководство въ Сыръ Дарьинской области. И. Слуцкій. (213) 141

8. Баканасы. (215) 142

9. Въ защиту поземельно-податныхъ присутствій. Огородниковъ. (216) 144

10. Населеніе культура и колонизація раіона туркестанъ—сибирской желѣзной дороги. И Филипповъ. (216—218) 145

11. Память Д. Д. Гедеонова. (219) 157

12. Изслѣдованіе высшихъ слоевъ атмосферы близь Ташкента. (220) 159

13. П. Лессаръ, бывшій дипломатическій агентъ въ Бухарѣ и русскій посолъ въ Китаѣ. Библіографическая замѣтка. (221) 160

14. Къ дѣятельности русскихъ офицеровъ въ Персіи. (222) 161

15. Краткая историческая записка объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. С. Граменицкій. (224—231) . . . 163

16. Къ вопросу объ открытіи въ Ташкентѣ женскаго института. Е. Васиневскій. (232) 182

17. Звенигородскій поселокъ въ Туркестанскомъ участкѣ. Звенигородецъ (233) 185

18. Д. Н. Логофетъ Страна безправія. Библіографическая замѣтка. (233) 187

19. Наши просвѣтительныя задачи. Е. Васиневскій. (234) 188

ЗАМѢТКИ.

СУДЕБНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

1 января 1887 года состоялось судебное преобразованіе въ Туркестанскомъ краѣ. Въ громадныхъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ Россіи установленъ правильный, основанный на законѣ, судебный порядокъ и, если только припомнить, что съ момента присоединенія этого края къ Россіи не прошло и 25-ти лѣтъ (а для нѣкоторыхъ мѣстностей едва миновало первое десятилѣтіе [1]), то нужно признать, что Туркестану особенно посчастливилось относительно скораго устройства судебной части и что край этотъ поставленъ въ лучшія, чѣмъ всѣ прочія окраины, условія (напр. Сибирь, Прибалтійскія губерніи).

Заботы объ устройствѣ въ Туркестанѣ судной части, на правильныхъ и прочныхъ основаніяхъ, были всегда близки всѣмъ главнымъ начальникамъ этой окраины. Первый устроитель и талантливый организаторъ управленія покоренной страны, покойный генералъ-адъютантъ Кауфманъ, едва ли не съ первыхъ дней присоединенія края къ Россіи, возбудилъ вопросъ о правильномъ и возможно лучшемъ устройствѣ судной части, и, именно, благодаря заботамъ генерала Кауфмана, Туркестанскій край, едва завоеванный, уже былъ пріобщенъ къ мѣстностямъ, гдѣ дѣйствовали судебные уставы, хотя и не вполнѣ. Учрежденіе уѣздныхъ судей на правахъ мировыхъ, а затѣмъ организація съѣзда мировыхъ судей (въ областныхъ правленіяхъ), явились для края, только что вышедшаго изъ подъ деспотизма хановъ и отданнаго подъ военную ферулу, такимъ благодѣяніемъ, которое запишется въ лѣтописи за-

[1]) Фергана присоединена въ 1876 году.

слугъ, свидѣтельствующихъ о государственной мудрости генералъ-адъютанта Кауфмана.

Послѣдующій рядъ годовъ, принесшій съ собою, вмѣстѣ съ умиротвореніемъ страны, рядъ проектовъ объ административномъ и судебномъ ея устройствѣ, носитъ на себѣ явные слѣды тѣхъ же попечительныхъ заботъ объ устройствѣ судной части на началахъ возможно раціональныхъ и современныхъ и, сколько намъ извѣстно, были даже проекты, не видѣвшіе никакихъ препятствій къ введенію въ краѣ судебныхъ уставовъ почти въ полномъ ихъ объемѣ, исключая, разумѣется, суда присяжныхъ.

Вновь завоеванный край, такимъ образомъ, почти не зналъ ни полицейскихъ расправъ, ни прославленныхъ въ лѣтописяхъ русскаго правосудія судовъ первой степени (уѣздныхъ), ни нижнихъ земскихъ судовъ, ни связанныхъ съ древнимъ нашимъ судопроизводствомъ многолѣтнихъ волокитъ, взяточничества, поборовъ и всей прочей обстановки стараго подъяческаго режима.

Первые устроители края заслужили за это вѣчную признательность населенія.

Дѣйствовавшій въ краѣ почти 20 лѣтъ судебный порядокъ считался, однако, несовершеннымъ.

Его несовершенство и неудовлетворительность усматривались не въ томъ только, что онъ не былъ санкціонированъ законодательною властью—въ этомъ обстоятельствѣ особаго неудобства не замѣчалось и, примѣненный лишь временно, Проектъ Положенія 1867 года, дополненный, впослѣдствіи, многочисленными разъяснительными циркулярами генералъ-губернаторовъ, выполнялъ роль законодательнаго акта, не вызывая большихъ смущеній. Этотъ, никѣмъ не утвержденный *проектъ* признавался за законъ; самъ сенатъ ссылался на него какъ на законодательный актъ и отстаивалъ его твердость и обязательность. Обширная власть главнаго мѣстнаго начальника, которому были предоставлены права „принимать на мѣстѣ всѣ необходимыя мѣры“, для лучшаго устройства края, и примѣнять тѣ законы, какіе признавались удобными, проявлялась съ особенною энергіею въ дѣлѣ судебнаго устройства и, притомъ, не только въ первые, но и въ позднѣйшіе годы по завоеваніи края, въ самыхъ энергическихъ формахъ.

Только наличностью такихъ громадныхъ полномочій, данныхъ генералъ-губернаторамъ, можно, какъ кажется, объяснить, что край преблагополучно просуществовалъ 20 лѣтъ, не имѣя никакого за-

конодательнымъ порядкомъ утвержденнаго „Положенія“ объ управленіи.

Проекты такого „Положенія“ представлялись, какъ извѣстно, одинъ за другимъ, но до 1886 года ни одинъ изъ нихъ утвержденія не удостоивался. И нужно, по справедливости, признать, что въ быстро умиротворенной странѣ дѣло внутренняго управленія шло, вообще говоря, настолько успѣшно, что въ безотлагательномъ созданіи „Положенія“ надобность чувствовалась болѣе теоретически, чѣмъ практически, а потому всѣ представляемые проекты подвергались настолько же обстоятельнымъ, насколько медленнымъ обсужденіямъ и, только болѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ, Положеніе, наконецъ, утверждено и введено въ дѣйствіе.

Существовавшее въ краѣ, въ силу дѣйствовавшаго проекта Положенія 1867 года, судебное устройство признавалось подлежащимъ реформѣ во всѣхъ частяхъ. Установленный лишь временно судебный порядокъ считался, въ особенности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. устройство уголовнаго суда) не только несовершеннымъ, но настолько невозможнымъ, что даже было признано неотложно необходимымъ, лишь бы скорѣе покончить съ этимъ старымъ порядкомъ, не дожидаясь введенія уже утвержденнаго положенія объ управленіи краемъ, передать, всего на три мѣсяца, рѣшеніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ военно-окружному суду [1])

Чтобы имѣть совершенно ясное представленіе о характерѣ совершившагося судебнаго преобразованія, необходимо сдѣлать бѣглый очеркъ предшествовавшаго сему преобразованію почти двадцатилѣтняго періода, когда край не имѣлъ утвержденнаго положенія и управлялся на основаніи такъ называемаго Проекта положенія 1867 года.

По проекту 1867 г. (11 іюля) судебная власть въ русскихъ судахъ принадлежала: уѣзднымъ судьямъ, областнымъ правленіямъ, дѣйствовавшимъ какъ мировые съѣзды и какъ палаты гражданскаго и уголовнаго суда, военно-суднымъ коммисіямъ и правительствующему сенату (§ 135). Особаго судебнаго мѣста для уголовныхъ дѣлъ, изъятыхъ изъ подсудности уѣздныхъ судей и на-

---

[1]) На основаніи § 9 полож. о введ. въ дѣйствіе воен.-суд. уст. въ Туркестанскомъ краѣ (военный судъ открытъ 1 октября 1886 г.) передано въ военно-окружной судъ 29 дѣлъ о 56 подсудимыхъ, изъ нихъ 10 дѣлъ подсудныхъ мировымъ установленіямъ и 19—общимъ.

роднаго суда, учреждено не было, потому что русскаго населенія почти еще не существовало и предполагалось, что число такихъ уголовныхъ дѣлъ не будетъ превышать 25 въ годъ и что военно-судныя коммисіи, безъ затрудненія, справятся съ такимъ малымъ количествомъ дѣлъ.

Положеніе уѣздныхъ судей было сравнено съ положеніемъ закавказскихъ мировыхъ судей, съ тою разницею, что судьи эти назывались уѣздными *„дабы точнѣе опредѣлить отношеніе ихъ къ мѣстной власти“* (какъ сказано въ проектѣ) и при нихъ не полагалось, какъ въ Закавказьѣ, никакихъ штатныхъ и исполнительныхъ чиновниковъ (секретаря, пристава, переводчика). Хотя, затѣмъ, признавалось и неудобнымъ и нежелательнымъ допустить, въ областныхъ правленіяхъ, смѣшеніе функцій судебныхъ и административныхъ, но на это рѣшились *временно*, во избѣжаніе, главнымъ образомъ, значительныхъ издержекъ. Точно также, только по экономическимъ соображеніямъ, не ввели ни слѣдователей, ни прокуратуры и возложили обязанности слѣдователей на мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, а прокурорскія обязанности приняли на себя, больше по собственному почину, военные губернаторы. Переводчики, дѣйствовавшіе въ судахъ всѣхъ степеней, а также находившіеся при слѣдователяхъ, всѣ были вольнонаемные, т. е. совершенно неотвѣтственные люди, кромѣ штатныхъ переводчиковъ областнаго правленія.

При первоначальномъ устройствѣ Туркестанскаго края много говорилось о мѣстныхъ условіяхъ и обычаяхъ и, вообще, стремились къ установленію такого порядка управленія, который, при наименьшихъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ со стороны государства, представлялъ бы всѣ задатки къ постепенному введенію общаго гражданскаго управленія и, въ тоже время, не производилъ бы слишкомъ крутой ломки въ внутреннемъ быту мѣстнаго населенія.

Особенно эта забота проявилась въ организаціи суда. Оставлено было почти въ неприкосновенности два особыхъ типа судовъ: для киргизъ—по обычаю (адату), для сартовъ—по корану и шаріату. Всѣ были убѣждены, что вся жизнь сартовъ основана исключительно на исполненіи правилъ корана и что они фанатически проникнуты ученіемъ шаріата. Предполагалось, что затронуть ихъ судъ—значитъ затронуть ихъ религію, а это признавалось весьма опаснымъ, но, одновременно съ тѣмъ, считалось по-

чти невозможнымъ оставить сартовскій, т. е. казійскій судъ неприкосновеннымъ, такъ какъ никто не сомнѣвался, что этотъ судъ являлся для народа проводникомъ всякаго рода упорства и невѣжества. Изыскивая способы къ примиренію этихъ противоположныхъ требованій, одно время остановились было на мысли устроить народный судъ, подъ предсѣдательствомъ русскаго чиновника, подобно тому какъ такіе суды существуютъ въ Дагестанѣ и въ Терской области, но побоялись, что такая организація суда будетъ сочтена народомъ за явное нарушеніе шаріата, предоставившаго, какъ извѣстно, правосудіе въ руки однихъ казіевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опасались, что, стоящій во главѣ такого суда чиновникъ, или начнетъ ломать шаріатскіе порядки или самъ подпадетъ подъ вліяніе казіевъ и унизитъ тѣмъ русскую власть. Всѣ эти колебанія разрѣшились оставленіемъ въ неприкосновенности казійскаго суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было за благо предоставить туземцамъ право разбираться, по обоюдному желанію тяжущихся, не только въ народномъ, но и въ русскомъ судѣ.

Этой мѣрѣ придавалось особое значеніе и ожидалось, что произойдетъ то, что случилось въ Крыму, гдѣ кадіи также не были уничтожены, но самъ народъ, черезъ какіе либо пятьдесятъ лѣтъ, добровольно сталъ предпочитать русскій судъ своему народному и предоставилъ своимъ кадіямъ разбирать только духовные, да и то не всѣ дѣла. Устроители края много разсчитывали на то, что и въ Туркестанѣ самъ народъ разберетъ, что русскій судья и справедливѣе и гуманнѣе судьи народнаго, а потому станетъ обращатъся къ нему охотнѣе, чѣмъ къ своему казію, тѣмъ болѣе, что въ формѣ разбирательства въ судѣ казійскомъ и мировомъ было не малое сходство. Убѣжденіе въ несостоятельности народнаго суда поддерживалось также и тѣмъ, что казійское правосудіе всегда и прежде было въ подозрѣніи и, кромѣ вопіющихъ несправедливостей, издавна чинимыхъ казіями, считавшимися, въ большинствѣ случаевъ, доступными такъ называемымъ постороннимъ вліяніямъ, въ самомъ шаріатѣ оказывался готовый и притомъ богатѣйшій матеріалъ для юридическихъ обходовъ и софизмовъ.

Извѣстно напр., что такое *„ривоятъ“* Лицо, желающее нарушить законъ, но оставаясь, по внѣшности, на легальной почвѣ, обращается къ какому нибудь муфтію и проситъ его пріискать въ юридическихъ сочиненіяхъ случай, когда буквальный смыслъ шаріата былъ нарушенъ такимъ лицемъ или при такой обста-

новкѣ, что это нарушеніе не считалось грѣховнымъ. Муфтій легко находилъ такой случай и давалъ засвидѣтельствованную въ томъ выпись. Это и было ривоятъ. Документъ этотъ подносился къ подписи извѣстнаго казія или нѣсколькихъ казіевъ; они скрѣпляли его своею печатью; ривоятъ, такимъ образомъ, обращался въ „фатьву", т. е. дѣлался сепаратнымъ постановленіемъ, имѣющимъ силу закона, которымъ можно было руководствоваться, и вотъ прямой смыслъ шаріата былъ нарушенъ. Такіе муфтіи всегда состояли при казіяхъ, а казіи, въ большинствѣ, и сами были лица, получившіе духовно-юридическое образованіе въ тѣхъ высшихъ школахъ, питомцы которыхъ вообще никогда въ пріисканіи подходящихъ ривоятовъ не затруднялись [1]).

Такимъ образомъ судъ казіевъ былъ оставленъ на прежнихъ началахъ.

У киргизъ былъ оставленъ судъ по адату, т. е. по устному обычаю. Въ этомъ случаѣ никакихъ опасеній, собственно за шаткость правосудія, не возникало. Киргизскіе судьи были повально безграмотны и вполнѣ невѣжественны. Никакая форма просвѣщенія, даже низшихъ мусульманскихъ школъ, имъ была неизвѣстна и устроители края, оставляя этотъ судъ, усматривали вредъ его лишь въ томъ, что въ судьи непремѣнно полѣзутъ такъ называемые *родовичи* (родовитые киргизы) и заберутъ правосудіе въ свои руки и, чтобы избѣгнуть этого, было предоставлено народу самому выбирать себѣ судей (отъ 4 до 8 на каждую волость). Въ чемъ заключался адатъ—это было неизвѣстно даже и въ общихъ чертахъ.

Почти одновременно съ предоставленіемъ туземному населенію края права судиться и разбираться, въ своихъ дѣлахъ, тѣмъ же порядкомъ, какимъ они судились и разбирались въ ханскія времена, былъ представленъ, куда слѣдуетъ, первый проектъ судебнаго преобразованія въ краѣ, такъ какъ положеніе правосудія въ краѣ считалось и необезпеченнымъ и ненормальнымъ. За первымъ проектомъ послѣдовалъ второй, третій и четвертый [2]), но, по несогласію министровъ и министерствъ, дѣло судебнаго и админи-

---

[1]) Въ 1882 году было казіевъ въ Сыръ-Дарьинской области 108, Ферганской области 109, въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 12 и въ Заравшанскомъ округѣ 24. Изъ нихъ только 25 не получили высшаго образованія.

[2]) Всего представлено шесть проектовъ въ 1867, 1871, 1873, 1881, 1883 и 1884 годахъ.

стративнаго устройства затянулось почти на двадцать лѣтъ и только въ 1887 году, когда четыре пятыхъ населенія Россіи уже пользовались благами гласнаго суда, въ Туркестанѣ свершилось наконецъ желанное преобразованіе, но краю данъ не новый судъ, а такъ называемыя учрежденія стараго устройства, почти повсюду уже упраздненныя.

Какъ дѣйствовали въ Туркестанѣ, въ теченіи почти 20 лѣтъ, народные суды, что тамъ дѣлали, терявшіеся въ массѣ біевъ и казіевъ, русскіе уѣздные судьи, проявили ли туземцы какое либо желаніе ходить въ русскій судъ, или предпочитали оставаться при своихъ народныхъ судьяхъ—обо всемъ этомъ никакихъ свѣдѣній не собиралось, нигдѣ не писалось и не сообщалось и, только единожды—именно въ 1882 году, была произведена обстоятельная провѣрка дѣйствовавшихъ на этой окраинѣ порядковъ, какъ административныхъ, такъ и судебныхъ, и провѣрка эта добыла такія данныя, которыя хотя нѣсколько но ускорили давно ожидаемое судебное преобразованіе.

Въ какомъ состояніи находилось собственно правосудіе на этой отдаленной окраинѣ въ 1882 году, объ этомъ даетъ представленіе нижеслѣдующій краткій очеркъ, имѣющій изобразить положеніе: а) мироваго судопроизводства; б) дѣлъ, подсудныхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ; в) слѣдственной части, и г) дѣятельности народныхъ судовъ.

Въ характерѣ дѣятельности и постановкѣ всѣхъ этихъ отраслей судебнаго дѣла высшая юстиція, какъ то: государственный совѣтъ, правительствующій сенатъ и министерство юстиціи, почти до самаго введенія положенія 1886 г., не принимала никакого участія, а потому вся судебная организація края должна считаться исключительно дѣломъ рукъ мѣстной администраціи или мѣстнаго военно-народнаго управленія.

Въ 1882 году во всемъ Туркестанскомъ краѣ было 17 уѣздныхъ судей (въ Сыръ-Дарьинской области 8, въ Ферганской 6, въ Зарявшанскомъ округѣ 2 и Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ 1); изъ нихъ 10 получили высшее или среднее образованіе, четверо нигдѣ не учились, но имѣли судебную практику, и трое не соотвѣтствовали занимаемой должности ни по образовательному, ни по служебному цензу. Въ общемъ дѣятель-

ность судей найдена была сносною. Въ Сыръ-Дарьинской области обжаловалось въ мировые съѣзды 35% всѣхъ рѣшеній, въ Ферганской—27%. Найдены были случаи грубыхъ нарушеній закона: такъ напримѣръ, одинъ судья постановлялъ рѣшеніе безъ вызова сторонъ, другой доносилъ по начальству, что онъ намѣренъ, „*для усиленія доходовъ своей канцеляріи*“, совершать акты между туземцами (васихи), третій признавалъ недѣйствительными браки между магометанами и т. д. Но въ особенности обратилъ на себя вниманіе „грустный фактъ“, что уѣздные судьи нисколько не интересуются мѣстными нарѣчіями и находятся въ рукахъ переводчиковъ. Количественная дѣятельность судей была совсѣмъ не велика: на каждаго приходилось около 490 дѣлъ въ годъ [1]).

Изъ немногихъ туркестанскихъ судей нѣкоторые успѣли блеснуть рѣдкою оригинальностью. Въ числѣ ихъ былъ напр. одинъ, судействовавшій съ 1866 года и не успѣвшій, какъ оказалось при провѣркѣ, пріобрѣсти къ 1882 г. никакихъ юридическихъ свѣдѣній. Онъ напр. воздвигъ систематическое гоненіе противъ проживавшихъ въ его участкѣ индійцевъ, и такъ уже гонимыхъ административнымъ порядкомъ за склонность къ ростовщичеству, и поставилъ ихъ внѣ закона, не принимая отъ нихъ никакихъ исковъ и заявленій. Судья этотъ нашелъ даже такой законъ, который уполномочивалъ его такъ тѣснить индійцевъ и законъ этотъ оказался, какъ донесъ судья начальству, въ уставѣ гражд. суд., именно въ ст. 261, опредѣляющей только порядокъ написанія прошеній иностранцами. Другой судья, отставной врачъ, подалъ въ 1880 году начальству проектъ о замѣнѣ для туземцевъ тюремнаго заключенія вырѣзаніемъ ушей. Въ проектѣ былъ описанъ способъ совершенія этой операціи и предлагалось установить карательныя мѣры противъ фельдшеровъ и медиковъ, которые окажутся виновными въ заживленіи ранъ, безъ разрѣшенія суда.

Въ апелляціонныхъ и кассаціонныхъ дѣлахъ мироваго разбирательства, рѣшавшихся въ областныхъ правленіяхъ на правахъ съѣзда, найдена была прежде всего вопіющая медленность. Дѣла рѣшались черезъ 2—3 года, единственно вслѣдствіе крайнихъ затрудненій при вызовѣ сторонъ и врученіи повѣстокъ въ гро-

---

[1]) За три года (1880—1882) рѣшено во всемъ краѣ 23,514 дѣлъ, изъ нихъ 19,026 гражданскихъ и 4488 уголовныхъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ исковъ предъявлено на сумму 1,811,375 руб. и изъ этой суммы приходится на Сыръ-Дарьинскую область на 1,179,333 руб., а на Ферганскую—632,012 руб.

мадныхъ раіонахъ дѣятельности этихъ съѣздовъ. Замѣтимъ однако тутъ же, что не взирая на доказанное неудобство такого устройства съѣздовъ, все таки, при введеніи положенія 1886 г., нашли, что организовать настоящіе съѣзды мировыхъ судей невозможно, и главнымъ тому препятствіе усмотрѣли какъ разъ въ томъ, что должно было считаться главнымъ основаніемъ для такого устройства, именно—громадныя разстоянія и отсутствіе дорогъ. Частныя жалобы лежали безъ разрѣшенія болѣе года, апелляціонныя дѣла ранѣе года къ слушанію не назначались. Надзора за судьями не существовало.

Дѣлъ на сумму свыше 2000 руб. было такъ немного (въ три года 68), что участь ихъ нисколько не озабочивала начальство: менѣе двухъ лѣтъ ни одно дѣло не производилось. Такая же медленность царила въ дѣлахъ о несостоятельности (изъ четырнадцати дѣлъ, возникшихъ за три года, рѣшено семь) и при обозрѣніи этихъ дѣлъ констатированъ еще новый „грустный фактъ", что областныя правленія не могутъ различить торговую отъ неторговой несостоятельности. Впрочемъ, сдѣланная провѣрка категорически удостовѣряла, что мировое разбирательство и движеніе дѣлъ на сумму свыше 2000 руб. было поставлено въ Ферганской области гораздо выше чѣмъ въ Сыръ-Дарьинской, хотя при этомъ было упущено изъ виду, что дѣлъ въ Ферганѣ было втрое меньше, а раіонъ территоріи, подчиненной Сыръ-Дарьинскому съѣзду, превосходилъ ферганскую территорію въ 6 разъ [1]).

Сдѣланная въ 1882 году провѣрка слѣдственной части въ краѣ выяснила опять цѣлый рядъ „грустныхъ фактовъ".

По проекту 1867 г. слѣдствія должны были производить уѣздные судьи, но генералъ Кауфманъ учредилъ по одной должности слѣдователей въ Ташкентѣ, въ Зарявшанскомъ округѣ (Самаркандѣ) и въ Ферганской области, а генералъ Черняевъ учредилъ еще одну должность слѣдователя для Кураминскаго уѣзда. Во всѣхъ прочихъ мѣстахъ слѣдствія производили уѣздные судьи, а въ Аму-Дарьинскомъ отдѣлѣ слѣдственнымъ дѣломъ занимался одинъ изъ офицеровъ, по усмотрѣнію начальника отдѣла.

---

[1]) Сыръ-Дарьинскому областному правленію также подчинялись Зарявшанскій округъ (нынѣшняя Самаркандская область) и весь Аму-Дарьинскій отдѣлъ. Въ Ферганской области было 674 тыс. жит. при 81 тыс. квадр. верстъ пространства, въ области Сыръ-Дарьинской 501 тыс. кв. верстъ пространства и 1,732,000 жителей.

Въ 1882 году въ краѣ было 8 судебныхъ слѣдователей (4 въ Ферганѣ, 2 въ Зарявшанѣ и 2 въ Сыръ-Дарьинской области), изъ нихъ три юриста, одинъ бывшій кадетъ, одинъ воспитанникъ духовнаго училища и два безъ всякаго образованія. Кромѣ того, слѣдствія производили мировые судьи. Всѣ слѣдователи получали разные оклады. Въ Сыръ-Дарьинской области они получали по 2400 руб., въ Зарявшанѣ одинъ слѣдователь получалъ 2600 руб., а другой 2240 руб.; изъ двухъ слѣдователей Ферганы, одинъ (Ошскій) получалъ 3800 руб., а другой (Наманганскій) 3700 руб., и, вообще, чѣмъ позднѣе учреждена была должность, тѣмъ назначалось большое содержаніе.

Получая разное содержаніе, они и дѣйствовали на основаніи различныхъ законоположеній. Одни изъ слѣдователей дѣйствовали на основаніи XV тома ч. 2 (законовъ о судопр. по прест. и прост.), другіе руководствовались судебными уставами, третьи заимствовали порядки оттуда и отсюда, смотря по удобству.

Въ теченіи трехъ лѣтъ (1880—1882) всѣхъ слѣдствій было въ производствѣ 2661, т. е. приходилось по 133 дѣла на каждаго изъ 17 слѣдователей. Въ частности, Зарявшанскіе слѣдователи производили по 67 дѣлъ въ годъ, слѣдователь гор. Ташкента—по 253, а у нѣкоторыхъ слѣдователей было не болѣе 10—15 дѣлъ ежегодно. Несмотря на разницу слѣдовательскихъ окладовъ и разные слѣдственные пріемы въ производствѣ дѣлъ, замѣчалось полное сходство только въ одномъ отношеніи: всѣ слѣдствія производились одинаково медленно (въ среднемъ не скорѣе шести мѣсяцевъ) и одинаково дурно. Причина сего усматривалась, съ одной стороны, въ недостаткѣ должнаго содѣйствія полиціи и туземной администраціи, а съ другой—въ отсутствіи прокурорскаго надзора.

Обязанности этого надзора исполняли, какъ уже сказано ранѣе, совершенно добровольно и по собственному почину, сами военные губернаторы. Проектъ положенія, установивъ подсудность дѣлъ по общимъ преступленіямъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, такъ называемымъ военно-суднымъ коммисіямъ, возложилъ передачу въ эти коммисіи оконченныхъ слѣдствій на обязанность военныхъ губернаторовъ (§ 159), но, вмѣсто простой передачи, военные губернаторы занялись разсмотрѣніемъ и классификаціей дѣлъ, на подлежащія передачѣ и подлежащія прекращенію.

Свои прокурорскія обязанности военные губернаторы испол-

няли такъ: поступавшіе дѣла разсматривалъ начальникъ суднаго отдѣленія областнаго правленія и, по его докладу, безъ внесенія дѣлъ въ общее присутствіе областнаго правленія, давалось дѣлу направленіе. Но на три самостоятельныхъ административныхъ единицы: Сыръ-Дарьинскую область, Зарявшанскій округъ и Аму-Дарьинскій отдѣлъ, было только одно областное правленіе и одно судное отдѣленіе, а такъ какъ начальники Зарявшанскаго округа и Аму-Дарьинскаго отдѣла пользовались также губернаторскими правами, какъ и губернаторъ Сыръ-Дарьинскій, то оказывалось, что въ вѣдомствѣ только одного Сыръ-Дарьинскаго областнаго правленія было три такихъ прокурора: самъ Сыръ-Дарьинскій губернаторъ, начальникъ Зарявшанскаго округа и начальникъ Аму-Дарьинскаго отдѣла. Всѣ эти три прокурора измѣняли подсудность дѣлъ, кончали ихъ административнымъ порядкомъ и прекращали по своему усмотрѣнію.

Такой порядокъ установился, такъ сказать, самъ собой и притомъ единственно вслѣдствіе того, что военно-судныя коммисіи отказывались принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла, по которымъ не указаны виновные, подлежащіе преданію суду, ссылаясь на ст. 265, 266, 269 воен.-суд. уст. (изд. 1859 г.), а такъ какъ указывать этихъ обвиняемыхъ было некому, то губернаторы и взялись за это дѣло.

Въ правильности этого порядка сомнѣвались, впрочемъ, и сами губернаторы, и одинъ изъ нихъ, временно управлявшій Сыръ-Дарьинской областью (д. с. с. Гилевъ) даже прямо отказался отъ этой обязанности, и, послѣ этого отказа, военно-судныя коммисіи, нѣкоторое время, вполнѣ обходились безъ прокурорскихъ заключеній губернаторовъ, но послѣ г. Гилева власти опять возвратились къ прежнимъ порядкамъ, разсуждая такъ, что при неудовлетворительности слѣдственной части и полной безконтрольности ея органовъ „*было необходимо кому-либо разсматривать слѣдствія для опредѣленія ихъ полноты*“, и хотя вопросъ о полнотѣ могъ бы быть разрѣшаемъ и самими военно-судными коммисіями, но это считалось неудобнымъ, потому что слѣдователи не были имъ подчинены, а военно-судныя коммисіи, по мнѣнію всѣхъ, представляли послѣднюю степень юридической несостоятельности, почему и было рѣшено порядокъ, заведенный временно, сохранить до введенія настоящей прокуратуры.

При такихъ условіяхъ прокурорская дѣятельность губернато-

ровъ стала годъ отъ году развиваться. Такъ, въ 1880 году они разсмотрѣли и направили 646 дѣлъ, въ 1881—873 дѣла а въ 1882—900 дѣлъ и, за эти три года, изъ числа 2522 дѣлъ, по 947 дѣламъ они положили резолюцію о „прекращеніи", а 238—передали въ военно-судныя коммисіи. (Остальныя возвращены для дополненія, разрѣшенія административнымъ порядкомъ и т. д.). Въ числѣ разсмотрѣнныхъ губернаторами дѣлъ были самыя разнообразныя, но преобладали преступленія противъ личности и имущества. Такъ напр. въ числѣ ихъ было: убійствъ и пораненій 652, кражъ 622, разбоевъ и грабежей 368, преступленій должности 94, мошенничествъ и растратъ 59, поддѣлокъ и сбыта фальшивыхъ монетъ 42, поджигательствъ 19 и т. д.

Такое ненормальное устройство слѣдственной части завершалось еще болѣе ненормальной организаціей первой инстанціи по уголовнымъ дѣламъ, выходящимъ изъ подсудности мировыхъ учрежденій. Это были уже выше упомянутыя тѣ самыя, совершенно несостоятельныя въ юридическомъ отношеніи, военно-судныя коммисіи. Сначала это были учрежденія только временныя, но въ 1876 и 1878 гг. онѣ были преобразованы въ постоянныя и открыты въ Ташкентѣ, Казалинскѣ, Маргеланѣ, Ошѣ, Самаркандѣ и Петро-Александровскѣ. Въ каждой коммисіи былъ презусъ—штабъ-офицеръ, три ассесора—оберъ-офицера, аудиторъ и вольнонаемный переводчикъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ (1880—1882) во всѣ 6 коммисій поступило 773 дѣла собственно о лицахъ гражданскихъ. Въ коммисіяхъ этихъ, кромѣ полнаго юридическаго невѣжества, пристрастія, несправедливости и, по всеобщему убѣжденію, весьма нерѣдкаго подкупа,—царила страшная медленность. Полная безконтрольность дѣятельности этихъ коммисій являлась вѣнцомъ всей этой организаціи. По своду воен. постанов. (кн. V гл. II), на основаніи котораго дѣйствовали эти коммисіи, всѣ дѣла, во время ихъ нахожденія въ коммисіяхъ, подлежали контролю мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ и комендантовъ а, послѣ постановленія приговоровъ, подвергались еще ревизіи мѣстнаго военнаго начальства или главнаго военнаго суда, по принадлежности. Этотъ контроль однако былъ совсѣмъ фиктивный. Дѣлами орудовали аудиторы, надъ которыми презусы не имѣли дисциплинарной власти, а коменданты и воинскіе начальники, имѣвшіе эту власть, вовсе не пользовались ею и потому, гражданскія лица, попавшія подъ военный судъ, не могли, въ случаяхъ неправильныхъ дѣйствій и

нарушенія ихъ интересовъ, искать защиты и правосудія нигдѣ кромѣ военныхъ властей, а власти эти вездѣ дѣйствовали, по судебнымъ дѣламъ, чрезъ такихъ же аудиторовъ.

Такимъ оказался, на пятнадцатый годъ своей дѣятельности, временно введенный въ Туркестанскомъ краѣ русскій судъ. Послѣ провѣрки 1882 г. никто не сомнѣвался, что скорѣйшее преобразованіе этого суда есть дѣло неотложной необходимости.

Казіи и біи дѣйствовали въ этотъ періодъ также какъ и до завоеванія края, но лишь подъ контролемъ русской власти. Разсчеты на то, что туземцы сами усмотрятъ преимущества русскаго правосудія и пойдутъ съ своими дѣлами къ уѣзднымъ судьямъ, рѣшительно не оправдались. Туземцы обращались къ русскому суду, по взаимному согласію (§ 204 и 233 проекта), также рѣдко какъ и прежде, и за три года было всего три такихъ случая.

Кто лучше дѣйствовалъ въ интересахъ общественнаго порядка и правосудія—казіи или біи—это было очень трудно рѣшить, но казіямъ, дѣйствовавшимъ исключительно въ крупныхъ пунктахъ осѣдлаго населенія, было гораздо легче обуздывать нарушителей порядка, чѣмъ біямъ держать въ повиновеніи подвѣдомственное имъ подвижное, кочевое населеніе, разбросанное на пространствѣ тысячь квадратныхъ верстъ. Притомъ же казіи, въ силу еще ханскихъ традицій, относились къ преступникамъ съ большею строгостью нежели біи и, иногда, безъ милосердія, карали преступниковъ и особенно разные виды нарушеній правъ чужой собственности. Также они часто пользовались правомъ ссылать въ Сибирь порочныхъ членовъ общества и за три года было 34 случая такой ссылки (въ Сыръ-Дарьинской области 5 человѣкъ, Ферганской—27, Зарявшанскомъ округѣ—2) [1]). Киргизскіе же біи, не знавшіе никогда ни наказаній тюремнымъ заключеніемъ, ни ссылокъ, все сводили, по обычаю, на гражданскую почву и, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, оканчивали разсчеты сдѣлками на деньги или на скотъ (кунъ).

Такъ давно поджидавшая судебнаго преобразованія края русская власть не считала, однако, возможнымъ оставаться спокойной блюстительницей соблюденія народныхъ обычаевъ и, по мѣрѣ

---

[1]) Число совершаемыхъ въ народныхъ судахъ гражданскихъ сдѣлокъ и документовъ постоянно увеличивалось: за 3 года совершено и засвидѣтельствовано документовъ на 2.931.255 р. (среднимъ числомъ въ годъ на 977,085 р.).

силъ и усердія, дѣлала, въ судебномъ механизмѣ, свои исправленія и дополненія. Въ средѣ администраціи были лица такъ глубоко убѣжденныя въ негодности всего института киргизскаго народнаго суда, что они предлагали, хоть только для опыта, оставить безъ всякаго исправленія ненормальности народнаго правосудія и полагали, что въ результатѣ такого опыта получится, что сами туземцы станутъ, волей-неволей, обращаться къ русскому суду. Особенно указывали на несостоятельность системы выборовъ народныхъ судей. Также всѣ дружно требовали упраздненія одного кореннаго обычая суда по адату, это—дѣлать взысканія (куна) съ родственниковъ обвиняемаго до 7 колѣна включительно. Огромное большинство мѣстныхъ администраторовъ всегда находило, что этотъ несправедливый обычай имѣетъ растлѣвающее вліяніе, но были и такіе, которые доказывали, что этотъ обычай превосходенъ, что онъ „*замѣняетъ въ степи полицейскія мѣры предупрежденія и пресѣченія и побуждаетъ благонадежныхъ людей, изъ чувства самосохраненія и ради соблюденія своихъ интересовъ, наблюдать за порочными членами общества*“.

Существенный вопросъ—вопросъ о надзорѣ за народными судьями (казійскими и бійскими) представлялся, на практикѣ, совершенно неразрѣшимымъ. Всѣ признавали рѣшительно невозможнымъ контроль судебныхъ рѣшеній по существу, потому, что такой контроль требовалъ, не только знакомства съ языкомъ и съ мельчайшими подробностями народной жизни, но и основательнаго знанія, такъ называемаго, мусульманскаго права и киргизскаго адата. Кодифицировать народные обычаи киргизовъ считалось и крайне труднымъ и неудобнымъ въ политическомъ отношеніи, и всѣ попытки установить хоть какой либо надзоръ за народными судьями должны были свестись, въ концѣ концевъ, къ предоставленію администраціи слѣдить за веденіемъ книгъ въ народныхъ судахъ, да наблюдать за ненарушеніемъ судьями предѣловъ вѣдомства и власти. Къ сему присовокуплялось всѣми администраторами желаніе, чтобы въ народные судьи избирались лучшіе люди, но когда коснулись практическаго осуществленія этаго желанія, то оказалось, что при выборѣ въ судьи царитъ система подкупа и взятокъ и, слѣдовательно, въ судьи попадаютъ отнюдь не лучшіе люди; когда же, затѣмъ, поставленъ былъ на рѣшеніе вопросъ—не принять ли администраціи на свою отвѣтственность назначеніе судей и не заняться ли самой отысканіемъ этихъ лучшихъ лю-

дей, то на это не рискнули, дабы произвольно не отнимать у народа дарованнаго ему права выборовъ, но, въ особенности, опасались, въ случаѣ неудачныхъ назначеній, возбудить справедливое неудовольствіе населенія. Такимъ образомъ желаніе завербовать въ народные судьи лучшихъ людей оказалось вполнѣ платоническимъ.

Пока ожидалось столь замедлившееся преобразованіе судовъ въ краѣ, мѣстное начальство было особенно озабочено двумя категоріями дѣлъ, подсудныхъ, не смотря на всю ихъ важность, народному суду. Это именно были дѣла объ убійствахъ между киргизами и дѣла объ особенномъ видѣ открытаго грабежа, цѣлыми вооруженными партіями, именуемомъ по мѣстному „барантой". Дѣла объ убійствахъ рѣшались у киргизъ, какъ извѣстно, исключительно на основаніи очистительной присяги, а такъ какъ присяга, съ потрясеніемъ всего патріархальнаго строя жизни у киргизъ, все больше и больше теряла свое значеніе, и въ послѣдніе годы уже довольно легко было найти охотниковъ принять ложную присягу [1]), а баранта была ничто иное какъ явный грабежъ, хотя нерѣдко совершаемый ради сведенія счетовъ за подобный же грабежъ, то начальство всегда плохо мирилось съ тѣмъ, что такія, несомнѣнно важныя, дѣла подлежали компетенціи народныхъ судей и, періодически, возбуждало вопросъ объ измѣненіи подсудности этихъ крупныхъ преступленій.

Усердные сторонники сохраненія народнаго суда, однако, нисколько не желали замѣчать всѣхъ этихъ несообразностей. Они горой стояли за неприкосновенность этихъ судовъ и, даже, нисколько не смущались тѣмъ, что сами туземцы массами жаловались на своихъ избранниковъ, обвиняя ихъ въ корысти, несправедливости и неправосудіи. Сторонники сохраненія народныхъ судовъ объясняли эти жалобы „*естественнымъ желаніемъ добиться перевершенія дѣла*".

Хотя желаніе добиться перевершенія дѣла довольно естественно въ каждомъ обвиняемомъ, а также и въ каждомъ сознающемъ свои интересы нарушенными, но здѣсь возможенъ такой вопросъ:

---

[1]) Въ 1880 г. біи въ Ауліэатинскомъ уѣздѣ осудили, на основаніи присяги, за убійство человѣка, котораго сами обвинители скрыли въ Наманганскомъ уѣздѣ Въ другомъ случаѣ человѣкъ, признанный, на основаніи присяги, убитымъ, оказался умершимъ отъ болѣзни.

какъ могли возникнуть и развиться такія желанія въ туземномъ населеніи Туркестанскаго края, когда въ самыя основы устройства народныхъ судовъ положенъ былъ тотъ главный принципъ, что рѣшенія народныхъ судовъ никакому перевершенію именно русской власти не подлежатъ?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ вся исторія административнаго управленія краемъ за тотъ долгій періодъ, когда край обходился безъ всякаго спеціальнаго закона или Положенія объ его управленіи. Это Положеніе введено только съ 1887 года и, слѣдовательно, двадцать лѣтъ административный и судебный механизмъ находился въ безконтрольномъ распоряженіи главной власти и второстепенныхъ ея исполнителей.

Эта извѣстная въ исторіи края, такъ называемая *героическая эпоха*, эпоха циркуляровъ и усмотрѣній, когда случайно и частично примѣнялись и приспособлялись къ мѣстнымъ условіямъ разные законы, дѣйствовавшіе во внутренней Имперіи, породила въ судебной практикѣ, требующей особенной устойчивости, такія напримѣръ, аномаліи, что сама администрація не только не защищала основъ дарованнаго населенію, какъ особую милость, народнаго суда, но даже съ особенною охотою пошла на встрѣчу *естественнымъ желаніямъ туземцевъ добиваться перевершенія дѣлъ*, неподлежащихъ никакому перевершенію, и создала такую смуту въ понятіяхъ, что недовольство туземцевъ ихъ судомъ нельзя было отличить отъ ихъ желанія только добиться перевершенія дѣлъ, хотя уже самое желаніе это ясно говорило, что правосудіе ихъ не удовлетворяло.

Нижеслѣдующій, далеко не полный перечень циркулярныхъ и иныхъ распоряженій главной власти края, освѣтитъ болѣе рельефнымъ образомъ порядки, господствовавшіе въ эту долгую героическую эпоху административнаго управленія. Не соблюдая хронологическаго порядка, укажемъ только на особенно выдающіяся распоряженія.

1) 1 мая 1881 г. по приказанію генералъ-губернатора, было введено въ краѣ нотаріальное положеніе 1866 г., не смотря на то, что ни военный министръ, ни министръ юстиціи не только не изъявили на то своего согласія, но даже протестовали противъ этаго и не нашли возможнымъ объявить это распоряженіе во всеобщее свѣдѣніе. Въ Ташкентѣ была открыта контора младшаго нотаріуса, въ остальныхъ пунктахъ обязанности нотаріусовъ были

возложены на судей, а старшими нотаріусами сдѣланы начальники судныхъ отдѣленій областныхъ правленій. Несмотря на то, что въ краѣ вовсе не были введены судебные уставы, а слѣдовательно, не могло примѣняться и нотаріальное положеніе; несмотря на то, что начальники судныхъ отдѣленій были только административные чиновники и на дѣйствія ихъ даже не кому было жаловаться, кромѣ областнаго правленія, въ составѣ котораго они считались членами коллегіи; несмотря на несогласіе министровъ и, однимъ словомъ, не взирая ни на что—нотаріальное положеніе было все таки введено и дѣйствовало шесть лѣтъ.

2) 27 января 1880 г., циркуляромъ генералъ-губернатора за № 585, отмѣнена сила статей 2052 и 2054 т. X ч. I зак. гражд. и 409 ст. уст. гражд. суд. Судьямъ было предоставлено право принимать свидѣтельскія показанія, вмѣсто документовъ, при разсмотрѣніи денежныхъ претензій и, тѣмъ же путемъ, доказывать исполненіе по долговымъ обязательствамъ.

3) Приказомъ 30 іюля 1868 г. за № 50, властью генералъ-губернатора, изъяты изъ юрисдикціи уѣздныхъ судей военные губернаторы, ихъ помощники, начальники отдѣловъ военно-окружнаго управленія, правитель канцеляріи генералъ-губернатора и начальники уѣздовъ. Всѣ жалобы на этихъ лицъ, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, предписано разрѣшать административнымъ порядкомъ и, такимъ образомъ, въ явное нарушеніе судебныхъ уставовъ, данныхъ уѣзднымъ судьямъ въ руководство, мѣра эта ставила всѣхъ поименованныхъ должностныхъ лицъ внѣ закона, принуждая населеніе отдавать на разрѣшеніе администраціи даже споры о правѣ гражданскомъ (ст. 1 уст. гражд. суд.).

4) Циркуляромъ 29 февраля 1880 г. (№ 1244) генералъ-губернаторъ предоставилъ военнымъ губернаторамъ право дѣлать выговоры и замѣчанія судебнымъ слѣдователямъ и уѣзднымъ судьямъ за упущенія по службѣ, что прямо противорѣчило ст. 1780 т. II общ. губ. учрежд.

5) Въ январѣ 1877 года, на одномъ изъ поданныхъ генералъ-губернатору прошеній объ отмѣнѣ рѣшенія біевъ, послѣдовала резолюція: объявить адвокату, писавшему это прошеніе, что если онъ будетъ заниматься сочиненіемъ жалобъ для туземцевъ, онъ будетъ высланъ изъ края какъ вредный человѣкъ, и, такимъ образомъ, русскій гражданинъ былъ, административною властью, ограниченъ въ правахъ состоянія.

6) Циркуляромъ 9 февраля 1879 года (№ 1178) предписано, „чтобы за подачу туземцами жалобъ, хотя бы и неправильныхъ, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какими предлогами не было налагаемо взысканіе съ подателя“, но 25 февраля 1882 года (циркуляръ № 1570) поставлено всѣмъ должностнымъ лицамъ въ обязанность вовсе не принимать прошеній, не подписанныхъ сочинителями, а послѣднихъ приказано, за неподписаніе своего имени, привлекать къ отвѣтственности, вмѣстѣ съ просителями, на основаніи ст. 29 уст. о нак., налаг. мир. суд.

7) 18 февраля 1880 г., по докладу своей канцеляріи, генералъ-губернаторъ, по случаю 25-ти лѣтія царствованія покойнаго Императора, приказалъ: 1) освободить изъ тюремъ 213 человѣкъ уже осужденныхъ (преимущественно за кражи); 2) прекратить 93 уголовныхъ дѣла и 3) сократить 39 лицамъ, осужденнымъ въ арестантскія роты, сроки заключенія.

Этотъ актъ помилованія, совершенный властью генералъ-губернатора, былъ названъ въ докладѣ канцеляріи *„особеннымъ закономъ, ограничивающимъ дѣйствіе закона общаго“*.

8) Предписаніемъ 21 декабря 1877 г. (№ 8153) сообщено военнымъ губернаторамъ, что хотя начальники уѣздовъ, на основаніи § 60 Проекта, имѣютъ право задерживать при полиціи „частныхъ лицъ только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, но, принимая въ соображеніе исключительное положеніе Туркестанскаго края, и имѣя въ виду, что туземцы уже привыкли къ жестокимъ карательнымъ мѣрамъ и не въ состояніи представить себѣ власть, не облеченную правомъ непосредственно карать виновнаго“, признается необходимымъ возвысить значеніе уѣздныхъ начальниковъ въ глазахъ туземцевъ, а потому имъ предоставляется право, за неисполненіе ихъ законныхъ распоряженій, всѣхъ пребывающихъ въ уѣздѣ лицъ (кромѣ русскихъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и служащихъ) подвергать аресту не свыше семи дней и денежному взысканію до 15 рублей.

9) Въ 1878 году генералъ-губернаторъ циркуляромъ объявилъ, что принимаетъ на себя обязанность кассаціоннаго суда. Поводомъ къ этому послужило дѣло Капустина съ Пиръ-Магометомъ о поставкѣ козловыхъ шкурокъ на 1500 руб. Судья удовлетворилъ искъ Капустина, но мировой съѣздъ (областное правленіе) отмѣнилъ это рѣшеніе. Дѣло на этомъ должно было окончиться, такъ

какъ никакихъ жалобъ на съѣзды не было установлено, но въ дѣло, почему то, вступился военный губернаторъ (вопреки всѣхъ законовъ), и нашелъ правильнымъ рѣшеніе судьи, а не съѣзда, о чѣмъ сдѣлалъ личный докладъ генералъ-губернатору, который, раздѣливъ взглядъ этой неожиданной инстанціи, отмѣнилъ своей резолюціей рѣшеніе съѣзда и, кромѣ того, *„за неправильное рѣшеніе дѣла“* объявилъ областному правленію выговоръ.

Съ этого времени собственно и началась кассаціонная практика канцеляріи генералъ-губернатора. Ни военный министръ, ни министръ юстиціи не изъявили однако на это согласія. Сенатъ, особымъ указомъ (30 ноября 1881 г.) еще разъ счелъ даже нужнымъ подтвердить, что рѣшенія областныхъ правленій (въ качествѣ съѣздовъ) никакому обжалованію не подлежатъ, а министръ юстиціи, сверхъ того, находилъ совершенно несоотвѣтственнымъ возлагать на такое учрежденіе, какъ канцелярія генералъ-губернатора, разрѣшеніе кассаціонныхъ вопросовъ, но, несмотря на все это, принятая мѣра все таки оставлена въ силѣ „въ виду того, что она уже объявлена циркуляромъ“. Кассаціонныхъ рѣшеній состоялось, впрочемъ, въ канцеляріи не особенно много, именно всего за четыре года ихъ было 71 (1879—10, 1880—26, 1881—28, 1882—7). Но при этомъ интересно замѣтить, что кассируя рѣшенія съѣздовъ, генералъ-губернаторъ самъ же назначалъ и составъ суда для вторичнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Составъ этотъ бывалъ, подчасъ, самый фантастическій. Такъ, по одному дѣлу предсѣдательствовалъ исправляющій должность судьи Кураминскаго уѣзда, а съ нимъ засѣдали исправляющій должность судебнаго слѣдователя гор. Ташкента и одинъ изъ состоящихъ въ распоряженіи генералъ-губернатора чиновниковъ. Кассаціонная дѣятельность канцеляріи была прекращена генераломъ Черняевымъ.

10) 17 февраля 1877 г. (циркуляръ № 1507) генералъ-губернаторъ „предоставилъ“ военнымъ губернаторамъ право отмѣнять и измѣнять, по своему усмотрѣнію, всѣ приговоры народныхъ судовъ, по которымъ опредѣлялось наказаніе свыше трехъ мѣсяцевъ ареста. Предоставивъ такое право губернаторамъ, самъ главный начальникъ края, лично, также широко практиковалъ отмѣну и измѣненіе всякаго рода приговоровъ, не взирая на то, что Проектъ (§§ 201, 232) не допускалъ ничего подобнаго. Русская администрація и прежде не всегда относилась съ должнымъ спокойствіемъ и уваженіемъ къ народному суду, но послѣ изданія этого цирку-

ляра началось самое прискорбное вмѣшательство администраціи въ судьбы народнаго правосудія. Отмѣнялись и измѣнялись и единоличныя рѣшенія судей и окончательныя рѣшенія ихъ съѣздовъ. Отмѣненныя рѣшенія или передавались, губернаторами, на разсмотрѣніе другихъ съѣздовъ, или, просто, заканчивались въ кассаціонномъ отдѣленіи канцеляріи генералъ-губернатора. Никакихъ правилъ на эти случаи установлено не было и все зависѣло исключительно отъ усмотрѣнія губернаторовъ или доклада кассаціонныхъ чиновниковъ. Самая идея неприкосновенности судебныхъ рѣшеній безслѣдно исчезла и, на благодарной почвѣ канцелярскаго произвола, разцвѣла роскошнымъ цвѣтомъ ябеда и кляуза. Не менѣе трети обвинительныхъ приговоровъ народнаго суда подвергались ломкѣ; значеніе этого суда умалилось до послѣдней степени и самостоятельность его была совершенно упразднена. Одинъ ферганскій губернаторъ въ теченіи трехъ лѣтъ измѣнилъ или отмѣнилъ изъ 141 приговоровъ 39, т. е. 28%, причемъ были случаи, что имъ освобождались отъ присужденнаго судомъ наказанія люди, которые, даже на основаніи общественнаго мнѣнія, именовались въ приговорахъ „истинными ворами, мошенниками и вообще дурными людьми". Такъ напр., изъ 27 лицъ, приговоренныхъ ферганскими казіями къ ссылкѣ въ Сибирь, мѣра эта утверждена губернаторомъ только относительно трехъ, а остальные отдѣлались кратковременнымъ арестомъ, по назначенію начальника губерніи. Пяти туземцамъ, приговореннымъ въ Сибирь за изнасилованіе сартянки Наръ-Нисы, ссылка замѣнена, также по усмотрѣнію губернатора (на основаніи предоставленнаго ему циркуляромъ за № 150 права), семимѣсячнымъ арестомъ. Бухарскій сартъ Шарифъ, приговоренный маргеланскими казіями къ ссылкѣ за оскорбленіе мусульманской религіи, былъ даже совершенно освобожденъ губернаторомъ отъ наказанія и, притомъ, только на томъ основаніи, что такое преступленіе по русскимъ законамъ ненаказуемо и т. д. и т. д.

Доказывать растлѣвающее вліяніе подобныхъ судебныхъ порядковъ едва ли требуется, но туркестанская администрація очевидно этого не понимала и являлась первой и сугубой нарушительницей законовъ. Она не только никогда не сомнѣвалась въ возможности обойтись собственными силами въ сложномъ дѣлѣ управленія инородческимъ населеніемъ въ два съ половиною милліона душъ, но съ величайшимъ самомнѣніемъ вѣровала, что она

прекрасно справится со всѣми мѣстными вопросами, не исключая вопроса о наилучшей постановкѣ правосудія. Какъ она справилась съ этимъ послѣднимъ вопросомъ видно изъ этого краткаго очерка.

Всѣ достоинства, всѣ дѣйствительно хорошія стороны народнаго суда: простота, доступность, понятность для народа, отсутствіе формальностей, быстрота, подвижность и сведеніе большинства счетовъ къ имущественной отвѣтственности, все это стушевалось подъ давленіемъ административнаго произвола и, поощренная самими властями, кляуза и ябеда глубоко проникла и водворилась въ патріархальномъ быту туземца. Къ этому присоединилось, во первыхъ, подкупность судей, безконтрольность ихъ рѣшеній, произволъ туземной администраціи, безнаказанность многихъ преступленій и, присущая азіату, наклонность къ лжесвидѣтельству, а во вторыхъ, полная для русской власти неизвѣстность самыхъ основъ той, частью древне-мусульманской, частью патріархально-киргизской, юриспруденціи, которой были ввѣрены интересы милліоновъ людей.

Дѣйствовавшій тутъ же, на ряду съ народнымъ судомъ, судъ русскій, съ его подсудностью мирныхъ гражданъ военному суду, съ его скверными слѣдствіями, диллетантами-прокурорами и судьями изъ административнаго персонала, все это довершало картину ненормальной постановки правосудія въ Туркестанскомъ краѣ. Искупались ли всѣ эти грѣхи судебной организаціи единственнымъ и то отрицательнымъ ея достоинствомъ—дешевизною для казны—на это отвѣтить не трудно.

Понятно, что новый судъ ожидался съ законнымъ и легко объяснимымъ нетерпѣніемъ и многими надеждами.

Насколько надежды эти осуществились видно будетъ ниже.

Реформа 12 іюня, прежде всего, осталась при прежнемъ дѣленіи суда на народный и русскій, но въ организаціи какъ того, такъ и другаго суда сдѣланы слѣдующія главнѣйшія преобразованія:

а) Категорія уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ прежде (по Проекту 1867 г.) народному суду, сокращена и, соотвѣтственно, увеличена категорія дѣлъ, подсудныхъ суду русскому; б) „уѣздные“ судьи переименованы въ „мировыхъ“ (не выборныхъ), но кругъ ихъ дѣя-

тельности остался тотъ же какъ и прежде, съ прибавленіемъ дѣлъ вексельныхъ [1]), опекунскихъ, нѣкоторыхъ нотаріальныхъ и всѣхъ тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя изъяты Положеніемъ 12 іюня изъ вѣдѣнія народныхъ судовъ, но по которымъ обвиняемымъ не грозитъ ни лишеніе, ни ограниченіе правъ состоянія; в) съ областныхъ правленій, дѣйствовавшихъ до 1 января 1887 года въ качествѣ судебныхъ учрежденій, сложены обязанности судовъ и учреждены, въ каждой области, областные суды въ качествѣ судовъ коммерческихъ, соединенныхъ палатъ и съѣздовъ мировыхъ судей; г) военно-судныя коммисіи окончательно закрыты и рѣшеніе всѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ обвиняемымъ грозитъ лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, передано въ областные суды; д) введенъ прокурорскій надзоръ на тѣхъ началахъ, на какихъ онъ существуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствуютъ судебныя учрежденія прежняго устройства.

Кромѣ того Положеніе 12 іюня: 1) упразднило существовавшую въ краѣ нотаріальную часть, на началахъ нотаріальнаго положенія введенную распоряженіемъ генералъ губернатора; 2) упразднило существовавшія немногія должности судебныхъ приставовъ, также учрежденныя властью генералъ-губернатора; 3) установило подсудность уголовныхъ дѣлъ между туземцами разныхъ національностей не русскому суду, какъ это было до 1 января 1887 года, а суду народному; 4) преподало мировымъ судьямъ и областнымъ судамъ (какъ съѣзду мировыхъ судей) правила, во многихъ случаяхъ существенно не согласныя съ судебными уставами, и 5) ввело судебныя пошлины и сборъ съ бумаги по дѣламъ мироваго разбирательства.

Затѣмъ, Положеніемъ 12 іюня, окончательно даровано краю общее гражданское устройство, съ нѣкоторыми, незначительными, отступленіями отъ порядковъ, дѣйствующихъ въ прочихъ частяхъ имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ край оставленъ въ вѣдѣніи военнаго министерства. Части учебная, таможенная, контрольная, судебная, финансовая и почтово-телеграфная подчинены, по принадлежности, своимъ министерствамъ.

Этотъ, въ настоящее время, уже не единственный примѣръ [2]) подчиненія военному министерству учрежденій и лицъ цѣлаго

---

[1]) Прежде состоявшихъ въ вѣдѣніи полиціи.

[2]) Области войска Донскаго, Кубанская и Терская.

края, дѣйствующихъ на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, представляется все таки исключительнымъ.

Какія именно причины вызвали такую организацію административныхъ учрежденій края, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвали и обремененіе военнаго министерства заботами объ устройствѣ гражданскихъ порядковъ обширной среднеазіатской окраины, мы не имѣемъ свѣдѣній, но замѣтимъ лишь, что съ возложеніемъ на военное министерство заботъ по гражданскому управленію Туркестаномъ, положеніе этого министерства представляется болѣе чѣмъ гдѣ либо затруднительнымъ, потому что одновременно съ окончательнымъ оставленіемъ края въ вѣдѣніи министерства, только впервые организуется въ краѣ поземельно-податное устройство, вводится городовое хозяйство, опредѣляются права состоянія населенія, приводятся въ извѣстность и берутся въ завѣдываніе государственныя земли и имущества и, вообще, впервые даруется краю правильное гражданское устройство.

Съ одной стороны является какъ бы очевиднымъ, что край считается совершенно умиротвореннымъ, если къ нему примѣнено общее гражданское устройство имперіи, и повидимому, даже нисколько не опасаются взрыва мусульманскаго фанатизма, если дѣйствовавшее доселѣ полувоенное управленіе прекращается и окончательно узаконяется гражданская организація страны, хотя бы и оставляемая въ вѣдѣніи военнаго министерства. Съ другой стороны нельзя, намъ кажется, сдѣлать и того предположенія, что въ данномъ случаѣ производится какой либо *опытъ* управленія народомъ посредствомъ военнаго министерства, но на основаніи гражданскихъ законовъ, такъ какъ Положеніе вводится не въ видѣ опыта, а окончательно и, притомъ, военное министерство слишкомъ обременено своими чисто военными задачами, чтобы еще заниматься подобными опытами, и потому истинная причина такой организаціи управленія Туркестана остается неизвѣстной [1]).

Обращаясь къ самому существу состоявшагося въ краѣ преобразованія русскаго суда отмѣтимъ, прежде всего, его главныя отличія отъ общаго судебнаго порядка.

---

[1]) Въ объяснительной запискѣ государственнаго совѣта къ положенію сказано, что такое устройство предпочитается въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находится край, а также потому, что населеніе привыкло подчиняться распоряженіямъ лицъ, облеченныхъ въ военные мундиры. Государственный совѣтъ признаетъ однако, такое устройство ненормальнымъ.

Эти главныя отличія состоятъ въ слѣдующемъ: судебные уставы Императора Александра II не введены, исключая устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, а также нѣкоторыхъ статей уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ и именно тѣхъ, которыя касаются процессуальныхъ порядковъ въ мировыхъ учрежденіяхъ и областныхъ судахъ, какъ то: порядка принятія прошеній и апелляціонныхъ жалобъ, оцѣнки показаній свидѣтелей и обыскныхъ людей (256—258, 260—270, 745—747, 755, 756, 409—411, 437 уст. гражд. судопр.).

Вмѣсто общихъ судебныхъ учрежденій (по уставамъ) введены, по типу судовъ прежняго устройства, областные суды, съ правами и обязанностями бывшихъ соединенныхъ палатъ, но съ прибавленіемъ еще и обязанностей съѣздовъ мировыхъ судей [1]).

Какъ учрежденіямъ, совмѣщающимъ въ себѣ суды стараго и новаго устройства, областнымъ судамъ преподаны въ руководство частью судебные уставы, частью правила, коими руководствуются суды прежняго устройства.

Такое совмѣщеніе порядковъ старыхъ съ новыми, введеніе, одновременно, процессуальныхъ правилъ и по судебнымъ уставамъ и по томамъ десятому и пятнадцатому, да притомъ еще съ отступленіями какъ отъ судебныхъ уставовъ, такъ и старыхъ процессуальныхъ порядковъ, представляетъ, сколько извѣстно, единственный примѣръ въ Россіи, ибо донынѣ вводились или судебные уставы, или судебные уставы съ изъятіями (напр. Кавказъ), или вводились одни мировыя учрежденія, отдѣльно отъ общихъ, или, наконецъ, оставлялись полностью старыя учрежденія или, какъ сказано въ законѣ, „суды прежняго устройства".

Положеніемъ 12 іюня введена, въ среднеазіатскихъ владѣніяхъ Россіи, еще одна разновидность судебнаго порядка, а именно: введены и судебные уставы съ изъятіями и вновь введены суды стараго устройства, также съ отступленіями отъ своего первоначальнаго типа.

Не будемъ утверждать, но можемъ догадываться, что по всѣмъ вѣроятіямъ истинной причиной введенія въ Туркестанскомъ краѣ такихъ, а не иныхъ судебныхъ порядковъ, послужили отчасти соображенія экономическія, отчасти такъ называемыя мѣстныя усло-

---

[1]) Обязанности коммерческихъ судовъ входили также въ предметъ вѣдомства соединенныхъ палатъ.

вія. Этими мѣстными условіями представляющимися, какъ извѣстно, съ мѣстныхъ точекъ зрѣнія, всегда болѣе или менѣе исключительными, всегда болѣе или менѣе оправдываются всякія отступленія отъ общихъ законовъ, порядковъ и нормъ. Замѣтимъ однако, что съ какихъ бы мѣстныхъ точекъ зрѣнія ни смотрѣть на дѣло правосудія, трудно представить себѣ такія исключительныя мѣстныя условія, которыя оправдывали бы введеніе судебныхъ порядковъ, повсюду отмѣняемыхъ или измѣняемыхъ и признанныхъ, еще 25 лѣтъ назадъ, несовершенными и невозможными къ дальнѣйшему существованію.

Такъ или иначе, но необходимо отмѣтить фактъ, что старые порядки, почти повсемѣстно упраздненные, и остающіеся еще въ немногихъ мѣстностяхъ, отъ которыхъ эти мѣстности ожидаютъ очереди избавиться и получить судебные уставы, введены опять въ Туркестанскомъ краѣ.

Если затѣмъ поставить вопросъ: можетъ ли считаться вообще шагомъ впередъ и можетъ ли признаваться улучшеніемъ, по сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, это новое устройство судной части, то было бы крайне затруднительно отвѣтить на этотъ вопросъ болѣе или менѣе рѣшительнымъ да или нѣтъ, и изъ нижеизложеннаго можно убѣдиться, что самый правильный отвѣтъ на предложенный вопросъ будетъ ни да, ни нѣтъ.

Говоря вообще, новая судебная организація Туркестанскаго края составляетъ довольно точный снимокъ съ кавказскихъ судебныхъ порядковъ. Та же смѣсь учрежденій мировыхъ съ общими, тѣ же неопредѣленныя должности въ родѣ помощниковъ мировыхъ судей, такая же бѣдность личнаго состава и, къ сожалѣнію, такая же бѣдная и неудовлетворительная постановка слѣдственной части.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что по сравненіи съ прежде дѣйствовавшими здѣсь порядками, все таки введены, особенно въ отношеніи судоустройства, довольно существенныя измѣненія, долженствующія несомнѣнно улучшить, въ общемъ, положеніе въ краѣ судебной части; что же касается до части судопроизводственной, то хотя и въ этомъ отношеніи сдѣланы нѣкоторыя улучшенія, но они теряютъ часть своихъ достоинствъ въ виду допущенныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно многихъ нововведеній, едва ли достаточно оправдываемыхъ какими бы то ни было обстоятельствами, и, въ особенности, мѣстными условіями, хотя нельзя сомнѣваться,

что всѣ эти нововведенія сдѣланы именно во имя этихъ мѣстныхъ условій.

Собственно къ улучшеніямъ по русскому судоустройству нужно отнести: 1) введеніе трехъ судовъ вмѣсто существовавшихъ, на весь громадный Туркестанскій край, двухъ; 2) передача уголовныхъ дѣлъ на рѣшеніе правильно организованныхъ судовъ вмѣсто военно-судныхъ коммисій, являющихся повсюду, съ своимъ допотопнымъ устройствомъ, какимъ то анахронизмомъ; 3) нѣкоторое уменьшеніе компетенціи народныхъ судовъ, что вообще придало правосудію нѣсколько большую устойчивость; 4) отдѣленіе суда отъ администраціи; 5) учрежденіе прокурорскаго надзора; 6) улучшеніе надзора за дѣйствіями судовъ первой степени (т. е. мировыхъ); 7) нѣкоторое улучшеніе въ положеніи слѣдственной части; 8) распространеніе компетенціи мировыхъ учрежденій на всѣ сословія (140 ст. полож.).

Напротивъ, отнюдь не могутъ считаться направленными къ улучшенію, а частью даже содѣйствуютъ къ ухудшенію постановки русскаго суда такія мѣры, какъ напримѣръ: а) уничтоженіе нотаріальной части и возвращенія къ старому порядку совершенія крѣпостныхъ актовъ; б) уничтоженіе уже существовавшихъ, хотя и не вездѣ, судебныхъ приставовъ и повсемѣстная передача исполненія судебныхъ рѣшеній въ руки полиціи, причемъ исполненіе рѣшеній по мировымъ дѣламъ установлено на основаніи ст. 518—524 т. X ч. 2; в) введеніе института только частныхъ, а не присяжныхъ повѣренныхъ; г) неудовлетворительная постановка мѣстныхъ слѣдователей въ служебномъ и матеріальномъ отношеніи, что лишаетъ возможности привлекать на эти мѣста людей солидныхъ и знающихъ; д) совершенное недопущеніе кассаціонныхъ жалобъ по дѣламъ гражданскимъ мироваго разбирательства и такое сокращеніе кассаціонныхъ поводовъ по дѣламъ уголовнымъ, какое равняется полному лишенію сторонъ права кассаціи, и е) допущеніе вмѣшательства прокуратуры съ протестами по всѣмъ дѣламъ мироваго разбирательства (ст. 149).

Таковы существенныя измѣненія въ устройствѣ русскаго суда.

Въ организаціи народнаго суда Положеніе 12 іюня, прежде всего, упразднило названіе біевъ и казіевъ, наименовавъ тѣхъ и другихъ общимъ именемъ „народныхъ судей“. Противъ такого переименованія, конечно, спорить нечего и оно даже имѣетъ свою хорошую сторону, не узаконяя нерусскихъ наименованій судеб-

ныхъ должностей и заставляя населеніе постепенно забывать ихъ прежній судебный строй. Но съ упраздненіемъ мѣстныхъ названій нельзя было упразднить существующее коренное различіе двухъ видовъ народнаго правосудія: шаріатскаго—по корану и адатнаго—по обычаю. Положеніе 12 іюня, однако, сдѣлало довольно рѣшительную попытку сдѣлать это упраздненіе. Оно упустило изъ виду коренное различіе бійскаго и казійскаго суда и ввело, непримѣнимый на практикѣ, порядокъ, а именно: опредѣленіе подсудности дѣлъ не по національностямъ спорящихъ и тяжущихся (киргизскій судъ или сартовскій), какъ было прежде, а какъ бы не признавая различія національностей, установило одно общее правило о подсудности для всѣхъ туземцевъ. По статьѣ 212 Положенія 12 іюня уголовныя дѣла туземцевъ вѣдаются по мѣсту совершенія преступленія, а дѣла гражданскія—по мѣсту жительства отвѣтчика, независимо отъ того, къ какой національности принадлежатъ спорящіе или тяжущіеся. Простота и ясность сего опредѣленія не составляетъ однако его достоинства, такъ какъ суды—сартовскій и киргизскій—настолько существенно различны между собою и начала того и другаго исходятъ изъ столь несходныхъ основаній, что практически правило, изложенное въ ст. 212 Положенія, вмѣсто простоты, создало большую путаницу.

Это правило приводитъ, напр., къ такимъ результатамъ: а) если мѣсто происшествія или преступленія находится въ раіонѣ бійскаго суда (по обычаю), то два сарта, совершившіе это преступленіе, подлежатъ вѣдѣнію этого суда, между тѣмъ какъ сарты не признаютъ суда по обычаю и знаютъ судъ по шаріату; б) если дѣло происходитъ между сартомъ и киргизомъ (уголовное), то, въ виду кореннаго правила о подсудности по мѣсту совершенія преступленія, придется или сарту судиться у біевъ или киргизу—у казіевъ, что также противорѣчитъ основнымъ положеніямъ о различіи двухъ существующихъ народныхъ судовъ.

Это постановленіе есть первая ошибка новаго Положенія и хотя уже обнаружившаяся практически несостоятельность этого постановленія вызвала много разъясненій, порядочно затемнившихъ дѣло, но можно надѣяться, что это, конечно временное, неудобство будетъ устранено.

Гораздо болѣе серьезной ошибкой слѣдуетъ, по мнѣнію нашему, считать непомѣрно обширную юрисдикцію народныхъ судовъ и ту, все таки, слишкомъ широкую власть, которая имъ предоставлена,

несмотря на изъятія многихъ дѣлъ изъ прежней подсудности ихъ народнымъ судамъ. Именно—эта громадная власть народныхъ судовъ и есть, по нашему мнѣнію, то великое зло, которое прежде всего надлежало бы ослабить, а для этого слѣдовало значительно и немедленно сократить подсудность дѣлъ, вѣдаемыхъ народными судами, если только нѣтъ желанія породить, во многихъ случаяхъ, вопіющую безнаказанность и воспитать народъ на шаткихъ началахъ бійскихъ и казійскихъ мудрствованій.

Чтобы покончить съ общимъ характеромъ всѣхъ реформъ по судоустройству, согласно Положенія 12 іюня, укажемъ еще нѣкоторыя нововведенія, которыя не обѣщаютъ хорошихъ результатовъ и, самое главное, не вызываются и не объясняются ни мѣстными, ни какими либо иными причинами.

Сюда слѣдуетъ отнести: 1) совершенно особенный порядокъ отмѣны приговоровъ народныхъ судовъ по протестамъ прокуроровъ (ст. 216); 2) недостаточность и даже полное отсутствіе контроля за поступленіемъ денежныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ въ народныхъ судахъ (ст. 217 и 220); 3) непонятное право, „предоставленное“ народнымъ судьямъ свидѣтельствовать и выдавать разнаго рода акты и договоры [1]) (ст. 235 и 236); 4) весьма неудовлетворительное устройство опекунской части, ввѣряемой народнымъ судьямъ почти безконтрольно (ст. 254).

Изъ перечисленныхъ выше судоустройственныхъ нововведеній, какъ по русскому, такъ и по народному суду, введеніе трехъ областныхъ судовъ, вмѣсто прежде существовавшихъ двухъ, объясняется, главнымъ образомъ, созданіемъ въ краѣ третьей области—Самаркандской, но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что учрежденіе третьяго суда, создавъ значительныя удобства собственно для жителей этой, сравнительно менѣе обширной, области, нисколько не улучшаетъ положенія, соприкасающагося съ областью, обширнаго Аму-Дарьинскаго отдѣла, подчиняющагося нынѣ, какъ и прежде, сыръ-дарьинскому суду, отъ котораго онъ отдѣленъ разстояніемъ въ 1500 верстъ, при отсутствіи правильнаго почтоваго сообщенія [2]), между тѣмъ какъ по территоріальнымъ условіямъ слѣдовало бы отдѣлу этому, въ судебномъ отношеніи, подчиняться не сыръ-дарьинскому суду, а самаркандскому.

---

[1]) Если это право истекаетъ изъ шаріата или адата, то оно уже принадлежитъ народнымъ судьямъ.

[2]) Телеграфная линія существуетъ съ 1890 г.

Затѣмъ, нѣкоторое улучшеніе надзора за мировыми судьями, введеніе прокурорскаго надзора, отдѣленіе суда отъ администраціи, нѣкоторое уменьшеніе компетенціи народнаго суда и окончательное изъятіе уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія военно-судныхъ комисій составляютъ безспорныя улучшенія, вводимыя Положеніемъ 12 іюня.

Къ сожалѣнію, въ отношеніи судопроизводственныхъ нововведеній въ Положеніи 12 іюня встрѣчаются такія, которыя никакъ не могутъ быть отнесены къ разряду улучшеній и достоинство коихъ сомнительно. Всѣ эти нововведенія, за малыми исключеніями, относятся преимущественно до дѣлъ мировой юстиціи. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе обращаютъ слѣдующія: а) допущеніе разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ безъ бытности обѣихъ сторонъ (ст. 185); б) недопущеніе отзывовъ на заочныя рѣшенія отдѣльно отъ апелляцій (ст. 149); в) возвращеніе для вторичнаго разсмотрѣнія дѣлъ тѣмъ же судьямъ, рѣшенія которыхъ отмѣнены (ст. 158); г) обязательность для областнаго суда, по дѣламъ мироваго разбирательства, вызывать къ разбору свидѣтелей только изъ ближайшихъ уѣздовъ (ст. 156); д) объявленіе неявляющимся къ слушанію дѣла сторонамъ рѣшеній посредствомъ посылки копій, съ исчисленіемъ срока на обжалованіе со дня врученія оной (ст. 181), а не со дня объявленія рѣшенія; е) признаніе кассаціоннымъ поводомъ по дѣламъ уголовнымъ только нарушеній предѣловъ вѣдомства и власти (ст. 158) и непризнаніе таковымъ поводомъ нарушеній существенныхъ обрядовъ и формъ судопроизводства и, затѣмъ, недопущеніе никакихъ кассаціонныхъ поводовъ по дѣламъ гражданскимъ [1]).

Насколько можно догадываться, главнѣйшими причинами такихъ существенныхъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ въ ихъ, такъ сказать, чистомъ видѣ и даже отъ такъ называемыхъ уставовъ съ изъятіями (какъ напр. на Кавказѣ), послужили, прежде всего, соображенія относительно обширности территоріи Туркестанскаго края, скудности личнаго состава судей и желаніе, допущенными изъ повсемѣстно дѣйствующихъ правилъ изъятіями, избѣгнуть напрасныхъ проволочекъ въ рѣшеніи дѣлъ.

---

[1]) Отмѣна этихъ рѣшеній допускается только въ случаяхъ просьбъ лицъ, не участвовавшихъ въ дѣлѣ, и въ случаѣ открытія новыхъ обстоятельствъ или подлога въ актахъ (ст. 185 пп. 2 и 3, 187, 188 уст. гражд. судопр.).

Какъ однако ни почтенны побужденія, вызвавшія эти отступленія отъ общаго порядка, нельзя не спросить—основательно ли дѣлать подобныя отступленія во имя какихъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе приведенныхъ выше соображеній, и на вопросъ этотъ слѣдуетъ отвѣтить не иначе, какъ отрицательно. Такія нововведенія, какъ напримѣръ разсмотрѣніе дѣлъ безъ бытности сторонъ, или лишеніе права подавать отзывы на заочныя рѣшенія, или предоставленіе особаго преимущества дѣламъ ближайшихъ раіоновъ по вызову свидѣтелей [1]), или вторичное разсмотрѣніе дѣлъ, по коимъ отмѣнены рѣшенія тѣми же судьями, рѣшенія которыхъ отмѣнены, или исключеніе изъ числа кассаціонныхъ поводовъ такого повода, какъ нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства [2]), не могутъ быть объяснимы и оправданы рѣшительно ничѣмъ, а тѣмъ болѣе соображеніями о разстояніяхъ, недостаткѣ личнаго состава, опасеніями проволочекъ и т. д.

Въ особенности, едва ли возможно оправдать эти нововведенія ссылкой на громадныя разстоянія Туркестанскаго края, ибо эти естественныя, такъ сказать, условія страны, вмѣсто смягченія ихъ зловреднаго характера соотвѣтственными мѣрами, какъ бы являются оправданіемъ въ допущеніи такихъ порядковъ, которые еще ухудшаютъ положеніе, вызываемое этими естественными препятствіями. Вмѣсто того, чтобы ослабить дѣйствіе этихъ естественныхъ причинъ и увеличить, напримѣръ, личный составъ судей и количество судебныхъ раіоновъ, жителямъ этой страны, какъ бы, говорятъ: такъ какъ разстоянія до центра мироваго разбирательства слишкомъ громадны, то, поэтому, вы лишаетесь права ссылаться на свидѣтелей, ибо они не могутъ быть вызваны по дальности разстоянія, а также лишаетесь права обжаловать существенныя нарушенія обрядовъ судопроизводства, ибо устройство кассаціонной инстанціи и дорого и неудобно и, наконецъ, лишаетесь

---

[1]) Практически это правило особенно несправедливо по отношенію къ незначительнымъ, по пространству, областямъ Ферганской и Самаркандской. Тамъ не было бы никакого затрудненія вызывать свидѣтелей не изъ однихъ только ближайшихъ, а изъ всѣхъ уѣздовъ, и, напротивъ, въ Сыръ-Дарьинской области вызывъ свидѣтелей изъ ближайшихъ уѣздовъ можетъ повлечь за собою передвиженіе за 300—350 верстъ, такъ какъ дальнѣйшіе уѣзды отстоятъ отъ суда на 500—1000 верстъ.

[2]) Напримѣръ, разсмотрѣніе дѣлъ безъ вызова сторонъ, безъ достаточныхъ полномочій повѣреннаго и т. д.

привилегіи судиться у судьи, неимѣющаго предвзятаго взгляда на ваше дѣло, такъ какъ другой судья слишкомъ отдаленъ отъ вашего мѣстожительства и т. д.

Полагаемъ, что всѣ такія нововведенія привѣтствовать нельзя и что уже одно дарованіе нѣкоторыхъ преимуществъ дѣламъ ближайшихъ уѣздовъ противно не только принципу суда, равнаго для всѣхъ, но и самой простой справедливости.

Многочисленныя изъятія изъ судебныхъ уставовъ, допущенныя на другой русской окраинѣ, именно на Кавказѣ, уже доказали, въ большинствѣ случаевъ, свою несостоятельность. Практика почти двадцатипятилѣтняго существованія этихъ изъятій выяснила, что они, вообще говоря, не вызываются и, слѣдовательно, не оправдываются тѣми мѣстными условіями, во имя которыхъ они сдѣланы, и что эти изъятія нисколько не способствовали лучшей постановкѣ правосудія на Кавказѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ и Туркестанскому краю придется подтвердить этотъ выводъ, а теперь можно лишь сказать, что увеличеніе числа этихъ изъятій, созданіе, кромѣ кавказскихъ изъятій, еще собственныхъ, туркестанскихъ, не оправдываются нисколько мѣстными туркестанскими условіями.

Относительно дѣлъ, подсудныхъ областнымъ судамъ, можно вообще сказать, что, по сравненію съ прежде дѣйствовавшимъ порядкомъ, дѣла гражданскія (неподлежащія мировому разбирательству) остались въ томъ же положеніи, какъ и до реформы, и все измѣненіе заключается въ примѣніи нѣсколькихъ статей о порядкѣ подачи прошеній и апеляціонныхъ жалобъ (ст. 250—258, 260—270, 745—747, 755, 756 устава гражд. судопр.) и четырехъ статей (409—411, 437 устава гражд. судопр.) объ оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, не считая, впрочемъ, того преимущества, что дѣла эти будутъ рѣшаться нѣсколько скорѣе и притомъ судьями не изъ административныхъ чиновниковъ, а лицами, спеціально приставленными къ этому дѣлу. По дѣламъ же уголовнымъ, подсуднымъ областнымъ судамъ, сдѣлано, во первыхъ, то весьма существенное улучшеніе, что устранена формальная оцѣнка доказательствъ и установлено опредѣлять силу уликъ по внутреннему убѣжденію судей, а во вторыхъ, отмѣнено оставленіе обвиняемаго въ подозрѣніи и очистительная присяга. Но эти два пункта улучшеній, какъ они ни существенны, не измѣняютъ основныхъ началъ судовъ прежняго устройства и, во всѣхъ прочихъ

отношеніяхъ, нашъ новый туркестанскій судъ остался тѣмъ же негласнымъ, бумажнымъ, келейнымъ и устарѣлымъ судомъ, какимъ онъ былъ до 1 января 1887 года.

По поводу переустройства такъ называемаго народнаго суда, необходимо также сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Мнѣніе о необходимости сохраненія народныхъ или, вѣрнѣе, инородческихъ судовъ, во всей ихъ неприкосновенности, имѣетъ многихъ убѣжденныхъ сторонниковъ.

Выше уже было не разъ указано, что многіе компетентные правители края, опытные администраторы и знатоки туземнаго быта склонялись къ убѣжденію сохранить народный судъ, но сохранить, по возможности, во всей его патріархальной чистотѣ и неприкосновенности.

„Мусульманское право", „мусульманскіе законы", шаріатъ и пр. и пр. выставлялись этими сторонниками народныхъ судовъ какъ нѣчто твердое, опредѣленное и ясное. Въ новѣйшемъ сочиненіи Ле-Бона (Цивилизація Индіи) высказано даже, „что единственная возможность экономически эксплоатировать страну, не возбуждая ропота народа—это не нарушать ихъ стараго управленія, привычекъ, вѣрованій и оставить прежнюю администрацію и судопроизводство".

Тѣмъ не менѣе, по нашему мнѣнію, самое допущеніе народнаго суда, будетъ ли это на началахъ обычая и преданія, или на началахъ религіозныхъ основъ корана, слѣдуетъ признавать не болѣе какъ за неизбѣжное зло, какъ за порядокъ временный и переходный, оправдываемый преимущественно соображеніями государственной экономіи, но порядокъ, отнюдь не могущій содѣйствовать преуспѣнію правосудія и водворенію среди туземцевъ законности и правильнаго суда [1]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что судъ для всѣхъ подданныхъ государства долженъ быть единый, основанный на законѣ, обязательномъ для всѣхъ и ни на чемъ болѣе; что судъ долженъ быть отправляемъ отъ лица Императорскаго Величества; что судъ не долженъ быть орудіемъ страстей; что онъ призванъ развивать гражданское самосознаніе; что въ правильномъ его отправленіи заинтересованы всѣ, а потому онъ долженъ быть для всѣхъ оди-

---

[1]) Экономическая эксплоатація края еще не начиналась. Край не даетъ пока средствъ даже на собственное управленіе. Понынѣ государственное казначейство ежегодно приплачиваетъ до полутора милліона руб. на содержаніе края.

наковъ, равенъ, нелицепріятенъ, доступенъ и дешевъ. Все это, конечно, нисколько не исключаетъ признанія мѣстныхъ особенностей, а также признанія значительной роли обычая въ жизни каждаго, а тѣмъ болѣе нецивилизованнаго народа.

Оправдывать устройство какихъ либо совершенно самостоятельныхъ, мѣстныхъ, инородческихъ судовъ особенностями страны, климата, религіи и обычаевъ можно лишь настолько, насколько это не противорѣчитъ общему теченію государственной жизни; дѣлать же отступленія отъ общаго закона преимущественно только ради менѣе важныхъ дѣлъ, коими, какъ извѣстно, обыкновенно и занимаются народные суды, является, кромѣ того, и непослѣдовательнымъ, ибо если уже признавать могущественное дѣйствіе мѣстныхъ условій, то, казалось бы, признавать ихъ нужно всецѣло, признавать преимущественно въ дѣлахъ важныхъ, а не только въ мелочахъ повседневной жизни.

Общепризнанный фактъ, что всякій народный судъ, лежитъ ли въ основаніи его устный или письменный обычай, прежде всего намъ извѣстенъ лишь самымъ поверхностнымъ образомъ и, насколько намъ доступна оцѣнка сего суда, онъ не только не зиждется на какихъ либо прочныхъ основахъ, но весь построенъ отнюдь не на началахъ правды и справедливости, а на началахъ произвольнаго толкованія корана или дѣдовскихъ обычаевъ, т. е. всегда на началахъ болѣе или менѣе грубаго произвола, пристрастія, кумовства, подкупа, лихоимства и всякой неправды.

Такое заключеніе и теперь и прежде находило и находитъ себѣ вѣсское подтвержденіе и въ Туркестанѣ.

Вводя, терпя или допуская народные суды, обыкновенно исходятъ изъ того положенія, что судъ долженъ согласоваться съ понятіями народа, что онъ не долженъ нарушать его религіозныхъ вѣрованій но и не заключать въ себѣ началъ, явно вредныхъ для государства, и что онъ долженъ быть простъ и понятенъ. Все это вѣрно, но однако само собою разумѣется, что всѣ эти, такъ называемыя, уступки народной жизни, должны имѣть весьма опредѣленныя границы.

Является даже болѣе серьезный вопросъ. Что такое, въ дѣйствительности, народный судъ въ Средней Азіи и заслуживаетъ ли онъ такого довѣрія русской власти, чтобы быть оставленнымъ почти на тѣхъ же основаніяхъ какимъ онъ былъ въ оныя времена ханскаго владычества и деспотизма?

Никто вѣроятно, не станетъ оспаривать, что съ древнѣйшихъ временъ и по настоящее время священные завѣты корана нерѣдко также приносились въ жертву человѣческой алчности, корыстолюбію и невѣжеству, какъ нарушались повсюду законы не столь священнаго происхожденія. Какъ бы ни были прекрасны основные принципы корана, но правосудіе всегда зависѣло не отъ этихъ принциповъ, а находилось въ рукахъ толкователей корана или толкователей мѣстнаго обычая и, благодаря этимъ толкованіямъ, а въ особенности самимъ толкователямъ, сильнѣйшій и богатый часто, слишкомъ даже часто, попиралъ слабаго и бѣднаго. Это положеніе, совершенно вѣрное по отношенію къ временамъ такъ называемаго мусульманскаго владычества,—вѣрно сугубо въ примѣненіи къ временамъ позднѣйшимъ, когда мусульманскихъ правителей уже нѣтъ, никакого контроля этихъ правителей надъ правосудіемъ не существуетъ и, по мнѣнію самихъ правовѣрныхъ сыновъ ислама, настало царство „кяфировъ", „господство невѣрныхъ".

Кто не согласится съ тѣмъ, что положеніе правосудія должно быть признаваемо одинаково печальнымъ вездѣ, гдѣ оно отправляется не независимыми, самостоятельными, проникнутыми сознаніемъ долга и справедливости, мужественными духомъ судьями, а или зависимыми бѣдняками, подавленными членами міра, или вліятельными беками-деспотами. Въ такихъ странахъ, само собою разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть желаннаго для всѣхъ равенства предъ судомъ.

Въ силу политическаго устройства средне-азіатскихъ странъ, болѣе могущественные азіатскіе владыки и деспоты поглощали владыкъ и деспотовъ менѣе могущественныхъ и гдѣ всегда преобладала сила и деспотизмъ, тамъ уже, само собою, должно было быть и дѣйствительно было—безсудье, безправіе.

Въ основѣ всей жизни тамъ лежало невѣжество, дикость, насиліе, фанатизмъ; общественная мораль не казнила лихоимцевъ-судей, торговавшихъ правосудіемъ. Азіатскій народный судья также мало стремился содѣйствовать торжеству правды и справедливости, какъ мало сему содѣйствовалъ и содѣйствуетъ всякій другой *народный* судья. Всякій судья изъ народа, подъ какимъ бы градусомъ широты онъ ни дѣйствовалъ, не опирающійся въ своей дѣятельности на законъ и начала нравственности, одинаково склоненъ къ произволу и кривосуду и откуда же, спрашивается, могъ

набраться болѣе высокихъ принциповъ азіатскій народный судья, видѣвшій лишь проявленія деспотизма, всегда болѣе хлопотавшій о прочности своего доходнаго мѣста, чѣмъ о торжествѣ истины и стремившійся къ увеличенію своего благосостоянія, привлекая на свою сторону лицъ богатыхъ и вліятельныхъ и упрочивая тѣмъ свое положеніе?

Несмотря на очевидную безспорность этого положенія, еще многіе считаютъ необходимостью сохраненіе народныхъ судовъ и необходимость этого, многими, доселѣ признается за неоспоримую истину, признается за аксіому. Исходя только изъ того соображенія, что тотъ судъ есть наилучшій, который стоитъ ближе къ населенію, приноровленъ къ его понятіямъ и согласованъ съ условіями его быта.— сторонники народныхъ судовъ, не колеблясь, оставляютъ такую важнѣйшую функцію общественной и государственной жизни—какъ отправленіе правосудія, всецѣло въ рукахъ народа.

И между государственными людьми находились такіе, у которыхъ вѣра въ необходимость народныхъ судовъ и довѣріе къ народному правосудію были полныя. Подчасъ пораженные такими, не отдѣльными только рѣшеніями народнаго суда, въ которыхъ проглядывало вопіющее нарушеніе самой элементарной справедливости, а общей, совершенно невозможной постановкой народнаго правосудія, защитники этого суда старались все-таки не смущаться этимъ, потому что такъ-де, вѣроятно, слѣдовало или по обычаю или по шаріату и, что должно быть, уже таковъ мѣстный порядокъ.

Все, что признавалось возможнымъ сдѣлать, въ отступленіе отъ существовавшихъ до нашего прихода этихъ мѣстныхъ порядковъ, это—нѣсколько, и то весьма немного, сократить власть біевъ и казіевъ [1]).

Но теоретическое представленіе о необходимости сохраненія народнаго суда, во всей его неприкосновенности, нигдѣ не выдерживало и здѣсь не выдержало самаго короткаго практическаго испытанія. Многія явныя несообразности этого суда обнаружились съ такою быстротою и ясностью, что теоретическія попытки не-

---

[1]) Прежде они имѣли право приговаривать къ смерти и увѣчью; Положеніе же 11 іюля 1867 г. (проектъ) предоставило имъ право, штрафовать, держать подъ арестомъ и ссылать въ Сибирь, безъ всякихъ ограниченій срока (примѣч. къ § 232 проекта),—но отняло право казнить и увѣчить.

вмѣшательства русской власти въ отправленіе народнаго правосудія оказались несостоятельными. Можно сколько угодно доказывать неприкосновенность народнаго суда, незыблемость и святость такъ называемаго обычая, но, при первомъ столкновеніи съ практическими результатами народнаго правосудія, приходится признать, что невмѣшательство или положительно невозможно или что оно возможно только до извѣстной степени и что, во всякомъ случаѣ, оно т. е. невмѣшательство несравненно зловреднѣе, чѣмъ самое полное вмѣшательство.

Это подтвердилось и при первомъ соприкосновеніи русской власти съ народнымъ правосудіемъ.

Соприкосновенія этого нельзя было избѣгнуть. Не могла же ни русская власть вообще, ни, въ частности, русскіе чиновники, проникнуться взглядами, несвойственными людямъ цивилизованнымъ и не могли мириться съ тѣми, на цивилизованный взглядъ, слишкомъ явными несообразностями народнаго правосудія, которыя совершались предъ ними, а потому, съ первыхъ же дней введенія народнаго суда, появились и русскія поправки.

Извѣстно, напр., что понятіе объ инстанціяхъ несвойственно бійскому суду, между тѣмъ мы ввели эти инстанціи въ надеждѣ, что этимъ путемъ будутъ исправляться рѣшенія одиночныхъ біевъ. Также извѣстно, что уѣзднымъ начальникамъ было предоставлено право разбирать (только у киргизъ) дѣла брачныя, и хотя предоставленіе этого права объясняется, также, добрымъ желаніемъ смягчить грубость обычая и улучшить положеніе киргизской женщины [1]), но самый фактъ вмѣшательства русскаго чиновника въ такую интимную сферу народной жизни уже извращалъ постановку всего народнаго мусульманскаго суда въ существенныхъ его частяхъ. Извѣстно, наконецъ, что русская администрація, всегда и вездѣ, на Кавказѣ какъ и въ Туркестанѣ, руководимая просто добрымъ желаніемъ, по мѣрѣ своей власти и вліянія, улучшить положеніе народнаго правосудія, безъ церемоніи измѣняла приговоры народныхъ судовъ и перевершала ихъ по своему разумѣнію.

Ко всѣмъ проявленіямъ подобнаго вмѣшательства русской власти въ народное правосудіе слѣдуетъ относиться безъ всякаго

---

[1]) Женщину сартовскую мы не рѣшились взять подъ свое покровительство, хотя она угнетена гораздо болѣе чѣмъ киргизка.

удивленія. Положимъ, что, большею частью, поводомъ къ такимъ передѣлкамъ приговоровъ и перевершенію дѣлъ служило то соображеніе, что за соотвѣтственное преступленіе, по русскимъ законамъ, полагалось наказаніе гораздо болѣе слабое или болѣе сильное чѣмъ то, къ которому присуждали біи или казіи, но такъ разсуждая и дѣйствуя, русская власть какъ бы отнимала одною рукою то что давала другою,—и хотя, вообще, тутъ руководило стремленіе къ достиженію рѣшеній справедливыхъ, и все таки справедливыхъ съ русской точки зрѣнія.

Ошибочно было бы думать, что такое вмѣшательство было капризомъ побѣдителя, фантазіей цивилизаторовъ. Самый фактъ оставленія въ Туркестанѣ народнаго суда, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ существовалъ до завоеванія края, наилучшимъ образомъ доказывалъ намѣреніе правительства сохранить и узаконить тѣ порядки, которые найдены въ краѣ; но по чувству простой справедливости, представители русской власти не могли примириться съ рѣшеніями народныхъ судовъ, и, вопреки закона, допускали тѣ поправки, о которыхъ сказано выше.

Такъ напр., необыкновенно обширныя права народныхъ судей налагать взысканія, согласно примѣчанія къ § 232 Проекта положенія 1867 г., просуществовавъ десять лѣтъ, были офиціально сокращены циркуляромъ генералъ-губернатора 1877 г. № 1507, и этимъ же циркуляромъ было предоставлено губернаторамъ право, уже совершенно непонятно на какомъ основаніи, измѣнять всѣ приговоры суда, по которымъ наложено взысканіе свыше трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія.

Это распоряженіе ясно показываетъ, какое большое недовѣріе уже давно стала проявлять русская власть къ рѣшеніямъ народныхъ судовъ и, какъ она, наконецъ, сочла себя вынужденной сократить права судей по наложенію взысканій, прежде почти безграничныя. Недовѣріе это сказалось, впрочемъ, еще ранѣе и еще болѣе рельефно, напримѣръ, хотя бы въ томъ, что прямо, вопреки дѣйствовавшаго Проекта положенія, уѣздные начальники (большинство) просто присвоили себѣ исключительное право принимать всѣ иски и заявленія, обращенные въ народный судъ и, затѣмъ, уже отъ себя передавать ихъ на разрѣшеніе судей, такъ что во многихъ мѣстностяхъ, практически, установился такой порядокъ, что народные судьи не приступали къ рѣшенію дѣлъ до полученія приказанія уѣзднаго начальника.

Одна изъ несправедливостей народнаго суда (разумѣется съ русской точки зрѣнія)—уплата штрафа за виновныхъ родственниковъ неповинными ни въ чемъ ихъ родичами, также, не разъ, смущала русскую власть, вызывала сужденія о замѣнѣ этого порядка чѣмъ либо болѣе справедливымъ и т. д. и хотя, въ этомъ случаѣ, никакой поправки не было придумано, но голоса за отмѣну этой мѣры не переставали, и нынѣ не перестаютъ, раздаваться.

Такимъ образомъ, хотя народный судъ сохраненъ, по возможности, въ прежнемъ видѣ и тѣмъ вновь выражено къ нему, по крайней мѣрѣ офиціально, довѣріе, но если нѣсколько вникнуть въ новую организацію народнаго суда, то обнаружится, что одновременно съ узаконеніемъ этого суда какъ бы возбужденъ былъ вопросъ—заслуживаетъ ли судъ этотъ довѣрія и не требуетъ ли онъ какихъ либо коренныхъ поправокъ и измѣненій? Практически вопросъ этотъ уже давно разрѣшенъ положительно: въ видахъ уменьшенія зловреднаго дѣйствія этого суда были признаны необходимыми, не только разныя ограниченія и поправки, но и установленъ возможный, хоть за внѣшнею дѣятельностью народныхъ судей, контроль. Едва ли, впрочемъ, и могло быть сдѣлано иначе. Въ краѣ дѣйствуетъ свыше 1300 народныхъ судей и кто же эти судьи? Въ 1882 году въ одной Сыръ-Дарьинской области было свыше 750 [1]) народныхъ судей, а именно—656 біевъ и 108 казіевъ (изъ 656 біевъ было только 80 грамотныхъ, казіи почти всѣ грамотны), и никакого, хоть сколько нибудь серьезнаго контроля за существомъ рѣшеній всей этой массы народныхъ судей установить было нельзя и, дѣйствительно, никакого контроля никогда не было и нѣтъ. Одинъ уже тотъ, всѣми видимый и всѣмъ извѣстный подкупъ при выборахъ біевъ и особенно казіевъ, который совершается воочію и, справедливо, наводитъ на размышленіе о характерѣ будущей дѣятельности тѣхъ судей, которые добились своего положенія столь нелегальнымъ образомъ, достаточно смущаетъ власть и давно заставлялъ подумывать о реорганизаціи народнаго суда. Но все, что для ослабленія этого зла было придумано—это было лишь систематическое сокращеніе числа казіевъ и біевъ (что практиковалось, напр., въ Сыръ-Дарьинской Области), хотя это могло только усилить размѣры подкуповъ, ибо, прежде, приходилось по казію чуть-ли не на каждый населенный

---

[1]) Нынѣ ихъ 897.

пунктъ, съ сокращеніемъ же ихъ числа, естественно, увеличивался раіонъ дѣятельности наличныхъ народныхъ судей и, такъ какъ, съ тѣхъ поръ, одинъ казій выбирается на цѣлую волость, а иногда и болѣе, то, слѣдовательно, мѣсто народнаго судьи стало доходнѣе, а потому погоня за этими мѣстами и подкупъ сдѣлались азартнѣе.

Въ 1881 году въ Туркестанѣ былъ офиціально возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли выборъ и назначеніе народныхъ судей предоставить администраціи и вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ отрицательно только потому, что правительство не захотѣло принять на себя отвѣтственности за назначеніе судей, если-бы они оказались неудачными, что было легко предвидѣть.

Степень просвѣщенія, на которой стоитъ Туркестанскій край, извѣстна. Сплошное мусульманское и полумусульманское [1]) населеніе не признаетъ пока еще никакой европейской науки и въ своихъ „медрессе" и „мактабахъ" никакихъ, кромѣ религіозныхъ, свѣдѣній не даетъ и не получаетъ. Населеніе представляетъ картину полнаго невѣжества, а кочевое, сверхъ того, сохранило и много старинной дикости. И вотъ, изъ этой-то невѣжественной толпы избирается свыше тысячи народныхъ судей, которымъ и предоставляется поддерживать порядокъ, охранять законъ, научать народъ, ограждать права населенія.

Какъ держалъ въ своихъ рукахъ, и какъ могъ держать, вѣсы правосудія такой народный судъ—понятно само собою и нѣтъ надобности повторять еще разъ, что коль скоро власть надъ этой страной попала въ руки образованнаго правительства, то такой народный судъ, какой мы нашли, могъ и можетъ быть терпимъ только какъ временное зло; что допускать его существованіе можно только во имя сбереженія государственныхъ рессурсовъ, во имя снисхожденія къ прежнему устройству страны, ради мягкости и нежеланія дѣлать рѣзкіе переходы, однимъ словомъ—во имя чего угодно, но только никакъ не во имя установленія правильнаго правосудія.

Поэтому первая задача правительства по отношенію къ такому народному суду сводится къ тому, чтобы какъ можно менѣе расширять его компетенцію и, по возможности, ослаблять и регулировать причиняемое имъ зло.

---

[1]) Киргизъ нельзя считать истинными мусульманами.

Сами прежніе азіятскіе правители никогда не управляли страною и не отправляли правосудія на основаніи какихъ-либо опредѣленныхъ данныхъ, или, просто говоря, на основаніи того, что мы называемъ и признаемъ закономъ. Тамъ не было ничего подобнаго: никакихъ кодексовъ, никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ постановленій не существовало; безграничный произволъ властителя или шаткія постановленія шаріата, или разновидный, разнообразный, неуловимый обычай замѣнялъ законъ. Однимъ словомъ тамъ царило то, что мы называемъ произволомъ; тамъ не было ничего твердаго и опредѣленнаго и это то ничего, этотъ то произволъ теперь мы, такъ сказать, закрѣпили и узаконили путемъ учрежденія народнаго суда.

Прежде, до занятія страны русскими, источникомъ для разъясненія всѣхъ правовыхъ вопросовъ служила или религія, или обычай. Толкователи религіозныхъ догматовъ и толкователи обычаевъ держали въ своихъ рукахъ и вѣсы правосудія. Отъ совершенія преступленій удерживалъ не карающій законъ, а религія и обычай. Религія и обычай также предусматривали и всѣ мелкія житейскія столкновенія и недоразумѣнія и опредѣляли, что дозволено и что воспрещено.

Въ силу особеннаго, чисто патріархальнаго строя средне-азіятской жизни, соблюденіе всѣхъ религіозныхъ требованій было прежде, во время хановъ, несравненно строже чѣмъ теперь. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ, и не вѣрить имъ нельзя, не только мусульманскіе писатели, но нѣкоторые изъ русскихъ изслѣдователей Туркестана. Но строгое соблюденіе преданій и обычаевъ, какъ оказывается по этимъ изслѣдованіямъ, достигалось главнымъ образомъ ни чѣмъ инымъ какъ палкою [1]). „Палка эта, говорятъ Наливкины, была двухъ родовъ: вещественная и нравственная. Въ лицѣ первой являлся „казы раисъ", въ лицѣ второй—общественное мнѣніе, надъ которымъ, чѣмъ то въ родѣ Дамоклова меча, висѣлъ тотъ же „раисъ", а надъ нимъ сонмъ книжниковъ и фарисеевъ", т. е. толкователей корана и шаріата.

Казы-раисъ или просто раисъ или „покровитель вѣры" обладалъ правомъ безапелляціоннаго рѣшенія всякаго дѣла. Съ этимъ правомъ было связано другое право—бить батогами или такъ называемой „*дорой*" [2]) всякаго провинившагося мусульманина. По-

[1]) Бытъ туземной женщины въ Ферганѣ, (стр. 36) В. и М. Наливкины.

[2]) Ременная плеть, устроенная по указанію священныхъ книгъ.

кровителю вѣры было поручено вообще наблюдать за исполненіемъ вѣры, карать пьющихъ, наказывать обманщиковъ, разбирать супружескія несогласія, слѣдить за воспитаніемъ и т. д. Шаріатъ установлялъ, что всѣ грѣхи, не наказанные раисомъ, падаютъ на его голову, а потому раисы, не скупясь, отсчитывали удары „доры", производя эту операцію на самомъ же мѣстѣ совершенія преступленія, не теряя времени на соблюденіе какихъ либо формальностей и не разбирая пола и времени [1]).

Таковъ былъ характеръ отправленія правосудія у сартовъ. У киргизовъ, правда, не было раисовъ, покровитель вѣры тамъ не существовалъ и не внѣдрялъ батогами правилъ религіи, потому что и самая религія киргизовъ еще, можно сказать, совсѣмъ не установилась, даже и понынѣ, но вмѣсто произвола раиса у киргизъ царилъ не меньшій произволъ обычая.

Въ сферѣ уголовныхъ нарушеній царилъ какъ у киргизъ, такъ и у сартовъ самосудъ, самоуправство, произволъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ царилъ не меньшій произволъ, объяснявшійся частью обычаемъ, частью шаріатомъ.

„Вотъ тотъ краеугольный камень, говорятъ о раисѣ Наливкины, на которомъ, въ теченіи вѣковъ, держалось зданіе наружной нравственности, чистоты нравовъ и наружнаго уваженія къ основамъ религіи, и стоило только выдернуть этотъ камень, упразднить раиса, и часть зданія стала сама собою рушиться. На базарахъ стали обмѣривать и обвѣшивать, а пьянство, проституція и индеферентныя отношенія къ обрядамъ религіи стали проявляться шире и шире".

Такъ былъ поставленъ и такими способами держался народный судъ, и если эта картина вѣрна, а русская власть упразднила раиса и его палку, составлявшую всю суть дѣла, то отсюда возникаетъ само собою вопросъ, возможенъ ли этотъ судъ безъ раиса (у осѣдлыхъ), и если невозможенъ безъ содѣйствія доры, то не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, уменьшить его компетенцію до самыхъ крайнихъ размѣровъ?

Но уменьшеніе компетенціи народныхъ судей ведетъ, естественнымъ образомъ, къ увеличенію числа судовъ не народныхъ, т. е. русскихъ, т. е., другими словами, ведетъ къ новымъ расхо-

---

[1]) Сѣченіе женщинъ отличалось отъ сѣченія мужщинъ только тѣмъ, что женщинамъ не обнажали спины.

дамъ денежныхъ средствъ, новому усиленію личнаго состава и, вообще, къ новымъ затратамъ, а такъ какъ такая постановка вопроса, при настоящихъ, крайне скудныхъ, доходахъ, доставляемыхъ краемъ, и неудобна и нежелательна, то все сводится къ тому, чтобы изыскать такую комбинацію, въ которой, при недостаточномъ личномъ составѣ русскихъ судей, громадномъ раіонѣ дѣятельности и усиленной подсудности, народный судъ могъ бы приносить наименьшее зло.

Дѣйствовавшій почти двадцать лѣтъ Проектъ положенія 1867 г. признавалъ, какъ уже сказано, за народными судьями необычайно большую власть. Народу было предоставлено самоуправленіе по всѣмъ отраслямъ жизни, кромѣ политической и общегосударственной. На судъ біевъ и казіевъ были отданы, безъ исключенія, всѣ гражданскія дѣла и значительное большинство дѣлъ уголовныхъ. Сравнительно болѣе невѣжественные киргизкіе біи имѣли даже еще большую власть чѣмъ казіи.

Что только было не подсудно біямъ и казіямъ! Всѣ безъ исключенія тяжбы и иски, всѣ дѣла семейныя, брачныя [1]) и почти всѣ уголовныя дѣла. Только дѣла объ измѣнѣ, сопротивленіи властямъ, о нападеніи на почты и военные транспорты, объ убійствѣ христіанъ и должностныхъ лицъ и дѣла о разбояхъ были изъяты изъ ихъ вѣдѣнія.

Туземное правосудіе, оставленное народу почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы его нашли при завоеваніи края, представляло совершенно законченную картину. Постановленныя туземными судами рѣшенія приводились въ исполненіе туземными же властями. Офиціальное вмѣшательство русской власти допускалось, какъ уже сказано, только въ дѣлахъ брачныхъ и то у однихъ киргизъ. Тутъ дѣла рѣшали и помощники уѣздныхъ начальниковъ и уѣздные начальники и губернаторы; по всѣмъ же прочимъ дѣламъ вмѣшательство русскихъ властей, хотя офиціально и не допускалось, но это не мѣшало проявляться этому вмѣшательству и, притомъ, въ формѣ самой императивной.

Что собственно дѣлалось въ судахъ казіевъ и біевъ—это оставалось для русской власти неизвѣстнымъ, отчасти по недостатку вниманія, отчасти по недоступности болѣе или менѣе постоянныхъ

---

[1]) Уѣздные начальники вступались въ эти дѣла только тогда, когда къ нимъ обращались съ жалобами (только у киргизъ).

и основательныхъ наблюденій въ этой, какъ и во всѣхъ прочихъ, сферахъ народной жизни. Слѣдуетъ однако, съ прискорбіемъ, отмѣтить, что начальство вело себя вообще крайне непослѣдовательно по отношенію къ народному суду. Оно то энергически вмѣшивалось въ туземное правосудіе и отмѣняло или перевершало приговоры народныхъ судей, или передавало рѣшеніе дѣлъ на судъ постороннихъ, т. е. неподлежащихъ біевъ и казіевъ, то принимало на себя обязанность провѣрять существо рѣшеній и дѣлать свои поправки къ обычаямъ, принятымъ за основаніе при рѣшеніи, то, наконецъ, совершенно устраняло себя отъ этого дѣла и, въ сознаніи своего безсилія, опускало руки и безмолвно смотрѣло и недоумѣвало. Въ общемъ итогѣ, однако, цѣль какъ бы достигалась: особенно громкаго неудовольствія населенія не замѣчалось; множество жалобъ признавалось только за „естественное желаніе добиться перевершенія дѣла" а господствовавшая въ странѣ тишина и спокойствіе какъ бы свидѣтельствовали, что народная жизнь не особенно страдаетъ отъ такой организаціи правосудія и что судъ отправляетъ свои обязанности удовлетворительно.

Ничего государству не стоившій народный судъ давалъ возможность держать правительству, на три милліона населенія, разбросаннаго на необозримомъ пространствѣ средне-азіятскаго материка, всего 15—20 русскихъ мировыхъ судей и не болѣе полдюжины слѣдователей.

Въ Ташкентѣ, съ населеніемъ свыше ста тысячъ душъ, былъ всего одинъ судья. Въ Ташкентскомъ уѣздѣ, съ населеніемъ свыше двухсотъ тысячъ человѣкъ, былъ также одинъ судья и одинъ слѣдователь, причемъ у этого судьи возникало только до 500 дѣлъ въ годъ, а у слѣдователя не болѣе 50. Громадные по пространству уѣзды Перовскій, Казалинскій, Ауліэатинскій, Чимкентскій, имѣющіе въ поперечникѣ каждый по 500 и болѣе верстъ, довольствовались однимъ судьею, который былъ въ то же время и слѣдователемъ.

Словомъ, организація народнаго суда, со всею его громадною подсудностью, давала возможность правительству расходовать весьма незначительныя средства на отправленіе правосудія и это была, можно сказать, единственная выгода, доставляемая сохраненіемъ народнаго суда.

Заслуживалъ ли однако этотъ судъ того довѣрія, которое ему было оказано правительствомъ—это иной вопросъ. Судъ, состав-

ляющій основу спокойной государственной и общественной жизни, обезпечивающій прогрессъ, гражданское развитіе и уваженіе къ закону, порядку и властямъ, такой судъ не существовалъ. Издревле практиковавшаяся въ степяхъ такъ называемая „баранта" и всѣ прочіе виды самосуда служатъ тому уже достаточнымъ доказательствомъ, а затѣмъ ни для кого не секретъ, что напр. у киргизъ фактически несравненно болѣе рѣшали дѣла волостные управители, чѣмъ судьи. Правосудіе казійское было въ повальномъ подозрѣніи и у самихъ туземцевъ и у русскихъ властей.

Но самое, конечно, худшее заключалось въ томъ, что масса преступленій и проступковъ, предоставленныхъ вѣдѣнію біевъ и казіевъ, оставалась вовсе безнаказанною, такъ какъ понятіе народныхъ судовъ о преступномъ и непреступномъ никогда не имѣло, и нынѣ не имѣетъ, ничего общаго съ тѣмъ, что установлено общимъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ закономъ.

Такая совершенно невозможная постановка народнаго суда, хотя отчасти, но все-таки была принята въ соображеніе при введеніи Положенія 12 іюня. При установленіи народнаго суда законодательнымъ порядкомъ, прежде всего, былъ сокращенъ кругъ дѣйствія народныхъ судей, но сокращеніе это было сдѣлано далеко не въ тѣхъ размѣрахъ и не съ той полнотой, какъ это можно бы было ожидать послѣ 25 лѣтъ дѣятельности народныхъ судовъ.

Насколько послѣдовавшее сокращеніе компетенціи народнаго суда должно было незначительно повліять на отправленіе въ краѣ правосудія, можно судить по слѣдующему:

Изъ дѣлъ, подсудныхъ народнымъ судьямъ, изъяты, по ст. 141 Положенія 12 іюня, только нижеслѣдующія: 1) преступленія противъ вѣры христіанской; государственныя (ст. 176—235, 236—240, 241—261 улож. о наказ.); противъ порядка управленія (ст. 262—328 улож.); по службѣ государственной и общественной (ст. 329—505 улож. о нак.); противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ (ст. 506—547 улож. о нак.); противъ имущества и доходовъ казны (ст. 548—830 улож. о нак.); нарушенія устава карантиннаго (ст. 831—853 улож. о нак.); нарушеніе постановленій противъ повальныхъ и прилипчивыхъ болѣзней (ст. 854—858 улож. о нак.) и правилъ на случай скотскихъ падежей (улож. о нак. ст. 861); пристанодержательство и составленіе шаекъ (ст. 922—931 улож. о нак.); лживые доносы и лжесвидѣтельство по дѣламъ, судимымъ по законамъ Имперіи; укры-

вательство бѣглыхъ (ст. 958, 959 и 974 улож.); порча телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ (ст. 1139—1146 улож.); всѣ преступленія противъ законовъ о состояніяхъ (ст. 1405—1425 улож.) и нѣкоторыя противъ собственности, жизни, здравія, свободы и чести, а именно: убійство (ст. 1449—1472), нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ которыхъ была смерть (ст. 1484 улож.); изнасилованіе (ст. 1525—1528); противозаконное задержаніе и заключеніе (ст. 1540—1544); насильственное завладѣніе чужимъ недвижимымъ имуществомъ и истребленіе граничныхъ межъ и знаковъ (ст. 1601—1605 улож.); поджогъ и вообще умышленное истребленіе чужаго имущества (ст. 1606—1625 улож.); разбой, грабежъ (ст. 1627—1643 улож.); похищеніе казеннаго имущества и подлоги русскихъ документовъ.

Всѣ эти дѣла, изъ коихъ многія, прежде по крайней мѣрѣ, de jure, вѣдались біями и казіями, перешли съ 1 января 1887 г. къ подлежащимъ мировымъ судьямъ и областнымъ судамъ; всѣ же остальныя преступленія и проступки, за немногими исключеніями, подлежатъ, по прежнему, вѣдѣнію народныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, за изъятіемъ изъ подсудности народныхъ судовъ перечисленныхъ выше дѣлъ, судамъ этимъ отнынѣ предоставляется: а) вѣдать всѣ прочія уголовныя дѣла между туземцами, не взирая на различіе національностей (ст. 141 и 142 полож.) [1]); б) вѣдать между туземцами всѣ дѣла гражданскія, исключая тѣ случаи, когда дѣла эти основаны на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей (ст. 209); в) вѣдать всѣ дѣла по засвидѣтельствованію всякаго рода актовъ и договоровъ между туземцами, за исключеніемъ сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществахъ, но только тогда, когда право собственности на оныя утверждается на актахъ, совершенныхъ по силѣ общихъ законовъ Имперіи (ст. 235); г) вѣдать опекунскія дѣла осѣдлыхъ туземцевъ [2]) (ст. 252 Полож. 12 іюня).

При этомъ, по своему объему, власть народныхъ судей, по дѣламъ уголовнымъ, не только вполнѣ приравнивается къ власти мировыхъ судей, но даже значительно превосходитъ эту власть, а по дѣламъ гражданскимъ она не ограничена никакой суммой и

---

[1]) По ст. 142 неподсудны народному суду преступленія и проступки туземцевъ относительно русскихъ, а равно преступленія и проступки между туземцами, совершенные въ предѣлахъ русскихъ поселеній.

[2]) Опекунскія дѣла кочевыхъ туземцевъ забыты въ Положеніи.

изъ вѣдѣнія народнаго суда изъемлются, какъ выше указано, только нѣкоторыя дѣла, а именно—основанныя на русскихъ документахъ.

Интересно теперь, съ уложеніемъ въ рукахъ, прослѣдить, какія же именно уголовныя преступленія и проступки туземцевъ отнынѣ должны быть разбираемы въ народномъ судѣ?

Изъ сопоставленія статей 141, 142 и 209 Полож. 12 іюня съ перечнемъ статей, значащихся въ уложеніи, оказывается, что народные суды вѣдаютъ: а) всѣ виды кражъ, начиная съ кражъ шайкой и кражъ со взломомъ до простаго скотокрадства и конокрадства включительно, и исключеніе лишь сдѣлано для кражъ казеннаго имущества; эти послѣднія дѣла подсудны русскимъ судамъ; б) всѣ виды пораненій и побоевъ, не исключая самыхъ тяжкихъ, если только они не повлекли за собою смерти, а также всѣ *покушенія* на убійства, разбои, грабежи, изнасилованія; в) всѣ виды оскорбленій, угрозъ, насилій; г) всѣ виды подлоговъ туземныхъ документовъ; д) нарушенія правилъ для погребенія мертвыхъ (ст. 859—860 улож.); е) нарушенія правилъ для охраненія чистоты воздуха, безвредности воды и съѣстныхъ припасовъ (863—865 улож.); ж) нарушеніе правилъ, установленныхъ для продажи, храненія и употребленія веществъ ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ (ст. 866—869 улож.); з) проступки по распространенію вредныхъ слуховъ о подложномъ проявленіи чудесъ и другихъ обманахъ (932—938); и) лживые доносы по дѣламъ, судимымъ народнымъ судомъ; к) бродяжество, нарушенія правилъ о паспортахъ, нищенство (984—985 улож.); противозаконное выдѣлываніе и храненіе оружія и пороха (986—988 улож.) запрещенныя игры (990—992 улож. о нак.); л) соблазнительное и развратное поведеніе, противоестественные пороки, сводничество (993—1000); м) нарушеніе правилъ благоустройства въ городахъ и селеніяхъ (1058—1075); н) нарушеніе правилъ предосторожности отъ пожаровъ (1076—1077); о) самоубійство, произвольное оставленіе человѣка въ опасности (1513—1521); преступленія противъ чести и цѣломудрія (кромѣ изнасилованія, но не исключая покушенія на изнасилованіе), противозаконное вступленіе въ бракъ (1549 и слѣд.); похищеніе дѣвицъ и женщинъ (1580 и слѣд.); клевета, угрозы, злоупотребленіе супружескихъ и родительскихъ правъ, преступленія дѣтей противъ родителей, преступленія противъ союза родственнаго, угрозы, тяжкіе побои, злоупотребленіе опекуновъ, попечителей (1583 и слѣд.); п) мошенничество, присвоеніе и утайка

чужой собственности, принужденіе къ дачѣ обязательствъ, подлоги всѣхъ туземныхъ актовъ и обязательствъ.

Вотъ длинный перечень преступленій и проступковъ, оставляемыхъ въ вѣдѣніи народныхъ судовъ, согласно Положенія 12 іюня. Такъ, по крайней мѣрѣ, это слѣдуетъ изъ текста ст. 141 Полож. 12 іюня.

Вопросъ о томъ, кто долженъ возбуждать и поддерживать на народномъ судѣ обвиненіе въ преступленіяхъ, нарушающихъ не одни частные, но и общественные интересы—остается открытымъ, но на чьей бы обязанности это ни лежало, простой взглядъ на приведенный перечень удостовѣряетъ, что передача многихъ изъ перечисленныхъ преступленій и проступковъ на судъ народныхъ судей, совершенно равносильна установленію полной безнаказанности этихъ преступленій. Такъ напр., нарушеніе правилъ санитарныхъ, гигіеническихъ, паспортныхъ; нарушеніе правилъ общественной безопасности; противоестественные пороки; нарушенія противопожарныхъ постановленій и многіе другіе проступки, очевидно становятся безнаказанными уже въ силу того, что они подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда, ибо народный судъ и прежде совсѣмъ не зналъ такихъ преступленій и отнюдь ихъ не признавалъ таковыми и, очевидно, впредь не признаетъ всѣ эти, и многія другія, дѣянія преступными и, слѣдовательно, наказуемыми.

Если бы даже русская власть приняла на себя непосильный трудъ предъявлять и поддерживать всѣ эти обвиненія на народномъ судѣ, то и въ такомъ случаѣ едва ли въ судѣ „по обычаю" и даже въ судѣ „по шаріату" найдутся подходящія указанія, что дѣлать съ виновными въ такихъ преступленіяхъ, которыя даже совершенно неизвѣстны патріархальному быту туземцевъ, а потому естественно, что народные судьи не будутъ карать въ подобныхъ случаяхъ виновныхъ.

Но кромѣ такой, во многихъ случаяхъ нежелательной, безнаказанности туземцевъ, эта безнаказанность представляется нежелательной и въ другомъ отношеніи. Она нежелательна потому, что не-туземное населеніе, т. е. русскіе, менониты, дунгане, татары, иностранцы и лица, временно пребывающіе въ краѣ, становятся въ положеніе, не одинаковое съ туземнымъ. Туземцы очевидно пріобрѣтаютъ преимущество—если только это есть преимущество—полной безнаказанности по многимъ такимъ преступленіямъ, не только частнаго, но и общественнаго значенія, которыя

отнюдь не пройдутъ даромъ не-туземцу. Съ полною увѣренностью можно сказать, что нарушенія санитарныя, врачебныя, нарушеніе правилъ безопасности и гигіены, затѣмъ бродяжество, нищенство, нарушеніе правилъ паспортныхъ, правилъ о благоустройствѣ въ городахъ и селеніяхъ, противопожарныхъ и проч., должны отнынѣ считаться для туземцевъ дѣяніями, не запрещенными подъ страхомъ наказанія.

Точное перечисленіе въ ст. 141—143 Полож. всѣхъ тѣхъ дѣлъ о туземцахъ, которыя подсудны русскому суду и затѣмъ передача всѣхъ остальныхъ дѣлъ на рѣшеніе народныхъ судовъ (ст. 209) устраняетъ, кажется, всякое сомнѣніе въ томъ, что именно такая подсудность установлена не случайно, а намѣренно и, потому, остается только высказаться по вопросу: удобно ли такое разграниченіе подсудности народныхъ и русскаго судовъ?

По нашему разумѣнію такое разграниченіе подсудности отнюдь нельзя считать ни удобнымъ, ни справедливымъ. Не касаясь того, что за народными судьями Средней Азіи никакъ не можетъ быть признано правъ болѣе, чѣмъ за другими, народными же, судьями, дѣйствующими въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, конечно, прежде всего нельзя никакъ привѣтствовать ту безнаказанность, которая, естественнымъ образомъ, отнынѣ устанавливается для туземцевъ по многимъ преступленіямъ.

Едва ли имѣется хоть какое нибудь основаніе думать, что туркестанскіе народные судьи заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ всѣ другіе подобные судьи и, напротивъ, есть много основаній думать, что имъ должно быть оказываемо довѣріе не большее, а гораздо меньшее.

Тѣ идеальные біи, о мудрости которыхъ ходили сказанія въ цѣломъ краѣ, исчезли окончательно. Сартовскій казій хотя и долженъ быть вообще поставленъ по своему развитію выше бія, но развитіе это чисто спеціальное, одностороннее, всегда узко-мусульманское и уже по одному этому, передавать столь обширную власть въ руки такихъ судей—едва ли въ интересахъ русскаго правительства.

Возникавшій, не однажды, вопросъ о цѣлесообразности сохраненія такъ называемыхъ народныхъ, туземныхъ судовъ, достаточно уже выясненъ, чтобы безъ колебаній высказаться, въ какой мѣрѣ такой судъ допустимъ и возможенъ въ странѣ, входящей въ составъ государства, управляемаго на точномъ основаніи законовъ.

Нѣтъ надобности здѣсь повторять, что своеобразный, вѣками сложившійся гражданскій быть туземцевъ, не можетъ быть подвергнутъ какому либо передѣлыванію по заранѣе опредѣленной программѣ; не нужно также доказывать, что всякая попытка навязать туземцамъ общій судъ, дѣйствующій въ имперіи, не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Многіе судебные наши порядки, установившіеся вѣками и выработанные жизнью, оказались бы непригодными уже потому, что кочевой, бродячій, пастушескій бытъ огромной части туземнаго населенія Туркестана стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ судомъ неподвижнымъ, прикрѣпленнымъ къ мѣсту.

Кочующій киргизъ, обязательно дѣлающій, въ теченіи лѣта 700—800 верстъ, для пропитанія своихъ стадъ, явится постояннымъ нарушителемъ и ослушникомъ власти, задумавшей призывать его къ отвѣту или къ спросу въ извѣстный, неподвижный пунктъ, гдѣ сидитъ судья. Народный судъ на то и народный, чтобы быть среди него, служить ему ежечасно, ежеминутно, но весь вопросъ въ томъ, что именно можетъ быть отнесено къ вѣдѣнію народнаго суда и чего отнести нельзя, что необходимо предоставить разрѣшать біямъ и казіямъ и чего никакъ нельзя предоставить на ихъ рѣшеніе, что можно оставить, по прежнему, въ организаціи того народнаго суда, который мы застали и чего оставлять нельзя?

Правильно разсуждая, слѣдовало бы, если уже признано возможнымъ допускать существованіе народнаго суда, то сохранить этотъ судъ во всей его неприкосновенности, ибо народный судъ, передѣланный примѣнительно къ взглядамъ просвѣщеннаго правительства, уже перестаетъ быть судомъ народнымъ, а является пестрою смѣсью порядковъ азіятскихъ и европейскихъ. Но на такую широкую постановку народнаго суда не можетъ согласиться никакое просвѣщенное правительство. Достаточно уже припомнить, что прежній народный судъ могъ дѣйствовать, болѣе или менѣе удовлетворительно, только при энергическомъ содѣйствіи неутомимо дерущагося казы-раиса, чтобы убѣдиться, что даруя населенію народный судъ безъ самой существенной его принадлежности—казы-раиса—мы даемъ не настоящій народный судъ, а его призракъ—судъ народный только по названію.

Прибавимъ къ этому, что самъ народъ, вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія съ болѣе совершенными судебными порядками,

значительно измѣнилъ свои воззрѣнія на достоинства своего суда; что этотъ судъ, сложившійся еще во времена деспотизма, и выработанный на религіозной почвѣ, теперь уже далеко не удовлетворяетъ самаго народа, безсильнаго однако придумать лучшія формы правосудія и можно утвердительно сказать, что въ будущемъ и, притомъ, недалекомъ, недовольство этимъ судомъ будетъ возрастать все болѣе и болѣе.

Кромѣ всего этого и опытъ и наблюденіе удостовѣряютъ, что единоличный киргизскій бій, какъ судебная власть, представляетъ до того ничтожное значеніе, что фактически почти всѣ спорныя дѣла киргизъ рѣшаютъ вовсе не біи, а волостные управители. Рѣшеніе бія теряетъ всякое значеніе, если того пожелаетъ волостной управитель, на обязанности котораго лежитъ только привести рѣшеніе въ исполненіе. Твердость казійскихъ рѣшеній, въ свою очередь, весьма зависитъ отъ прихоти приводящаго ихъ въ исполненіе аксакала.

Одна изъ серьезныхъ ошибокъ при оставленіи народнаго суда, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ знатоковъ народнаго быта туземцевъ [1]), заключалась въ томъ, что исполнителями приговоровъ и рѣшеній народныхъ судовъ были назначены лица, стоящія не ниже, а выше судей, а именно—волостные управители, полноправно распоряжающіеся въ степи и обращающіе къ исполненію только тѣ рѣшенія, которыя пожелаютъ исполнить.

Происходящее отъ неисполненія рѣшенія зло, разумѣется, растетъ пропорціонально важности затронутыхъ рѣшеніемъ интересовъ. Громкія жалобы на неисполненіе рѣшеній сдѣлались уже давно явленіемъ повседневнымъ. Къ прискорбію нашему слѣдуетъ сознаться, что никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ этого не принимается и принять нельзя. Въ этой сферѣ дѣятельности туземныхъ властей, наблюденія для русской администраціи почти невозможны; тутъ никакія дисциплинарныя взысканія и даже самая энергичная смѣна волостныхъ управителей и старшинъ не принесутъ пользы, ибо характеръ личнаго состава туземной администраціи останется все тотъ же, а вмѣстѣ съ тѣмъ останется тоже отношеніе къ рѣшеніямъ туземныхъ судей и никакихъ надеждъ на пріисканіе лучшихъ исполнителей рѣшеній народнаго суда нѣтъ.

---

[1]) Бывшій начальникъ Тургайской области генералъ Гейнсъ.

Тутъ видимо представляется одинъ исходъ: чѣмъ будетъ менѣе компетенція народныхъ судей, тѣмъ менѣе будетъ и причиняемое неисполненіемъ ихъ рѣшеній зло и, слѣдовательно, уже въ силу только этого соображенія, необходимо компетенцію народныхъ судей по возможности уменьшить.

Съ другой стороны, въ силу принципа равенства всѣхъ предъ закономъ, не можетъ быть допущенъ такой порядокъ, чтобы не только въ одной имперіи, но даже въ раіонѣ одного округа, терпѣлось такое неравенство гражданъ предъ закономъ, въ силу коего русское и, вообще, такъ называемое не-туземное населеніе являлось бы отвѣтственнымъ за такія дѣянія, которыя, фактически, не влекутъ для туземцевъ никакой отвѣтственности.

Мы думаемъ, что исходъ изъ этого положенія не представляетъ не только неодолимыхъ, но даже никакихъ серьезныхъ препятствій, если даже признавать необходимость существованія народныхъ судовъ.

Исходъ этотъ уже ранѣе указанъ многолѣтнимъ опытомъ Кавказа, населеннаго, какъ извѣстно, наполовину мусульманами. Народные суды вѣдаютъ тамъ только: 1) всѣ иски и тяжбы до 100 р.; 2) всѣ гражданскія дѣла на большую сумму, если стороны сами предоставятъ ихъ рѣшенію волостныхъ и сельскихъ судей; 3) всѣ дѣла на всякую сумму, если стороны пожелаютъ рѣшить ихъ третейскимъ судомъ; 4) всѣ маловажные проступки [1]).

Народнымъ судьямъ во внутренней Россіи и въ Закавказьѣ, предоставлено право приговаривать: а) къ общественнымъ работамъ до 6 дней; б) къ денежнымъ взысканіямъ до 3 рублей; в) къ аресту до 7 дней; г) къ розгамъ до 20 ударовъ (ст. 102 полож. о сел. общ. и ст. 40 закавк. полож.).

---

[1]) Въ положеніи о крестьянахъ внутреннихъ губерній маловажные проступки не опредѣлены; въ положеніи же Закавказскомъ, подъ маловажными проступками разумѣются: порча воды въ рѣчкахъ, канавахъ, колодезяхъ; продажа испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ; неподача помощи при наводненіи, пожарахъ и т. п.; обида словомъ въ церкви, мечети и общенародно; ударъ рукою, ногою, палкою и т. п. безъ причиненія увѣчья; злоумышленная запашка или потрава чужаго поля, порча забора, изгороди и т. п.; употребленіе при продажѣ не установленныхъ закономъ аршиновъ, вѣсовъ, мѣръ; обмѣръ, обвѣсъ; необъявленіе о пригульномъ скотѣ и намѣреніе воспользоваться чужою собственностью; необъявленіе объ имуществѣ завѣдомо краденомъ, о находкѣ чужой вещи, платья, денегъ; растрата работникомъ или прикащикомъ хозяйскаго имущества; кража, мошенничество на сумму не свыше 30 р. и когда это учинено въ 1 и 2 разъ, безъ всякихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ (ст. 39 закавказскаго положенія).

Затѣмъ, всѣ гражданскія дѣла на сумму свыше 100 р. и всѣ проступки, не считающіеся маловажными, подлежатъ вѣдѣнію мировыхъ судей и общихъ судовъ.

Казалось бы, что, въ силу уже простой послѣдовательности, власть народныхъ судей Туркестанскаго края не должна превышать власти народныхъ же судей въ другихъ мѣстахъ и, въ особенности, власти закавказскихъ народныхъ судей, поставленныхъ въ условія вполнѣ аналогичныя съ народными судьями Туркестанскаго края.

Но предположивъ даже, что въ силу особенностей страны или по какимъ бы то ни было другимъ причинамъ, та власть, которая нынѣ предоставлена народному суду въ Туркестанскомъ краѣ, должна быть сохранена и впредь, на болѣе или менѣе продолжительное время, естественно возбуждается нижеслѣдующій вопросъ: очевидно, прежде всего, что власть народныхъ судей, основана ли она на адатѣ или шаріатѣ, не можетъ избѣгнуть обязательнаго со стороны правительства надзора. Не можетъ быть даже допущено предположеніе, что правительство допустило дешевый, ничего не стоющій казнѣ народный судъ, съ единственною цѣлью сложить съ себя всякую отвѣтственность за результаты такого судоустройства. Правительство никакъ не можетъ придерживаться системы совершеннаго невмѣшательства въ народное правосудіе, и, на какихъ бы основаніяхъ оно ни отправлялось, отвѣтственность за организацію народнаго суда лежитъ все таки на правительствѣ, а потому оно должно оставить за собою право надзора за отправленіемъ механизма этого суда.

До судебнаго преобразованія 1887 года надзоръ этотъ выражался въ томъ произвольномъ вмѣшательствѣ въ дѣятельность народнаго суда, которое закончилось созданіемъ кассаціонной инстанціи изъ канцеляріи генералъ-губернатора.

Что же сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Положеніи 12 іюня?

Прежде всего, по этому предмету въ Положеніи 12 іюня имѣется нѣсколько статей, изъ смысла которыхъ слѣдовало бы заключить, что народные суды вообще находятся въ вѣдѣніи администраціи, подъ ея непосредственнымъ контролемъ, и что, отчасти, контроль этотъ предоставленъ также мѣстной прокуратурѣ. Однако, если обратиться къ вопросу о самомъ существѣ этого контроля и способахъ его осуществленія, то придется придти къ тому заключенію,

что порядокъ этотъ и крайне неопредѣленъ и крайне неудовлетворителенъ.

На основаніи 288 ст. Полож. на обязанность уѣздныхъ начальниковъ возлагается ближайшее наблюденіе за веденіемъ книгъ народныхъ судей. По ст. 243 жалобы на рѣшенія единичныхъ судей въ съѣздъ народныхъ судей проходятъ чрезъ уѣздныхъ начальниковъ только по дѣламъ осѣдлыхъ туземцевъ, а по дѣламъ кочевниковъ нѣтъ, такъ какъ жалобы эти приносятся чрезъ волостныхъ управителей. По ст. 248 чрезвычайные съѣзды судей происходятъ въ присутствіи начальника уѣзда, или другаго чиновника, наблюдающаго только за благочиніемъ. Наконецъ, на основаніи ст. 251, приведеніе въ исполненіе рѣшеній народныхъ судей производится волостнымъ управителемъ, подъ наблюденіемъ уѣздныхъ начальниковъ.

Этими статьями опредѣляется роль административнаго надзора за народнымъ судомъ.

Кажется можно сказать, что если право надзора и контроля надъ народными судами дано администраціи съ цѣлью устранить неизбѣжныя, въ подобныхъ судилищахъ, медленность, злоупотребленія, пристрастіе, бездѣйствіе и проч., то надзоръ, устанавливаемый Положеніемъ 12 іюня, совершенно не достигаетъ этой цѣли.

Только одна статья Положенія (ст. 216) какъ будто устанавливаетъ болѣе активное вмѣшательство администраціи и прокуратуры въ существо народнаго правосудія, но и она едва ли можетъ хоть сколько нибудь упорядочить это правосудіе. По ст. 216 „приговоры и рѣшенія народнаго судьи, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ, не приводятся въ исполненіе и о нихъ уѣздный начальникъ представляетъ прокурору; послѣдній вноситъ протестъ въ областной судъ, который, въ случаѣ отмѣны приговора, возвращаетъ дѣло съ надлежащими указаніями въ народный судъ, для постановленія новаго рѣшенія, а при неподсудности дѣла народному суду—даетъ ему законное направленіе“.

По поводу этой статьи возникаетъ вопросъ не только о томъ, на какомъ языкѣ будутъ переписываться областные суды съ народными судьями, но является гораздо болѣе важный вопросъ: какимъ путемъ будутъ доходить до уѣзднаго начальника свѣдѣнія о приговорахъ и рѣшеніяхъ, постановленныхъ съ превышеніемъ власти, и о приговорахъ, постановленныхъ по дѣламъ неподсуд-

нымъ? Если еще на подобный приговоръ приносится жалоба въ съѣздъ народныхъ судей, то, по дѣламъ осѣдлыхъ туземцевъ, приговоръ этотъ, обязательно, проходитъ чрезъ руки уѣздныхъ начальниковъ и, если уѣздный начальникъ дастъ себѣ трудъ ознакомиться съ такими приговорами и рѣшеніями, написанными на туземномъ языкѣ, на которомъ наши уѣздные начальники рѣдко говорятъ и почти никогда не читаютъ, то, разумѣется, онъ можетъ случайно, наткнуться на подобный приговоръ и представить его прокурору. По дѣламъ же кочевниковъ (ст. 243), дѣла въ народный судъ поступаютъ прямо чрезъ волостныхъ управителей и уѣздный начальникъ даже не будетъ о нихъ вовсе знать, а слѣдовательно лишенъ всякой возможности представлять ихъ прокурору. Слѣдовательно и эта статья фактически никакого контроля за рѣшеніями народныхъ судей не устанавливаетъ.

Затѣмъ, исполненіе приговоровъ возложено на туземную администрацію (ст. 251), хотя и подъ наблюденіемъ уѣздныхъ начальниковъ, но понятно, что фактически наблюденіе это будетъ осуществляться только въ случаѣ жалобъ и выражаться въ такъ называемыхъ, и нынѣ хорошо извѣстныхъ, но мало дѣйствительныхъ понужденіяхъ туземныхъ властей къ скорѣйшему исполненію приговоровъ. Никакого же другаго наблюденія за исполненіемъ приговоровъ не будетъ и не можетъ быть, а такое наблюденіе не внесетъ въ дѣло никакого улучшенія.

Наконецъ, и самая редакція ст. 216 не можетъ считаться удовлетворительной. Какіе это „*протесты*“ будетъ подавать прокуроръ по рѣшеніямъ (гражданскимъ?) народнаго суда? Почему вводится нигдѣ не существующее вмѣшательство прокуратуры въ разрѣшеніе всѣхъ, а не нѣкоторыхъ только гражданскихъ дѣлъ и, притомъ, въ суды низшаго порядка? Почему областной судъ, стоящій совершенно въ сторонѣ отъ народнаго суда, не имѣющій съ нимъ никакого соотношенія, привлекается къ возстановленію порядка въ народномъ судѣ въ такихъ именно случаяхъ, когда возстановленіе этого порядка всего удобнѣе и цѣлесообразнѣе могла бы сдѣлать администрація, поставленная наблюдать за народнымъ судомъ, и не менѣе областнаго суда компетентная разсудить—постановленъ ли приговоръ съ превышеніемъ власти или нѣтъ?

Такимъ образомъ, никакого дѣйствительнаго контроля за народнымъ судоотправленіемъ вновь не устанавливается и все остается въ прежнемъ видѣ.

И такъ, введенный Положеніемъ 12 іюня народный судъ, является, съ одной стороны, съ громадной компетенціей, не только не уступающей, но даже превосходящей компетенцію мировыхъ судей, а съ другой, съ слишкомъ ничтожными задатками, не говоря уже про правильное, но даже болѣе или менѣе добросовѣстное отправленіе правосудія.

Къ такому заключенію нужно придти даже и въ томъ случаѣ, если предположить, что въ народные суды попадутъ сравнительно лучшіе люди, хотя такіе именно и не попадутъ. Какъ истинные сыны своего народа, эти лучшіе люди явятся лишь наиболѣе типичными его представителями и внесутъ въ отправленіе правосудія тѣ свойства, которыми наиболѣе этотъ народъ отличается. Въ числѣ этихъ свойствъ никакъ нельзя считать ни любви къ правдѣ, ни стремленія къ истинѣ, ни безкорыстія, ни правильнаго понятія о долгѣ и особенно судейскомъ, ни, въ большинствѣ случаевъ, простой добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей, какъ судей и какъ гражданъ. Прибавить къ этому или совершенно грубое невѣжество, напр. киргизское, или невѣжество, покоящееся на мусульманскомъ фанатизмѣ, и традиціонное стремленіе должностныхъ туземцевъ къ наживѣ и неразборчивому обогащенію, да если, затѣмъ, вспомнить о громадныхъ размѣрахъ власти народныхъ судей и, пропорціонально власти, о происходящемъ отъ неправосудія злѣ, то печальная картина отправленія народнаго правосудія развернется во всю ширь.

Вмѣсто точнаго закона здѣсь является замысловатый, полный противорѣчивыхъ толкованій шаріатъ, съ своими ривоятами, или прихотливый обычай, прихотливо толкуемый стариками. При этомъ, въ самой основѣ отправленія народнаго правосудія, остается лежащее въ существѣ всего мусульманства отчужденіе отъ европейской науки, образованности, презрѣніе къ невѣрнымъ и ихъ режиму, оправдывающее ложь, обманъ, клятвопреступленіе и пр. и пр. и пр.

Кто знакомъ съ начертанной картиной практически, кто видѣлъ этотъ народный судъ въ дѣйствіи, тотъ съ глубокимъ убѣжденіемъ можетъ сказать: дайте народу его судъ, но сократите компетенцію этого суда до крайняго предѣла; предоставьте народу право разбираться самому и примѣнять его обычаи, но ограничьте опредѣленными, возможно узкими рамками область примѣненія и обычая и такъ называемаго мусульманскаго права; не стѣсняйте

мусульманъ въ отправленіи ихъ религіи, но не давайте проникать мусульманскимъ т. е. религіознымъ точкамъ зрѣнія въ отправленіе правосудія и, особенно, тѣхъ его отраслей, которыя имѣютъ воспитательное значеніе; держите въ рукахъ бразды административнаго и военнаго управленія, но и не выпускайте изъ рукъ своего права отправлять судъ, подъ опасеніемъ развратить народъ и развить въ немъ дурныя свойства.

Такова должна быть постановка народнаго суда.

Не имѣя цѣли входить въ разборъ частностей Положенія 12 іюня, мы полагаемъ, что все вышеизложенное приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) произведенная въ краѣ судебная реформа представляется вообще, такъ сказать, не существенной, а результаты состоявшагося преобразованія не соотвѣтствуютъ тѣмъ денежнымъ затратамъ, которыя вызываются введеніемъ областныхъ судовъ [1]), 2) въ порядкѣ разсмотрѣнія и способѣ рѣшеній гражданскихъ дѣлъ никакихъ, существенныхъ, преобразованій не послѣдовало; 3) разрѣшеніе дѣлъ уголовныхъ, въ виду отмѣны теоріи формальныхъ доказательствъ и упраздненія военно-судныхъ коммисій, обставлено лучшими, противъ прежняго, условіями, но для достиженія совершенно подобнаго же результата не требовалось вводить въ краѣ, уже фактически существовавшіе въ немъ, суды прежнаго устройства, съ болѣе значительными лишь расходами на содержаніе, а достаточно было предоставить тѣмъ самымъ областнымъ правленіямъ, которыя несли обязанности судовъ, не руководствоваться теоріей формальныхъ доказательствъ, да увеличить составъ областныхъ правленій однимъ, двумя, пожалуй, тремя лишними дѣлопроизводителями; 4) средства существовавшихъ до 1 января мировыхъ учрежденій, хотя и не называвшихся мировыми, вообще не улучшились, тогда какъ число дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, нѣсколько увеличилось; 5) слѣдственная часть поставлена не въ лучшія чѣмъ прежде условія; составъ слѣдователей малочисленъ, они недостаточно обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, между тѣмъ какъ, въ силу чисто мѣстныхъ условій (громадные разъѣзды, переводчики, повальная лживость показателей и проч.), отъ нихъ требуется больше

---

[1]) До 1 января 1887 г. содержаніе двухъ судныхъ отдѣленій при двухъ областныхъ правленіяхъ обходилось 10—12 т. р. ежегодно. Съ 1 января 1887 г. содержаніе трехъ областныхъ судовъ обходится 91.300 р., слѣдовательно ежегодная разница около 80 т. р.

труда, энергіи и знаній; 6) сохраненіе прежней громадной компетенціи народнаго суда составляетъ, въ сущности, повтореніе прежде сдѣланной ошибки. Предоставленіе, невѣжественнымъ и часто фанатизированнымъ народнымъ судьямъ, рѣшенія, не только простыхъ и несложныхъ дѣлъ домашняго обихода, но и дѣлъ важныхъ въ отношеніи общественномъ, воспитательномъ и отчасти политическомъ, не обѣщаетъ ничего хорошаго. Узаконеніе этой громадной компетенціи на долгіе годы грозитъ принесеніемъ трудно поправимаго зла. Понятіе о дозволенномъ и недозволенномъ, понятіе о правѣ, объ обязанностяхъ, объ отношеніи къ власти государственной и общественной, понятіе объ общественныхъ интересахъ и пр. не обѣщаетъ получить желательнаго направленія, при полномъ отсутствіи всякаго руководящаго и точнаго закона въ рукахъ этихъ судей и при наличности того низкаго нравственнаго уровня, на которомъ пребываютъ и вовѣки пребудутъ біи и казіи. Поэтому можно лишь, въ будущемъ, ожидать, что населеніе, направляемое фанатично религіознымъ духовенствомъ, безъ всякаго воздѣйствія науки и образованія, будетъ болѣе и болѣе отчуждаться отъ русской культуры, и, окончательно сбившись въ распознаваніи преступнаго и непреступнаго, долго, очень долго, не вступитъ на желанный путь прогресса, гуманности и легальности.

Такой судъ, понятно, никакого содѣйствія къ развитію въ населеніи гражданственности не обѣщаетъ; его воспитательное значеніе будетъ прямо неблагопріятно для русской власти и ежегодное сбереженіе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ руб. можетъ принести для насъ результаты, съ которыми придется считаться долгіе годы.

Вся неудовлетворительность постановки народнаго суда сказалась слишкомъ уже ясно за время нашего господства въ этой азіятской окраинѣ, чтобъ желать сохранить этотъ судъ и на будущее время, въ прежнемъ его видѣ, или продолжать какіе либо опыты въ этомъ направленіи.

Ни простая справедливость, ни равенство всѣхъ подданныхъ предъ закономъ, не могутъ заставить примириться съ тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ русскаго государства какая либо часть страны доставляла своимъ жителямъ привиллегію безнаказанности за такія дѣянія, которыя наказуемы не только въ сосѣднихъ губерніяхъ, но наказуемы, по отношенію къ не-туземцамъ, въ той же мѣстности. Оренбургскій и Сибирскій киргизъ не могутъ и не должны быть

поставлены въ иныя условія, чѣмъ киргизъ Туркестанскій. Мусульманинъ закавказскій не можетъ быть судимъ на иныхъ началахъ, чѣмъ мусульманинъ туркестанскій. Передать на народный судъ такихъ дѣлъ, какъ напр. о сокрытіи личности (бродяжество), сокрытіи истины (лжеприсяга), ябеды, ложные доносы, подлогъ, нарушенія врачебныя, санитарныя, обманы, кражи, мошенничество— значитъ развить и поощрить всѣ эти виды преступленій уже и такъ достаточно распространенные [1]).

Послѣ всего вышеизложеннаго было бы кажется наиболѣе правильнымъ заключить, что судебное устройство, введенное въ Туркестанѣ Положеніемъ 12 Іюня, дано лишь на то переходное время, въ которомъ нынѣ находится этотъ край. Ни тѣ народные суды, которые были при ханахъ, ни введенные нынѣ старые суды, очевидно не могутъ оставаться на долгое время, а потому, съ настоящей обстановкой судебной части въ краѣ, можно примириться только какъ съ состояніемъ переходнымъ и временнымъ, и примириться лишь въ надеждѣ на скорое устройство судебной части по тому типу, который пока признанъ наилучшимъ, т. е. по типу судебныхъ уставовъ, съ необходимыми, конечно, изъятіями.

Нельзя сомнѣваться, что дополнительная реформа судебной части потребуется въ непродолжительномъ времени самою жизнью. Развивающееся среди туземцевъ просвѣщеніе, появленіе среди нихъ образованныхъ людей, само собою приведетъ къ вопросу объ измѣненіи громадной компетенціи народныхъ судовъ. Практически немыслимо подчинить просвѣщенныхъ туземцевъ суду біевъ и казіевъ, и суду этому неминуемо, и очень скоро, придется отвести

---

[1]) На основаніи имѣющихся свѣдѣній и, въ согласіе съ киргизскими и мусульманскими воззрѣніями, можно безъ затрудненія намѣтить тѣ разряды дѣлъ, которыя могли бы быть переданы, безъ особыхъ опасеній, на рѣшеніе народныхъ судей, это именно дѣла: 1) о бракахъ и разводахъ; 2) о похищеніяхъ женъ и дѣвицъ, если похищенія не сопровождались другими преступленіями, неподсудными народному суду; 3) о прелюбодѣяніяхъ; 4) о наслѣдствѣ имущества; 5) о наслѣдственности женъ; 6) объ оскорбленіяхъ чести; 7) о человѣколюбіи и благотворительности, обязательныхъ для туземцевъ на основаніи обычая и шаріата; 8) о нарушеніи обычаевъ при поминкахъ, народныхъ празднествахъ, а также о правилахъ приличія и вѣжливости; 9) о порядкѣ кочеванія (насколько дѣла эти не идутъ въ разрѣзъ съ постановленіями русской власти); 10) о захватахъ имущества и земель (если захваты не имѣютъ вида разбоевъ, грабежей); 11) о дареніи; 12) о личномъ наймѣ; 13) о мелкихъ кражахъ, обманахъ, мошенничествахъ на сумму до 30 руб.; 14) о дракахъ, легкихъ пораненіяхъ и увѣчьяхъ и т. п.

то мѣсто, которое повсюду занимаютъ народные суды т. е. подчинить ихъ вѣдѣнію только простѣйшія изъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, но никакъ не сравнивать ихъ, въ правахъ и власти, съ судьями, развитыми умственно и нравственно и дѣйствующими на точномъ основаніи законовъ.

Прошло болѣе пяти лѣтъ послѣ введенія новаго судебнаго строя въ Туркестанскомъ краѣ и, въ теченіи этого періода, достаточно выяснилось, что реформа кое-чего вовсе не предусмотрѣла, а кое-что поставила неправильно и слишкомъ своеобразно. Практика скоро обнаружила разнообразные пробѣлы въ новомъ судоустройствѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, встрѣтилась съ неполнотой и неясностью закона... Въ виду особеннаго положенія края и подчиненія его военному министерству, въ разъясненіи возникшихъ недоразумѣній, преимущественно юридическаго характера,— приняли прежде всего участіе военныя власти—въ лицѣ главнаго штаба и его спеціальнаго отдѣленія, такъ называемой азіятской части, въ составѣ которой нѣтъ ни одного юриста, а затѣмъ уже за толкованіе недоразумѣній взялись другія министерства, особенно вѣдомство финансовъ и государственный контроль. Разъясняли также эти недоразумія, по мѣрѣ силъ, и мѣстныя власти: канцелярія ген.-губернатора, совѣтъ его же, генералъ-губернатора, областныя правленія, областные суды, прокуроры... По нѣсколькимъ вопросамъ разъясненія изошли отъ стараго сената (1, 4—5 департаменты), но разъяснительная дѣятельность всѣхъ этихъ разнообразныхъ учрежденій, повидимому, еще далеко не исчерпана, потому что и по сіе время требованіе такихъ разъясненій, дополненій, измѣненій, а часто и совершенной отмѣны нѣкоторыхъ, только что введенныхъ и даже еще на практикѣ не испытанныхъ, но будто бы уже оказавшихся непригодными, законоположеній, не прекращается.

Новый судъ, характера пестраго и такъ сказать сборнаго, какъ можно было и предвидѣть, не оправдалъ многолѣтнихъ надеждъ и ожиданій. Смѣшеніе порядковъ новыхъ и старыхъ или, вѣрнѣе, примѣсь къ старымъ порядкамъ нѣкоторыхъ новыхъ, и, вообще, вся эта полуреформа неизбѣжно плодили колебанія, шаткость и недоразумѣнія. Со всѣхъ сторонъ предлагались желанныя поправки. Администрація, недовольная сокращеніемъ власти, домогалась, по крайней мѣрѣ, недопущенія никакихъ жалобъ на взысканія, налагаемыя ею на туземцевъ (64 и 65 Полож. 12 іюня), утверждая, что

такое обжалованіе „ослабляетъ престижъ власти". Отъ администраціи же изошелъ, уже на пятый годъ дѣятельности новыхъ административныхъ и судебныхъ порядковъ, проектъ о предоставленіи мѣстнымъ властямъ карать проступки туземцевъ болѣе или менѣе строгими взысканіями, не въ зависимости отъ важности содѣяннаго, а въ зависимости отъ того, какой начальникъ налагаетъ взысканіе: т. е. чѣмъ выше лицо, налагающее взысканіе, тѣмъ и взысканіе должно быть выше. Такъ,, напр., за безпорядокъ и шумъ на улицѣ уѣздный начальникъ могъ назначить арестъ до семи дней, губернаторъ--мѣсяцъ, а генералъ-губернаторъ—три мѣсяца. Проектъ этотъ разумѣется, не прошелъ. Прокуроры, въ цѣляхъ усиленія своей компетенціи, стали принимать для разсмотрѣнія и направленія дѣла, не подлежащія ихъ вѣдѣнію (напр., преступленія по должности), а областные судьи и сами расширили свою компетенцію, при молчаливомъ сочувствіи прокуратуры и, въ силу довольно неожиданныхъ разъясненій правительствующаго сената. Вотъ, напр., одинъ изъ наиболѣе крупныхъ примѣровъ. Извѣстно, что весь Туркестанскій край находится въ вѣдѣніи военнаго министерства и что въ краѣ имѣются военно-окружные суды. Такимъ образомъ всѣ чины административно-полицейскаго управленія, суть гражданскіе чины военнаго вѣдомства. Согласно ст. 11 т. XV ч. 2 (изд. 1876 г.) и 219—225 уст. угол. суд. такіе чины, за преступленія должности, подлежатъ военно-окружному суду,—и какъ ни ясенъ этотъ законъ, но мѣстные областные суды рѣшили, что дѣла эти подсудны не военно-окружнымъ судамъ, а имъ,—и принялись судить, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ штабъ и оберъ-офицеровъ, не говоря уже про гражданскихъ чиновъ военнаго вѣдомства. Ни губернаторы, ни прокуроры противъ этого не протестовали и этотъ порядокъ установился кажется окончательно.

Нижеприведенный перечень главнѣйшихъ вопросовъ, возникшихъ въ практикѣ судовъ и администраціи, въ первое же время послѣ судебнаго преобразованія въ краѣ, лучше всего укажетъ и разъяснитъ общій характеръ всѣхъ недоразумѣній и разногласій и въ самомъ судѣ и между администраціей, судомъ и прокуратурой. Черезъ годъ и въ правящихъ сферахъ края и въ обществѣ уже сложилось мнѣніе, что желанное и столь долго ожидаемое преобразованіе далеко не принесло того, на что всѣ разсчитывали. Во первыхъ, судъ остался бумажнымъ, какимъ онъ былъ и прежде. Судебнаго слѣдствія какъ прежде не было, такъ и теперь нѣтъ;

самый вызовъ обвиняемыхъ для суда необязателенъ; судьи являются просто въ роли интерпретаторовъ тѣхъ письменныхъ документовъ, которые вошли въ составъ такъ называемаго формальнаго слѣдствія. Прокуроры громили отсутствующихъ обвиняемыхъ, а судьи вѣрили тѣмъ неизвѣстнымъ субъектамъ, которые значились свидѣтелями [1]). Во вторыхъ, личный составъ судовъ былъ такъ непомѣрно малъ, что не только никакой спеціализаціи судей по отдѣламъ нельзя было достигнуть,—но судьи едва успѣвали справляться и съ механической работой а о какихъ либо выѣздахъ въ сессіи не могли и думать [2]). Въ третьихъ, слѣдственная часть, поставленная вообще неудовлетворительно, была особенно плохо организована по отношенію къ преступленіямъ должности,—о которыхъ слѣдствія производились, какъ и прежде, совершенно некомпетентными административными чиновниками. Въ четвертыхъ, мировыхъ судей было слишкомъ мало, такъ мало, что они вовсе не могли объѣзжать своихъ обширныхъ раіоновъ, а всегда призывали къ себѣ за сотни верстъ участвующихъ въ дѣлахъ лицъ и, этимъ порядкомъ, охлаждали всякое желаніе къ вчинанію самыхъ правыхъ дѣлъ. Мировые съѣзды были устроены всего по одному на область и напр. въ Сыръ-Дарьинской области среднее разстояніе для лицъ, призываемыхъ въ съѣзды, было 500 — 700 верстъ. Въ пятыхъ, въ дѣлопроизводствѣ нѣкоторыхъ судовъ воцарилась вообще и, особенно въ серьезныхъ дѣлахъ, большая медленность. Такъ напр., по дѣлу одного инженера, обвиняемаго въ подлогахъ по службѣ, потребовалось девять съ половиною мѣсяцевъ для написанія и сообщенія приговора на утвержденіе губернатора, а приговоръ по обвиненію двухъ чиновниковъ въ взяточничествѣ и вымо-

---

[1]) Благодаря заглазности всего слѣдственнаго производства былъ такой случай. Вмѣсто обвинявшагося въ грабежѣ Борубая Джарнымбаева, слѣдователь заключилъ, по ошибкѣ, въ тюрьму Бовгутюкъ Каратаева, котораго судъ и осудилъ въ каторжныя работы на 8 лѣтъ. Только уже съ пути слѣдованія, пройдя 3000 верстъ, Каратаевъ, по телеграфу, былъ освобожденъ.

[2]) Отчасти недостатокъ у судей времени на внимательную разработку слѣдственнаго матеріала приводитъ къ тому, что преобладаютъ оправдательные приговоры, которые пишутся легче и скорѣе, потому что не предвидится жалобъ. Приговоры эти иногда поражаютъ своею неожиданностью. При полныхъ уликахъ, добытыхъ при слѣдствіи и нисколько неизмѣнившихся на судѣ, даже при сознаніи обвиняемыхъ, постановляются оправдательные приговоры. Въ 1890 г., по октябрь мѣсяцъ, изъ 28 приговоровъ, постановленныхъ областнымъ судомъ Сыръ-Дарьинской области было, 15 обвинительныхъ и 13 оправдательныхъ.

гательствѣ,—не былъ сообщенъ на утвержденіе губернатора болѣе двухъ лѣтъ. Въ шестыхъ, прокуратура, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, проявила, рѣшительно ни на какомъ законѣ не основанное, усердіе въ принятіи, отъ туземцевъ, жалобъ на туземную администрацію и вообще на должностныхъ лицъ. Извѣстно, что по закону жалобы эти должны быть подаваемы начальству обвиняемыхъ лицъ и такъ въ дѣйствительности прежде и дѣлалось, —но туземецъ, убѣжденный, что жалоба въ нѣсколькихъ экземплярахъ дѣйствуетъ гораздо лучше чѣмъ въ одномъ, никогда не прочь повторить эту жалобу всякому, власть имѣющему, будь то проѣзжій сановникъ или, просто, знатный иностранецъ, и такіе дубликаты жалобъ направлялись и къ вновь появившимся прокурорамъ, а тѣ, вмѣсто указанія просителямъ куда имъ слѣдовало направиться, стали принимать эти жалобы собственно для препровожденія на распоряженіе губернатора и такимъ путемъ очень размножили и безъ того значительную переписку. Такъ, въ 1887 г., такихъ прошеній было принято однимъ сыръ-дарьинскимъ областнымъ прокуроромъ 70, а въ 1888 г. ихъ было уже 220 и изъ всѣхъ этихъ 290 жалобъ только по 20 — 25 начаты слѣдствія а остальныя, послѣ дознанія, оставлены безъ послѣдствій.

Затѣмъ, вотъ небольшой перечень вопросовъ, возникшихъ въ преобразованныхъ судахъ и администраціи, и изъ послѣдовавшихъ по нѣкоторымъ изъ нихъ рѣшеній, уже можно заключить о томъ общемъ направленіи, которое получила судебная дѣятельность въ краѣ. Вопросами этими, имѣвшими, большею частью, практическое значеніе, конечно, далеко не исчерпывалась вся та масса мелочныхъ недоразумѣній, которыя народились уже потому только, что въ краѣ было допущено одновременное существованіе нѣсколькихъ типовъ судовъ и оставлена полу - военная администрація, подчинившаяся и сенату и главному штабу и получавшая отовсюду обязательныя для нея разъясненія и указанія. Коллизіямъ и пререканіямъ вѣдомствъ здѣсь открывалось такое широкое поприще какъ нигдѣ, и если ихъ не было или было немного, то это нужно приписать благоразумію и такту начальствующихъ лицъ.

Въ числѣ этихъ вопросовъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ вопросъ отчасти финансоваго характера. Нѣкоторые заботливые о возрастаніи мѣстныхъ государственныхъ доходовъ чиновники объявили, что казна много теряетъ вслѣдствіе того, что недвижимость между туземцами переходитъ не крѣпостнымъ порядкомъ.

На третій уже годъ дѣятельности новыхъ судовъ, какъ извѣстно, было въ краѣ вновь введено нотаріальное положеніе, упраздненное при введеніи Положенія 12 іюня, и вдругъ возникъ вопросъ—не распространяется ли нотаріальное положеніе и на туземцевъ. Хотя законъ совершенно ясно разрѣшалъ этотъ вопросъ и разрѣшалъ отрицательно [1]), но нашлись чиновники, утверждавшіе, что положеніе распространяется и не примѣняется только по какому-то недоразумѣнію. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ примѣнить это положеніе не рѣшились и недоразумѣніе остается какъ бы неразъясненнымъ.

За этимъ финансовымъ вопросомъ идетъ цѣлый рядъ вопросовъ о подсудности разныхъ преступленій, оказавшихся, скорѣе всего по какому-то недосмотру, какъ уже это указано ранѣе, въ вѣдѣніи народнаго суда и, наконецъ, идетъ рядъ вопросовъ судопроизводственныхъ и процессуальныхъ. Двадцать лѣтъ обсуждавшійся на Кавказѣ вопросъ о невозможности разграниченія подсудности мировыхъ и общихъ учрежденій по одному только признаку, (сопряжено ли наказаніе съ лишеніемъ и ограниченіемъ правъ состоянія или безъ лишенія) потребовалъ новаго разрѣшенія въ Туркестанѣ и кавказскія ошибки были въ Туркестанѣ продѣланы еще разъ [2]). Затѣмъ еще возникли слѣдующіе вопросы:

1) дѣла о составленіи подложныхъ на жительство видовъ и о бродяжничествѣ, попавшія въ рубрику преступленій, подсудныхъ народному суду—прокуроры полагали, совершенно основательно, подчинить общему суду;

2) тому же суду прокуроры предлагали подчинить и дѣла о нанесеніи побоевъ беременной женщинѣ (1491 ст. улож.), но почему это одно преступленіе выдѣлялось изъ цѣлаго ряда другихъ, не менѣе важныхъ—непонятно;

3) тому же суду считалось необходимымъ передать разсмотрѣніе дѣлъ о злостныхъ банкротствахъ между туземцами.

4) Также признавалось нужнымъ передать на рѣшеніе русскаго суда дѣла объ употребленіи и продажѣ ядовитыхъ и сильно дѣйствующихъ веществъ.

---

[1]) Передача земельныхъ участковъ между туземцами, раздѣлы, наслѣдованіе, совершаются по соблюдаемымъ, въ каждомъ мѣстѣ, обычаямъ (ст. 261 Пол. 12 іюня).

[2]) На Кавказѣ десять лѣтъ держались того взгляда, что мировой судья можетъ наказывать плетьми и ссылать въ каторжныя работы, напр. бѣглыхъ ссыльныхъ и только впослѣдствіи было признано, что подобныя дѣла выходятъ изъ компетенціи мировыхъ судей.

Всѣ эти категоріи дѣлъ предполагалось болѣе удобнымъ изъять изъ подсудности народныхъ судей вслѣдствіе совершенно индифферентивнаго ихъ отношенія ко всѣмъ подобнымъ преступленіямъ. Но одни ли только эти преступленія было неудобно оставлять въ вѣдѣніи народныхъ судовъ и было ли послѣдовательно, по соображеніямъ ли удобствъ или по какимъ либо другимъ мотивамъ, дѣлать подобныя изъятія изъ подсудности народныхъ судовъ, въ тоже время продолжая признавать этотъ судъ достаточно компетентнымъ для сужденія сотень другихъ преступленій, имѣющихъ не меньшую важность чѣмъ продажа ядовитыхъ веществъ? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Очевидно, что тутъ съигралъ роль случай, обратившій вниманіе на необходимость изъять именно эти преступленія изъ вѣдѣнія народнаго суда. Благодаря такимъ же отдѣльнымъ случайностямъ были возбуждены ходатайства: 1) о распространеніи власти прокуроровъ на мѣстныхъ судебныхъ врачей, находящихся въ вѣдѣніи военно-медицинскаго инспектора и не признающихъ распоряженій прокуратуры; 2) о передачѣ въ русскіе суды всѣхъ взысканій по векселямъ, выданнымъ туземцами, а также о подлогѣ этихъ векселей, *потому что вексель есть документъ русскій*, а на основаніи ст. 141 Полож. (п. 11) русскому суду подсудны дѣла о подлогѣ русскихъ документовъ; 3) объ изъятіи изъ подсудности народнаго суда всѣхъ дѣлъ такихъ туземцевъ, которые или состоятъ въ туземной администраціи, или имѣютъ чинъ, или служатъ на государственной службѣ. Ходатайство это мотивировалось вообще неудобствомъ подчинить народному суду чиновниковъ туземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые достигли 4 класса; 4) о передачѣ, въ вѣдѣніе областнаго суда, всѣхъ дѣлъ о туземцахъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по должности. Дѣла эти, въ большинствѣ случаевъ, были подсудны мировымъ установленіямъ, какъ не влекущія лишенія или ограниченія правъ состоянія, но такая подсудность признавалась неудобною только потому, что всѣ должностныя лица предаются суду коллегіальными постановленіями областныхъ правленій.

Вслѣдъ за преобразованіемъ туркестанскаго суда также почувствовалось великое неудобство почти въ полномъ отсутствіи кассаціи на рѣшенія мировыхъ судей и областныхъ судовъ, такъ какъ по уголовнымъ дѣламъ кассація допускалась только въ случаѣ нарушенія предѣловъ вѣдомства или власти (ст. 158), а по дѣламъ гражданскимъ не допускалось никакой кассаціи. Можно себѣ легко

представить, каковы могли быть неправильности въ рѣшеніяхъ при такомъ отсутствіи контроля кассаціонной инстанціи.

Порядокъ исполненія рѣшеній мировыхъ судей и областныхъ судовъ также немедленно вызвалъ не только вопросы, но и нѣкоторыя столкновенія судей и администраціи. На основаніи ст. 192 Полож. рѣшенія эти должны были приводится въ исполненіе „указами", даваемыми судьями полиціи, согласно 528—534 зак. о судопр. и взыск. гражд., а по ст. 177 Полож. они должны были исполняться общимъ порядкомъ, указаннымъ въ ст. 157—161 уст. гражд. суд. Нѣкоторые уѣздные начальники отказались отъ исполненія такихъ указовъ, потому что служебное положеніе ихъ и мировыхъ судей одинаково и мировые судьи не могли давать имъ указовъ.

Изъ законовъ, относящихся до народныхъ судовъ, сразу возбудили много вопросовъ: а) ст. 216, на основаніи которой рѣшенія народныхъ судовъ отмѣнялись областными судами, если рѣшенія эти были постановлены „съ превышеніемъ власти или по дѣламъ неподсуднымъ"; б) ст. 232, въ которой было пропущено, кто возбуждаетъ дѣла въ народныхъ судахъ у осѣдлаго населенія (у кочеваго—потерпѣвшій или волостной управитель или уѣздный начальникъ); в) вопросъ объ отводѣ судей въ народныхъ судахъ, причемъ предлагалось, въ случаѣ отказа въ просьбѣ объ отводѣ, допустить принесеніе частныхъ жалобъ въ областной судъ; г) ст. 242, по которой обязанность доставлять на съѣзды народныхъ судей отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на сельской полиціи, но кто долженъ доставлять ихъ къ единоличнымъ судьямъ—не указано. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ прокуратура, не справляясь въ воззрѣніями народа, почему-то полагала, что такая явка обязательна и что неявившагося свидѣтеля слѣдуетъ, попросту, штрафовать, а въ случаѣ неявки отвѣтчика постановлять заочное рѣшеніе, да притомъ еще безъ права обжалованія, въ случаѣ же неявки истца—дѣло прекращать, т. е. все дѣлать на русскій образецъ [1]).

Всѣ эти и другіе вопросы были возбуждены офиціально и самая постановка ихъ довольно ясно указывала, что съ только что дарованнымъ населенію народнымъ судомъ также не считалось нуж-

[1]) Когда одинъ съѣздъ народныхъ судей оштрафовалъ неявившагося свидѣтеля на 45 руб., то одинъ изъ прокуроровъ подалъ протестъ въ 5 департаментъ сената и тотъ отмѣнилъ это опредѣленіе народныхъ судей, руководствуясь неизвѣстно какими соображеніями.

нымъ стѣсняться, какъ не церемонилась съ нимъ дореформенная администрація и что предлагались такія капитальныя *поправки*, которыя нарушали всѣ характерныя особенности и суда шаріатскаго и суда по обычаю. Очевидно, что при самомъ офиціальномъ признаніи народнаго суда уже не признавалось за учрежденіемъ этимъ никакой устойчивости и считалось совершенно возможнымъ, немедленно, подвергнуть его основательной ломкѣ, во имя ли удобствъ контроля, или во имя спеціальныхъ интересовъ прокурорскаго надзора.

Всѣ ли эти вопросы уже рѣшены въ настоящее время и рѣшены ли они въ томъ смыслѣ, какъ предлагали туркестанскія власти, мы не знаемъ, но самое количество возбужденныхъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о судебномъ устройствѣ края былъ обсужденъ съ нѣкоторою поспѣшностью.

Въ виду, однако, неотложной необходимости въ скорѣйшемъ разрѣшеніи большинства этихъ вопросовъ, мѣстныя власти старались, не обращаясь къ законодательному порядку, разъяснить ихъ на мѣстѣ, пытаясь такъ сказать обойтись собственными силами и, въ поспѣшности, нерѣдко приходили къ заключеніямъ, юридическая зрѣлость которыхъ возбуждаетъ сомнѣнія. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

1) 11 августа 1888 года совѣтъ генералъ-губернатора разсуждалъ о порядкѣ отвода народныхъ судей. Правильно ли этотъ вопросъ попалъ въ совѣтъ генералъ-губернатора—этого не будемъ касаться, потому что по заведенному порядку въ совѣтъ вносилось все то, что находилъ нужнымъ главный начальникъ края. Казалось бы, что такой вопросъ никѣмъ инымъ не могъ и не долженъ быть рѣшенъ какъ самими народными судьями, ибо едва ли даже допустимо предположеніе, чтобы подобный вопросъ не былъ предусмотрѣнъ шаріатомъ или адатомъ. Тѣмъ не менѣе онъ попалъ въ совѣтъ генералъ-губернатора и тамъ, не справляясь ни съ адатомъ, ни съ шаріатомъ, признали за лучшее разрѣшить вопросъ согласно съ русскими законами (ст. 195 и 667 уст. угол. судопр. и ст. 85 и 600 уст. гражд. суд.) и, *примѣнительно* къ ст. 216 Полож. 12 іюня, допустили жалобы на опредѣленія народныхъ судей объ отводѣ, каковыя жалобы должны быть подаваемы чрезъ уѣздныхъ начальниковъ прокурорамъ, а тѣ представляли бы ихъ въ областной судъ.

2) 22 декабря 1886 г. совѣтъ принялъ на себя задачу установить: кто долженъ рѣшать такія дѣла, когда иски предъявля-

ются къ самимъ народнымъ судьямъ. Кажется, и въ этомъ случаѣ, не было сомнѣнія, что и адатъ и шаріатъ сами знаютъ выходъ изъ этого положенія, но совѣтъ, все таки, разсуждалъ, кому удобнѣе предоставить рѣшеніе такихъ исковъ—ближайшему ли судьѣ или кандидату того судьи, который попалъ въ тяжбу, и остановился на томъ, чтобы предоставить это ближайшему судьѣ, потому что кандидатъ де всегда соперничаетъ съ судьей.

3) По проекту Положенія 1867 г., дѣла объ убійствахъ между киргизами рѣшались народными судьями (§ 133), но на практикѣ оказалось, что нѣкоторыя убійства, совершенныя еще до 1 января 1887 г., не успѣли попасть на народный судъ и остались неразрѣшенными. Возникъ вопросъ, кто долженъ рѣшить эти дѣла и хотя въ этомъ случаѣ новый законъ не могъ имѣть обратнаго дѣйствія уже потому, что онъ былъ гораздо строже стараго, тѣмъ не менѣе совѣтъ призналъ эти дѣла подсудными областнымъ судамъ. Помимо всего, въ этомъ случаѣ достойно замѣчанія, что это признаніе сдѣлано административнымъ учрежденіемъ, не уполномоченнымъ разрѣшать никакихъ пререканій.

Почти одновременно съ этими рѣшеніями, которыми, такъ сказать, домашнимъ порядкомъ устранялись и восполнялись разные пробѣлы закона, послѣдовало нѣсколько рѣшеній правительствующаго сената, способствовавшихъ усугубленію воцарившейся въ судебномъ дѣлѣ путаницы.

Большое недоразумѣніе вызвало, напримѣръ, сенатское рѣшеніе по вопросу: кому подсудны иски по векселямъ на сумму свыше 2000 руб. (указ. 4 департ. 5 декабря 1888 г. № 1495). На основаніи Полож. 1886 г. (§ 194) иски по векселямъ до 2000 рублей подсудны мировымъ судьямъ, а кому подсудны иски по векселямъ свыше этой суммы—ясно разрѣшала ст. 194 Положенія [1]). По рѣшенію сената однако оказалось, что они подсудны не судамъ, а полиціи. Ст. 194 говоритъ, по мнѣнію сената, только о спорныхъ, а не о безспорныхъ взысканіяхъ, хотя въ самой статьѣ этой подобнаго указанія не заключается.

Затѣмъ послѣдовало рѣшеніе вопроса—кому подсудны дѣла о бродягахъ (указ. 4 департ. 5 сентября 1888 г. № 1376). Эти дѣла, по рѣшенію 4 департамента, оказались подсудными мировымъ

---

[1]) Ст. 194: гражданскія дѣла, выходящія изъ предѣловъ вѣдомства мировых судей, начинаются въ областныхъ судахъ.

судьямъ; приговоры же этихъ судей, какъ растолковалъ сенатъ, должны приводить въ исполненіе областныя правленія, и именно потому, разсуждаетъ сенатъ, что хотя подобный порядокъ исполненія приговоровъ не предусмотрѣнъ закономъ [1]), но „очевидно, что правила эти не объемлютъ и не могутъ обнять всѣхъ случаевъ исполненія приговоровъ", а потому, говоритъ сенатъ „областное правленіе, какъ полиція, обязана чинить буквальное исполненіе приговора, не входя ни въ какое разсужденіе и не прилагая никакой догадки". Въ этомъ сенатскомъ указѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что областное (т. е. губернское правленіе) дважды названо полиціей, каковаго наименованія этимъ учрежденіямъ законъ не присвоиваетъ.

Одновременно съ тѣмъ послѣдовало рѣшеніе 1 департамента, въ которомъ, по поводу пререканія одного областнаго правленія съ прокуроромъ, высказаны слѣдующія руководящія мысли: одинъ волостной управитель обвинялся въ вымогательствѣ съ киргизъ, и, именно, въ полученіи съ каждой кибитки 70—80 коп. въ свою пользу. Областное правленіе высказалось за прекращеніе дѣла, принявъ во вниманіе то обстоятельство, что хотя 40 свидѣтелей и удостовѣряютъ, что деньги дѣйствительно вымогались, но одни изъ нихъ говорятъ, что это было въ 83, другіе—въ 84, третьи—въ 85 году, причемъ одни свидѣтельствуютъ, что брали по 30, другіе—по 40, 50, 60 копѣекъ и т. д. Прокуроръ протестовалъ, высказавъ, что „противорѣчіе свидѣтелей касается *исключительно* времени, мѣста, количества и обстоятельствъ, при которыхъ вымогались деньги, т. е. касаются подробностей факта, но наличность самаго факта свидѣтели утверждаютъ категорически". Сенатъ, раздѣляя взглядъ прокурора, пошелъ даже еще дальше обвиненія и высказалъ, что разнорѣчіе свидѣтелей о времени, количествѣ денегъ и проч., и проч. *ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ къ прекращенію дѣла, а только указываетъ на многочисленность случаевъ вымогательства* (дѣло Бектыбекова съ Канглысафаровцами). Далѣе, былъ еще такой случай, когда разъясненіе сената окончательно запутало вопросъ. Пока въ краѣ не было введено Положеніе 12 іюня, сенатъ неоднократно разъяснялъ, что Проектъ 1867 года или, какъ онъ офиціально назывался „дѣй-

---

[1]) Порядокъ исполненія приговоровъ предусмотрѣнъ закономъ (Пол. ст. 159 и 181—191 уст. угол. суд.).

ствующій проектъ", а также и все, что генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ ввести въ краѣ, обязательны для исполненія, но какъ только Положеніе было введено, сенатъ отступился отъ своихъ прежнихъ взглядовъ. Такъ напр., 14 марта 1888 года (указъ № 500) 4 департаментъ, по поводу жалобы одного частнаго повѣреннаго на отказъ въ выдачѣ ему свидѣтельства на хожденіе по чужимъ дѣламъ, не вошелъ въ обсужденіе самой жалобы, а высказалъ, что въ краѣ никогда никакихъ частныхъ повѣренныхъ не было и что въ Туркестанѣ всякій могъ ходатайствовать по дѣламъ, между тѣмъ еще въ 1876 г. (30 октября), генералъ Кауфманъ (приказъ № 6787), въ силу Высочайше дарованныхъ ему полномочій, примѣнилъ въ краѣ правила 25 мая 1875 г., и съ тѣхъ поръ къ веденію чужихъ судебныхъ дѣлъ допускались только лица, получившія на то свидѣтельства.

Но и относительно статей только что введеннаго Положенія сенатъ давалъ противорѣчивыя разъясненія. Такъ напримѣръ, по поводу уже цитированной ранѣе ст. 216 полож. одинъ прокуроръ возбудилъ вопросъ: въ какомъ порядкѣ судъ долженъ разсматривать его протесты, подаваемые на основаніи этой статьи: какъ мировой съѣздъ, или какъ соединенная палата, и можно ли протестовать противъ опредѣленій областнаго суда, постановленныхъ по той же ст. 216? При разъясненіи этого вопроса оказалось, что 5 департаментъ сената, разсмотрѣвъ по существу протестъ прокурора, отмѣнилъ приговоръ суда, а 4 департаментъ нашелъ, что опредѣленія судовъ по ст., 216 окончательны и оставилъ протестъ безъ разсмотрѣнія.

Среди этой путаницы, областной судъ присвоилъ себѣ право рѣшать дѣла по преступленіямъ должности лицъ, состоящихъ на дѣйствительной военной службѣ, проявивъ при этомъ еще и величайшую медленность.

Также очень характерно, что одинъ изъ областныхъ судовъ, по одному гражданскому дѣлу (дѣло Джурабека Календарбекова), рѣшилъ, что если туземецъ имѣетъ какой либо чинъ, то онъ уже перестаетъ пользоваться правами туземца, и народному суду не подлежитъ. Рѣшеніе это, какъ не подлежащее кассаціи, вошло въ силу.

Такимъ образомъ, только что отстроенное новое зданіе реформированнаго суда было подвергнуто капитальной перестройкѣ. Давно уже, такъ сказать, тронутый народный судъ былъ оконча-

тельно допорченъ и самымъ Положеніемъ 12 іюня и его разъясненіями, и совершенно утратилъ своеобразный свой обликъ. Взирая на такое вторженіе и въ существо и въ формы народнаго суда, которое стало усиленно практиковаться съ 1 января 1887 г., оставалось только съ полнымъ недоумѣніемъ спросить: и зачѣмъ же было огородъ городить и зачѣмъ было давать сегодня то, что завтра признавалось негоднымъ и несостоятельнымъ? Мало того, что въ видахъ надзора, установили такой порядокъ, чтобы всѣ приговоры шли на просмотръ уѣздныхъ начальниковъ [1]), на тотъ конецъ, не найдетъ ли онъ поводовъ къ протесту по ст. 216 пол.; мало было еще создать изъ областнаго суда кассаціонную инстанцію для рѣшеній, постановленныхъ по адату и шаріату, и начать оцѣнивать преступленія, подсудныя народному суду, съ точки зрѣнія русскихъ законовъ, потребовалось еще, для чего-то, даже наблюденіе за порядкомъ доставленія свидѣтелей, за порядкомъ ихъ оштрафованія, порядкомъ отвода народныхъ судей, и все это организовалось по русскимъ законамъ. Тутъ было полное недоразумѣніе: народный судъ какъ бы данъ былъ для того, чтобы немедленно приступить къ его окончательному искаженію и уничтоженію. Вся дѣятельность, направленная къ передѣлкѣ народныхъ судовъ, имѣла такой видъ, какъ будто бы правительство инстиктивно сознавало несовмѣстимость этихъ судовъ и вообще съ цивилизованнымъ управленіемъ и, въ частности, съ предпринятыми реформами—поземельной, финансовой, учебной, податной, несовмѣстимымъ со введеніемъ въ странѣ общегражданскаго управленія, но, все-таки, считало еще нужнымъ для чего-то оставить въ рукахъ народа хотя призракъ его патріархальнаго суда.

Весьма мало обремененная, но жаждавшая дѣятельности прокуратура, также, съ особенной энергіей, принялась за исправленіе народнаго суда, но, въ особенности, усердіе это проявилось въ открытіи въ дѣйствіяхъ народныхъ судей преступленій по должности. Прокуроры, однако, упустили изъ виду, что къ этому патріархальному суду никакія цивилизованныя нормы непримѣнимы. Напр. подчистки, помарки, уничтоженіе и передѣлка подписей въ рѣшеніяхъ и актахъ народнаго суда, громко именуемые на нашемъ языкѣ подлогами по службѣ, не имѣютъ, по народнымъ

---

[1]) Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ попутно 23 декабря 1887 г. при рѣшеніи другаго вопроса.

возрѣніямъ, большаго значенія и совершаются невинно и по простотѣ душевной. Тутъ вполнѣ отсутствуетъ злая воля и злой умыселъ и прокурорамъ совсѣмъ нечего было дѣлать. Точно также, когда народный судья, увѣщевая спорящихъ окончить дѣло миромъ, побьетъ или ругнетъ несговорчивую сторону, а прокуроръ сейчасъ же возбуждаетъ громкое дѣло объ оскорбленіи при исполненіи обязанностей службы, то тутъ проявляется только незнаніе того, что битье и ругатня есть только патріархальный способъ убѣжденія... Дѣятельность прокуратуры приняла, однако, такимъ образомъ характеръ настойчиваго вмѣшательства въ отправленіе правосудія въ народныхъ судахъ и кляузный туземецъ, при содѣйствіи мелкой кляузной адвокатуры, усмотрѣлъ въ прокурорѣ нѣкую особую инстанцію, охотно принимающую всякаго рода жалобы и куда то ихъ направляющую. Затѣмъ, конечно, не обошлось безъ недоразумѣній, обычно сопровождающихъ отдѣленіе суда отъ администраціи, и начались препирательства между слѣдователями, уѣздными начальниками, прокуратурой, областными правленіями и областными судами [1].....

Подводя итоги всему вышесказанному, оцѣнивая, по достоинству, какъ прежде дѣйствовавшіе, такъ и вновь заведенные судебные порядки въ Туркестанѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Если еще при завоеваніи края считалось необходимымъ, по соображеніямъ политики и экономіи, оставить населенію широкую судебную автономію, то допущеніе этихъ временныхъ порядковъ на протяженіи цѣлой четверти столѣтія было уже нѣкоторой ошибкой. Какъ бы гуманно ни относиться къ обычаямъ страны, правительство никогда не могло иначе, какъ въ ущербъ своего достоинства, выпустить изъ своихъ рукъ вѣсы правосудія и передать ихъ въ руки народа не только невѣжественнаго, но, нерѣдко, религіозно-фанатичнаго, а тѣмъ большею ошибкой было столь продолжительное оставленіе этого суда въ рукахъ народа,

---

[1]) Однимъ изъ неожиданныхъ результатовъ этихъ несогласій получилась безнаказанность лжедоносчиковъ. Туземцы приносятъ массу жалобъ на должностныхъ лицъ. Девять десятыхъ этихъ жалобъ ложны и оставляются, резолюціями губернаторовъ, безъ послѣдствій, а противъ ложныхъ доносчиковъ возбуждается преслѣдованіе чрезъ прокурора. Нѣкоторые изъ прокуроровъ оставляютъ, однако, такія сообщенія губернаторовъ безъ движенія, потому что, по мнѣнію ихъ, губернаторъ не имѣетъ права находить жалобы ложными, а должны это дѣлать областныя правленія.

что, въ сущности, этотъ судъ находился у осѣдлаго населенія въ рукахъ духовенства, въ рукахъ казіевъ, всегда враждебно относившихся къ невѣрнымъ [1]). Наконецъ, весьма серьезной ошибкой было со стороны русской власти, что она допустила, путемъ суда, проникнуть шаріатскимъ тенденціямъ въ среду совершенно еще въ то время индеферентнаго, въ религіозномъ отношеніи, киргизскаго народа, весьма быстро поддавшагося этой пропагандѣ, при совершенномъ отсутствіи всякихъ признаковъ миссіонерской дѣятельности съ нашей стороны. За этотъ длинный промежутокъ времени православная церковь въ краѣ едва ли пріобрѣла и десятокъ новыхъ прозелитовъ среди киргизъ, между тѣмъ какъ мусульманство ихъ насчитываетъ сотни тысячъ и, навѣрно, не выпуститъ изъ своихъ рукъ новыхъ послѣдователей ислама, если бы даже теперь мы проявили усиленное миссіонерское рвеніе. Мы не хотимъ, разумѣется, этимъ сказать, что господствующая въ государствѣ церковь должна была приняться за обращеніе киргизъ въ православіе тотчасъ какъ только приняла ихъ въ свое подданство, но, не въ укоръ мѣстной власти будь сказано, что она должна была менѣе спокойно смотрѣть на обращеніе киргизъ въ мусульманъ и, допустивъ столь безпрепятственную мусульманскую пропаганду, сдѣлала серьезную ошибку. Теперь это дѣло уже непоправимо. Нельзя даже сказать, чтобы мы смотрѣли только равнодушно на повальный переходъ киргизъ въ исламъ; нѣкоторыя дѣйствія администраціи имѣли даже такой видъ, что она какъ бы хотѣла усвоить киргизамъ чуждое для нихъ ученіе Магомета. Такъ напр., при отобраніи отъ киргизъ, по разнымъ случаямъ, присяги, ихъ почему то издавна третировали какъ настоящихъ мусульманъ и навязывали имъ присягу по корану, между тѣмъ какъ „обычная“ киргизская присяга никакого сходства съ присягой по корану никогда не имѣла и не имѣетъ.

Не менѣе важны были и другія ошибки. Напримѣръ, исправленіе всѣхъ недостатковъ народныхъ судовъ путемъ механическаго приспособленія формъ и образцовъ русскаго суда, вмѣсто предоставленія этимъ недостаткамъ выступить въ яркомъ свѣтѣ и съ

---

[1]) Эта точка зрѣнія не только никогда не признавалась, но въ печати, правда изъ мусульманскаго лагеря, выражалось неудовольствіе и на тотъ легкій надзоръ, который правительство установило за народными судами и высказывалось, что такое „вторженіе русской власти въ ихъ мусульманское правосудіе и безцѣльно и оскорбительно“. Такъ, напр., думаетъ извѣстный мусульманскій писатель Баязитовъ.

наибольшею рельефностью и тѣмъ дискредитовать мѣстные судебные порядки, было большой ошибкой. Этотъ способъ исправленія не спасъ народныхъ судовъ отъ паденія, но очень подорвалъ въ глазахъ туземцевъ благія русскія начинанія и попытки.

Затѣмъ, когда съ упраздненіемъ родоваго начала, переходомъ киргизъ въ мусульманство, раздробленіемъ родовъ, осѣданіемъ сотенъ тысячъ кочевниковъ на хлѣбопашество, воцареніемъ среди ихъ смѣси шаріата и русскихъ судебныхъ порядковъ, исчезло единство адата, единство обычая и, такъ называемый, судъ по обычаю сталъ фактически невозможенъ, русской власти не подобало продолжать настаивать на дальнѣйшемъ существованіи этого суда и санкціонировать въ Положеніи 1886 г. этотъ адатъ вновь и, повидимому, на долгіе годы. Это было наиболѣе крупной ошибкой. Только изъ опасенія нарушить адатъ и завѣты корана, нарушить нѣкую фикцію, мы допустили и узаконили приниженное безправое положеніе восточной женщины, не рискнули взять подъ свой контроль дѣла семейныя и брачныя и, такимъ образомъ, выпустили изъ своихъ рукъ могущественное средство содѣйствовать упраздненію азіятскаго строя семейной жизни. Мотивомъ къ такому уклоненію нашему всегда, какъ извѣстно, служило наше будто бы невѣдѣніе мусульманской жизни; но кто же, спрашивается, мѣшалъ намъ прекратить это непостижимое невѣдѣніе и почему это невѣдѣніе насъ не стѣсняло въ другихъ реформаторскихъ предпріятіяхъ?

До сихъ поръ мы даже не рѣшились отобрать отъ духовенства и взять въ свои руки мусульманскую школу, этотъ истинный разсадникъ фанатизма и отчужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ, слава Богу, хоть не повторили ошибки, сдѣланной на Кавказѣ, а именно не дали мусульманскому духовенству никакой организаціи и тѣмъ не придали ему еще большаго значенія, чѣмъ оно уже имѣетъ. Поддерживая, однако, темный шаріатъ, поддерживая обычай, завѣдомо угнетающій младшую братію, отдающій бѣдныхъ на жертву богатымъ и слабыхъ въ жертву сильнымъ связями и родствомъ, мы, конечно, не только не содѣйствуемъ прочному установленію правосудія, но прямо теряемъ въ глазахъ народа, терпящаго отъ произвола адата и шаріата. Старая истина, что поддерживать священную древность можно только тогда когда она безвредна, находитъ здѣсь новое подтвержденіе. Мы поступаемъ наоборотъ. Съ удивительной уступчивостью мы отдали предпочтеніе темному

мусульманскому закону предъ нашимъ гуманнымъ законодательствомъ, а къ старому и нѣкогда крѣпкому зданію адата, по давно уже разшатанному и грозящему разрушеніемъ, мы подставили свои русскія подпорки, хотя эти подпорки не въ состояніи уже дать ему ни твердости, ни устойчивости. Сантиментальное воспѣваніе прелестей шаріата и адата есть ничто иное, какъ горькое или злостное заблужденіе. Это заблужденіе, по своей колоссальности, можетъ быть поставлено рядомъ развѣ только съ тѣмъ заблужденіемъ, что въ краѣ дѣйствуетъ какой то *мусульманскій* законъ? Въ самомъ дѣлѣ, какой это такой тамъ дѣйствуетъ мусульманскій законъ? Такъ называемые знатоки края, состарѣвшіеся въ своихъ канцеляріяхъ, не видя народа и не зная его быта, произносятъ подчасъ, съ большимъ чувствомъ, громкія фразы о мусульманскомъ законѣ, предполагая, очевидно по недоразумѣнію, что съ дарованіемъ краю народныхъ судовъ объявлена какая то неприкосновенность коренныхъ мусульманскихъ началъ. Эти знатоки не только забываютъ, что никакихъ мусульманскихъ кодексовъ и сводовъ никогда не существовало и нынѣ не существуетъ, но забываютъ и то, что всѣ коренныя мусульманскія начала управленія вообще и правосудія—въ частности, давно тронуты и безпрерывно нарушались въ теченіи цѣлой четверти столѣтія.

Въ самомъ дѣлѣ, какія же изъ мусульманскихъ началъ остались неприкосновенными?

Мусульманская система налоговъ (хераджъ, танапъ, зякетъ) уничтожена; податная система введена кадастровая, неизвѣстная корану и мусульманамъ; выборъ туземной администраціи совершается не по адату и не по шаріату; болѣе важныя уголовныя преступленія судятся не по мусульманскимъ законамъ, а по русскимъ; способы пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ установлены русскими законами, за исключеніемъ сдѣлокъ между туземцами одной народности; имущества, переходящія такъ называемыми безмездными способами, обложены налогами, неизвѣстными мусульманству; пошлины гильдейскія и ремесленныя, также неизвѣстныя мусульманству, давно введены. Самый туземный судъ устроенъ вовсе не по адату и не по шаріату (апелляція, кассація, тюремныя заключенія, заочныя рѣшенія, обязательные письменные приговоры и проч. и проч. все это нововведенія русской власти); наконецъ, монета, вѣсы, мѣры, денежный счетъ, лѣтосчисленіе и т. д. и т. д.—все это русское и т. д.

Даже семейная жизнь не осталась нетронутой и современная гаремная мусульманка находится уже далеко не въ томъ положеніи, которое ей указано кораномъ: она во многихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ покровительству русскаго закона и власть не отказываетъ ей въ заступничествѣ. О какомъ же мусульманскомъ законѣ продолжаютъ еще говорить знатоки края? Спросите ихъ, и тѣ васъ забросаютъ словами и фразами, полными тумана. Эти знатоки какъ бы не хотятъ видѣть, что мусульманство остается въ неприкосновенности только какъ религія, но какъ гражданскій строй оно уже изчезло и не существуетъ.

И чтобы ни говорили наши канцелярскіе дѣятели, но четверть столѣтія русскаго правленія такъ сильно пошатнула вѣковые устои мусульманскаго режима, что видимо наступаетъ время иныхъ порядковъ. Краю нуженъ обильный свѣтъ, но конечно не мусульманскаго просвѣщенія, нужно гражданское единеніе съ Имперіей, а не обособленіе, нужна русская національная политика, твердая, хотя и гуманная и, прежде всего, нужно поменьше канцелярскаго самомнѣнія при разрѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ.

Пусть край остается мусульманскимъ по религіи, но не по своему гражданскому строю. Пусть боязливые чиновники, опасавшіеся четверть столѣтія прикоснуться къ мѣстнымъ порядкамъ, потому что они истекаютъ изъ корана, продолжаютъ благоговѣть предъ фикціей, именуемой мусульманскимъ правомъ и мусульманскимъ закономъ, но время уже сдѣлало свое и считаться съ мусульманствомъ, какъ гражданскимъ строемъ, болѣе не слѣдуетъ. Пора вводить въ русской странѣ общіе русскіе порядки и всего правильнѣе начать это съ судовъ. Инородческіе суды отжили свой вѣкъ..... Ложный страхъ предъ взрывомъ фанатизма пора также оставить, ибо страхъ, какъ сказалъ мудрѣйшій изъ судей—Соломонъ, „есть ничто иное какъ лишеніе помощи отъ разсудка“ [1]).

Совершившіяся, одновременно съ судебнымъ преобразованіемъ, реформы: поземельно-податная, финансовая и административная проведены болѣе удачно чѣмъ реформа суда, но объ этомъ рѣчь до другаго раза.

Н. Дингельштедтъ.

---

[1]) Кн. прор. Соломона гл. XVII ст. 11.

„Заклинаніе со стрѣлой“ тибетскихъ ламъ.

Заклинаніе это мнѣ пришлось видѣть въ 1889 году въ Кяхтѣ. Оно производилось буддійскими ламами: однимъ монгольскимъ, другимъ бурятскимъ, причемъ послѣдній пользовался молитвой, написанной на тибетскомъ языкѣ. Въ виду того, что какъ монгольскіе, такъ и бурятскіе ламы не употребляютъ другихъ книгъ, кромѣ тибетскихъ, хотя монголы пользуются ими въ переводѣ, заклинаніе и слѣдуетъ считать пришедшимъ изъ Тибета.

Заклинаніе со стрѣлой употребляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется что-нибудь отыскать, потерянную или пропавшую вещь преимущественно. Оно заключается въ томъ, что лама даетъ кому-нибудь изъ желающихъ стрѣлу и послѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ приготовленій начинаетъ произносить заклинательную молитву. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ стрѣла начинаетъ дрожать въ рукѣ держащаго и затѣмъ увлекаетъ его, помимо воли и сознательнаго участія, туда, гдѣ находится отыскиваемый предметъ. Понятно, существуетъ множество разсказовъ о томъ, какъ были такимъ образомъ найдены затерянныя или украденныя вещи, часто очень хитро припрятанныя.

Благодаря любезности торгующаго на Кяхтѣ г. А. Я. Нѣмчинова, мнѣ пришлось видѣть это заклинаніе, и то, что я видѣлъ, поразило меня своей простотой и въ тоже время сложностью.

Изъ двухъ пришедшихъ въ гости ламъ сначала сталъ про-

изводить заклинаніе монгольскій лама, но скоро онъ былъ смѣненъ другимъ, бурятомъ, который производилъ заклинаніе въ томъ же домѣ раньше.

Лама, молодой бурятъ, живой, но въ то же время какъ-то безстрастно спокойный, поставилъ передъ собою небольшой столикъ, спросилъ двѣ свѣчи и два блюдечка. Свѣчи требовались только для освѣщенія стола, а на блюдечки онъ положилъ нѣсколько травъ для куренья. Это все, что было нужно. Иногда на столъ ставятся священные предметы, напримѣръ, хонхо, колокольчикъ, употребляемый ламами при богослуженіи, когда онъ находится въ рукахъ у старшаго ламы—ширетуя—вмѣстѣ съ священнымъ жезломъ. Этотъ жезлъ—вачиръ—иногда дается въ руки вмѣсто стрѣлы, иногда только кладется на столъ. Эти предметы, хотя во время богослуженія они употребляются только старшимъ ламой, находятся нерѣдко у монголовъ въ видѣ священныхъ предметовъ вмѣстѣ съ идолами, молитвенными мельницами и пр. на жертвенныхъ столикахъ, и тотъ маленькій колокольчикъ, который я показывалъ на засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ 1890 году, былъ купленъ мною въ простой юртѣ. Кромѣ того, на столъ ставятся двѣ или нѣсколько жертвенныхъ чашечекъ. Въ одну изъ нихъ кладутся куренья, въ другую — наливается вино. Зачѣмъ нужно вино, будетъ видно далѣе. Вѣроятно, нерѣдко ставятся и другіе священные предметы, можетъ быть, идолы и пр. Собственно заклинаніе должно производиться по вполнѣ опредѣленнымъ правиламъ, изложеннымъ въ священныхъ книгахъ, гдѣ указаны также и предметы, которые ставятся на столъ. Правила эти, впрочемъ, не соблюдаются вполнѣ строго, и на столъ ставятся то тѣ, то другіе предметы. Притомъ они не необходимы, потому что для заклинанія, которое я описываю, потребовалось только блюдечко для куреній, которыя скоро сгорѣли и много разъ молитва читалась уже безъ всякой обстановки.

Приступая къ заклинанію, лама далъ въ руки находившемуся въ комнатѣ монголу стрѣлу, которую заставилъ дер-

жать въ правой рукѣ, какъ держатъ долото, слѣдовательно, совершенно удобно и крѣпко, предоставивъ положить руку какъ угодно. Монголъ прислонилъ предплечье къ столу. Лама подставилъ подъ руку блюдечко съ куреньемъ, дымъ котораго сталъ подниматься къ рукѣ мимо стрѣлы. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время, когда просто стало неловко держать руку надъ блюдечкомъ, лама убралъ его. Словомъ, положеніе руки, также какъ и поза, вполнѣ зависѣли отъ держащаго стрѣлу и были вообще удобны. Впрочемъ, большинство присутствовавшихъ, которыя потомъ держали стрѣлу, не старались избирать положенія достаточно удобнаго, что зависѣло отъ непривычки, отъ чувства нѣкотораго стѣсненія, наконецъ, отъ того, что стрѣлу требовалось подержать въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ и мысль о возможности утомленія, повидимому, не приходила въ голову тѣмъ, кто садился за столъ.

Усадивъ держащаго стрѣлу, лама досталъ изъ-за пазухи тетрадку съ написанной въ ней по-тибетски молитвой и началъ читать. Онъ читалъ вполголоса, довольно скоро, но совершенно внятно, съ тѣмъ особеннымъ монотоннымъ оттѣнкомъ, который вообще свойственъ чтенію молитвъ. У монголовъ и бурятъ монотонность чтенія молитвъ вообще гораздо больше, чѣмъ у европейцевъ. Она имѣетъ своеобразный оттѣнокъ и по характеру совершенно напоминаетъ чтеніе какого-нибудь деревенскаго мальчугана, котораго пономарь или солдатъ научилъ читать псалтирь. Тотъ же оттѣнокъ носитъ молитва даже произносимая наизусть, такъ что, когда при мнѣ заставили однажды бурята сказать какую-нибудь молитву, онъ тотчасъ заговорилъ нараспѣвъ и монотонно. Но лама не читалъ нараспѣвъ и монотонность его чтенія была гораздо меньше, чѣмъ мнѣ приходилось слышать напримѣръ, въ кумирнѣ во время богослуженія. Для непредубѣжденнаго человѣка его чтеніе не показалось бы даже монотоннымъ, и наиболѣе правильная характеристика того, какъ читалъ лама, на мой взглядъ заключается въ выраженіи: благоговѣйное чтеніе.

Съ тѣмъ же благоговѣніемъ онъ складывалъ время отъ времени ладони, сближая концы пальцевъ, медленно подносилъ ихъ ко лбу, склоняя голову, и также медленно опускалъ ихъ опять.

Больше онъ не предпринималъ ничего и только изрѣдка пристально взглядывалъ на стрѣлу, которая оставалась совершенно спокойной. Чтеніе продолжалось около 5 минутъ. Стрѣла осталась неподвижной.

Лама сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и такъ же спокойно смотрѣлъ на окружающихъ. Въ его лицѣ нельзя было прочесть ни малѣйшаго смущенія, какъ будто не онъ произносилъ заклинанія и онъ, казалось, просто ожидалъ, чего отъ него потребуютъ далѣе.

Чтобы не тратить напрасно время, позвали бурята Батму, надъ которымъ заклинаніе уже однажды производилось съ успѣхомъ. Батма, самый обыкновенный бурятъ, если и отличался чѣмъ-нибудь отъ своихъ единоплеменниковъ, то развѣ нѣсколько большей смышленостью и развязностью, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, среди которыхъ иногда жилъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Батма усѣлся такъ же, какъ и его предшественникъ. Его лицо, такъ-же какъ и лицо ламы, носило обычное выраженіе. Нельзя было замѣтить никакой перемѣны.

Чтеніе вновь началось. Опять тотъ же тихій речитативъ, то-же прикладываніе рукъ ко лбу. Черезъ нѣсколько минутъ чтеніе окончилось. Батма сидѣлъ по прежнему. Не было ничего, по чему можно бы судить о впечатлѣніи, которое сдѣлало на него чтеніе. Можно было отмѣтить только, что выраженіе его лица и поза остались совершенно безъ всякой перемѣны, но эта неподвижность не имѣла въ себѣ ничего характернаго. Повидимому, онъ не желалъ измѣнять свое положеніе, и только.

Окончивъ молитву, лама спросилъ рюмку водки и снова началъ читать, все тѣмъ же тономъ. Затѣмъ онъ помочилъ въ принесенной водкѣ конецъ безымяннаго пальца и движе-

ніемъ щелчка стряхнулъ нѣсколько капель на стрѣлу. Это былъ первый ясный намекъ на то, что наступилъ уже моментъ, когда стрѣла должна бы начать движеніе, котораго впрочемъ, не послѣдовало.

Постепенно чтеніе измѣняло свой характеръ: оставаясь по прежнему тихимъ, оно становилось быстрѣе и въ то же время утрачивало свою монотонность. По временамъ голосъ ламы какъ бы совсѣмъ замиралъ и затѣмъ неожиданно, сравнительно громко, хотя все-таки вполголоса, онъ произносилъ короткое слово: „цокъ!" и тотчасъ опять продолжалъ читать. Неожиданно произнесенное первый разъ „цокъ!" заставило вздрогнуть нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, но Батма отнесся къ нему довольно равнодушно, по крайней мѣрѣ, наружно. Чтеніе продолжалось, становясь все болѣе торопливымъ.

Наконецъ, стрѣла дрогнула.

Лама все читалъ по прежнему быстро, можетъ быть, еще быстрѣе.

Теперь можно было замѣтить, что Батма не сохраняетъ своего спокойствія. Его лицо выражало удивленіе и испугъ. Онъ не спускалъ глазъ со стрѣлы, которая продолжала вздрагивать и наконецъ воскликнулъ: „пошла!"

Дѣйствительно, его руку какъ будто тянуло впередъ. Но она была уже вытянута совсѣмъ и не могла вытягиваться болѣе; тогда Батма сталъ подниматься со стула. Рука уже не только вздрагивала, но просто билась о столъ.

Лама все продолжалъ свое чтеніе, быстро, насколько это было возможно.

— „Идетъ, идетъ, держите!"—крикнулъ Батма, рука котораго стала совершать быстрыя колебательныя движенія. Понемногу онъ сталъ уже отходить отъ стола.

— „Ну, теперь все перебьетъ, не удержишь",—сказалъ кто-то.

Мы всѣ уже стояли на ногахъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ схватилъ Батму, надѣясь удержать его руку, но напрасно. Черезъ нѣсколько времени онъ отказался отъ

чрезвычайныхъ усилій, доходившихъ до боли въ рукахъ, такъ какъ рука Батмы качалась съ очень большой силой.

— „Держите, держите!“—говорилъ Батма, рука котораго съ силой стала биться опять о столъ. Ему, видимо, было больно.

— „Не удержишь, надо убрать вещи“, опять было сдѣлано замѣчаніе.

Еще одинъ изъ присутствовавшихъ сдѣлалъ попытку удержать руку Батмы, но опять напрасно.

Я также подошелъ къ Батмѣ и первоначально взялъ руку съ силой, но тотчасъ убѣдился въ безполезности прямой борьбы. Сила его движеній много превосходила мою, и стремиться переселить его было бы напраснымъ. Да это было и не нужно. Конечно, не въ этомъ былъ интересъ данной минуты. Было лишь любопытно знать, насколько Батма вообще доступенъ внѣшнему вліянію, обратному тому, которое уже произвело свое дѣйствіе и притомъ поддерживалось невольными замѣчаніями присутствующихъ. Я положилъ свою руку на его, просто, безъ всякихъ усилій, предоставилъ ей прыгать подъ толчками его руки и сказалъ скорѣе присутствующимъ, чѣмъ самому Батмѣ: „сейчасъ онъ перестанетъ“. Движенія, дѣйствительно, стали медленнѣе, но далеко не прекратились. Я повторилъ свое замѣчаніе, но черезъ минуту рука стала двигаться опять съ большой силой. Лама все читалъ. Моя рука продолжала лежать на предплечіи Батмы, и еще черезъ нѣсколько секундъ стрѣла выпала изъ его руки. Почти тотчасъ послѣ того его рука перестала совершать свои движенія, онъ схватился за плечо, заохалъ и убѣжалъ изъ комнаты. Одновременно съ тѣмъ, какъ выпала стрѣла, пересталъ читать и лама.

Опытъ окончился, причемъ Батма остался убѣжденнымъ, что, держа на его рукѣ свою, я читалъ въ то же время свои противоположныя заклинанія, вслѣдствіе которыхъ стрѣла и выпала изъ его рукъ, чего не бываетъ обыкновенно, такъ какъ она почти судорожно охватывается держащими ее пальцами.

Стрѣла могла, конечно, выпасть совершенно случайно, если не была достаточно крѣпко захвачена, могло играть нѣкоторую роль и мое вмѣшательство,—это рѣшить почти невозможно, да и не важно, такъ какъ прекращеніе движеній есть обстоятельство второстепенное.

Главный вопросъ заключается въ томъ, чтó заставило руку начать свои движенія и затѣмъ продолжать ихъ съ такою силой и упорствомъ.

При настоящемъ положеніи знаній естественно можетъ возникнуть вопросъ: Какое отношеніе имѣютъ описанныя явленія къ гипнотизму? Нельзя ли считать разсматриваемое явленіе не только родственнымъ, но тожественнымъ съ явленіями гипнотическими? Не видимъ ли мы здѣсь очевиднаго вліянія цѣлаго ряда косвенныхъ внушеній, которыя играютъ такую важную роль въ гипнотизмѣ?

Я полагаю, что отвѣтъ на эти естественные вопросы обнаружится съ достаточною ясностью уже изъ краткаго анализа описаннаго факта.

Что видимъ мы передъ собой?

Одинъ сидитъ со стрѣлою въ рукахъ, другой читаетъ молитву. Этому не предшествуетъ никакихъ приготовленій. Тѣ небольшія приготовленія, безъ которыхъ можно обойтись, какъ обошелся и нашъ лама, вызываютъ только напоминаніе, или лучше сказать, идею о Высшей Силѣ, но это напоминаніе нисколько не больше того, которое вызовутъ стоящія тутъ же изображенія божества. Видъ колокольчика и чашечекъ слишкомъ привыченъ для буддиста, чтобы этому придавать значеніе. Запахъ куренья ничтоженъ и значитъ не больше самой курильницы.

Такимъ образомъ, все, что можетъ дать обстановка, заключается въ нѣсколько болѣе, можетъ быть, серьезномъ настроеніи дѣйствующаго лица, но это еще вѣрнѣе и скорѣе вытекаетъ изъ общаго настроенія присутствующихъ.

Остается молитва. По мнѣнію буддистовъ, по крайней мѣрѣ, низшаго класса, именно молитва и двигаетъ стрѣлу. Такого же мнѣнія склонны держаться и русскіе, съ тою

разницею, что въ случаѣ надобности они могутъ допустить и участіе чорта.

Что касается молитвы, то здѣсь могутъ имѣть значеніе, съ одной стороны, слова, съ другой—характеръ чтенія, монотонность звуковъ, неподвижность чтеца.

Слова остались мнѣ неизвѣстными, и пока я еще не имѣю перевода. Относительно чтенія я уже замѣчалъ, что хоть его и можно было назвать монотоннымъ, но эта монотонность не была чрезмѣрной.

Остается еще вліяніе личности ламы. Несомнѣнно, это вліяніе очень велико. Буддисты въ религіозномъ отношеніи совершенно не просвѣщенны и потому суевѣрны и склонны къ мистическому въ чрезвычайной степени. Притомъ, они до крайней степени невѣжественны. Человѣкъ, читающій книги,—рѣдкость, это почти всегда лама; и не удивительно поэтому, что лама даже низшей степени пріобрѣтаетъ уже большое значеніе въ смыслѣ авторитетности въ рѣшеніи всякихъ вопросовъ, особенно выходящихъ за предѣлы обычныхъ житейскихъ потребностей, и всюду, гдѣ человѣкъ встрѣчается съ явленіемъ природы, начиная отъ рожденія до смерти, лама, и только лама, если не сумѣетъ научить человѣка, все-таки найдетъ соотвѣтствующую молитву или поученія въ своихъ книгахъ. А книгъ великое множество, такъ что они недоступны никакому ламѣ. Къ тому же книги написаны, а не напечатаны и поэтому рѣдки и цѣнны, что внушаетъ уваженіе къ нимъ даже тибетскимъ ученымъ. И чѣмъ меньше начитанъ лама, тѣмъ съ большимъ почтеніемъ относится онъ къ этимъ неизвѣстнымъ ему книгамъ, такъ что самое невѣжество ламы представляетъ моментъ благопріятный для поддержанія слѣпого довѣрія къ нему.

Аффекты заразительны, и благоговѣніе ламы передается его окружающимъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, быть можетъ, больше, чѣмъ во всѣхъ предыдущихъ.

Такимъ образомъ, казалось бы вполнѣ дозволительнымъ слѣдующее разсужденіе.

Держащій стрѣлу находится подъ впечатлѣніемъ, что долж-

но совершиться нѣчто необыкновенное, что стрѣла потянетъ его руку. Лама своимъ чтеніемъ и всею обстановкой ослабляетъ въ немъ воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Монотонные звуки производятъ нѣчто въ-родѣ слабой степени гипнотическаго состоянія. Образуется какъ бы состояніе моноидеизма. Идея, господствующая въ сознаніи, оставшись безъ контроля ассоціацій, переходитъ въ актъ, что ускоряется отрывочными аффектирующими восклицаніями ламы, его брызганіемъ на стрѣлу, его тономъ глубокаго убѣжденія. Слѣдовательно, говоря кратко, лама загипнотизировалъ Батму, и затѣмъ, подъ вліяніемъ внушеній и самовнушеній, Батма замахалъ рукою.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее:

Гипнотизмъ есть явленіе опредѣленное. Благодаря разнообразію формъ, въ которыхъ онъ проявляется, и большому количеству фактовъ, которые онъ объединяетъ, правильныя границы этого явленія нерѣдко не узнаются. Гипнотическое вліяніе усматривается чуть не ежеминутно вездѣ, гдѣ есть личное взаимодѣйствіе между людьми. Вслѣдствіе этого гипнотизмъ становится явленіемъ слишкомъ общимъ, обнимающимъ чуть не всю психическую жизнь человѣка.

Въ интересахъ правильной классификаціи явленій и, слѣдовательно, болѣе правильнаго ихъ изученія, такой взглядъ меньше всего заслуживаетъ одобренія.

Гипнотическія явленія суть явленія, производимыя искусственно. Это—непремѣнное условіе ихъ характеристики. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ, разнообразныхъ воздѣйствій, человѣкъ приходитъ въ особое стойкое физіологическое состояніе, характеризующееся съ психической стороны тѣмъ, что психическая дѣятельность загипнотизированныхъ приходитъ въ болѣе или менѣе полное соотвѣтствіе съ внѣшними вліяніями и преимущественно съ вліяніями, исходящими отъ гипнотизирующаго лица.

Слѣдовательно, гипнотизмъ имѣетъ опредѣленныя границы и опредѣленную характеристику. Это—частное явленіе ду-

шевной жизни человѣка, и за нимъ можно сохранять только частное значеніе.

Между тѣмъ, существуетъ общее свойство психической дѣятельности, включающее въ себя отчасти и гипнотическія явленія, съ опредѣленною характеристикой послѣднихъ.

Это общее свойство есть психическій автоматизмъ.

Такъ называется то свойство психической дѣятельности, вслѣдствіе котораго она совершается, въ предѣлахъ опредѣленнаго психическаго механизма, постоянно, пока присутствуетъ достаточно интенсивная жизнь, и притомъ безъ участія какой-либо непосредственно сознаваемой внѣшней или внутренней причины, кромѣ той, которая обусловливаетъ самое существованіе психической жизни.

Всякій разъ, какъ только сознаніе окружающаго нѣсколько ослабѣваетъ, если только это не происходитъ въ связи съ ослабленіемъ психической дѣятельности вообще, какъ это бываетъ, напримѣръ, при извѣстныхъ отравленіяхъ, при засыпаніи, или въ гипнотическомъ состояніи,—такъ выступаетъ съ большею или меньшею ясностью психическій автоматизмъ.

Достаточно напоминанія о тѣхъ случаяхъ, извѣстныхъ каждому, гдѣ выступаютъ несомнѣнно ускользнувшіе отъ сознанія и отъ вліянія воли акты, совершенные среди ряда другихъ актовъ, вполнѣ отчетливо сознаваемыхъ. Такъ, напримѣръ, если вы идете по хорошо знакомой дорогѣ, то, задумавшись, легко можете повернуть въ знакомый переулокъ, хотя на этотъ разъ и намѣревались идти совсѣмъ въ другую сторону.

Эти автоматическіе акты обыкновенно зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, отъ извѣстныхъ, уже существующихъ ассоціацій. Это есть только проявленіе извѣстной части психическаго содержанія—не болѣе.

Если мы возвратимся теперь къ Батмѣ, то увидимъ, что и онъ началъ совершать рядъ движеній, повинуясь, главнымъ образомъ, не внѣшнему вліянію даннаго момента, а тѣмъ идеямъ, которыя уже были въ его сознаніи раньше. Его убѣж-

деніе, что стрѣла его потащитъ, доходило до слѣпой вѣры. Онъ зналъ, что его рука будетъ качаться и что онъ не въ силахъ будетъ ее остановить. Нуженъ былъ только толчокъ, только ничтожное ослабленіе контроля внѣшнихъ чувствъ, и данная группа ассоціацій вступила въ свои права и дала въ результатѣ рядъ движеній Батмы. Толчокъ былъ данъ всей внѣшней обстановкой и чтеніемъ ламы, постоянно поддерживавшимъ идею о движеніи стрѣлы.

Результатомъ обстановки явился аффектъ, который и обусловилъ нѣкоторое пониженіе сознательной дѣятельности вообще, т. е. ослабилъ вліяніе ассоціацій, тѣснѣйшимъ образомъ связанныхъ съ дѣятельностью органовъ чувствъ.

Этотъ аффектъ и былъ главной причиной появленія автоматичныхъ актовъ, т.-е. движенія стрѣлы.

На первый взглядъ можетъ показаться, что тѣ же разсужденія сохранятъ свою силу и съ точки зрѣнія существованія гипнотическаго состоянія.

Идея Батмы создала движеніе. Это—самовнушеніе.

Аффектъ обусловилъ ослабленіе сознательной дѣятельности: это—гипнотизація.

Но мнѣ кажется болѣе правильнымъ воздержаться отъ напраснаго смѣшенія понятій, хотя и представляющихъ только тонкое различіе, потому что изъ различія понятій, характеризующихъ психическій процессъ, вытекаютъ и различные практическіе выводы.

И дѣйствительно, еслибы гипнотическое состояніе играло главную роль въ этомъ и подобныхъ случаяхъ, то можно бы предполагать, что, съ одной стороны, каждый воспріимчивый къ гипнотическому вліянію человѣкъ не удержалъ бы стрѣлу спокойно; съ другой стороны, человѣкъ невоспріимчивый къ гипнотизированію въ прямомъ смыслѣ этого слова, всегда удержалъ бы ее.

Если же гипнотическое состояніе играетъ здѣсь только случайную, второстепенную роль, чего никакъ нельзя отрицать, такъ какъ появленіе его легко возможно,—то стрѣла можетъ пойти у человѣка очень мало воспріимчиваго къ

гипнотизированію собственно и даже невоспріимчиваго совершенно, если таковой найдется; и наоборотъ, она останется спокойной у многихъ воспріимчивыхъ лицъ.

По отношенію къ заклинанію этотъ вопросъ остается открытымъ и можетъ быть окончательно рѣшенъ только наблюденіемъ, но есть большое количество фактовъ, которые заставляютъ считать болѣе вѣроятной именно послѣднюю возможность. На основаніи тѣхъ же фактовъ необходимо строго отличать внушаемость вообще отъ внушаемости въ гипнотическомъ состояніи и отъ способности къ самовнушеніямъ. Наконецъ, подъ самовнушеніемъ слѣдуетъ разумѣть только сознательныя усилія человѣка создать въ себѣ извѣстное внутреннее состояніе и тѣмъ обусловить извѣстныя дѣйствія.

Тѣ же внутреннія состоянія и сопровождающія ихъ дѣйствія, которыя возникаютъ въ человѣкѣ самостоятельно, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ психическихъ процессовъ, не могутъ быть названы ни внушеніемъ, ни самовнушеніемъ. Это—проявленіе психическаго автоматизма.

И гипнотизмъ есть средство для обнаруженія автоматизма психической жизни. Но это средство не единственное и притомъ не всегда вполнѣ дѣйствительное, по самымъ свойствамъ происходящихъ при этомъ физическихъ измѣненій. Это также средство для того, чтобы пользоваться психическимъ автоматизмомъ въ смыслѣ измѣненія психическаго содержанія, но опять только при извѣстныхъ условіяхъ.

Но есть и другія вліянія, усиливающія внушаемость и обусловливающія наступленіе непроизвольныхъ движеній и дѣйствій, и между этими вліяніями на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить аффективное состояніе человѣка.

Возможно, что гипнотическое состояніе по существу близко къ аффектамъ. Но даже отсюда не будетъ слѣдовать, что аффектъ и гипнотическое состояніе суть понятія тожественныя, хотя бы они и вели къ одинаковому конечному результату, къ яркому проявленію психическаго автоматизма.

Аффектъ есть одно условіе, гипнотическое состояніе—другое. Найдутся и еще условія, какъ напримѣръ, интенсивность отдѣльныхъ ассоціаціонныхъ сочетаній, обыкновенно называемая сосредоточенностью или напряженіемъ вниманія, напряженная дѣятельность отдѣльныхъ органовъ чувствъ. Каждое изъ этихъ условій можетъ вести къ обнаруженію психическаго автоматизма, но каждое изъ нихъ сохраняетъ въ то же время свое самостоятельное значеніе, которое не уменьшается даже тѣмъ, что при соединеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ условій ихъ вліянія могутъ суммироваться и даже просто сливаться.

Поэтому я считаю неправильнымъ ставить аффектъ, производимый заклинаніемъ въ зависимость отъ гипнотическаго вліянія и сообщаю объ немъ съ намѣреніемъ обратить вниманіе на явленіе, очень близкое къ гипнотическимъ, происходящее, быть можетъ, при нѣкоторомъ участіи гипнотическаго вліянія, что исключить невозможно, да и не нужно,—но по существу своему не гипнотическое.

Остается еще вопросъ, который мнѣ можетъ быть предложенъ. Именно, стрѣла находитъ потерянныя вещи, что подтверждается многими наблюдателями. Какое значеніе имѣютъ эти утвержденія, и нельзя ли здѣсь искать вліянія мысленнаго внушенія? Этого я не думаю. Впрочемъ, я совершенно не задавался этимъ вопросомъ, потому что рѣшеніе его, требующее чрезвычайной тонкости наблюденій, рѣшительно нельзя было предпринимать въ глубинѣ Азіи, среди чуждаго народа, говорящаго на незнакомомъ языкѣ. Рѣшеніе этого вопроса, въ томъ или другомъ смыслѣ, возможно только при точномъ знаніи обстановки и при возможности измѣнять условія наблюденія по своему желанію.

Ламы практикуютъ не одно только описанное заклинаніе. Ихъ существуетъ много, но большинство изъ нихъ имѣютъ чисто-медицинское примѣненіе, слѣдовательно, обусловливаютъ, если оказываются дѣйствительными, нѣкоторыя внутреннія измѣненія въ организмѣ, о чемъ теперь я совершенно не могу говорить. Упомяну лишь еще объ

одномъ занятіи, о которомъ мнѣ пришлось только слышать и которое ламы практикуютъ въ монастыряхъ: напримѣръ, въ монастырѣ, лежащемъ на дорогѣ между Кяхтой и Ургой. Среди комнаты ставится круглый столъ. Надъ этимъ столомъ вѣшается стрѣла, почти касающаяся его поверхности. Затѣмъ на столъ въ формѣ окружности, имѣющей видъ широкой дорожки, насыпается зола. Ламы садятся вокругъ стола и держатъ его руками. Черезъ нѣсколько времени столъ начинаетъ качаться, причемъ стрѣла задѣваетъ дорожку изъ золы и совершенно отчетливыми тибетскими буквами пишетъ отвѣтъ на поставленный вопросъ.

Самъ я не видѣлъ этого прототипа нашихъ вертящихся столовъ и теперь не буду останавливаться на этомъ, такъ какъ верченіе столовъ уже нашло себѣ достаточное объясненіе.

А. Токарскій.

Замѣтки Туркестанскаго охотника.

Въ горахъ.

Зимняя охота кончилась, оставивъ по себѣ чувство нѣкоторой неудовлетворенности.

Дѣло въ томъ, что съ самаго пріѣзда въ Туркестанъ меня соблазняла мысль истребить какого-нибудь „хорошаго“ звѣря. Не то, чтобы мы причисляли къ категоріи звѣрей „непорядочныхъ“ кабановъ, съ которыми исключительно пришлось имѣть дѣло до сихъ поръ, но кабаны успѣли за зиму порядочно прискучить, а кромѣ нихъ ничего и не было въ мѣстахъ, гдѣ мы охотились. Ѣхать одному на поиски звѣря, могущаго доставить „славу,“ представляется рѣшительно невозможнымъ для охотника, обладающаго весьма существеннымъ недостаткомъ—отсутствіемъ серіозныхъ познаній въ туземныхъ языкахъ, а найти зимою компаніона очень трудная задача. Громадное большинство здѣшнихъ звѣровыхъ охотниковъ-любителей—офицеры, добрая половина изъ нихъ имѣетъ на рукахъ охотничьи команды, и послѣднее обстоятельство не позволяетъ мѣнять добычливую и вѣрную кабанью охоту на какую-либо другую.

Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля въ птичьемъ царствѣ настало полное затишье.

Я думалъ, воспользовавшись свободнымъ временемъ, поискать въ горахъ кабановъ, но охотники смутили меня разсказами о высокой травѣ, не выжженной еще солнцемъ, въ которой безъ собакъ и не увидишь кабана. Собакъ же достать неоткуда: русскіе не держатъ гончихъ и борзыхъ, а съ туземцами лучше не связываться. Пришлось эту мысль сдать въ архивъ до болѣе благопріятнаго времени.

Прошла весна, настало лѣто съ его мучительными жарами, парализующими способность двигаться, думать, говорить, съ цѣлыми полчищами комаровъ и мошекъ, способными привести въ бѣшенство самаго незлобиваго человѣка. Днемъ либо изнываешь подъ палящими лучами солнца, либо дремлешь въ тѣни карагача, предаваясь кейфу. Вечеромъ заглянешь „для статистики“ на болото и вернешься измученный домой, унося сознаніе безцѣльности и безплодности подобныхъ прогулокъ.

Неудивительно поэтому то живѣйшее удовольствіе, съ которымъ я отнесся къ предстоящей мнѣ командировкѣ въ ур. Чигманъ; эта благодѣтельная командировка давала возможность вырваться изъ адскаго пекла, а главное, позволяла всласть поохотиться на кабановъ, встрѣчающихся въ большомъ количествѣ въ окрестностяхъ Чимгана.

Сама же Чимганская долина, расположенная по рѣчкѣ Чимганкѣ *), въ охотничьемъ отношеніи не представляетъ ничего замѣчательнаго и пользуется извѣстностью лишь какъ „гигіеническая станція,“ на которой лѣтомъ собираются больные и дачники пользоваться чистымъ горнымъ воздухомъ при относительно умѣренномъ климатѣ.

Между дачниками попадаются нерѣдко охотники, преимущественно изъ категоріи т. наз. воскресныхъ. Съ особенной любовью занимаются они какликами, но иногда рискуютъ устроить нашествіе на кабановъ, не представляющее, впрочемъ, для послѣднихъ серіозной опасности. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется коснуться Чимгана и его охотниковъ, а пока перейдемъ къ дѣлу.

Недалеко отъ сліянія двухъ горныхъ рѣкъ—Чоткала и Угама **), первый принимаетъ въ себя съ правой стороны многоводную и быструю р. Пскамъ. Пскамъ образуется изъ многочисленныхъ горныхъ ручьевъ и родниковъ, берущихъ начало въ снѣгахъ, которые покрываютъ вершины возвышенностей, расположенныхъ по обѣ стороны рѣки.

По правому берегу Угама идетъ хорошая вьючная дорога. Ближе къ верховьямъ—горы раздвигаются, образуя широ-

*) Одинъ изъ притоковъ Чирчика.

**) Рѣки составляющія Чирчикъ, въ долинѣ котораго расположенъ, какъ извѣстно, Ташкентъ.

кую, плодородную долину, которая, какъ говорятъ, изобилуетъ кабанами.

Верховья р. Пскама сравнительно мало изслѣдованы и посѣщаются довольно рѣдко какъ туристами, такъ и охотниками; это происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ, ведущихъ въ слабо населенныя горныя области.

Въ этихъ-то мѣстахъ и собиралась поохотиться наша компанія, состоявшая, кромѣ меня, изъ двухъ охотниковъ: Бр. Ч. К. и Е. Ф. К.

При Е. Ф., который, кстати сказать, обладалъ обширными лингвинистическими познаніями, состоялъ джигитъ—Каскабай, служившій намъ въ потребныхъ случаяхъ переводчикомъ. Маленькій, круглый какъ шаръ, съ типичнымъ монгольскимъ лицомъ, съ узенькими, вѣчно смѣющимися глазками, Каскабай являлся незамѣнимымъ спутникомъ въ дорогѣ своимъ умѣніемъ все дѣлать, соединеннымъ съ запасомъ неистощимаго веселья.

Мы надѣялись найти въ верховьяхъ Пскама что-нибудь болѣе рѣдкое, чѣмъ кабанъ—словомъ сказать, „хорошій“ звѣрь служилъ единственной приманкой, для которой мы рѣшились предпринять дальнюю и сопряженную съ большими неудобствами поѣздку.

Согласно полученной мною телеграммѣ общимъ сборнымъ пунктомъ назначался кишл. Хумсанъ, лежащій на нижнемъ теченіи Угама, верстахъ въ 75 отъ Ташкента и около 25 отъ Чимгана.

Ближайшія окрестности Хумсана пользуются прекрасной заслуженной репутаціей въ охотничьемъ мірѣ; немало охотничьихъ командъ перебывало тамъ за зиму, но безъ добычи ни одна изъ нихъ не возвратилась домой.

Правый берегъ Угама состоитъ, въ окрестностяхъ кишлака, изъ ряда возвышенностей, мѣстами довольно отлогихъ, мѣстами скалистыхъ. Отдѣльные холмы соединяются между собой, образуя множество саевъ (лощинъ), густо поросшихъ внизу кустами лозняка и камышемъ. Все это переплетается ежевикой, хмѣлемъ, дикимъ виноградомъ, образуя порой непролазную чащу. По щекамъ сая заросли изъ

розовыхъ кустовъ, продираться сквозь которыя столь же трудно и утомительно, какъ и неизбѣжно для охотника. Тончайшія иглы впиваются въ тѣло, колючими вѣтками хлещетъ по лицу, опутываетъ ноги. Черезъ полчаса ходьбы по такому мѣсту на тѣлѣ не останется живого мѣста отъ занозъ, царапинъ и уколовъ; если прибавить къ этому довольно крутые подъемы, да Туркестанскую жару, то читателю станетъ ясно, что всякій изъ охотниковъ съ удовольствіемъ предпочтетъ сдѣлать 10 верстъ по болоту, нежели подняться полверсты по саю.

Вся долина Угама покрыта роскошной растительностью. Изъ деревьевъ здѣсь замѣчательны: грецкій орѣхъ, миндаль, фисташка, растущіе въ дикомъ видѣ. Сборы плодовъ съ этихъ деревьевъ служатъ важной доходной статьей для мѣстныхъ жителей. По склонамъ обнаженныхъ отъ лѣсовъ возвышенностей сверкаютъ золотистымъ отливомъ „богарныя" поля, засѣянныя ячменемъ и пшеницей. Внизу зеленѣютъ площадки клевера и бахчэй; на нихъ имѣются, обыкновенно, явные признаки пребыванія свиней, спускающихся по ночамъ закусить дынями, арбузами, и порыться въ мягкой, размокшей землѣ.

Я пріѣхалъ на сборный пунктъ дня на два раньше своихъ сотоварищей и на слѣдующее утро отправился на охоту въ сопровожденіи двухъ туземцевъ. Несмотря на примѣрное стараніе, положенное на розыски, кабановъ мы такъ и не видали за цѣлый день. Впослѣдствіи выяснилось, что незадолго передъ нами пріѣзжали сюда какіе-то охотники, убили поросенка, причемъ стрѣляли нѣсколько разъ; кабанъ же, спугнутый съ излюбленнаго мѣста выстрѣлами, уходитъ далеко и не скоро рѣшается вернуться назадъ.

Жизнь горныхъ кабановъ лѣтомъ распредѣляется въ общихъ чертахъ такъ-же, какъ и зимой. Вечеромъ они спускаются на поля, преимущественно залитыя водой,—рисовыя, просяныя, клеверныя, и кормятся тамъ всю ночь до разсвѣта; въ мѣстахъ малолюдныхъ они остаются на кормежкѣ вплоть до наступленія жары. Весь день проводятъ кабаны „на лежкѣ," избирая обыкновенно для отдыха сай, поросшій кустами и камышемъ; одно изъ главныхъ условій для выбора лежки—близость воды и фруктовыхъ деревьевъ.

Кабаны держатся въ это время стадами отъ 5 — 15 шт. и бродятъ въ извѣстномъ раіонѣ, не придерживаясь постоянно однѣхъ и тѣхъ-же лежекъ и кормежекъ. Встрѣчаются также сѣкачи-одинцы, изгнанные изъ общества молодыми за деспотизмъ, проявляемый по отношенію къ свиньямъ (самкамъ). Они ведутъ болѣе правильную жизнь, для лежекъ часто избираютъ мѣста по близости сартовскихъ селеній и не любятъ мѣнять лежки, развѣ необходимость, въ лицѣ охотника, заставитъ это сдѣлать. Пользуясь знаніемъ лежекъ, наблюдательный туземецъ-миргень можетъ подвести васъ вплотную къ сѣкачу, по имъ же проложенной тропкѣ.

Сложившееся мнѣніе, будто кабанъ настолько чутокъ и остороженъ, что требуются особо благопріятныя условія, какъ-то: соблюденіе полной тишины, удачная разстановка загонщиковъ съ подвѣтренной стороны и т. п., чтобы съ успѣхомъ обойти его, считаемъ нужнымъ опровергнуть какъ на основаніи личныхъ наблюденій, такъ и на основаніи разсказовъ другихъ туркестанскихъ охотниковъ. Чутокъ кабанъ всегда, за исключеніемъ лишь случаевъ, когда онъ спитъ, но остороженъ только въ мѣстахъ, гдѣ его тревожатъ постоянно охотники. Къ шуму туркестанскому кабану не привыкать стать, такъ какъ цѣлый день проводитъ онъ въ саѣ вблизи пахотей, на которыхъ раздаются постоянно крики и говоръ земледѣльцевъ. „Скрадываніе“ удается почти всегда, что зависитъ, конечно, не отъ недостатка чуткости въ кабанѣ, а отъ привычки къ шуму людскихъ шаговъ, врожденной лѣни, словомъ—неосторожности. Зимой-же, подъ вліяніемъ безкормицы, кабаны простираютъ свое нахальство до того, что смѣло подходятъ къ самымъ кишлакамъ, не обращая вниманія на страшный лай, поднимаемый всѣми наличными собаками. Даже всполошивъ жителей, кабаны продолжаютъ доѣдать остатки пшеницы, добытой ими изъ ямъ („гура“), въ которыхъ туземцы хранятъ запасы хлѣба для весеннихъ посѣвовъ. Не далѣе какъ этимъ лѣтомъ мы были однажды пріятно удивлены неожиданнымъ сюрпризомъ: мы шли по одной изъ лощинъ Малаго Чимгана, не подозрѣвая присутствія звѣря: курили, разговаривали, какъ вдругъ, шагахъ въ 50 отъ насъ, выскочило цѣ-

лое стадо кабановъ въ 6 штукъ, скучилось, очевидно размышляя что предпринять, и бросилось въ гору на-утекъ.

Съ появленіемъ русскихъ, кабаны истребляются массами и число ихъ изъ года въ годъ уменьшается; это явленіе особенно бросается въ глаза по разсмотрѣніи условій теперешнихъ и прежнихъ охотъ вокругъ людныхъ центровъ и по берегамъ большихъ рѣкъ: Сыръ-Дарьи, Ангрена, Чирчика. Кабаны удаляются постепенно въ камышевыя заросли или на недоступныя горы, причемъ вблизи городовъ они либо совершенно уничтожены, либо сохранились въ весьма незначительномъ количествѣ. Такъ, около Ташкента лѣтъ 10 тому назадъ была весьма порядочная охота, теперь же за кабанами приходится уѣзжать верстъ за 80—100 отъ города. Тоже самое можно сказать о Казалинскѣ и Самаркандѣ, гдѣ кабаны держатся еще въ 60 в. отъ города.

15 Іюля наша компанія собралась въ Хумсанѣ и благодушествовала за самоваромъ въ мазанкѣ у аксакала *). Расположились мы совсѣмъ по домашнему, съ полнымъ комфортомъ. Передъ нами самоваръ, нѣсколько кунгановъ, (чайниковъ), лепешки, изюмъ, медъ; на полу разостланы два интересные нумера „Турк. вѣдом.“, заключающіе въ себѣ описаніе поѣздки на верховья Пскама, составленное Д. Ивановымъ. Къ сожалѣнію, мы не могли почерпнуть изъ этого описанія свѣдѣній о дорогахъ, такъ какъ избрали себѣ другой путь, болѣе короткій и удобный, но зато съ удовольствіемъ перечитывали все касающееся этого роскошнаго уголка природы, забытаго охотниками.

Въ описаніи были упомянуты мѣста, содержащія въ своихъ нѣдрахъ цѣлыя „коллекціи“ кабаньихъ мордъ, „семейства граціозныхъ кіиковъ“ и прочіе соблазны.

Въ нашемъ распоряженіи оставалось много свободнаго времени, почему было рѣшено остаться на денекъ въ Хумсанѣ и поискать кабановъ.

Съ вечера мы сдѣлали необходимыя распоряженія: распросили объ лучшихъ кабаньихъ мѣстахъ, наняли лошадей

---

*) Аксакалъ—буквально бѣлая борода—соотвѣтствуетъ по должности нашему волостному старшинѣ.

и послали позвать лучшаго изъ здѣшнихъ миргеней, нѣкоего Ахрема.

Личность туземца миргеня (охотника) должна представлять нѣкоторый интересъ для собратьевъ по страсти, вслѣдствіе чего я рѣшаюсь остановиться на ней поподробнѣе.

Главная масса миргеней состоитъ обыкновенно изъ пастуховъ и это вполнѣ понятно: блуждая иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ въ горахъ со своими стадами, часто безъ всякаго сношенія съ роднымъ кишлакомъ, сталкиваясь со всевозможными случайностями, требующими развитія ловкости, находчивости и мужества, миргень естественно займется охотой, которая требуетъ примѣненія этихъ качествъ къ дѣлу и даетъ подчасъ возможность выйти съ успѣхомъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній.

Къ занятію охотой побуждаетъ нерѣдко необходимость добывать пропитаніе собственными руками въ странѣ богатой птицей и звѣремъ.

И вотъ заводится мултукъ цѣною 8—15 р. и собака либо мѣстной породы „тазы", либо ублюдокъ съ болѣе или менѣе значительной примѣсью крови россійскаго сеттера.

Мултуки встрѣчаются всевозможныхъ калибровъ въ предѣлахъ 2—4 лин., но чаще всего приближаются въ этомъ отношеніи либо къ нашимъ малопульнымъ (сибирскимъ) винтовкамъ, либо къ винтовкѣ Бердана.

Нарѣзы (числомъ отъ 4—8) часто идутъ параллельно оси оружія, или винтообразно съ длиною хода около 40 калибровъ. Несоразмѣрно длинный съ толстыми стѣнками стволъ имѣетъ у дульной части тяжелый приливъ; это придаетъ мултуку большое сходство съ нашей Воронцовской (изготовл. въ Воронежск. губ.) винтовкой.

Наименьшее вниманіе обращено на способъ скрѣпленія ложи со стволомъ и на прикладъ; послѣдній представляетъ изъ себя простую, гладко обструганную дощечку, идущую почти параллельно оси канала, такъ что по необходимости приходится при стрѣльбѣ брать прикладъ *подъ мышку*. Дѣйствіе отдачи, несмотря на все это, незначительно вслѣдствіе большого вѣса этой неуклюжей системы (около 20 ф. при ничтожномъ относительномъ зарядѣ. Стволы хоро-

шей работы, часто дамасковые, не содержатъ на себѣ никакихъ надписей и клеймъ, могущихъ дать указанія относительно мѣста изготовленія оружія. Говорятъ, что большая часть мултуковъ привозится изъ Афганистана, Бухары (въ послѣдней есть кишлаки кустарей, спеціально занимающихся ружейнымъ производствомъ) и даже съ Кавказа.

Заряжаніе производится, конечно, съ дула; огонь сообщается заряду зажженнымъ фитилемъ, ущемленнымъ въ курокъ. Хвостъ спуска находится почти у самаго плеча и спускъ составляетъ одно цѣлое съ куркомъ. Полка, для предохраненія мякоти отъ сырости и вѣтра, закрывается кускомъ кожи, которая отвязывается только передъ стрѣльбой. Къ ложѣ приспособлена на шарнирѣ рогулька, служащая для удобства прицѣливанія: безъ подсошки туземецъ стрѣлять не умѣетъ.

Мултукъ обладаетъ большою мѣткостью и настильностью: на 100—200 ш. миргень бьетъ кіика, не мѣняя точки прицѣливанія, а на болѣе близкія дистанціи стрѣляетъ гусей, фазановъ и даже утокъ. Сила боя также довольно значительна: намъ извѣстны случаи, когда изъ мултука убивали тигровъ и медвѣдей, причемъ пулька пробивала крѣпкій черепъ звѣря.

Остается сказать нѣсколько словъ о порохѣ: миргень приготовляетъ его собственными средствами, но откуда онъ беретъ для этого селитру и сѣру—положительно не понимаю. Русскій порохъ цѣнится дорого и очень одобряется туземцами; впрочемъ, передъ употребленіемъ въ дѣло его обращаютъ иногда въ мякоть *).

Туземные охотники, живущіе вблизи городовъ, обзаводятся понемногу дробовиками, представляющими изъ себя

---

*) Это до нѣкоторой степени резонно. При удлиненіи стволовъ за извѣстный предѣлъ, *приращеніе газовъ*, даваемое мелко-зернистымъ порохомъ, не вознаграждаетъ *потери* скорости, происходящей отъ тренія пули объ стѣнки канала и др. причинъ. Развитіе газовъ въ каналѣ при медленно горящемъ порохѣ совершается въ болѣе продолжительное время, такъ что скорость снаряда при вылетѣ изъ дула (начальная) даже въ очень длинномъ стволѣ будетъ больше, чѣмъ напр. въ серединѣ канала оружія.

Мякоть же, какъ извѣстно, горитъ медленнѣе зернистаго пороха.

такой же хламъ, какой можно встрѣтить у любого мужичка-промышленника въ центрѣ Россіи.

Костюмъ мергеня довольно своеобразенъ: неизбѣжный халатъ „зачембаривается“ въ широчайшіе штаны изъ желтой (крашеной) бараньей кожи; все это подпоясывается широкимъ кушакомъ, который служитъ также патронташемъ, ибо въ него завязываются порохъ и пули. Дневной запасъ продовольствія въ видѣ пары лепешекъ кладется за пазуху на голое тѣло, либо закидывается за спину.

Бритая голова обвязывается поверхъ тюбетейки яркимъ платкомъ, предохраняющимъ отъ солнечныхъ лучей. На ногахъ поршни (ичиги), сшитые изъ кусковъ плохо продубленной козлиной или бараньей кожи, едва очищенной отъ шерсти. Поршни устраиваются безъ каблуковъ и подметокъ, что придаетъ ногамъ большую цѣпкость, необходимую для ходьбы по горамъ; голенища, длиною 3—4 вершка обматываются около ступни тонкими ремешками. Въ рукахъ охотника длинная палка изъ горнаго дерева съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ.

Зимній костюмъ мергеня отличается отъ выше описанаго второю парою чембаръ, мѣховой шапкой, да кускомъ кошмы вмѣсто портянокъ.

Горнаго мергеня нельзя причислить къ типу охотниковъ-промышленниковъ, которые являются у насъ истиннымъ „бичомъ Божіимъ“, посланнымъ для истребленія фазановъ, перепеловъ, утокъ и пр. пернатой твари.

У туземцевъ-промышленниковъ мултуки большей частью отсутствуютъ; добываютъ они птицу сѣтями, сачками, ловчими птицами, охотой съ полотномъ и т. п. средствами, причемъ самое удовольствіе охоты отступаетъ на задній планъ.

Мергень, какъ и всякій истинный охотникъ, немного бродяга по натурѣ и большой любитель природы. Онъ готовъ проходить съ вами цѣлый день, не обращая вниманія ни на жаръ, ни на дождь, ни на усталость, и удовольствуется за труды свои горсточкой пороха да фунтомъ дроби для литья пуль. Неутомимость и любовь къ охотѣ онъ проявляетъ замѣчательныя. Вы пріѣхали на мѣсто охоты вер-

хомъ и остановились у сая, проросшаго какой-нибудь колючкой. Миргень шелъ все время впереди лошади, весело посвистывая и переговариваясь съ товарищами. Солнце жжетъ невыносимо, ходьба убійственно трудная. Ноги скользятъ по сухой травѣ, кусты переплелись настолько, что порою приходится кинжаломъ расчищать дорогу.

— Постой, тюря, я выпугну кабана—съ ласковой усмѣшкой на вашу безпомощность предупреждаетъ миргень, и лѣзетъ сквозь непролазную чащу вверхъ по саю съ тѣмъ, чтобы убѣдившись въ отсутствіи кабана, пробраться такимъ же образомъ въ новый сай.

Хорошій миргень изучилъ до тонкости мѣстность и дороги; онъ—полный хозяинъ окрестныхъ охотничьихъ угодій и наперечетъ знаетъ всѣ кабаньи лежки.

Васъ подведутъ къ самому звѣрю, въ рѣшительную минуту вы услышите исполненный страсти крикъ: „атъ, атъ, тюря“ *), васъ дергаютъ за рукавъ, подталкиваютъ подъ локоть, а иногда и поспѣваютъ преждевременнымъ выстрѣломъ... Словомъ, передъ вами не промышленникъ, а настоящій охотникъ.

Есть у миргеня сокровище, котораго онъ не продастъ ни за какія деньги: это его собака.

Я недостаточно знакомъ съ туземными породами собакъ, чтобы дать объ нихъ обстоятельный отзывъ, да къ тому же увѣренъ, что здѣсь не существуетъ веденія породы въ смыслѣ поддержанія типа, но тѣмъ не менѣе съ полнымъ уваженіемъ отношусь къ нѣкоторымъ экземплярамъ здѣшнихъ собакъ, такъ какъ видѣлъ ихъ на дѣлѣ.

Вотъ, напримѣръ, тазы *) „Кара-Кучукъ“ Ахрема.

Грубая голова съ выпуклымъ черепомъ и прямымъ носомъ, съ короткими, приподнятыми угломъ ушами, украшена замѣчательно умными и красивыми, слегка навыкатѣ, глазами. Мясистая шея съ крѣпкимъ, нѣсколько длиннымъ корпусомъ, поставленымъ на толстыя, сильныя ноги,—черная, довольно длинная псовина, общій угрюмый и сосредоточен-

---

*) Стрѣляй, стрѣляй!

*) Названіе тазы обыкновенно прилагается туземцами безразлично какъ къ борзымъ, такъ и къ гончимъ.

ный видъ—все это производитъ впечатлѣніе, характеризующееся словами: „неладно скроенъ, да крѣпко сшитъ“.

Много треволненій пережилъ „Кара-Кучукъ“ на своемъ вѣку; не разъ попадалъ онъ подъ клыки кабана, случалось ему терпѣть голодъ, холодъ и даже побои, когда хозяинъ, по случаю праздника, напивался бузы. Потрепанная шкура „Кара-Кучука“ свидѣтельствуетъ и о болѣе серіозныхъ поврежденіяхъ: неосторожный охотникъ засаживалъ въ него сгоряча пулю; по счастію, въ убойное мѣсто до сихъ поръ не попадали, а умный песъ легко зализывалъ даже опасныя раны.

Ласкаться „Кара-Кучукъ“ не любитъ, да и самъ онъ не видалъ ни отъ кого ласки; довольно того, что кормитъ иногда безпечный хозяинъ своего пса, хотя послѣднее обстоятельство тѣсно связано съ благосостояніемъ самого хозяина; есть у него лепешки и шурпа (супъ), собаку покормятъ, нѣтъ—отправляйся самъ на добычу: падаль всегда найдешь.

Работаетъ „Кара-Кучукъ“ отлично и обладаетъ весьма порядочнымъ чутьемъ; сунется онъ въ сай, понухаетъ, поищетъ слѣдовъ—если ничего не нашелъ—трусцею бѣжитъ къ хозяину и ждетъ дальнѣйшихъ распоряженій. Причуявъ же свѣжій слѣдъ, онъ упорно идетъ по нему, настигаетъ стадо и гонитъ его до послѣдней возможности, изрѣдка подавая голосъ хриплымъ, короткимъ взлаиваніемъ; если стадо бросилось врассыпную, „Кара-Кучукъ“ увязывается за какимъ-нибудь отставшимъ сѣкачемъ, бросается на него, яростно ощетинившись, но, въ случаѣ нужды, ловко увертывается отъ удара клыками со стороны разсвирѣпѣвшаго звѣря.

Число звѣровыхъ охотниковъ-туземцевъ въ нашей мѣстности крайне ограничено; это объясняется съ одной стороны малой добычливостью промысловой охоты на звѣря, а съ другой, религіознымъ предразсудкомъ, запрещающимъ дотрогиваться до „чушки“.

Въ послѣднее время бывали, впрочемъ, случаи истребленія кабановъ туземцами съ цѣлью попользоваться ихъ довольно цѣннымъ мясомъ (1 р. 20 к.—1 р. 60 к. за пудъ). Зимою

приходилось изрѣдка видѣть въ Ташкентѣ караваны верблюдовъ, нагруженныхъ кабанами; киргизы продавали послѣднихъ прямо потребителямъ и не иначе, какъ цѣлыми тушами.

Самая дорогая часть кабана—его прекрасная кожа, издѣлія изъ которой отличаются своей прочностію и красотою, пропадаетъ совершенно даромъ и не подвергается выдѣлкѣ вслѣдствіе того, что главная масса рабочихъ на кожевенныхъ заводахъ состоитъ изъ туземцевъ-мусульманъ.

Подвести итоги туземнымъ охотникамъ представляется рѣшительно невозможнымъ, за отсутствіемъ статистическихъ данныхъ по этому предмету. Точно также трудно выяснить количество убиваемой ежегодно дичи; большая часть ея расходится въ средѣ самихъ охотниковъ, и лишь незначительная часть появляется на базарахъ.

Какъ сказано было выше, охота не представляетъ для туземцевъ, въ большинствѣ случаевъ, не только средствъ къ безбѣдному существованію, но даже и не служитъ важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Ближайшимъ слѣдствіемъ этого является полное отсутствіе какихъ бы то ни было, освященныхъ обычаемъ, правилъ, клонящихся къ охраненію охотничьихъ угодій; исключеніе составляетъ охота на перепеловъ, о которой мы надѣемся поговить впослѣдствіи.

Къ числу людей, спеціально занимающихся охотой и живущихъ исключительно ею, относится большинство уральцевъ-казаковъ, сосланныхъ въ Туркестанскій край за безпорядки, происшедшіе вслѣдъ за объявленіемъ новаго устава о воинской повинности. Они группируются преимущественно по берегамъ р. Сыръ-Дарьи и занимаются въ обширныхъ размѣрахъ рыболовствомъ, а также охотой, преимущественно на фазановъ и кабановъ. Въ прошломъ году было снято запрещеніе, имѣвшее цѣлью прекратить истребленіе и вывозъ фазановъ большими партіями, и теперь уральцы, наравнѣ съ туземцами, снова устремились на добычу дорогой птицы, уничтожая ее безпощадно.

Съ наступленіемъ зимы организуются артели уральцевъ-промышленниковъ, которыя удаляются иногда для охоты за нѣсколько сотъ верстъ, снаряжая цѣлые транспорты

рыбы и дичи, какъ въ Россіи, такъ и въ ближайшіе города. Дѣятельные и энергичные уральцы пробираются со своими транспортами въ Оренбургъ, Нижній Новгородъ и даже Москву, хотя порядочныхъ расходовъ требуютъ разныя „смазки", необходимыя для благополучнаго странствованія безпаспортнаго „бродяги"; отдавать же товаръ для перепродажи скупщикамъ также очень невыгодно — и эти два обстоятельства, какъ намъ кажется, одинаково вліяютъ на возростаніе цѣнъ на рыбу, икру, фазановъ и т. п. продукты охоты.

Итакъ, цѣлью нашей поѣздки были, собственно говоря, горныя долины верховьевъ р. Пскама, обильныя, по слухамъ, „рѣдкимъ звѣремъ", но, памятуя пословицу о журавлѣ на небѣ и синицѣ въ рукахъ, мы рѣшили поохотиться въ Хумсанѣ на кабановъ. День начался неудачно: выступить пришлось слишкомъ поздно, такъ какъ джигиты и лошади запоздали; Ахремъ ушелъ куда-то на полевыя работы, „Кара-Кучука" дома не оказалось и, къ довершенію несчастія, погода окончательно испортилась. Ночью насъ полило немного дождемъ, утромъ небо зловѣще хмурилось. Поднялся сильный, сырой вѣтеръ, надвигая съ запада темно-свинцовую тучу; ниже ея несутся полу-прозрачныя желтыя облака, порою разрываясь, порою снова закрывая образовавшіеся просвѣты.

Едва мы выѣхали изъ кишлака, какъ глухо прозвучали первые раскаты грома и крупныя капли дождя упали на влажную землю.

Черезъ нѣсколько минутъ дождь обратился въ ливень и по дорожкѣ побѣжали мутные ручьи. Наши лошади, подкованныя на сартовскія подковы *), ежеминутно скользили и спотыкались, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы зацѣпиться копытами за комки твердой, обмякшей снаружи глины. Дорожка вьется въ гору по волнистой мѣстности; спуски и подъемы чередуются безпрестанно.

Сай, въ которомъ предполагалась кабанья лежка, былъ уже виденъ. Киргизъ-проводникъ повелъ насъ прямо черезъ

*) Сартовская подкова представляетъ изъ себя тонкую (около 2 хъ линій) пластинку и дѣлается обыкновенно безъ зацѣпа и шиповъ.

пашни, такъ какъ по дорогѣ ѣхать было еще хуже. Выѣхавъ на опушку, мы слѣзли съ лошадей и повели ихъ въ поводу.

Передъ нашими глазами открылась обычная картина: по сторонамъ сая чернѣютъ распаханные холмы; внизу шумитъ ручеекъ, разбившійся на нѣсколько рукавовъ; по берегамъ его неизбѣжныя заросли изъ розовыхъ кустовъ, а около самой воды поднимается сплошная стѣна изъ сочнаго, зеленаго камыша.

Вѣтеръ утихъ, но дождь лилъ попрежнему, то затихая, то принимаясь съ новою силою. Съ какимъ-то озлобленіемъ спускаешься внизъ по крутому скату, скользя по мокрой травѣ, убѣгающей изъ-подъ ногъ, судорожно цѣпляясь руками за вѣтви кустовъ, изъ которыхъ каждый обдаетъ немилосердно брызгами холодной воды. Мокрое платье прилипаетъ къ тѣлу, связывая всѣ движенія; въ сапогахъ, облѣпленныхъ слоемъ густой глины, начинается характерное хлюпанье и чмоканье. Съ козырька фуражки бѣжитъ капля за каплей; холодная струйка проберется порою за воротъ, вызывая невольную дрожь... Не довольствуясь этимъ, вода забралась въ карманы, подмочила спички, обратила папиросы въ какой-то желтовато-грязный кисель... Да! мы повѣрили, наконецъ, той истинѣ, что мокрый охотникъ являетъ „видъ печальный".

Соблюдая возможную тишину и осторожность, мы подошли къ лежкѣ, расположенной подъ глыбой нависшаго камня, обвитаго со всѣхъ сторонъ виноградомъ. Лежка оказалась, увы, опустѣвшею. По ней бѣжалъ уже дождевой потокъ, который и согналъ, вѣроятно, кабана на болѣе сухое мѣсто. Свѣжіе кабаньи слѣды вели прямо къ ручью и потомъ поворачивали круто въ гору, теряясь въ прибрежныхъ камышахъ.

Погоревавъ надъ симъ печальнымъ инцидентомъ и освидѣтельствовавъ еще разъ слѣды, мы вынуждены были сознаться, что сѣкачъ счастливо избѣжалъ на этой разъ грозящей ему опасности и поступилъ, во всякомъ случаѣ, очень благоразумно, забравшись отъ дождя на камни, гдѣ мочитъ, покрайней мѣрѣ, только сверху. Мы разсудили также,

что мокрѣе мокраго не будешь, а справедливая судьба должна же вознаградить, наконецъ, охотниковъ за всѣ лишенія.

Прямымъ послѣдствіемъ этого разсужденія явилось рѣшеніе испить чашу до конца и безъ добычи не возвращаться домой. Мѣстность показывала, что кабаны лежатъ если не въ слѣдующемъ, то въ одномъ изъ слѣдующихъ саевъ, и, слѣдовательно, при должной настойчивости успѣхъ былъ обезпеченъ. Наши ожиданія оправдались.

Уралецъ, взятый въ качествѣ проводника, выпугнулъ изъ сосѣдняго сая двухъ поросятъ и благополучно промазалъ по обоимъ, послѣ чего кабаны успѣли пробраться незамѣтно кустами въ долину Угама. Огорченные неудачей мы двинулись въ слѣдующій сай прямо по пахоти, увязая чуть не по колѣна въ грязи.

Ливень продолжался съ прежнею силою; надъ головами трещатъ громовые раскаты, молнія то и дѣло прорѣзаетъ небо, освѣщая наши мокрыя фигуры и группу пріунывшихъ джигитовъ, слѣдующихъ сзади.

„Чушка баръ ма кинъ *)?“ вдругъ раздается голосъ одного изъ нашихъ миргеней, протяжный и заунывный, точно крикъ совы. „Чушка баръ“, (кабаны есть) пронеслось откуда-то съ горы, и этотъ простой отвѣтъ, заглушаемый къ тому-же шумомъ дождя, показался намъ пріятнѣе пѣнія „райской птицы“.

Немедленно все оживилось и начались переговоры по поводу мѣста нахожденія „чушки“. Наши миргени надрывались отъ усердія, выкрикивая вопросные пункты; но разобраться въ ихъ общемъ гамѣ не было никакой возможности.

Наскучивъ этой безтолковщиной, мы прекратили ее, пообѣщавъ сарту, сообщившему о присутствіи кабановъ, должное „силяу“, и туземецъ моментально скатился подъ горку, выразивъ желаніе немедленно показать лежки.

Противъ такого похвальнаго желанія ничего нельзя было возразить, и намъ оставалось только отдохнуть немного, да „отстояться“ отъ дождя подъ гостепріимною сѣнью орѣха;

---

*) Есть-ли кабаны?

тутъ же удовлетворили до нѣкоторой степени чувство голода ослизлыми, холодными лепешками, весьма и весьма противными на вкусъ.

Мы раздѣлились: мои сотоварищи, сопутствуемые нѣсколькими джигитами и проводникомъ, спустились въ сай, надѣясь застать кабановъ на лежкѣ; я же, основываясь на привычкѣ кабана забирать при видѣ опасности вверхъ, разсчиталъ, что всякій свинтусъ, если онъ только не будетъ убитъ, пойдетъ прямо на меня.

Такъ и случилось; какъ я узналъ впослѣдствіи, Бр. Ч. поднялъ съ лежкѣ сѣкача и гналъ его передъ собою, слѣдуя по глубокимъ оттискамъ копытъ, настигая по временамъ звѣря шаговъ на 20; стрѣлять не было возможности вслѣдствіе густой чащи, въ которой ничего не видно, а только раздаются трескъ сучьевъ, да фырканье медленно уходящаго звѣря. Кабанъ крайне неохотно разстался съ кустами и вышелъ на чистое мѣсто, (на пашню) причемъ оказался шагахъ во 100 отъ меня.

Стрѣлять было въ высшей степени неудобно. Сѣкачъ шелъ въ полъ-оборота и изъ за перевальчика виднѣлись только спинной хребетъ, да заднія ноги его; всѣ же убойныя мѣста были укрыты отъ моего взора. Мѣшкать также не приходилось: замѣтивъ меня, кабанъ наддалъ и грозилъ черезъ нѣсколько минутъ совершенно скрыться изъ виду. Я послалъ двѣ пули: экспрессную (такъ называютъ у насъ въ „общежитіи“ облегченную пулю—съ пустотой) и разрывную, цѣлясь по спинному хребту; одна изъ пуль задѣла его слегка, другая—прошла на вершокъ ниже.

Кабанъ закрутился на мѣстѣ, но вскорѣ справился и тихо пошелъ книзу, оставляя за собою лужи черной, запекшейся крови.

Кабанъ уже на половину скрылся, и я бросился на горку, чтобы успѣть дать финальный выстрѣлъ; но въ это время изъ сая вышелъ Бр. Ч. и двумя пулями покончилъ дѣло.

Сѣкачъ оказался очень крупнымъ экземпляромъ и вѣсилъ, на нашъ взглядъ, никакъ не менѣе 12 п.; столько же далъ ему нашъ, довольно опытный, уралецъ. Подъ кожей у кабана лежалъ толстый слой сала, доходящій мѣстами отъ

Протравили!

$1^1/_2$—2 вершковъ. Внутреннимъ саломъ былъ облѣпленъ весь кишечникъ, и оно заполняло почти всю брюшную полость.

Вѣсъ кабана зависитъ главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ его возраста и отъ времени года, въ которое застигла его пуля. Зависимость вѣса отъ первой данной не можетъ быть выяснена сколько нибудь точно, за невозможностью опредѣлить лѣта кабана. Насколько мнѣ удалось замѣтить, приращеніе въ вѣсѣ происходитъ слѣдующимъ порядкомъ: *зимою* годовалый поросенокъ вѣситъ 1—$1^1/_2$ пуд.; 4-хъ лѣтній каб. 4—5 п.; 5—8 л.—6—10 п. Кабанъ тяжелѣе 10 п. считается выдающимся изъ ряда вонъ по своей величинѣ.

Что же касается второй данной, вліяющей на вѣсъ кабана, то нужно замѣтить, что наибольшая убавка является въ концѣ зимы. Лѣтомъ и особенно осенью, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, кабанъ достигаетъ предѣльнаго вѣса *) и слой сала настолько великъ, что разрывная пуля рвется иногда въ немъ, не проникая въ мясо.

Съ точностью до $^1/_2$ пуда можно сказать, что убитый нами сѣкачъ зимою вѣсилъ бы не болѣе $6^1/_2$ пудовъ.

Послѣ получасой работы кинжалами, туша была разрублена на три части, но заморенныя сартовскія лошаденки съ трудомъ тащили и эту, сравнительно небольшую, тяжесть.

Кинувъ на дорогѣ голову и туловище, мы взяли съ собой только окорока, перевязавъ ихъ ремешкомъ и перекинувъ черезъ сѣдло. Въ Кумсанѣ вознаградили себя за всѣ труды довольно скверным шашлыкомъ, а между тѣмъ Уралецъ съѣздилъ за хребтовиной, да вырубилъ прекрасные клыки, которые, кстати сказать, пропадаютъ у насъ безъ всякой пользы.

---

*) Въ это время поспѣвшіе фрукты (дик. яблоки, алча, орѣхи и т. п.) осыпаются съ деревьевъ, доставляя кабану вкусную и питательную пищу; такимъ образомъ прожорливое животное ѣстъ цѣлыя сутки, ночью рожь въ хлѣбахъ, а днемъ подбирая падалицу.

Кабанья туша до вечера валялась на дворѣ, мозоля намъ глаза, пока, наконецъ, не приказали кинуть ее въ Угамъ на съѣденіе рыбамъ и птицамъ; лучшаго примѣненія для нея найти было нельзя.

Читатели, можетъ быть, спросятъ, для чего понадобились это подробныя описанія охотъ съ ихъ *устарѣлыми* и далеко не поэтическими пріемами, охотъ, лишенныхъ главныхъ своихъ прелестей: музыкальнаго голоса гончихъ, смычка злобныхъ борзыхъ, наконецъ выпивокъ и закусокъ, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ всякаго русскаго веселья?

Мнѣ хотѣлось бы объясниться по этому поводу.

Я не претендую, конечно, произвести своими отрывочными замѣтками впечатлѣніе „на душу" читателя, не надѣюсь даже представить сколько нибудь полной *картины* горной охоты въ Туркестанѣ, но все-же думаю, что и эти замѣтки принесутъ ту долю пользы, на которую онѣ разсчитаны. Мы, молодые охотники, отправляясь въ Туркестанъ, долго обсуждали, напримѣръ, вопросъ, какое оружіе окажется наиболѣе пригоднымъ для борьбы со здѣшнимъ звѣремъ. Взять ли съ собой „слоновый" штуцеръ, снабженный снарядомъ со стальной оболочкой, или ограничиться нѣсколькими патронами съ пулей къ дробовику, на случай тигровъ, которые, судя по увлекательнымъ разсказамъ увлекающагося г. Каразина, чуть ли не бродятъ по площадямъ городовъ. Только на мѣстѣ выяснилось, что покупать штуцеръ для горной охоты столь-же безполезно, какъ и обзаводиться артиллерійскимъ орудіемъ, когда достаточно легкой и дешевой берданки съ экспрессной или разрывной пулей, чтобы съ успѣхомъ стрѣлять кабана, медвѣдя и, если угодно, то даже тигра. Повторяю, что этотъ вопросъ почти цѣликомъ выяснился только на мѣстѣ.

Примитивны способы нашихъ охотъ — это правда, — но разъ другіе не прививаются въ Туркестанѣ, то очевидно, что существуютъ какія-то неблагопріятныя условія, тормозящія развитіе охотничьяго дѣла, и на эти условія должна обратить вниманіе охотничья литература.

Главнымъ зломъ является отсутствіе въ краѣ какихъ бы то ни было охотничьихъ кружковъ, могущихъ соединить для одной общей цѣли разрозненныя силы и средства многочисленныхъ здѣшнихъ охотниковъ. Понятно, что одиночный охотникъ не имѣетъ средствъ собирать для облавъ сотни загонщиковъ и столько же надсмотрщиковъ, и наблюдать за всѣми ними во время охоты; безъ наблюденія же выйдетъ безтолковщина, такъ какъ если въ кишлакѣ не найдешь двухъ сносныхъ проводниковъ, то тѣмъ менѣе можно разсчитывать на удовлетворительныхъ загонщиковъ.

Точно также трудно намъ достать собакъ, которыхъ приходится выписывать *заглазно*, посылая „цидульки" за тридевять земель въ тридесятое царство, въ надеждѣ, что „авось" пришлютъ нѣчто несхожее съ произведеніями завода „Цезарь и Минка". Та-же исторія съ ружьемъ: заплатишь рублей 10—20 побочныхъ расходовъ (на пересылку) и ожидаешь со страхомъ Божіимъ повѣстки на полученіе, можетъ быть, кочергообразнаго инструмента.

Достать подружейную „собачку", правда, нѣсколько крючкохвостую, возможно, но выписывать „стаи", „смычки"— роскошь, доступная немногимъ избраннымъ.

Сознаніе, что мы охотимся первобытными способами, мало уменьшаетъ, по правдѣ сказать, самое удовольствіе, доставляемое охотой, а обиліе звѣря выручаетъ всюду, вознаграждая за труды массою добычи.

Порѣдѣетъ звѣриное царство — тогда настанетъ наше время пустить въ ходъ всевозможные усовершенствованные пріемы, чтобы добыть звѣря, а пока мы прислушиваемся къ разсказамъ старыхъ охотниковъ о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда стрѣляли по несмѣтнымъ стадамъ кабавонъ шрапнелью изъ орудій *). Но и теперь же намъ можно пожалѣть отъ души охотниковъ центральной Россіи, гдѣ взять порядочнаго сѣкача на десятокъ ружей—подвигъ далеко не заурядный... Да... настанетъ и наше время.

---

*) Фактъ.

Мы проснулись въ то время, когда еще черти дрались на кулачкахъ, живо осѣдлали лошадей и поѣхали по лѣвому, каменистому берегу Угама, чтобы застать кабановъ на кормежкѣ.

Еще не начинало свѣтать, когда мы подъѣхали къ обширной площади, засѣянной клеверомъ; это было единственное мѣсто кормежки для кабановъ лѣваго берега: сюда они стекались со всѣхъ сосѣднихъ горъ, и мы не сомнѣвались, что и въ настоящую минуту стада бродятъ во всѣхъ направленіяхъ по долинѣ. При нашей малочисленности, единственной возможной тактикой представлялся обходъ со стороны горъ; съ восходомъ солнца кабаны должны подниматься на эти горы—тогда нетрудно узнать тропки и перебѣжать поближе.

Темнота помѣшала привести въ исполненіе нашъ планъ: едва мы добрались до канавы, окружавшей поле, какъ услышали тихое и спокойное похрюкиванье кабана; черезъ мгновеніе раздалась поспѣшное фырканье и топотъ, еще мгновеніе—передъ нами мелькнула темная фигура сѣкача и скрылась въ непроницаемомъ мракѣ. Мы не рискнули стрѣлять по немъ отчасти вслѣдствіе малой вѣроятности успѣха, а главное изъ боязни спугнуть остальныхъ, которые, увы, послѣдовали примѣру товарища и, воспользовавшись темнотою, безнаказанно удрали.

Утро, начавшееся столь неудачно, такъ же неудачно и окончилось. На одномъ изъ холмовъ уралецъ встрѣтилъ цѣлое стадо, расположившееся въ живописномъ безпорядкѣ среди луговины, окаймленной кустами; впереди лежала большая свинья, по которой уралецъ стрѣлялъ два раза и оба раза промахнулся. Когда я подбѣжалъ, кабановъ не было уже видно, но по всѣмъ направленіямъ трещали кусты и раздавался визгъ удиравшаго стада.

— Не попалъ, что-ли? спрашиваю уральца.

— Промахнулся, ваше благородіе, а близко была „швинья", должно зачурованная какая, оправдывается онъ, продувая, неизвѣстно зачѣмъ, винтовку.

17 Іюля мы выѣхали изъ Хумса по направленію на

кишл. Псканъ *), полные самыхъ сладостныхъ надеждъ на предстоящую охоту въ заповѣдныхъ „мѣстахъ, гдѣ лишь изрѣдка пшикнетъ выстрѣлъ изъ сартовскаго мултука, нарушая спокойствіе довѣрчивыхъ кіиковъ...

Вьючная, хорошо разработанная дорога пролегала по узкому гребню возвышенностей, обращенныхъ южной стороной къ Угаму. Подъемъ былъ довольно крутъ, но лошади бодро шагали по твердому, глинистому грунту, оставляя едва замѣтный отпечатокъ подковъ на окаменѣлой почвѣ. Окончивъ подъемъ, мы остановились, чтобы дать вздохнуть лошадямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспользоваться свободнымъ временемъ для нанесенія на планъ нѣкоторыхъ, отсутствовавшихъ въ немъ, подробностей.

Передъ нами открылась чудная картина: слѣва скалистыя, снѣговыя горы, искрящіяся подъ прощальными лучами заходящаго солнца, внизу — перевалъ Кохуль, по которому змѣйкой вьется наша дорожка на Псканъ; Хумсанъ остался далеко внизу; изъ темной зелени тополей рѣзко выдѣляются его плоскія, глиняныя крыши и толстыя стѣнки, огораживающія маленькіе дворы отъ глазъ невѣрныхъ.

За переваломъ Кохуль тянется на нѣсколько верстъ утомительный и однообразный спускъ въ долину р. Пскана. Дорога идетъ все время зигзагами по склонамъ горъ и путь до Сиджака (первый кишлакъ отъ Хумсана) оказывается на самомъ дѣлѣ по крайней мѣрѣ вдвое длиннѣе, чѣмъ онъ показанъ на картѣ. Впрочемъ—судить о чемъ бы то ни было по нашей картѣ, равно какъ и по большинству Туркестанскихъ картъ, очень затруднительно.

Дѣло въ томъ, что съемщикъ обыкновенно очень мало знакомъ съ туземными языками, да этого и не требуется отъ него по закону. Чтобы распросить о чемъ нибудь туземца черезъ переводчика необходимо громадное терпѣніе, соединенное съ умѣньемъ задавать вопросы съ должной настойчивостью, ясностью и послѣдовательностью. Безъ

---

*) По таджикски — Бисткантъ, что обозначаетъ, если не ошибаюсь, двадцать оградъ.

соблюденія послѣднихъ условій переводчикъ приплететъ къ заданному вопросу десятокъ своихъ, а туземецъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ почесать языкъ съ постороннимъ, обогатится свѣдѣніями относительно чина, званія, рода службы, содержанія, получаемаго „танапчи“ (землемѣръ), передастъ въ свою очередь всѣ базарныя новости и только подъ конецъ отвѣтитъ на вопросъ, видимо удивляясь, зачѣмъ понадобилось „урусу“ знать такіе пустяки, какъ названіе кишлака, рѣки и т. п.

Бываютъ и такіе случаи: съемщикъ приказываетъ переводчику замолчать и самъ задаетъ туземцу вопросъ вродѣ, напримѣръ: „какъ называется эта гора?“

„Худай беляде, тюря“ *), отвѣчаетъ тотъ.

И вотъ планъ украшается оригинальными названіями: „Шайтанъ беляде“ (чортъ знаетъ), „Кымъ беляде“ (кто знаетъ) или „тюе майдалъ“ (верблюжья долина, потому что по долинѣ паслись во время съемки верблюды, а съемщикъ спрашивалъ довольно неопредѣленно: „какъ это называется?“)

Понятное дѣло, что положеніе случайнаго туриста-охотника болѣе чѣмъ непріятно, когда, забравшись въ глухую мѣстность, онъ на вопросъ о горѣ „чортъ ее знаетъ“ какой—получаетъ вмѣсто отвѣта сдержанныя улыбочки и почтительныя шутки. У горячаго охотника дѣло не обойдется безъ ногайки и тогда, конечно, ему покажутъ на первую попавшуюся гору, укажутъ даже къ ней дорогу, лишь бы сердитый „шутникъ“ убирался поскорѣе; а потомъ побитые могутъ утѣшиться безчисленными варіаціями на тему: добродѣтель торжествуетъ (закусывая лепешкой съ дыней), а порокъ наказанъ (ночуя впроголодь подъ открытымъ небомъ).

Солнце уже закатилось, когда мы подъѣхали къ саю Шукатъ, лежащему на половинѣ пути между Хумсаномъ и Сиджакомъ. Послѣ теплаго, горнаго воздуха мы сразу вступили въ сырую и холодную атмосферу ущелья.

Дорожка извивается въ лабиринтѣ орѣховыхъ деревьевъ, и ихъ нависшія вѣтви образовали темный сводъ, непроницаемый для лучей солнца.

---

*) Богъ знаетъ, господинъ.

Жутко въ этомъ заколдованномъ царствѣ, гдѣ все живое встрѣчается угрюмымъ молчаніемъ лѣса, погруженнаго въ вѣчный сумракъ.

За Шукатомъ небольшой подъемъ, съ котораго открывается глазамъ обширная и плодородная Бричъ-Муллинская котловина, получившая свое названіе отъ таджикскаго кишлака *), лежащаго при сліяніи рр. Кокъ-су съ Чоткаломъ.

Долина замѣчательна въ охотничьемъ отношеніи: круглый годъ въ ней бродятъ громадными стадами кабаны, спускающіеся на кормежки съ окрестныхъ горъ. Высоты, окружающія котловину, богаты какликами, на которыхъ, впрочемъ, спеціальныхъ охотъ не устраивается вслѣдствіе ихъ трудности и малой добычливости. Сторожкая птица держится на открытыхъ мѣстахъ, недопускающихъ скрадыванья, на выстрѣлъ подпускаетъ рѣдко и бѣгаетъ съ замѣчательной быстротой, искусно прячась между камнями.

Почти ежегодно наводитъ ужасъ на Бричъ-Муллинцевъ странствующій тигръ, пробирающійся съ Сыръ-Дарьи вверхъ по Чирчику, Чоткалу и далѣе черезъ Чоткальскія горы въ Ферганскую область; иногда онъ просто фланируетъ по долинѣ съ цѣлью поживиться домашнимъ скотомъ туземцевъ послѣ надоѣвшей кабанятины **).

Переночевавъ въ Сиджакѣ, мы утромъ отправились далѣе на Бугустанъ, Нанай и Псканъ.

Дорога тянется все время по правому берегу рѣки Пскана несмотря на то, что всѣ кишлаки расположены на лѣвомъ берегу, болѣе отлогомъ и плодородномъ, чѣмъ правый. Къ Нанаю ведетъ новенькій, совсѣмъ приличный мостикъ, перекинутый черезъ рѣку по методѣ Кавказскихъ.

Псканъ въ этомъ мѣстѣ не шире 2—3 саж., такъ какъ съ лѣваго берега врѣзалась въ него почти до середины гранитная глыба, послужившая естественнымъ устоемъ для моста. Вблизи дороги шумитъ роскошный водопадъ, обра-

---

*) Бричъ-Мулла.

**) Текущимъ лѣтомъ (въ началѣ Іюля) тигръ задралъ въ Бр. Муллѣ корову, черезъ 3 дня продѣлалъ ту же штуку въ Хумсанѣ и скрылся опять на Дарью.

зовавшійся изъ нѣсколькихъ ручейковъ, падающихъ внизъ по крайней мѣрѣ съ 4-хъ саж. скалы.

Отъ Наная до Пскана, по увѣреніямъ туземцевъ, всего 24 версты (3 таша), а по картѣ не будетъ и 20; на самомъ дѣлѣ здѣсь оказывается добрыхъ 40, если не 50, такъ какъ мы, выѣхавъ изъ Наная часовъ въ 12 дня, пріѣхали въ Псканъ около 10 вечера. Двигались мы шагомъ, идя со средней скоростью $4^1/_2$—5 в. въ часъ.

Что разстояніе, показанное на картѣ, меньше дѣйствительнаго—это неудивительно: съемщикъ измѣряетъ напрямикъ, по воздуху, „какъ сороки летаютъ", не принимая въ разсчетъ многочисленныхъ мелкихъ изгибовъ дороги. Удивительнымъ мнѣ показалось, что тюрки, проводящіе полжизни на конѣ, имѣютъ слишкомъ малое понятіе объ разстояніяхъ. Выѣжая изъ Чимгана въ Ходжакентъ я поинтересовался узнать, сколько до послѣдняго верстъ. Встрѣчается по дорогѣ почтенный мулла, возвращающійся изъ Ходжакента.

— Ходжакентъ мунданъ нича ташъ? *)

— Тюртъ ташъ, тюра **).

Для предосторожности задаю вопросъ:

— Биръ ташъ нича чахрымъ? ***)

— Бешь чахрымъ (пять верстъ).

Отлично. Пускаю коня перемѣннымъ аллюромъ и черезъ полчаса ѣзды тѣ же вопросы предлагаю слѣдующему встрѣчному туземцу; мнѣ не удавалось получать отвѣта сколько-нибудь согласующагося съ предыдущими указаніями; такъ въ данномъ случаѣ отвѣтили, что остается 8 ташъ! Такая ложь не всегда бываетъ невольной: очень часто вамъ либо врутъ умышленно, либо говорятъ наобумъ первое попавшееся число.

---

*) До Ходжакента сколько ташей?

**) Четыре таша, господинъ.

***) Сколько верстъ въ одномъ ташѣ?

Туземный ташъ равняется 5 и 8 верстамъ. Степные киргизы имѣютъ три мѣры разстояній: «Сколько ухо слышитъ (около 1 версты), сколько глазъ видитъ»—60 верстъ и тоже 15 в. (вѣроятно на нѣсколько пересѣченной мѣстности.

Знатоки утверждаютъ, что порядочный сартъ скажетъ правду только тогда, когда это можетъ доставить ему выгоду, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ онъ непремѣнно совретъ.

Привычка увертываться и врать на каждомъ шагу пока не припрутъ къ стѣнѣ обстоятельными вопросами, особенно изводитъ насъ, молодыхъ охотниковъ, не усвоившихъ себѣ правилъ благоразумнаго терпѣнія. Да какъ-же и не изводиться, когда еще дорогой разозлятъ васъ въ конецъ, заставивъ проѣхать 8 часовъ вмѣсто предполагаемыхъ 4-хъ.

Наконецъ добрались. Немедленно собирается вокругъ охотниковъ толпа туземцевъ, изъ коихъ съ каждымъ нужно прежде поздороваться за руку и только послѣ этого приступать къ объясненіямъ.

— Чушка баръма кинъ? *)

Не ожидайте отвѣта: „бельмейманъ“ (не знаю). Вамъ или скажутъ: нѣтъ ни одного, уѣзжайте, молъ, подальше, или пообѣщаютъ цѣлое стадо, лежащее въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ, путешествующее туда-то и туда-то на водопой и т. д. до мельчайшихъ подробностей. Не предвидя коварства туземцевъ, разсчитаннаго на ваши коканы, („силяу дается и при неудачѣ), вы тщательно заряжаете винтовку, взводите ударникъ на предохранительный взводъ и отправляетесь съ „надежнымъ проводникомъ“ попробовать счастья, пренебрегая голодомъ, холодомъ, усталостью лошадей и желаньемъ отдохнуть. И очень часто васъ приводятъ на мѣсто, гдѣ кромѣ голыхъ камней ничего и быть не можетъ, а проводникъ божится и клянется, что двѣ недѣли тому назадъ одинъ его знакомый видѣлъ на этомъ самомъ мѣстѣ пробѣгающаго кабана.

Кишлакъ Пеканъ расположенъ на правомъ берегу рѣки на довольно значительномъ отъ нея разстояніи. Мѣстность гориста и очень пустынна — растительность ко времени нашего пріѣзда была уже выжжена солнцемъ. Среди засохшихъ, душистыхъ травъ мелькали рѣденькіе, жидкіе кустики дикой вишни; кое гдѣ поднимается коря-

---

*) Кабаны есть ли?

вая арга *) съ темнозеленой шапкой хвой, примѣшивая свой рѣзкій, смолистый запахъ къ чудному благоуханію травъ. Саи очень скудны растительностью вслѣдствіе слоя гальки, покрывающаго верхній слой почвы. Пашни виднѣются только на лѣвомъ берегу, на правомъ изрѣдка встрѣтишь клеверную площадку; судя по всему, жители занимаются исключительно скотоводствомъ.

Мы тщательно осмотрѣли мѣстность и сразу догадались что кабановъ здѣсь искать нечего; то же единогласно подтвердили спрошенные миргени.

Утромъ мы узнали новость, которая насъ огорчила болѣе всѣхъ предыдущихъ неудачъ, разрушивъ планы на предполагаемую поѣздку къ Ширъ-Алмѣ, Майданъ Талу и прочимъ мѣстамъ, изобилующимъ всякимъ звѣремъ. Мосты на Пскамѣ, Бодакъ-саѣ, Икначъ-саѣ и др. горныхъ ручьяхъ были снесены прибывшей водой **). Еще въ Хумсанѣ насъ предупреждалъ о ветхости мостовъ уралецъ-полѣсовщикъ, теперь-же оказалось, что нечего и думать о переправѣ въ бродъ. За три дня передъ нашимъ пріѣздомъ переправлялся черезъ Пскамъ киргизъ; лошадь его закрутило въ потокѣ и разбило объ подводные камни, а хозяинъ еле живой былъ выброшенъ на берегъ.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Въ окрестностяхъ дичи нѣтъ, а назадъ возвращаться безъ добычи не приходится: засмѣютъ охотники, которые не примутъ, конечно, во вниманіе невозможности проѣхать черезъ десятки бурныхъ потоковъ.

Было рѣшено, что я останусь съ лишними лошадьми и вьюкомъ въ Псканѣ, а остальные охотники спустятся внизъ по рѣкѣ и переправятся при первой возможности на лѣвую сторону. Обстоятельства покажутъ, что дѣлать дальше, т. е. слѣдуетъ-ли вернуться назадъ или же не оставлять пока надежды на успѣхъ.

---

*) Хвойное дерево съ замѣчательно крѣпкимъ, негніющимъ стволомъ. Употребляется туземцами на фигурныя, рѣзныя постройки.

**) Вода въ нашихъ рѣчкахъ достигаетъ наибольшаго уровня въ Іюлѣ мѣсяцѣ вслѣдствіе таянія горныхъ снѣговъ.

Послѣ отъѣзда товарищей я привелъ въ порядокъ наше помѣщеніе и отправился въ горы искать какликовъ; нашелъ всего два табунчика, и вернулся въ кишлакъ съ пустыми руками *). Птица оказалась сторожкой, къ тому же я былъ въ сапогахъ, а не поршняхъ и при ходьбѣ много шумѣлъ. На слѣдующее утро я поѣхалъ на клеверное поле, гдѣ, по разсказамъ туземцевъ, постоянно видятъ журавлей. Подъѣхать на приличную дистанцію не удалось, а винтовку упустилъ изъ виду захватить съ собой—такъ и остался при печальномъ интересѣ.

Начиналась вторая недѣля со времени выѣзда нашего изъ Хумсана, а толку все никакого. За это время были убиты нѣсколько куликовъ, горлицъ и клинтуховъ—результатъ болѣе, чѣмъ скромный. Положимъ за кабанами мы особенно и не гнались: этого добра достаточно и въ Хумсанѣ, но мнѣ жаль было времени и трудовъ, потраченныхъ непроизводительно на безплодное хожденіе по горамъ послѣ ежедневныхъ 20—40 верстныхъ прогулокъ верхомъ. Слѣды „рѣдкаго“ звѣря я видѣлъ только однажды, и именно недалеко отъ Хумсана. На дорогѣ мнѣ попалась какъ-то колючка дикобраза,—звѣря, встрѣчающагося теперь не часто въ Туркестанѣ. Нѣкогда дикобразы водились по обрывистому берегу Салара, почти подъ самъ городомъ.

Неудачи нѣсколько охладили мой охотничій пылъ, заставляя по временамъ раскаяваться въ предпринятой поѣздкѣ. Мнѣ стало скучно въ этой убогой обстановкѣ, гдѣ мысль сосредоточивается исключительно на вопросахъ, какъ бы добыть хлѣба, мяса, клевера, и достанемъ ли на слѣдующемъ привалѣ то, и другое, и третье. Самое скверное, что всѣ эти хозяйственныя хлопоты застигаютъ въ такое время, когда ноги еле двигаются отъ усталости, а языкъ не ворочается, чтобы сказать пару связныхъ словъ.

Мнѣ опротивѣли всѣ эти горные ландшафты, кущи раскидистыхъ деревьевъ, звонкіе ручьи, восходъ и заходъ солнца,

---

*) Суровая и снѣжная зима прошлаго года замѣтно поубавила количество какликовъ. Мы встрѣчали цѣлыя стаи, неподвижно лежащія въ снѣгу въ полномъ безсиліи. Туземцы ловили просто руками полузамерзшую, голодную птицу.

золотящій снѣжныя вершины, окутанныя туманомъ. Все, что очаровываетъ нашъ глазъ, хорошо только издали: при ближайшемъ же знакомствѣ гора оказывается грудою наваленныхъ камней, на которыхъ того и гляди вывернешь себѣ ногу, либо разобьешь носъ, а красавцы ручьи требуютъ слишкомъ много хлопотъ для переправы черезъ нихъ..

Скучно. Вѣтеръ свищетъ по ущелью, порою врываясь на дворъ нашего жилища, крутя столбы пыли, раздувая хвосты печально бродящимъ курамъ. Разсыпался столбъ и снова все успокоилось и затихло. Дремлютъ кони, развѣсивъ уши, „Лордъ" свернулся клубочкомъ въ уголкѣ и сладко спитъ, лишь изрѣдка приподнимаясь, чтобы поймать надоѣдливую муху.

Дѣлать рѣшительно нечего. На охоту идти поздно, спать ложиться рано, читать... если бы было что читать! Выйдешь на дворъ поразмяться, но въ это время ударятъ въ ротъ и глаза какія-то щепки и пыль—отплюнешься и снова заляжешь подъ навѣсомъ.

Я уже собирался спать, какъ вдругъ появился передо мною киргизъ съ записочкой отъ Бр. Ч. Записочка гласила слѣдующее: „Въ настоящую минуту мы находимся на лѣвомъ берегу Пскама, верстъ на 10 ниже кишлака, среди кабаньихъ стадъ. Собирайте имущество и присоединяйтесь; мостъ есть, посланный укажетъ. Торопитесь, чтобы засвѣтло доѣхать, сегодня же убьемъ свинтуса. Кишлакъ Бёшь-Гальча".

Эта записка оживила меня. Вещи были моментально уложены, но съ лошадьми пришлось подождать. Аксакалъ собралъ вокругъ себя подчиненныхъ туземцевъ и убѣдительно уговаривалъ привести лошадь, но всѣ отказывались подъ разными предлогами, увѣряя, что лошади далеко угнаны на пастбище. Наконецъ нашелся какой-то „вострый" сартъ, съ апломбомъ заявившій, что лошадь у него въ кишлакѣ, но отдать ее несогласенъ, такъ какъ мостъ черезъ Пскамъ ненадеженъ, да къ тому же и поздно. Ограничившись такимъ заявленіемъ, сартъ немедленно пустился на-утекъ и столь же быстро былъ изловленъ аксакаломъ.

Послышались ругань и крики, за ними прозвучали пол-

новѣсныя пощечины, потомъ все смолкло... Сартъ ушелъ за лошадью и скрылся съ ней изъ кишлака, вѣроятно до слѣдующаго утра. Къ счастію лошадь все таки удалось достать, но заночевать пришлось въ мѣстечкѣ Кунчь, недоѣзжая 3-хъ верстъ до Бешь-Гальчей. На ночлегѣ угощались мы мясомъ молодаго кіика, котораго вымѣняли на порохъ и пули у одного изъ миргеней; мясо замѣчательно нѣжно и вкусно. Миргень сообщилъ, что кіики держатся теперь очень высоко, вблизи снѣговъ, но осенью и зимой спускаются въ долины. Осенью туземцы устраиваютъ на нихъ облавы: стрѣлки становятся (вѣрнѣе ложатся, такъ какъ и здѣсь стрѣльба производится съ упора) на лазахъ въ головѣ лощины, загонщики оцѣпляютъ полукругомъ устье и медленно, почти безъ шума, подвигаются вверхъ. Коза, слыша тихій шорохъ, идетъ осторожно, безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь, пока не нарвется на пульку. Вся суть заключается въ томъ, чтобы коза не бросилась въ сторону и почаще останавливалась, такъ какъ стрѣльба въ быстро бѣгущаго звѣря для туземцевъ совершенно недоступна. Отъ охотника требуется большая снаровка, чтобы во время зажечь фитиль, не напугавъ осторожное животное дымомъ и движеніями.

Дорога до Бешь-Гальчей до-нельзя плоха; спускъ къ Пскаму и подъемъ достаточно круты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лошади скользятъ на заднихъ ногахъ, точно на салазкахъ.

По мосту проѣхать верхомъ небезопасно: онъ дрожитъ и пляшетъ подъ ногами даже пѣшехода; мы принуждены были спѣшиться и провести лошадей въ поводу.

Кабановъ мы нашли въ Бешь-Гальчахъ, но безъ собакъ невозможно было ничего сдѣлать. Трава достигала порой роста человѣка, ежевика и хмѣль переплелись съ кустами, заставляя прорубать дорогу кинжаломъ.

Недалеко отъ Бешь-Гальчей осматривали могилу „главнаго святого". Она представляетъ изъ себя глиняный склепъ, окруженный маленькой стѣнкой. Вокругъ — гигантскіе туты, на вѣтвяхъ которыхъ навязаны тряпочки всевозможныхъ цвѣтовъ. Это проѣзжіе мусульмане молятъ защиты святого отъ всякихъ невзгодъ и болѣзней, завязывая для

памяти „узелки“. Появленіемъ своимъ мусульманскіе святые обязаны отчасти завоеванію края Русскими. Наиболѣе фанатичные правовѣрные, считая оскверненіемъ взглянуть на лицо „кяфира“, (невѣрнаго) удалялись въ недоступныя горы и селились въ пещерахъ, предаваясь созерцательной, религіозной жизни. Питались они подаяніями, весьма, впрочемъ, скудными, ягодами, кореньями; занимались чтеніемъ корана и духовными бесѣдами съ приходящими на поклоненіе мусульманами.

Есть у туземцевъ и другой типъ людей, отрѣшенныхъ отъ общества во имя религіи: это—юродивые—„дуваны“, „календары“. Лохматые, немытые, босые, въ изорванныхъ костюмахъ, состоящихъ иногда изъ рубашки, надѣтой на голое тѣло, они ютятся по близости кишлаковъ. Въ ихъ профессію входитъ пѣніе былинъ, стиховъ изъ корана и пророчества—даже относительно урожаевъ и погоды. Питаются они также подаяніями, но, въ случаѣ ложныхъ предсказаній, подаянія сокращаются до нуля и бѣдные фанатики мрутъ отъ голода.

Окончательно разочарованные въ своихъ надеждахъ на убійство благороднаго звѣря, мы тронулись въ обратный путь съ намѣреніемъ поохотиться въ Хумсанѣ. Дорогой намъ разсказывали, что кабановъ въ окрестностяхъ много, но днемъ они уходятъ высоко въ горы. Ночи же были недостаточно свѣтлы, чтобы можно было разсчитывать подсидѣть на кормежкѣ. Къ тому же ночная охота намъ особенно несимпатична. Соблюденіе „статуйной“ неподвижности даетъ слишкомъ мало шансовъ на успѣхъ, а необходимость стрѣлять наугадъ, не по мѣсту, претитъ чувству истиннаго охотника. И конечно, когда представляется возможность истребить звѣря какимъ-либо способомъ, требующимъ отъ охотника чего то большаго, чѣмъ сохраненіе тишины, мы всегда предпочтемъ этотъ способъ. Удовольствіе значительно увеличится, количество подранковъ уменьшится и успѣхъ охоты будетъ зависѣть болѣе отъ охотника, чѣмъ отъ случая.

Вечеромъ мы были уже въ Сиджакѣ. Воспользовавшись любезнымъ приглашеніемъ „на чашку чая“, мы привели въ

изумленіе нашу гостепріимную хозяйку, уничтоживъ три самовара благородной жидкости, изъ коихъ каждаго хватило бы для утоленія жажды московской купеческой семьи.

Джигита Юсупа, сопровождавшаго насъ отъ самаго Пскана, мы отпустили домой за минованіемъ надобности въ проводникѣ и сами улеглись спать. Ночью насъ разбудило жалобное подвыванье, очень схожее съ человѣческимъ плачемъ; зажгли огонь. Передъ нами сидитъ на корточкахъ Юсупъ съ окровавленной физіономіей и что то разсказываетъ туземцамъ, изрѣдка всхлипывая. Оказалось, что Нанайскій аксакалъ измочалилъ объ его физіономію ногайку и обѣщалъ тоже сдѣлать со всякимъ, кто осмѣлится указывать дорогу русскимъ, либо участвовать съ ними на охотѣ. Посылаемъ записочку аксакалу съ требованіемъ явиться немедленно, но благоразумный сартъ предпочелъ „отсиживаться", вслѣдствіе чего его дома, яко бы, не застали. А жаль! рискуя возбудить негодованіе ученыхъ критиковъ, противниковъ ногайки даже въ рукахъ покойнаго путешественника Пржевальскаго, мы научили бы аксакала не прибѣгать, по крайней мѣрѣ столь открыто, къ рѣшительнымъ мѣрамъ для усмиренія „непокорныхъ" туземцевъ-подчиненныхъ.

Въ Хумсанѣ судьба вознаградила насъ за предыдущія неудачи: убили пару кабановъ при помощи неоцѣнимаго „кара-кучука" и его хозяина, подвергавшихъ каждый сай самому тщательному осмотру.

Изъ Хумсана мы рѣшили двинуться въ Чимганъ и я отправился впередъ, съ цѣлью заранѣе узнать кабаньи мѣста, чтобы не бродить потомъ „во мракѣ случайностей". Свѣдѣнія получились самыя утѣшительныя. Южнѣе „Мѣловой" горы солдатики нашей команды встрѣчали часто цѣлое семейство кабановъ. Они попытались даже охотиться, пока не пришли къ убѣжденію, что кабану дробовикомъ вреда не нанесешь. Не оставляя мысли поживиться кабанятиной, солдатики задумали облаву, а за отсутствіемъ винтовокъ пустили въ дѣло шашки—увы—неотточенныя. Результатъ получился комическій: одинъ изъ охотниковъ, могучій тѣломъ, но слабый духомъ, принужденъ былъ благородно ре-

тироваться на дерево, чтобы спастись отъ клыковъ разсвирѣпѣвшаго сѣкача.

Пошаривъ около геліографной станціи и не найдя тамъ ничего, мы взяли направленіе прямо на востокъ къ предполагаемымъ бахчамъ. На нихъ мы думали найдти если не свиней, то, по крайней мѣрѣ, туземцевъ, знающихъ мѣстопребываніе свиней. Дѣйствительно, намъ разсказали, гдѣ находится лежка сѣкача, къ ней мы и отправились не теряя времени.

Разочарованіе было полное, когда, пріѣхавъ на мѣсто, мы застали тамъ цѣлую компанію охотниковъ, вооруженныхъ флягами, двухстволками, кинжалами, револьверами и прочимъ оружіемъ, въ которомъ недоставало только винтовки. При охотникахъ состояло человѣкъ 20 верховыхъ туземцевъ и пятокъ собакъ. Все это скучилось на одномъ мѣстѣ, шумѣло, кричало, кидало въ сай камнями, съ видимымъ желаніемъ испугать кабана, если таковой (чѣмъ чортъ не шутитъ!) лежитъ по близости.

Подъѣхали къ охотникамъ узнать, что сей сонъ обозначаетъ; оказалось, что и они поѣхали истреблять того же самаго сѣкача, про котораго говорили намъ. Сѣкача спугнули, стрѣляли безуспѣшно раза четыре и, къ довершенію скандала, потеряли его изъ виду. Я полюбопытствовалъ узнать *чѣмъ* стрѣляли и когда услышалъ, что между прочими снарядами дѣйствовали и картечью—успокоился окончательно за цѣлость кабана. Часть джигитовъ присоединилась къ намъ. Простившись вѣжливо съ компаніей и пожелавъ ей всякаго успѣха, мы поѣхали дальше.

Пословица „нѣтъ худа безъ добра“ въ данномъ случаѣ совершенно оправдалась. Наши соперники снова нашли того же кабана, снова проводили его бѣглымъ огнемъ и со спокойной совѣстью усѣлись отдыхать.

Заслышавъ выстрѣлы, мы насторожились и вскорѣ услышали дикіе крики туземцевъ, обозначавшіе присутствіе кабана. Пришпорили лошадей и поскакали на шумъ. Кабанъ очутился въ саѣ, загнанный туда выстрѣлами неудачныхъ охотниковъ и черезъ нѣсколько мгновеній мы потрошили этого довольно жирнаго сѣкача, пудовъ около 9 вѣсомъ.

Подъѣхали на выстрѣлы и остальные охотники, съ сожалѣніемъ посмотрѣли на трупъ „своего“ кабана, выразили удивленіе, что стрѣляемъ мы берданкой, а не мортирой... Вмѣсто прочувствованнаго слова одинъ изъ компаніи охотниковъ разсказалъ намъ чистосердечно эпизодъ изъ жизни убитаго:

„Подъѣхали мы къ саю—киргизъ показываетъ тропинку, ведущую къ лежкѣ. Уменя двухствольный штуцеръ въ рукахъ, за поясомъ кинжалъ. Бояться нечего — отправился одинъ.

„Узкая тропинка вьется между кустами; отошелъ уже далеко—вдругъ передо мной шагахъ въ 12 поднимается сѣкачъ!! Я такъ и обомлѣлъ.

„Какъ онъ чухнетъ—я моментально отъ него. Оглянулся—смотрю кабанъ отъ меня удираетъ... Исторія!“

— Да что-жъ вы не стрѣляли?

— Ишь вы, стрѣлять! взгляните на клычищи!

Такъ и покончили мы нашу охоту на этомъ кабанѣ.

Результаты поѣздки, какъ видитъ читатель, самые плачевные. Что-жь дѣлать! Остается сѣтовать на Туркестанскія рѣки, да на суровую судьбу, помѣшавшую намъ на этотъ разъ добыть „хорошаго“ звѣря!

К. Ш—нъ.

г. Ташкентъ.

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

С. Н. Трегубова.

На обширной территоріи нашего отечества, отъ Вислы до береговъ Великаго океана и отъ сѣверныхъ тундръ до Каспія и Памира, находитъ себѣ пріютъ подъ сѣнью русскаго закона и мирно развивается множество отдѣльныхъ инородческихъ племенъ съ своеобразною культурою, особымъ укладомъ жизни и отличительными правовыми воззрѣніями. И если, съ одной стороны, великою историческою задачею русской народности является слить съ собою во единое и мощное цѣлое всѣ эти различныя племена, поднять ихъ до уровня своей культуры, пріобщить къ благамъ, даруемымъ европейской цивилизаціей, и, смягчивъ ихъ нравы, внести въ ихъ правовую жизнь гуманные взгляды и идеи русскаго законодательства, то, съ другой стороны, въ силу основнаго закона всякаго мирнаго прогресса, не знающаго скачковъ, государство не можетъ игнорировать положеніе этихъ инородцевъ въ настоящее время и, избѣгая коренной ломки, должно считаться съ языкомъ, нравами, религіозными воззрѣніями и правовыми обычаями этой меньшой братіи русскаго народа. Отсюда по необходимости и разнообразіе законовъ, какъ опредѣляющихъ публичныя права инородцевъ, такъ и нормирующихъ ихъ частную

правовую жизнь, и довольно рѣзкое различіе въ судоустройствѣ и судопроизводствѣ нашихъ далекихъ окраинъ.

Да и коренное русское населеніе еще такъ недавно получило единый гласный и устный судъ. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ отошли въ вѣчность старые суды съ ихъ письменнымъ процессомъ, и лишь въ концѣ минувшаго столѣтія, медленно, но неуклонно отвоевывая себѣ все большее и большее пространство, Судебные уставы Императора Александра II распространились на всю территорію Европейской и Азіатской Россіи. На скрижали исторіи нашей правовой жизни должно быть занесено не только 20 ноября 1864 года, впервые возвѣстившее великіе принципы Судебныхъ уставовъ, но и 14 мая 1899 года, когда эти принципы были дарованы всѣмъ безъ изъятія общимъ судебнымъ установленіямъ Имперіи.

Одухотворенныя и обновленныя этими принципами, наши общія судебныя мѣста имѣютъ въ настоящее время единый процессуальный кодексъ, но нормы матеріальнаго права представляютъ еще большое разнообразіе. Такъ, въ Привислинскомъ краѣ дѣйствуютъ еще гражданское уложеніе 1825 года, торговый кодексъ, ипотечные уставы; въ Прибалтійскихъ губерніяхъ суды руководствуются особымъ сводомъ мѣстныхъ узаконеній; имѣются свои законы въ Бессарабіи и т. п.

Еще большую пестроту представляетъ собою правовая жизнь тѣхъ окраинъ, гдѣ существуютъ особые инородческіе суды. Здѣсь уже, что ни шагъ, то новыя и процессуальныя формы и нормы матеріальнаго права; здѣсь властно царствуетъ обычай не только въ гражданскомъ, но и въ уголовномъ правѣ и процессѣ. Кромѣ того и отношеніе русскаго законодательства къ инородческимъ судамъ не одинаково. Въ иныхъ мѣстахъ законъ довольствуется указаніемъ, что такіе-то туземцы имѣютъ свои особые суды, рѣшающіе дѣла на основаніи обычаевъ, и лишь перечисляетъ въ общихъ, нерѣдко крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ тѣ дѣла, которыя изъемлются изъ вѣдѣнія инородческихъ судовъ; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ нормируетъ дѣятельность этихъ судовъ,

устанавливая на ряду съ обычаемъ обязательныя для нихъ правила судебнаго разбирательства и нормы матеріальнаго права (напр., Полож. объ упр. Турк. кр., Врем. правила о судѣ кочевыхъ инородцевъ Забайкальской области, Полож. объ упр. Степн. областей).

Въ виду указанной выше необходимости считаться съ правовоззрѣніями и бытовыми особенностями инородческихъ племенъ, государство, конечно, должно было дать имъ или оставить свои суды, но едва ли представляются достаточныя основанія къ совершенному обособленію этихъ судовъ отъ общихъ судебныхъ установленій Имперіи. Находясь лишь подъ внѣшнимъ контролемъ административной власти и будучи поставлены внѣ всякой связи съ русскимъ судомъ, инородческіе суды изолированы такимъ образомъ отъ вліянія на нихъ русскаго закона и не только не представляются учрежденіями, индифферентными въ дѣлѣ сліянія туземцевъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, а наоборотъ, поддерживая старые обычаи отцовъ и дѣдовъ и игнорируя общіе законы, являются весьма серьезнымъ консервативнымъ оплотомъ противъ воспріятія русскихъ нравовъ и обычаевъ. Кромѣ того, такъ какъ правовая жизнь двухъ самостоятельныхъ разрядовъ судебныхъ мѣстъ—общеимперскихъ и инородческихъ—протекаетъ и развивается независимо другъ отъ друга, то среди практическихъ дѣятелей, а равно и ученыхъ юристовъ, почти совершенно отсутствуетъ интересъ къ изученію правовыхъ воззрѣній и обычаевъ туземцевъ и ихъ судебной практики. А между тѣмъ, это изученіе, быть можетъ, доказало бы, что не у всѣхъ инородческихъ племенъ правовыя понятія согласуются съ интересами русской государственности и что именно эти интересы требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ самаго дѣятельнаго вмѣшательства русской власти въ отправленіе правосудія инородческимъ судомъ.

Въ этомъ отношеніи для юриста представляется весьма интереснымъ и поучительнымъ положеніе прокурорскаго надзора въ народномъ судѣ Туркестанскаго края и Степныхъ областей.

Отличительною чертою устройства народнаго суда въ

этихъ областяхъ является отступленіе отъ основнаго принципа полной обособленности инородческихъ судовъ отъ общаго судебнаго строя. Народные суды, организованные на основаніи Положенія объ управленіи Туркестанскаго края [1]), подлежатъ контролю прокурорскаго надзора, которому 218-ою статьей этого Положенія предоставлено исключительное и не обусловленное никакими сроками право принесенія протестовъ въ окружные суды на приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности.

Хотя, такимъ образомъ, предѣлы вмѣшательства прокуратуры и окружныхъ судовъ въ отправленіе правосудія судомъ народнымъ строго ограничены и трехлѣтній періодъ дѣятельности въ этомъ направленіи общихъ судебныхъ мѣстъ со времени введенія судебной реформы 14 мая 1899 года представляется недостаточнымъ, чтобы подводить итоги вліянія русскаго суда на туземный, однако рядъ вопросовъ, возникшихъ при принесеніи протестовъ на приговоры и рѣшенія народнаго суда, характерные случаи превышенія этимъ судомъ своей власти, спорные казусы коллизіи общаго закона съ обычноправовыми положеніями, проводимыми народнымъ судомъ, накопили матеріалъ, небезынтересный для юриста вооще и въ частности полезный для лицъ прокурорскаго надзора, которымъ приходится примѣнять 218-ую статью положенія объ управленіи Туркестанскаго края.

Не претендуя на научную разработку даннаго матеріала, мы хотимъ лишь подѣлиться съ нашими читателями впечатлѣніями, вынесенными изъ этой сферы прокурорской дѣятельности, отдать на судъ ихъ установившуюся практику и поднять хотя бы край завѣсы, скрывающей отъ нашихъ взоровъ обширную и любопытную область отправленія правосудія по обычаямъ въ среднеазіатскомъ народномъ судѣ, поскольку эта область была доступна ознакомленію по доходившимъ до прокурорскаго надзора приговорамъ и рѣшеніямъ

---

[1]) Въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской.

въ случаяхъ возникновенія вопроса о превышеніи власти и нарушеніи подсудности.

Но прежде всего, дабы было понятно дальнѣйшее изложеніе, остановимся на организаціи народнаго суда въ Туркестанѣ и характеристикѣ его дѣятельности.

I.

Въ старину, до покоренія Туркестанскаго края, у киргизовъ, жившихъ родовымъ патріархальнымъ бытомъ, судъ и расправу творили по обычаямъ біи—старѣйшіе представители рода. У сартовъ казуистичныя правила мусульманской религіи охватывали не только отношенія ихъ къ церкви, обществу и государству, но и подробно регламентировали семейную и личную жизнь каждаго мусульманина и даже его помыслы. Казій былъ въ одно и то же время судьей и духовнымъ лицомъ. Никакихъ инстанцій суда не существовало,—на казія можно было жаловаться только представителю верховной власти—хану или эмиру. Власть казія была громадна. Кромѣ тѣлесныхъ наказаній плетьми, отсѣченія рукъ и ногъ онъ имѣлъ право приговаривать и къ смертной казни. При этомъ неподвижныя и неизмѣнныя постановленія шаріата представляли собою единый кодексъ процессуальнаго и матеріальнаго права; все было имъ предусмотрѣно, вслѣдствіе чего обычное право у сартовъ не могло развиваться и находилось въ зачаточномъ состояніи. Въ такомъ положеніи, какъ и сотни лѣтъ тому назадъ, находился народный судъ осѣдлаго населенія и при завоеваніи Туркестанскаго края русскими войсками.

Первымъ законодательнымъ актомъ, относящимся до устройства Туркестанскаго края, является объявленный въ приказѣ Военнаго Министра 5 іюля 1854 года именной Высочайшій указъ о командующемъ Сыръ-Дарьинской линіей (2-ое Полное собраніе законовъ, томъ XXIX, № 28392). Указомъ этимъ на командующаго линіей возложено, между прочимъ, завѣдываніе киргизами, и для занятій по управленію киргизами

назначены состоять при немъ чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, помощникъ его, письмоводитель и переводчикъ. Никакихъ указаній на то, какъ управлять киргизами и какими законоположеніями при этомъ руководствоваться, въ указѣ не имѣется. Изъ того, что киргизы находятся какъ бы въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (или вѣрнѣе, подъ наблюденіемъ этого Министерства черезъ спеціальнаго чиновника), слѣдуетъ признать, что внутреннее самоуправленіе киргизъ и ихъ судъ были оставлены безъ измѣненія.

Высочайше утвержденнымъ 27 іюля 1864 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (2-ое Полн. собр. зак. томъ XXXIX, № 41114) киргизы Сыръ-Дарьинской линіи были изъяты изъ вѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и переданы въ вѣдомство главнаго мѣстнаго военнаго начальства Оренбургскаго края, но и въ этомъ законѣ не было сдѣлано какихъ либо указаній относительно внутренней организаціи киргизскаго управленія и суда.

Законодательныя постановленія по сему предмету впервые встрѣчаются во Временномъ положеніи объ управленіи Туркестанскою областью 6 августа 1865 года (2-ое Полн. собр. зак., томъ XL, № 42373). Включивъ въ составъ вновь образуемой области прежнюю Сыръ-Дарьинскую линію и весь край, занятый на югъ отъ рѣки Чу, и подчинивъ эту область особому военному губернатору, Временное положеніе указываетъ, что послѣдній управляетъ областью на общихъ правилахъ, установленныхъ для губернаторовъ, и на основаніи инструкцій командующаго войсками Оренбургскаго края. Губернатору при этомъ предоставляется утверждать въ должностяхъ и смѣщать киргизскихъ родоправителей, біевъ, сартовскихъ аксакаловъ (старшинъ) и казіевъ. Убійства и грабежи подсудны особымъ военно-суднымъ коммисіямъ; всѣ дѣла о барантахъ [1]) „въ качествѣ разбоя“ судятся по полевому

---

[1]) Опредѣленіе понятія баранты—см. нашу замѣтку „Баранта“ въ Юридической Газетѣ за 1902 годъ, въ № 76 и 77. По нашему мнѣнію, баранта представляетъ собою родъ самораспpавы—вооруженное нападеніе съ цѣлью отмщенія за обиду

уголовному уставу; остальныя же дѣла киргизовъ между собою разсматриваются ихъ народнымъ судомъ біевъ, присуждающимъ виновныхъ къ уплатѣ куна. Дѣла сартовъ между собою также рѣшаются ихъ народнымъ судомъ, но приговоры послѣдняго по уголовнымъ дѣламъ подлежатъ утвержденію военнаго губернатора, которому предоставляется право ограничивать рѣшенія въ тѣхъ случаяхъ, когда они несообразны съ понятіемъ о человѣколюбіи.

Послѣ учрежденія Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 11 іюля 1867 года въ составѣ Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей Туркестанскаго генералъ-губернаторства былъ составленъ проектъ положенія объ управленіи этими областями, хотя и не получившій законодательнаго утвержденія въ общеустановленномъ порядкѣ, но служившій въ силу распоряженія Туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. фонъ-Кауфмана единственнымъ руководствомъ для администраціи и фактически примѣнявшійся въ качествѣ закона вплоть до изданія въ 1886 году нынѣ дѣйствующаго Положенія объ управленіи Туркестанскаго края. Проектъ этотъ, сохранивъ какъ кочевымъ, такъ и осѣдлымъ туземцамъ ихъ народный судъ, въ § 181 указываетъ, что судъ у киргизовъ творится по народнымъ обычаямъ выборными судьями—біями, а въ § 214 говоритъ только, что народный судъ у сартовъ есть разборъ дѣлъ выборными судьями, называемыми казіями. Такимъ образомъ проектъ какъ бы подчеркиваетъ наличность обычнаго права у киргизовъ и отсутствіе таковаго у сартовъ. Даруя при этомъ обѣимъ народностямъ совершенно чуждый имъ институтъ выборныхъ судей, проектъ, собственно говоря, тѣмъ самымъ упразднилъ прежнихъ казіевъ и біевъ. Надо думать, что реорганизація прежняго суда или, точнѣе, его упраздненіе представлялось необходимымъ въ цѣляхъ государственной политики, но едва ли удачнымъ было предоставленіе населенію права избранія судей.

Воспитанные вѣками въ принципахъ восточной деспотіи,

или самовольнаго возвращенія отнятаго имущества, оканчивающееся часто нанесеніемъ ранъ, увѣчій и даже убійствомъ.

туземцы не могли понять благаго значенія этого института. Явились партійныя интриги, пріобрѣла самое широкое распространеніе система подкуповъ, и въ результатѣ судъ сталъ ареною для сведенія взаимныхъ личныхъ счетовъ и орудіемъ беззастѣнчивой эксплоатаціи населенія ея же избранниками, стремящимися тѣмъ или инымъ путемъ вернуть съ избыткомъ подчасъ весьма солидныя суммы, затраченныя на выборную агитацію.

Далѣе, проектъ положенія установилъ нѣсколько инстанцій народнаго суда. У киргизовъ было создано ихъ три: 1) бій, рѣшающій окончательно дѣла цѣнностью не свыше 100 рублей (5 лошадей, 50 барановъ); 2) волостной съѣздъ біевъ, рѣшающій дѣла на всякую сумму и окончательно до 1000 рублей, и 3) чрезвычайный съѣздъ, созываемый по распоряженію уѣзднаго начальника и являющійся апелляціонною инстанціей для дѣлъ на сумму свыше 1000 рублей и первою и единственною инстанціей для дѣлъ уголовныхъ, при чемъ въ примѣчаніи къ § 198 проекта было оговорено, что уголовными дѣлами у киргизовъ, подлежащими суду народному, считаются убійство и баранта, а такъ какъ изъ вѣдѣнія народнаго суда были изъяты лишь преступленія, совершенныя туземцами противъ русскихъ или совмѣстно съ ними, то вышеизложеннымъ правиломъ подтверждался обычный взглядъ киргизовъ на преступленіе, какъ на гражданское правонарушеніе, влекущее за собой лишь возмѣщеніе убытковъ и уплату потерпѣвшему особаго вознагражденія—куна. Этимъ взглядомъ киргизовъ на преступленіе, вѣроятно, объясняется и то обстоятельство, что въ противоположность народному суду казіевъ проектъ положенія не указываетъ размѣровъ власти біевъ въ наложеніи наказаній за убійство и баранту; наказанія эти состояли только въ денежномъ штрафѣ. Особый порядокъ обжалованія былъ установленъ § 203 проекта для дѣлъ брачныхъ. Сторона, недовольная рѣшеніемъ народнаго суда, могла обращаться съ жалобой къ уѣздному начальнику, который рѣшалъ дѣло своею властью, а въ болѣе важныхъ случаяхъ представлялъ его на усмотрѣніе военнаго губернатора.

Для народнаго суда осѣдлаго населенія (сартовъ) проектъ установилъ лишь двѣ самостоятельныхъ инстанціи: казія, рѣшающаго окончательно дѣла на сумму до 100 рублей, и съѣздъ казіевъ—для рѣшенія исковыхъ дѣлъ на сумму свыше 100 рублей и для дѣлъ уголовныхъ. Въ примѣчаніи первомъ къ § 232 было указано, что тѣлесныя наказанія, истязанія, отсѣченіе членовъ и смертная казнь, постановлявшіяся прежде рѣшеніями казіевъ, отмѣняются и взамѣнъ этихъ наказаній полагается арестъ, штрафы, отдача въ заработки и ссылка въ Сибирь. Согласуясь съ правилами шаріата, не знающими апелляціоннаго или кассаціоннаго обжалованія, проектъ предоставляетъ казіямъ и ихъ съѣздамъ постановлять окончательныя рѣшенія, но при этомъ разрѣшаетъ при неудовольствіи обѣихъ сторонъ на рѣшеніе казія обращаться къ русскому суду. Кромѣ того по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ, какъ и въ судѣ біевъ, проектъ (§ 235) предоставляетъ сторонамъ право обжалованія рѣшеній казіевъ уѣздному начальнику, который или рѣшаетъ дѣло самъ, или представляетъ его на усмотрѣніе военнаго губернатора.

Эта особая постановка дѣлъ брачныхъ и семейныхъ и предоставленіе разрѣшенія ихъ административной власти, по ея „усмотрѣнію", имѣла своимъ основаніемъ стремленіе освободить туземную женщину изъ того рабскаго положенія, въ которомъ она находится, вслѣдствіе взгляда на нее, какъ на имущество, пріобрѣтаемое уплатою калыма и переходящее по наслѣдству.

Характерною особенностью проекта положенія является предоставленіе туземцамъ по всѣмъ дѣламъ какъ уголовнымъ, такъ и гражданскимъ, обращаться, по взаимному соглашенію сторонъ, къ русскому суду, при чемъ въ этихъ случаяхъ судъ былъ обязанъ при разрѣшеніи гражданскихъ дѣлъ руководствоваться совѣстью, мѣстными обычаями и общими гражданскими законами. Казалось бы, дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи было бы разрѣшеніе переносить дѣла на русскій судъ по желанію одной изъ сторонъ, но ни Положеніе объ упр. Турк. края 1886 года, ни Временныя правила о введеніи судебной реформы въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ

2 іюня 1898 года не только не расширили въ этомъ направленіи юрисдикціи русскаго суда, а наоборотъ сократили ее: изъ сопоставленія 215 ст. Положенія съ пунктомъ *б* ст. 26 и со статьею 54 Временныхъ правилъ явствуетъ, что въ настоящее время по соглашенію сторонъ могутъ подлежать вѣдомству мировыхъ судей только гражданскія дѣла туземцевъ между собою. На практикѣ взаимное соглашеніе на разборъ дѣла въ томъ или другомъ судѣ представляется трудно достижимымъ, вслѣдствіе чего благое предположеніе закона о расширеніи этимъ путемъ юрисдикціи общихъ судовъ осталось мертвою буквою. По крайней мѣрѣ намъ съ такими случаями взаимнаго соглашенія сторонъ на передачу дѣла въ русскій судъ сталкиваться не приходилось.

Такимъ образомъ проектъ положенія объ управленіи Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областей, коснувшись въ общихъ чертахъ организаціи народнаго суда у кочеваго и осѣдлаго населенія, ввелъ въ этотъ судъ три крупныхъ новшества—выборное начало, съѣзды народныхъ судей и ограниченіе правъ казіевъ въ наложеніи наказаній. Предоставивъ засимъ административной власти право вмѣшательства въ дѣла брачныя и семейныя, проектъ сохранилъ въ неприкосновенности обширную юрисдикцію народнаго суда, изъявъ изъ его вѣдѣнія лишь преступленія, совершенныя туземцами противъ русскихъ или совмѣстно съ ними.

Слѣдующимъ законодательнымъ актомъ, измѣнившимъ организацію народнаго суда и значительно сократившимъ предѣлы его подсудности, было Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края 1886 года, дѣйствующее съ нѣкоторыми поправками и по настоящее время. Къ сожалѣнію, этотъ важный законъ, регламентирующій жизнь обширнаго края, страдаетъ весьма серьезными погрѣшностями. Редакція статей его зачастую неясна; терминологія не выдержана; встрѣчается не мало противорѣчій какъ съ другими статьями того же положенія, такъ и съ общими законами имперіи. Подробное указаніе всѣхъ этихъ недостатковъ положенія и, въ особенности, оцѣнка его постановленій по существу отвлекла бы насъ далеко за предѣлы настоящей работы. Поэтому, для

иллюстраціи мы укажемъ лишь нѣсколько попавшихся на выдержку кодификаціонныхъ промаховъ составителей Положенія. Такъ, напримѣръ, ст. 141, перечисляя уголовныя дѣла, изъятыя изъ вѣдѣнія народнаго суда, упоминаетъ о подлогахъ русскихъ документовъ; статья же 143, указывая такія же гражданскія дѣла, называетъ иски, основанные на актахъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей. Равнозначащи ли эти понятія или отличаются другъ отъ друга и чѣмъ,—Положеніе не даетъ отвѣта. Статья 211 уже прямо противорѣчитъ 143 статьѣ, ибо въ ней говорится, что изъяты изъ вѣдѣнія народнаго суда не только дѣла по искамъ, основаннымъ на документахъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей, но и засвидѣтельствованныхъ при ихъ участіи. По 142 статьѣ изъемлются изъ вѣдѣнія народнаго суда преступленія, совершенныя туземцами относительно русскихъ; а по 143 также изъемлются гражданскіе споры и иски между туземцами и лицами, не принадлежащими къ туземному населенію. Какъ понимать это различіе? Для чего въ одной статьѣ понадобилось туземцамъ противопоставлять русскихъ, а въ другой болѣе широко—лицъ, не принадлежащихъ къ туземному населенію? По 219 статьѣ наказанія налагаются въ народномъ судѣ лишь въ случаѣ непримиренія сторонъ, а по 232 народные судьи кочеваго населенія приступаютъ къ разбирательству дѣлъ не только по жалобамъ частныхъ лицъ, но и по сообщеніямъ волостнаго управителя или уѣзднаго начальника. Кто въ послѣднемъ случаѣ является стороною, имѣющею право мириться, неизвѣстно. Статья 242 указываетъ, что доставленіе на съѣзды отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на обязанности сельскихъ властей, а объ обвинителяхъ, истцахъ и обвиняемыхъ не упоминаетъ. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что къ единоличному судьѣ никто, а въ съѣздъ обѣ стороны по уголовному дѣлу и истцы по гражданскому не могутъ быть доставляемы? 252 статья говоритъ, что опекунскими дѣлами осѣдлыхъ туземцевъ завѣдываетъ участковый судья, отъ котораго зависитъ назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ и ихъ имуществу. Объ опекѣ по другимъ поводамъ и у кочевниковъ вообще Поло-

женіе вовсе не упоминаетъ. Статья 263[1], предоставляя владѣльцамъ земельныхъ участковъ ходатайствовать о выдѣлѣ ихъ земель и опредѣляя порядокъ разрѣшенія этихъ ходатайствъ, говоритъ, что на выдѣленный участокъ по распоряженію областнаго правленія выдается данная. Кѣмъ?—Неизвѣстно.

Этихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для того, чтобы судить объ удовлетворительности Положенія въ редакціонномъ смыслѣ и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя оно ставитъ на каждомъ шагу и судебной практикѣ, и администраціи.

Предпринятый въ настоящее время коренной пересмотръ Положенія объ управленіи Туркестанскаго края является, несомнѣнно, настоятельною необходимостью, и остается только пожелать, чтобы онъ былъ совершенъ возможно скорѣе и чтобы лица, занятыя этою работою, обратили серьезное вниманіе на редакцію статей, а также на точное соблюденіе и ясность терминологіи.

Народному суду въ дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края отведена III глава, содержащая въ себѣ 45 статей—съ 210 по 254. Названія казіевъ и біевъ совершенно исчезаютъ изъ текста закона; равнымъ образомъ не упоминается въ немъ о судѣ у сартовъ и у киргизовъ; говорится лишь о народномъ судѣ и народныхъ судьяхъ осѣдлаго и кочеваго населенія, и какъ тому, такъ и другому даются совершенно одинаковыя организація, подсудность и размѣры власти въ опредѣленіи наказаній. Различіе, конечно, имѣется, но въ деталяхъ.

Первою инстанціею для всѣхъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, является единоличный народный судья, избираемый населеніемъ на три года изъ туземцевъ, достигшихъ 25 лѣтъ отъ роду и не подвергавшихся наказанію или не состоящихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за преступленія, позорящія честь и доброе имя и влекущія за собою заключеніе въ тюрьмѣ, исключеніе изъ службы, отрѣшеніе отъ должности или иныя болѣе строгія наказанія. На каждую должность судьи избираются два кандидата, одинъ изъ коихъ утверждается въ должности военнымъ губернаторомъ. У осѣдлаго населенія народ-

ный судья имѣетъ опредѣленный территоріальный участокъ, въ составъ котораго нерѣдко входитъ нѣсколько волостей, но во всякомъ случаѣ не менѣе цѣлой волости. У кочевниковъ же на каждую волость избирается не менѣе четырехъ народныхъ судей и не болѣе числа аульныхъ обществъ данной волости; въ предѣлахъ своей волости судьи эти территоріальныхъ участковъ не имѣютъ, и обращеніе къ тому или другому изъ нихъ предоставлено на волю и соглашеніе сторонъ.

Вторую—апелляціонную инстанцію представляетъ съѣздъ народныхъ судей, въ которомъ должно участвовать у кочевниковъ не менѣе трехъ судей данной волости, а у осѣдлаго населенія не менѣе двухъ третей всего числа судей раіона, образующаго съѣздъ. Особо, внѣ общаго строя инстанцій, стоятъ чрезвычайные съѣзды, назначаемые по распоряженію губернатора для рѣшенія, въ качествѣ первой и единственной инстанціи, дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ волостей и уѣздовъ.

Кассаціонною инстанціей, разсматривающею исключительно протесты лицъ прокурорскаго надзора на приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, является окружный судъ, который въ случаѣ отмѣны приговора или рѣшенія возвращаетъ дѣло съ надлежащими указаніями въ народный судъ для новаго разсмотрѣнія, а при неподсудности дѣла народному суду даетъ ему законное направленіе.

Подсудность народному суду гражданскихъ дѣлъ опредѣляется подвѣдомственностью сторонъ одному и тому же народному суду осѣдлаго или кочеваго населенія и не ограничивается размѣромъ исковыхъ требованій. Изъяты изъ вѣдѣнія народнаго суда лишь гражданскіе споры и иски между туземцами различныхъ народностей, дѣла, основанныя на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей (ст. 142 и 211 Полож. объ упр. Турк. края), и, въ силу 3 пункта III статьи Высочайше утвержденнаго 2 іюня 1898 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о судебной реформѣ въ Туркестанскомъ краѣ, гра-

жданскія дѣла между туземцами одной народности въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній. Съ другой стороны подсудность гражданскихъ дѣлъ народному суду расширяется разрѣшеніемъ лицамъ нетуземнаго происхожденія, а равно и туземцамъ, имѣющимъ различные народные суды, по взаимному соглашенію истца и отвѣтчика, обращаться въ народный судъ.

Подсудность уголовныхъ дѣлъ народному суду ограничивается не только родомъ преступленій, но и принадлежностью обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ къ различнымъ народностямъ, а также мѣстомъ совершенія преступленія. Не подлежатъ его вѣдѣнію дѣла о всѣхъ преступленіяхъ, совершенныхъ туземцами противъ или въ соучастіи лицъ нетуземнаго происхожденія, или въ предѣлахъ русскихъ поселеній, затѣмъ дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ между туземцами различныхъ народностей, имѣющихъ отдѣльные народные суды, и всѣ преступленія должностныхъ лицъ изъ туземцевъ (ст. 142 Пол. объ упр. Турк. края и законъ 2 іюня 1898 года). Далѣе, статья 141 положенія перечисляетъ по раздѣламъ уложенія о наказаніяхъ тѣ преступленія туземцевъ, которыя, при какихъ бы условіяхъ они ни были совершены, изъемлются изъ вѣдѣнія народнаго суда [1]). Перечень этотъ, въ общихъ чертахъ соотвѣтствуя указанному въ 1 п. 1285 ст. уст. гражд. суд. перечисленію преступленій туземцевъ Карсской области и округовъ Батумскаго и Артвин-

---

[1]) По 141 ст. неподсудны народному суду: преступленія противъ вѣры христіанской, государственныя, противъ порядка управленія, по службѣ государственной и общественной, противъ постановленій о повинностяхъ государственныхъ и земскихъ, противъ имущества и доходовъ казны, нарушенія карантиннаго устава, постановленій противъ повальныхъ и заразительныхъ болѣзней противъ правилъ на случай скотскихъ падежей, составленіе шаекъ и пристанодержательство, лживые доносы и лжесвидѣтельство по дѣламъ, судимымъ по законамъ Имперіи, укрывательство бѣглыхъ, порча телеграфовъ и дорогъ, преступленія противъ законовъ о состояніяхъ, убійства, нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, изнасилованіе, лишеніе свободы, насильственное завладѣніе чужой недвижимостью и истребленіе граничныхъ межъ и знаковъ, поджогъ и вообще умышленное истребленіе чужаго имущества, разбой, грабежъ, похищеніе казеннаго имущества и подлоги русскихъ документовъ.

скаго, подсудныхъ общеимперскимъ судебнымъ установленіямъ, въ частностяхъ весьма существенно расходится съ нимъ, въ особенности въ преступленіяхъ личныхъ и имущественныхъ. Кромѣ того отсутствіе въ 141 ст. положенія прямыхъ ссылокъ на статьи закона и употребленіе не вполнѣ точныхъ юридическихъ терминовъ создаетъ иногда на практикѣ затрудненія въ правильномъ разрѣшеніи вопроса о подсудности даннаго преступленія русскому или народному суду.

Такова организація и предѣлы вѣдомства народныхъ судовъ Туркестанскаго края и Степныхъ областей.

Надзоръ административной власти за ихъ дѣятельностью, по мѣстному Положенію, весьма ограниченъ и сводится, главнымъ образомъ, къ присутствію волостнаго управителя на обыкновенномъ съѣздѣ и уѣзднаго начальника или замѣняющаго его чиновника на чрезвычайномъ съѣздѣ, исключительно для наблюденія за благочиніемъ въ мѣстѣ собранія съѣзда, къ праву уѣздныхъ начальниковъ не приводить въ исполненіе и представлять прокурору окружнаго суда приговоры и рѣшенія, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, и къ наблюденію уѣзднаго начальника за веденіемъ книгъ и исполненіемъ приговоровъ. Затѣмъ къ обязанностямъ уѣзднаго начальника относится созваніе съѣздовъ, принятіе у осѣдлыхъ туземцевъ жалобъ на неокончательныя рѣшенія единоличныхъ судей (у кочевниковъ эта обязанность возложена на волостнаго управителя), наложеніе на народныхъ судей денежныхъ взысканій за неявку на съѣзды, назначеніе ихъ въ чрезвычайные съѣзды кочеваго населенія и замѣна наложеннаго народнымъ судомъ денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности осужденнаго отдачею въ общественные работы на срокъ до трехъ мѣсяцевъ.

Удаленіе отъ должности народныхъ судей, обнаружившихъ (по выраженію закона 18 ноября 1898 года) „несовмѣстныя съ достоинствомъ судейскаго званія нравственныя свойства“, предоставлено власти генералъ-губернатора, который кромѣ того утверждаетъ по соглашенію съ Министромъ Юстиціи таксу вознагражденія народныхъ судей за

совершеніе и свидѣтельствованіе актовъ и документовъ и устанавливаетъ форму актовъ объ отчужденіи земельныхъ участковъ.

За преступленія по службѣ народные судьи предаются суду областными правленіями порядкомъ, установленнымъ для преданія суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства.

Это подчиненіе народнаго суда административной власти имѣетъ серьезное значеніе въ опредѣленіи мѣста, которое должно быть отводимо этому суду въ общемъ судебномъ строѣ нашего государства. Неопредѣленное положеніе народныхъ судей, съ одной стороны, какъ носителей судебной власти, съ другой, какъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ въ дисциплинарномъ отношеніи уѣзднымъ начальникамъ и утверждаемыхъ въ должности, а также удаляемыхъ отъ нея административною властью, и отсутствіе прямо соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ въ общеимперской служебной іерархіи создало весьма разнообразную практику мѣстныхъ судебныхъ установленій по вопросу о квалификаціи оскорбленій народныхъ судей при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Въ однихъ судахъ въ этихъ случаяхъ примѣнялась 282 статья улож. о нак., въ другихъ—285 и 286; третьи признавали наличность только 31 ст. уст. о наказ., налаг. мир. суд. Окончательно вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ Уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Сената по дѣлу Хатыча-ай Якубовой (рѣшеніе 1901 года № 11).

Возгорѣвшійся по этому дѣлу юридическій споръ такъ рельефно очертилъ положеніе народнаго судьи въ ряду другихъ органовъ государственнаго управленія, и разрѣшеніе этого спора Сенатомъ было настолько удачно, что мы считаемъ себя въ правѣ отклониться отъ своей темы и изложить вкратцѣ это дѣло. Хатыча-ай Якубова за оскорбленіе народнаго судьи въ камерѣ его во время судебнаго разбирательства была предана суду по 282 ст. улож. о нак. Окружный судъ, разрѣшая это дѣло, нашелъ, что 282 статья непримѣнима въ данномъ случаѣ, потому что народные судьи не имѣютъ камеры присутствія, а разбираютъ дѣла во вся-

комъ помѣщеніи, даже подъ открытымъ небомъ, и разборъ ихъ не только не имѣетъ той торжественной обстановки, въ которой отправляется русское правосудіе, хотя бы и единоличнымъ судьей, но и вообще не регламентированъ строго закономъ, почему и носитъ патріархальный характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ окружный судъ не призналъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ защиты о примѣненіи 31 ст. уст. о наказ., такъ какъ послѣдняя предусматриваетъ оскорбленіе полицейскихъ и другихъ стражей, служителей правительственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ сельскаго управленія; ни къ одной изъ перечисленныхъ категорій не можетъ быть отнесенъ народный судья, имѣющій компетенцію почти равную, а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ и большую, чѣмъ мировой судья. Въ виду этого окружный судъ пришелъ къ заключенію, что наиболѣе подходящею къ данному случаю является 286 ст. улож. о нак., предусматривающая согласно разъясненіямъ Сената не только оскорбленія чиновниковъ, но и гминныхъ судей, а также и другихъ представителей власти, хотя бы они и не занимали классныхъ должностей. Въ судебной палатѣ, куда дѣло перешло по протесту прокурорскаго надзора, мнѣнія раздѣлились. Основываясь на разъясненіяхъ V департамента Сената (указъ отъ 22 января 1889 года за № 176 по дѣлу Шербутаева и опредѣленіе 1894 года по дѣлу Кійсыкова), подводившаго оскорбленіе народныхъ судей во время судебнаго разбирательства подъ 282 ст. улож. о нак., большинство согласилось съ протестомъ, и соотвѣтственно этому былъ измѣненъ приговоръ суда. Одинъ же изъ членовъ палаты въ особомъ мнѣніи высказалъ, что „единственнымъ основаніемъ къ признанію оскорбленія народныхъ судей подлежащимъ преслѣдованію по 282 статьѣ выставляется то соображеніе, что народный судья какъ по степени власти, такъ и по организаціи этого суда, ближайшимъ образомъ можетъ быть приравненъ къ мировому судьѣ, дѣйствующему на основаніи Судебныхъ уставовъ". Сравненіе это неправильно прежде всего потому, что мировой судья представляетъ собою всесословный судъ, тогда какъ компетенція народнаго суда ограничивается опредѣленною народ-

ностью туземцевъ средне-азіатскихъ владѣній; засимъ организація этого суда, не стѣсненнаго никакими судопроизводственными началами и нормами закона и творящаго судъ на основаніи неопредѣленныхъ нормъ обычнаго права, ничего общаго не имѣетъ съ строгой, закономѣрной организаціей института мировыхъ судей. Кромѣ того такое распространительное толкованіе 282 статьи не оправдывается ни буквальнымъ содержаніемъ этой статьи, ни преподанными Правительствующимъ Сенатомъ по сему вопросу разъясненіями, въ коихъ при примѣненіи этой статьи требуется, чтобы оскорбленіе было нанесено въ камерѣ присутствія, въ виду чего, напр., подъ нее не можетъ быть подводимо оскорбленіе судебнаго слѣдователя; въ рѣшеніи же 1882 г. № 51 Сенатъ указалъ, что при прежнемъ устройствѣ волостнаго суда оскорбленіе волостныхъ судей наказывается по 31 ст. уст. о нак.“ Оскорбленіе реформированнаго волостнаго суда по рѣшенію Общаго собранія 1896 года № 24 подводится подъ дѣйствіе 282 ст. улож. о нак., такъ какъ по закону 12 іюля 1889 года новый волостной судъ пріобрѣлъ значеніе дѣйствительнаго судебнаго установленія и имѣетъ свою камеру присутствія. Между тѣмъ, возможно ли въ отношеніи народнаго судьи говорить о „камерѣ присутствія“, въ особенности у кочевниковъ-киргизовъ, гдѣ судья нерѣдко разбираетъ дѣла подъ открытымъ небомъ, на базарѣ, не придерживаясь никакихъ судопроизводственныхъ началъ. При такой обстановкѣ крайне трудно окажется опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ пространство того мѣста, которое должно считаться „камерой“ народнаго судьи. Кромѣ того примѣненіе 282 статьи не соотвѣтствуетъ и положенію народныхъ судей среди другихъ мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей. Туземцу покажется страннымъ и непонятнымъ, что оскорбленіе народнаго судьи влечетъ за собою болѣе строгую отвѣтственность, нежели оскорбленіе судебнаго слѣдователя, товарища прокурора, уѣзднаго начальника и другихъ административныхъ властей, облеченныхъ по отношенію всѣхъ туземцевъ широкою дискреціонною дисциплинарною властью (по 64 ст. пол. объ упр. Турк. края).

Въ виду этихъ соображеній членъ палаты полагалъ болѣе правильнымъ признать оскорбленіе народнаго судьи проступкомъ, предусмотрѣннымъ 31 ст. уст. о нак., налаг. мир. суд.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, по кассаціонной жалобѣ осужденной, нашелъ, что, хотя, присоединяя Туркестанскій край къ владѣніямъ Россійской имперіи, законодатель призналъ возможнымъ предоставить народному судьѣ обширную компетенцію по разбору дѣлъ между туземцами, но въ этомъ нельзя видѣть актъ особаго довѣрія верховной власти и желаніе дать народному судьѣ высокое положеніе, а лишь признаніе необходимости сохранить для покореннаго народа его прежнія учрежденія и возможность руководствоваться своими обычаями. Изложенныя же въ Положеніи объ упр. Турк. края правила, опредѣляющія отношенія народныхъ судей къ административной власти, также показываютъ, что они никоимъ образомъ не могутъ быть приравниваемы къ мировымъ судьямъ, пользующимся независимымъ и авторитетнымъ положеніемъ среди другихъ властей; что по условіямъ своего избранія и утвержденія въ должности, а также по отношеніямъ ихъ къ административной власти народные судьи ближе всего могутъ быть приравнены къ волостнымъ старшинамъ и лицамъ, занимающимъ соотвѣтственныя должности, оскорбленія которыхъ при исполненіи служебныхъ обязанностей предусмотрѣны 2:8 ст. улож. о нак. Примѣненіе же къ данному случаю 282 ст. улож. о нак. не можетъ быть допущено также и потому, что названная статья предусматриваетъ оскорбленіе въ присутственномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ народный судья не имѣетъ по закону такого помѣщенія, которое, по самому наружному его виду, можно было бы назвать камерой или присутственнымъ мѣстомъ.

Нельзя не признать, что проведенная Правительствующимъ Сенатомъ аналогія между оскорбленіями народныхъ судей и оскорбленіями лицъ, соотвѣтствующихъ по своей должности волостнымъ старшинамъ, теоретически представляется гораздо болѣе правильной и близкой, чѣмъ съ оскорбленіями, предусмотреннымъ 282, 285 и 286 ст. улож. о нак. или 31 ст.

устава о нак.; въ практическомъ же отношеніи это разъясненіе Сената, признавшее оскорбленіе народныхъ судей преступленіемъ, предусмотрѣннымъ 288 ст. уложенія и, слѣдовательно, подсуднымъ въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ (ст. 53 Врем. правилъ 2 іюня 1898 года и 1260 ст. уст. угол. суд.), освободило и слѣдственную власть и окружные суды отъ значительной и зачастую совершенно безполезной работы по разбирательству дѣлъ этого рода. Хотя случаи оскорбленія народныхъ судей при исполненіи ими служебныхъ обязанностей и рѣдки въ дѣйствительности, но жалобы на подобныя оскорбленія, наоборотъ, весьма часты, и производство по нимъ предварительныхъ слѣдствій напрасно обременяло бы слѣдователей, и безъ того затрачивающихъ большую часть своего времени и силъ на безплодныя слѣдствія по самымъ неосновательнымъ и фантастическимъ жалобамъ туземнаго населенія. Теперь же большинство дѣлъ объ оскорбленіи народныхъ судей будетъ оканчиваться дознаніемъ, а немногія доходящія до мировыхъ судей дѣла, конечно, не будутъ для нихъ тяжелымъ бременемъ; да и несложность мироваго разбирательства болѣе соотвѣтствуетъ характеру этого преступленія и его дѣйствительному значенію. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли серьезно говорить о какой-либо камерѣ присутствія у народныхъ судей, когда они творятъ свой судъ иногда въ такой обстановкѣ:

Среди громаднаго скопленія пестрой туземной толпы въ базарный день въ подгородномъ бойкомъ селеніи на обширной площади стоитъ несмолкаемый шумъ и гамъ. Здѣсь идетъ оживленный торгъ лошадьми, слышится ихъ ржанье и фырканье, тутъ раздается блеяніе пригнанныхъ на продажу и убой барановъ, ревутъ верблюды и ишаки; тамъ ссорятся покупатели съ продавцами разложеннаго соблазнительнымъ яркимъ ковромъ мануфактурнаго товара; тащатъ мѣшки съ зерномъ, везутъ арбы съ клеверомъ, громко выкрикиваютъ достоинства своихъ издѣлій продавцы лепешекъ, пельменей и сладостей; кучка календаровъ (нищенствующей мусульманской екты) тянетъ монотонную пѣснь, собирая доброхотныя подая-

нія; поминутно проносится громкое „поштъ“ (берегись). И вотъ тутъ-то въ самой сутолокѣ разосланъ коверъ или кошма (войлокъ изъ верблюжей шерсти), и на немъ возсѣдаетъ народный судья, творя судъ и расправу. Передъ нимъ, почтительно поджавъ подъ себя ноги, истцы и отвѣтчики; кругомъ праздная, любопытная толпа. Нерѣдко разбирательство прерывается поклономъ и обмѣномъ нѣсколькихъ словъ съ проходящимъ знакомымъ. Можно ли опредѣлить, гдѣ здѣсь кончается камера и начинается базаръ? Можно ли примѣнять 287 ст. улож. о нак. къ черезчуръ увлекшимся и разгорячившимся покупателямъ и продавцамъ, обругавшимъ другъ друга за спиною народнаго судьи.

II.

Судопроизводство въ народномъ судѣ также патріархально, какъ и эта картинка обстановки, въ которой творится судъ.

Въ силу 210 ст. Положенія объ упр. Турк. края народные суды разрѣшаютъ подсудныя имъ дѣла на основаніи существующихъ въ каждой части населенія (у осѣдлыхъ и кочевниковъ) обычаевъ, но такъ какъ въ слѣдующихъ статьяхъ Положеніе устанавливаетъ нѣкоторыя судопроизводственныя правила, то необходимо признать, что обычай хотя и является основнымъ источникомъ, коимъ руководствуются народные суды при разсмотрѣніи подсудныхъ имъ дѣлъ, но лишь постольку, поскольку эти обычаи не противорѣчатъ нормированнымъ самимъ закономъ правиламъ судебнаго разбирательства въ народномъ судѣ. Эти ограничивающія примѣненіе обычая постановленія закона касаются какъ матеріальнаго, такъ и формальнаго права, и относительно послѣдняго заключаютъ въ себѣ слѣдующія главнѣйшія положенія:

Подсудность гражданскихъ дѣлъ опредѣляется мѣстомъ жительства отвѣтчика, а если ихъ нѣсколько, то мѣстомъ жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Подсудность уголовныхъ дѣлъ опредѣляется мѣстомъ совершенія престу-

пленія. Всѣ дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, начинаются у единоличнаго народнаго судьи, рѣшенія котораго признаются окончательными и не подлежатъ обжалованію, если ими присуждается не болѣе 30 рублей и не свыше 7 дней ареста. Неокончательныя рѣшенія могутъ быть обжалованы въ съѣздъ въ двухнедѣльный срокъ со дня объявленія рѣшенія. Совершается народный судъ гласно и публично. Всѣ уголовныя дѣла могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ, и только, если послѣднее не состоится, народный судъ имѣетъ право налагать на виновныхъ денежное взысканіе до 300 рублей и заключать подъ стражу на срокъ не болѣе 1 года и 6 мѣсяцевъ. Въ случаѣ несостоятельности осужденнаго денежное взысканіе замѣняется арестомъ до трехъ мѣсяцевъ или отдачею по распоряженію уѣзднаго начальника въ общественныя работы на тотъ же срокъ.

Письменное производство въ народномъ судѣ сведено до минимума. Утвержденной Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ 1 декабря 1892 года инструкціей народнымъ судьямъ вмѣнено въ обязанность вести двѣ книги—одну для записыванія рѣшеній, другую для свидѣтельствуемыхъ актовъ.

Эти немногія правила разбирательства въ народномъ судѣ, конечно, оставляютъ обширное поле для примѣненія обычаевъ (адата и шаріата), подробное изложеніе которыхъ не входитъ въ программу настоящаго труда, да и представлялось бы поверхностнымъ, а быть можетъ, и ошибочнымъ, ибо для этого необходимо спеціальное и многолѣтнее изученіе ихъ. Въ основныхъ же чертахъ обычныя нормы процесса въ народномъ судѣ весьма существенно отличаются отъ современнаго европейскаго типа судопроизводства.

Прежде всего, по общему правилу, въ народномъ судѣ кочеваго населенія нѣтъ и намека на судебное разбирательство, подобное нашему, въ смыслѣ представленія и оцѣнки доказательствъ. Судья въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ лично вовсе не входитъ въ обсужденіе доказанности фактовъ, долженствующихъ лечь въ основаніе его приговора или рѣшенія, а разрѣшаетъ лишь юридическую сторону дѣла.

Вопросы факта устанавливаются присягою или, вѣрнѣе, согласіемъ на присягу сторонъ или представляемыхъ ими присягателей. Изъ цѣлаго ряда ежедневно просматриваемыхъ рѣшеній намъ не пришлось встрѣтить за три послѣднихъ года ни одного, въ которомъ заключалось бы указаніе на дѣйствительно состоявшуюся присягу. Обыкновенно дѣло происходитъ такъ: народный судья, выслушавъ и записавъ въ книгу рѣшеній жалобу истца или обвинителя, вызываетъ стороны на извѣстный день и, если не представлено ими какихъ либо письменныхъ документовъ или послѣдніе являются недостаточнымъ доказательствомъ, то предлагаетъ одной изъ сторонъ принять присягу въ правдивости представленнаго ею объясненія. Сторона заявляетъ, что она согласна принять присягу, такое согласіе считается равносильнымъ самой присягѣ, и дѣло рѣшается въ пользу согласившагося присягнуть; при отказѣ же отъ присяги отказавшійся признается неправымъ и проигрываетъ дѣло. Этотъ простѣйшій случай осложняется весьма часто заявленіемъ другой стороны, что она не желаетъ допустить противника къ присягѣ. Въ этихъ случаяхъ народный судья иногда прямо приступаетъ къ постановленію рѣшенія, указывая въ немъ, что за отказомъ истца или обвинителя допустить противную сторону къ присягѣ дѣло разрѣшается въ пользу послѣдней. Но, какъ при недопускѣ къ присягѣ, такъ и по другимъ основаніямъ, судья часто постановляетъ предоставить принятіе очистительной присяги родственникамъ той или другой стороны, но не ближе извѣстной степени родства, и опредѣляетъ при этомъ срокъ, къ которому долженъ быть представленъ присягатель. Повидимому, въ опредѣленіи близости родства присягателя играетъ роль большая или меньшая степень правдоподобности обвиненія или основательности иска, при чемъ случается, что народный судья назначаетъ присягателя изъ родственниковъ въ 15—18 колѣнѣ. При неявкѣ присягателя или отказѣ его отъ присяги дѣло рѣшается противъ стороны, обязавшейся его представить, а въ случаѣ согласія принять присягу до послѣдней дѣло обыкновенно не доходитъ, и судья постановляетъ рѣшеніе въ пользу стороны, представившей при-

сягателя. Разбирательство гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, въ общемъ одинаковое, различается, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ присяга въ большинствѣ случаевъ предоставляется истцу, въ уголовныхъ же обвиняемому. Затѣмъ по гражданскимъ дѣламъ изрѣдка встрѣчаются рѣшенія, основанныя на представленныхъ сторонами документахъ, а въ уголовныхъ за послѣднее время, очевидно подъ вліяніемъ русскаго суда, попадаются приговоры, основанные на показаніяхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ извѣстные факты, доказывающіе или опровергающіе виновность обвиняемаго. Удостовѣренія эти, конечно, касаются простѣйшихъ видовъ доказательствъ,—ограничиваются, такъ называемыми, прямыми уликами, напр., захватомъ обвиняемаго на мѣстѣ преступленія, сознаніемъ его, розысканіемъ у него поличнаго и т. п.

Особенно своеобразны бываютъ приговоры по дѣламъ о конокрадствѣ, которое, кстати сказать, развито въ Туркестанскомъ краѣ не меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи, и нерѣдко совершается организованными и многолюдными шайками. Киргизъ, обыкновенно, если не имѣетъ въ виду виновнаго, не заявляетъ властямъ о совершенной у него кражѣ, а отправляется розыскивать свою лошадь. Опознавши ее гдѣ-либо на базарѣ или въ городѣ, иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а то и черезъ 2—3 года, онъ предъявляетъ обвиненіе въ кражѣ къ лицу, у котораго ее нашелъ. Въ случаѣ заявленія послѣдняго, что онъ купилъ эту лошадь у кого-нибудь, народный судья не довольствуется предоставленіемъ ему присяги, а постановляетъ (какъ они называютъ) предварительное рѣшеніе, которымъ обязываетъ обвиняемаго представить въ извѣстный срокъ лицо, продавшее ему лошадь; и такимъ порядкомъ, вызывая всѣхъ ея пріобрѣтателей и продавцовъ, народный судья доходитъ до такого, который не можетъ указать или представить продавца лошади, и этотъ послѣдній, не обѣлившій себя пріобрѣтатель краденаго, присуждается къ наказанію за кражу.

Характерною особенностью всѣхъ приговоровъ народнаго суда кочеваго населенія, доказывающею, между прочимъ, что

еще недавно этотъ судъ не различалъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, является обязательное, хотя бы и безъ прямаго требованія потерпѣвшаго, присужденіе обвиняемаго къ уплатѣ стоимости похищеннаго и расходовъ по розыску, при чемъ въ эти расходы включается и возмѣщеніе потерпѣвшему „союнчи", т. е. вознагражденія, уплачиваемаго за „радостное извѣстіе" тому лицу, которое сообщитъ, гдѣ находится похищенное или кто совершилъ похищеніе.

Такимъ образомъ, народный судья у кочевниковъ не совершаетъ той логической работы въ оцѣнкѣ доказательствъ, безъ которой, по понятіямъ европейца, немыслимо правильное отправленіе правосудія; здѣсь, собственно говоря, нѣтъ мѣста ни свободному внутреннему убѣжденію, ни формальной теоріи доказательствъ. Вся дѣятельность судьи сводится къ опредѣленію, которой изъ сторонъ или ея свидѣтелямъ дать присягу, а затѣмъ на основаніи установленныхъ такимъ способомъ фактовъ судья примѣняетъ матеріальныя нормы обычнаго права. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ исходъ дѣла долженъ быть случайнымъ, а между тѣмъ люди, хорошо знакомые съ бытомъ туземцевъ и дѣятельностью народнаго суда, удостовѣряютъ, что если судья не заинтересованъ въ томъ или другомъ исходѣ дѣла родствомъ, партійными вліяніями или вслѣдствіе подкупа, то онъ всегда добьется истины и постановитъ справедливое рѣшеніе. Бѣда только въ томъ, что такіе судьи рѣдки.

Въ общихъ чертахъ формы процесса у осѣдлаго населенія (у сартовъ) сходны съ киргизскими,—у нихъ точно такъ же разбирательство уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ не имѣетъ различія и носитъ частно-исковый характеръ; встрѣчаются, хотя и значительно рѣже, рѣшенія, основанныя на присягѣ; но вмѣстѣ съ этимъ судъ осѣдлаго населенія, руководствующійся всеобъемлющими правилами шаріата, знаетъ разбирательство на основаніи свидѣтельскихъ показаній и примѣняетъ подробныя правила своихъ законовѣдовъ о допускѣ свидѣтелей и силѣ ихъ показаній въ зависимости отъ пола, занятій и даже физическихъ качествъ свидѣтеля. Крупное различіе между судомъ осѣдлаго и кочеваго населенія ска-

зывается въ нормахъ матеріальнаго права, а вслѣдствіе этого и въ послѣдней стадіи дѣятельности судьи, когда онъ даетъ установленнымъ присягою фактамъ юридическую оцѣнку. У киргизовъ эта сторона дѣятельности судьи рѣдко вызываетъ споры и возраженія; у сартовъ же зачастую споръ переносится на юридическую почву,—стороны представляютъ судьѣ говорящіе въ пользу каждой изъ нихъ, составленные законниками, „риваяты"—выписки изъ толкованій мусульманскими авторитетами правилъ шаріата. Обыкновенно эти выписки даютъ діаметрально противоположныя толкованія, и для правильной оцѣнки ихъ судья долженъ обладать серьезною эрудиціей. Между тѣмъ при выборахъ судьи довѣренные народонаселенія—пятидесятники рѣдко считаются съ этими качествами своего избранника, а выбираютъ того, кто вліятельнѣе и щедрѣе, кто является представителемъ болѣе многочисленной партіи въ данной волости и истратилъ большую сумму на угощеніе и подарки пятидесятникамъ.

Если сравнить народный судъ въ Туркестанскомъ краѣ съ какими-либо извѣстными среди европейскихъ народовъ формами процесса, то до нѣкоторой степени онъ напомнитъ намъ древній франко-германскій процессъ, построенный, какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ, по частноисковому типу. Никакого оффиціальнаго розыска и тутъ, и тамъ не существуетъ, доказательства не собираются, обвинитель и обвиняемый называются истцами и отвѣтчиками и пользуются равными правами. Каждое дѣло для своего возникновенія необходимо предполагаетъ частнаго истца, разбирательство происходитъ гласно и публично, и все производство сводится къ спору истца и отвѣтчика, которые въ большинствѣ случаевъ сами являются и рѣшителями спора, соглашаясь или отказываясь отъ принятія присяги. Въ отличіе, впрочемъ, отъ древне-европейскихъ формъ процесса народный судъ въ Туркестанскомъ краѣ не знакомъ съ другими видами суда Божія—съ поединкомъ, испытаніемъ водою и желѣзомъ и иными ордаліями. Нѣсколько иначе проявляется въ народномъ судѣ и участіе постороннихъ присягателей. Таковыми, какъ нами уже было указано, избираются у кир-

гизовъ родственники сторонъ въ извѣстномъ колѣнѣ, при чемъ иногда ближайшій выборъ присягателя изъ лицъ этой категоріи предоставляется сторонамъ, иногда же народный судья прямо указываетъ присягателя. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ присягатель не обязывается немедленно принять присягу; наоборотъ, ему назначается для этого извѣстный срокъ въ нѣсколько недѣль, изъ чего слѣдуетъ заключить, что присяга не имѣетъ значенія простаго удостовѣренія доброй славы того, за кого она приносится; присягатель въ теченіе даннаго ему срока производитъ свое разслѣдованіе, собираетъ необходимыя свѣдѣнія для того, чтобы убѣдиться въ правотѣ стороны, и затѣмъ сознательно даетъ свое согласіе на присягу или отказывается отъ нея. Послѣдняя по своему значенію всегда подтвердительная, а не обѣщательная, какъ въ нашемъ процессѣ.

Этимъ, быть можетъ, отчасти объясняется полное отсутствіе сознанія у туземцевъ святости и важности присяжнаго обѣщанія показывать правду и массовое лжесвидѣтельство въ русскомъ судѣ. Такая присяга, да и самый допросъ свидѣтеля не о виновности или правотѣ обвиняемаго, а объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ дѣла, совершенно чужды правовоззрѣніямъ туземцевъ, а потому и непонятны имъ. Первое время по введеніи судебной реформы свидѣтели на вопросъ предсѣдательствующаго, что имъ извѣстно по дѣлу, обыкновенно отвѣчали коротко, что такой-то виноватъ или невиновенъ, а болѣе ему ничего неизвѣстно. Теперь же, приноравливаясь къ требованіямъ русскаго суда, свидѣтели сплошь и рядомъ вполнѣ сознательно даютъ ложныя показанія, а, будучи уличены, наивно утверждаютъ, что они показывали правду, ибо хотя и не были очевидцами того, о чемъ свидѣтельствовали, но знаютъ или убѣждены, что это было такъ.

За послѣднее время и въ русскомъ судѣ все чаще и чаще повторяются случаи отказа мусульманъ отъ принятія присяги, въ особенности, когда по бывшимъ прецедентамъ они узнали о ненаказуемости такого отказа. Объясняется это тѣмъ, что туземцы вообще неохотно и лишь въ крайнихъ случаяхъ принимаютъ присягу. По ихъ понятіямъ, благочестивый мусуль-

манинъ долженъ быть правдивымъ и заслуживаетъ довѣрія и безъ клятвы именемъ Божіимъ, а потому принесеніе присяги уничижаетъ достоинство дающаго ее и является дѣяніемъ, позорящимъ его въ глазахъ единовѣрцевъ. Очевидно, исходя изъ этого взгляда, народные судьи и не прибѣгаютъ при разрѣшеніи дѣлъ къ присягѣ, а довольствуются только согласіемъ принести ее.

Внѣшняя обстановка судебнаго разбирательства въ народномъ судѣ весьма типична. Хорошо владѣющій мѣстнымъ языкомъ и знающій туземную жизнь Н. Лыкошинъ въ бытовомъ очеркѣ, подъ заглавіемъ „Казіи", такъ описываетъ разборъ дѣла у народныхъ судей города Ташкента (стр. 42 и слѣд.).

„Камера народнаго судьи (называемая у туземцевъ „махкаме") всегда находится въ его собственномъ домѣ, гдѣ живетъ и судья съ семействомъ. Наружный дворикъ дома (ташкари) служитъ хозяину и для пріема гостей и для отправленія правосудія. Обыкновенно все помѣщеніе состоитъ изъ двухъ комнатъ. Въ одной помѣщается самъ народный судья и его совѣтники (муфтіи и аалямы), если таковые случаются на лицо, а въ другой комнатѣ располагаются писцы съ канцеляріей. Мебели ни въ той, ни въ другой половинѣ не полагается, всѣ сидятъ на полу, покрытомъ циновками и коврами. Мѣсто, гдѣ предпочитаетъ сидѣть самъ судья, иногда можно узнать по разостланной тамъ шкурѣ медвѣдя или барсука. Ниши въ стѣнахъ комнаты обыкновенно заняты въ порядкѣ разставленными книгами, имѣющими значеніе для судопроизводства, а передъ судьей лежитъ должностной знакъ съ цѣпью, печать и письменный приборъ. Опредѣленныхъ дней недѣли или часовъ у народныхъ судей для разбора не назначено. Просители начинаютъ собираться съ ранняго утра, тотчасъ послѣ утренней молитвы, которая оканчивается зимою около 6 часовъ утра, а лѣтомъ и еще раньше, въ зависимости отъ времени восхода солнца. Съ утра и до вечера судья безотлучно находится въ камерѣ и готовъ къ пріему просителей, разбору дѣлъ и засвидѣтельствованію актовъ. Только съ наступленіемъ сумерекъ прекращается дневная

дѣятельность судьи..... Просители входятъ въ комнату, гдѣ сидитъ народный судья, поодиночкѣ или небольшими группами, если у нѣсколькихъ лицъ одно и то же дѣло. Лѣтомъ окна изъ комнаты на террассу при домѣ остаются открытыми, такъ что желающіе слушать разборъ могутъ присутствовать, не стѣсняя самого судьи съ его совѣтниками и прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ. Произнеся при входѣ въ комнату общепринятое привѣтствіе („ас-салямъ—алейкюмъ") и получивъ на него отвѣтъ („ва-алейкюм-ас-салямъ"), проситель усаживается ближе къ входной двери. По мусульманскому обычаю почетными мѣстами въ комнатѣ считаются тѣ, которыя расположены противъ входной двери и дальше отъ нея вглубь комнаты, поэтому проситель и занимаетъ подобающее мѣсто, чтобы не заслужить порицанія въ невѣжествѣ. Садится туземецъ передъ народнымъ судьей не такъ, какъ самъ признаетъ для себя удобнѣе, онъ даже не можетъ сѣсть, что называется „по турецки", поджавъ подъ себя ноги, а долженъ непремѣнно принять позу, установленную для молитвы. Для этого нужно, собственно, встать на колѣни и опустить нижнюю часть туловища на пятки ногъ. Проситель почтительно ждетъ, пока судья предложитъ ему высказать его желаніе, и только тогда, стараясь быть краткимъ и сохраняя почтительность въ голосѣ, излагаетъ свое дѣло. Сами туземцы являются къ народному судьѣ въ большинствѣ случаевъ только тогда, когда они обращаются къ нему, какъ къ нотаріусу, для засвидѣтельствованія различнаго рода актовъ, или когда начатое дѣло не вызываетъ никакихъ сомнѣній, несложно само по себѣ. Чуть дѣло поважнѣе и требуетъ извѣстной ловкости и знанія судебныхъ пріемовъ, оно передается для веденія профессіональному повѣренному (вакиль). Эти лица замѣняютъ въ народномъ судѣ адвокатовъ и приносятъ много вреда..... Если просьба заключается въ желаніи получить какую-либо копію или засвидѣтельствовать документъ, то просителя направляютъ въ канцелярію народнаго судьи, гдѣ привычные къ дѣлу писцы быстро исполняютъ приказаніе судьи, и кліентъ возвращается съ готовой записью или роспиской, которую судья имѣетъ утвердить приложеніемъ своей должност-

ной печати. Если сдѣлка происходитъ между двумя находящимися на лицо кліентами, то они снова садятся и на вопросы судьи опредѣленно выражаютъ свое согласіе на утвержденіе состоявшейся сдѣлки. Судья неторопливо надѣваетъ на себя цѣпь со знакомъ, присвоеннымъ его должности, также неторопливо намазываетъ тушью съ мизинца желѣзную печать и, лизнувъ языкомъ то мѣсто документа, гдѣ текстъ заканчивается словами „приложилъ печать", прикладываетъ печать. Проситель почтительно подходитъ къ судьѣ, беретъ изъ рукъ его документъ и, отступая къ двери, а не поворачиваясь спиной, оставляетъ помѣщеніе камеры.... По гражданскому или уголовному дѣлу, занесши въ книгу жалобу просителя, судья распрашиваетъ его о подробностяхъ дѣла и выясняетъ, кого именно необходимо вызвать къ разбору. Повѣстки заготовляются на маленькихъ трехугольныхъ клочкахъ бумаги и передаются для врученія особымъ лицамъ изъ туземцевъ, постоянно находящимся при канцеляріи народнаго судьи. Эти люди больше всего извѣстны подъ общимъ названіемъ „эсауловъ", и врученіе повѣстокъ составляетъ для нихъ промыселъ, дающій имъ средства къ жизни. Народный судья не платитъ содержанія эсауламъ, но за врученіе каждой повѣстки посланный получаетъ небольшое вознагражденіе въ 10—25 коп. отъ истца. Болѣе расторопные эсаулы иногда ухитряются получать деньги и за неврученіе повѣстокъ. Это случается, если отвѣтчикъ или свидѣтель по дѣлу, въ силу тѣхъ или другихъ соображеній, находитъ необходимымъ уклониться отъ явки по вызову судьи. Въ такомъ случаѣ вызванный платитъ эсаулу за то, чтобы тотъ унесъ повѣстку назадъ и сказалъ, что не могъ найти вызываемаго, и, разумѣется, платитъ немного болѣе того, что̀ могъ бы получить эсаулъ за врученіе повѣстки. Въ день разбора, когда явились стороны и свидѣтели, народный судья провѣряетъ, всѣ ли явились, и затѣмъ приступаетъ къ разбирательству. Все производство ведется кратко и также кратко записывается на оборотѣ исковой просьбы. Протоколъ судебнаго разбирательства носитъ названіе „тазкира" и содержитъ въ себѣ изложеніе послѣдовательнаго хода преній сторонъ. По окончаніи

разбора всѣ удаляются изъ камеры, а народный судья, посовѣтовавшись со своими аалямами и муфтіями, диктуетъ писцу рѣшеніе, которое и вписывается въ книгу. Когда рѣшеніе записано, всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ снова зовутъ въ камеру, усаживаютъ передъ народнымъ судьей, и рѣшеніе объявляется присутствующимъ подъ росписку въ книгѣ рѣшеній, съ выдачей желающей сторонѣ копіи рѣшенія".

Интересно, что обязанность тяжущихся выслушивать рѣшенія сидя считается столь необходимою формальностью, что этимъ пользуются нѣкоторые туземцы, желающіе затянуть дѣло. Передъ самымъ рѣшеніемъ онъ встаетъ и не подчиняется приказанію казія сѣсть. Посадить его силою нельзя; оставаясь же стоять, онъ оказываетъ судьѣ неуваженіе и выражаетъ этой позою нежеланіе подчиниться рѣшенію. Бывали случаи, что за такое упорство казіи присуждали неповинующихся приказанію сѣсть даже къ тюремному заключенію.

Приблизительно въ такой же обстановкѣ, какъ и у казіевъ города Ташкента, происходитъ судебное разбирательство и у народныхъ судей сельскаго населенія. Лѣтомъ судья большею частью творитъ судъ и расправу на открытомъ воздухѣ у себя во дворѣ, гдѣ посерединѣ обыкновенно имѣется четырехугольное глиняное возвышеніе—„супа", защищенная отъ палящихъ лучей солнца густою листвою кара-агача или чинара. Нѣкоторые судьи, имѣющіе въ предѣлахъ своихъ участковъ большія селенія съ бойкимъ базаромъ, въ видахъ удобства выѣзжаютъ туда въ базарные дни и разбираютъ дѣла въ домѣ мѣстнаго старшины или другаго почетнаго и богатаго туземца, въ свободной лавкѣ или, какъ мы уже упоминали выше, среди самой базарной сутолоки.

Тотъ же характеръ имѣетъ разборъ дѣлъ и у біевъ, только „махкаме" замѣняется юртою, и вся процедура проще и менѣе торжественна.

Что касается существа дѣятельности народнаго суда, то слѣдуетъ, къ сожалѣнію, сознаться, что выборный институтъ, введенный еще до Положенія объ упр. Турк. края 1886 г., оказался не по плечу туземному населенію. Казіи, лишенные духовной власти, и біи,—своего положенія старѣйшинъ въ патріар-

хальной родовой семьѣ кочеваго аула, лишились вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняго авторитета. Выборное начало выродилось въ беззастѣнчивую систему подкупа избирателей. До чего простирается цинизмъ подкупа, можно судить по одному дѣлу, дошедшему до разбирательства окружнаго суда, гдѣ въ качествѣ вещественнаго доказательства фигурировалъ весьма краснорѣчивый документъ, выданный избирателю-пятидесятнику однимъ сартомъ, стремившимся попасть въ народные судьи. Документомъ этимъ послѣдній обязывался, за подачу пятидесятникомъ голоса въ его пользу, уступить ему всѣ доходы отъ дѣлъ, которыя будутъ возникать по тремъ сельскимъ обществамъ той волости, куда онъ будетъ избранъ въ судьи. Такихъ документовъ, разумѣется, выдается не мало, расходуются и крупныя суммы, дѣлаются значительные подарки, передъ выборами по цѣлымъ недѣлямъ претендентъ держитъ у себя и кормитъ привлеченныхъ на свою сторону пятидесятниковъ и зорко слѣдитъ, чтобы какъ-нибудь противникъ не переманилъ ихъ къ себѣ. А въ результатѣ,—въ народные судьи стали попадать не достойнѣйшіе и свѣдущіе въ обычномъ правѣ люди, а болѣе ловкіе, имѣющіе за собой вліятельную партію друзей и купленныхъ пятидесятниковъ, иногда даже прямо невѣжественные и неграмотные. Лицепріятіе къ богатымъ и пользующимся вліяніемъ, продажность, мстительное отношеніе къ противной партіи, поощреніе кляузничества,—и все это въ связи съ косностью и рабскимъ подчиненіемъ неподвижнымъ и устарѣлымъ правиламъ шаріата и адата,—вотъ что представляетъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ народный судъ въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ.

Чтобы избѣжать упрека въ голословномъ изображеніи такой мрачной картины, мы позволимъ себѣ привести выдержку изъ протокола засѣданія общаго присутствія Тургайскаго областнаго правленія, состоявшагося 27 января 1894 года при участіи уѣздныхъ начальниковъ и свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ. Засѣданіе это на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній признало возможнымъ констатировать [1]),

[1]) Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области". Изд. 1894 г. стр. 23.

что „избирательная борьба (среди туземцевъ) порождаетъ крайне печальныя явленія. При раздѣленіи на партіи все населеніе находится въ возбужденномъ состояніи; искатели должностей принимаютъ всѣ мѣры къ привлеченію на свою сторону возможно большаго числа голосовъ. Пускаются въ ходъ подкупы, угрозы, обѣщанія должностей, побои, кражи и грабежи. На противниковъ возводятся различныя обвиненія, большею частью вымышленныя; присутственныя мѣста и должностныя лица забрасываются доносами о преступленіяхъ, совершенныхъ въ отдаленнѣйшія времена. Наконецъ, кончились выборы, и одна изъ партій побѣдила. Тогда начинаются притѣсненія противниковъ по выборамъ, которые обыкновенно проигрываютъ всѣ дѣла въ народномъ судѣ и привлекаются къ отвѣтственности по вымышленнымъ искамъ на пополненіе убытковъ, понесенныхъ во время выборовъ стоящею у власти партіей“.

Впрочемъ, надо сказать слово и въ оправданіе туземца. Подъ горячимъ южнымъ небомъ всѣ страсти разгораются сильнѣе, а тутъ еще помогаютъ и лукавые софизмы благочестивыхъ муллъ. По свидѣтельству барона Торнау („Особенности мусульманскаго права, СПБ. 1892 г. стр. 18, гдѣ сдѣлана ссылка на сочиненіе Халиль Ибне Исхака, переводъ Петерсона, томъ V стр. 126, 128“), подкупъ при избраніи на должность народнаго судьи въ глазахъ туземца находитъ себѣ оправданіе въ мнѣніи нѣкоторыхъ мусульманъ законовѣдовъ, которые, не отрицая неодобрительности приношенія подарковъ при домогательствѣ должности народнаго судьи достойными ея лицами (а кто же не мнитъ себя достойнымъ), считаютъ это меньшимъ зломъ, чѣмъ оставленіе судебной расправы въ рукахъ человѣка несвѣдущаго или неблагочестиваго.

Но, какими бы причинами ни вызывалось широкое распространеніе подкуповъ и обусловленная ими продажность народныхъ судей, явленіе это представляется величайшимъ зломъ, съ которымъ трудно мириться и пресѣчь которое, по нашему убѣжденію, возможно только уничтоженіемъ народнаго суда или коренною его реорганизаціей.

При этомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что общераспространенная точка зрѣнія на туземца нашихъ средне-азіатскихъ владѣній, какъ на простодушнаго, неразвитаго дикаря, представляется далеко несоотвѣтствующей дѣйствительности. Наоборотъ, хитрость и смѣтливость природнаго ума, выдержка и скрытность характера, упрямая настойчивость въ достиженіи намѣченной цѣли, соединенная съ неразборчивостью средствъ, не знающая пощады мстительность врагу—являются качествами, присущими почти каждому туземцу и особенно развитыми у людей, занимающихъ извѣстное общественное или служебное положеніе. Этими характерными національными чертами надѣлены, конечно, и народные судьи. Иной разъ прямо недоумѣваешь передъ ихъ изобрѣтательностью и изворотливостью. Казалось бы, какое значеніе для достиженія личныхъ неправосудныхъ цѣлей можетъ имѣть установленное 233 ст. Положенія объ упр. Турк. края правило о томъ, что рѣшеніе народнаго судьи, присуждающее не болѣе 30 рублей и не свыше 7 дней ареста, признается окончательнымъ и обжалованію не подлежитъ. Оказывается, что народный судья, желающій изъ корыстныхъ или партійныхъ побужденій принять сторону отвѣтчика, пользуется этой статьею и преграждаетъ правому истцу возможность обжаловать рѣшеніе, присуждая въ его пользу по иску въ нѣсколько тысячъ—3 или 5 рублей. Еще большія злоупотребленія создаются на почвѣ закона, имѣющаго своею цѣлью обезпечить заинтересованнымъ лицамъ возможность свободнаго выбора безпристрастнаго судьи и тѣмъ гарантировать справедливое разрѣшеніе дѣла. На основаніи 232 и 222 ст. Положенія объ упр. Турк. края у кочевниковъ избирается не менѣе 4-хъ народныхъ судей на волость, и стороны имѣютъ право обращаться къ любому изъ нихъ по взаимному соглашенію; при отсутствіи же соглашенія дѣло рѣшаетъ судья, указанный истцомъ, при чемъ отвѣтчикъ имѣетъ право отвести двухъ судей. Этимъ-то правомъ отвода и пользуются отвѣтчики, иногда по указанію самихъ благопріятствующихъ имъ судей, для того, чтобы безъ риску добиться выигрыша дѣла, а именно: предъявивъ въ первой инстанціи отводъ противъ

двухъ своихъ сторонниковъ, отвѣтчикъ тѣмъ самымъ оставляетъ истцу выборъ между остальными двумя судьями. Если предположить, что оба они враждебны отвѣтчику и не поддержатъ его, то въ съѣздѣ онъ навѣрное добьется рѣшенія въ свою пользу, такъ какъ большинство (2 отведенныхъ судьи) на его сторонѣ. Постигнувъ эту продѣлку, мы стали бороться противъ нея путемъ протестовъ. Доходившіе до прокурорскаго надзора случаи подобнаго злоупотребленія имѣли своимъ послѣдствіемъ внесеніе протестовъ въ порядкѣ 218 ст. Пол. объ упр. Турк. края на томъ основаніи, что составленіе присутствія съѣзда изъ отведенныхъ стороною судей незаконно и является превышеніемъ власти, влекущимъ отмѣну рѣшенія. Однако, несмотря на согласную съ этимъ взглядомъ практику окружнаго суда, отмѣнявшаго подобныя рѣшенія и разъяснявшаго народнымъ судьямъ допущенную ими неправильность въ составленіи присутствія съѣзда, киргизы прибѣгаютъ къ этой уловкѣ и по настоящее время.

При такой неудовлетворительности народнаго суда въ Туркестанскомъ краѣ, по самому существу его дѣятельности, и полномъ отсутствіи права всякаго вмѣшательства въ отправленіе подобнаго правосудія со стороны административной власти понятно то серьезное значеніе, какое имѣетъ наблюденіе прокурорскаго надзора, въ силу 218 ст. мѣстнаго Положенія, за нарушеніями народнымъ судомъ подсудности и предѣловъ предоставленной ему власти. Чѣмъ шире проявляется это наблюденіе, чѣмъ внимательнѣе относится прокурорскій надзоръ ко всѣмъ доходящимъ до него жалобамъ частныхъ лицъ и представленіямъ администраціи о неправильныхъ дѣйствіяхъ народнаго суда, тѣмъ чаще путемъ разъясненій со стороны окружныхъ судовъ при отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній вливается въ сознаніе и туземнаго населенія и его судей понятіе правды и справедливости, нелицепріятной и равной для всѣхъ, вносятся въ ихъ правовую жизнь гуманныя начала общеимперскаго законодательства, и укореняется убѣжденіе, что они не представляютъ обособленнаго и самостоятельнаго мусульманскаго міра, а являются составною частью всей Россіи и должны жить одной жизнью съ нею и подчиняться ея основнымъ законамъ.

Поэтому въ видахъ государственной политики и въ интересахъ самого населенія, страдающаго отъ неправосудія и произвола своего народнаго суда, слѣдуетъ признать, что право принесенія прокурорскимъ надзоромъ протестовъ по 218 ст. Положенія должно быть толкуемо въ самомъ широкомъ смыслѣ, и на основаніи этого общаго положенія слѣдуетъ разрѣшать всѣ сомнительные случаи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

С. Н. Трегубова.

(Продолженіе) [1]).

III.

Призванный 14 мая 1899 года къ дѣятельности въ Туркестанскомъ краѣ прокурорскій надзоръ окружныхъ судовъ засталъ уже сложившуюся практику старой областной прокуратуры по вопросамъ о порядкѣ и поводахъ опротестованія приговоровъ и рѣшеній народнаго суда, на основаніи 218 ст. мѣстнаго Положенія. Представители новаго прокурорскаго надзора должны вспомянуть добромъ своихъ предшественниковъ, оставившихъ имъ въ наслѣдіе въ этой сферѣ дѣятельности рядъ разработанныхъ положеній, чѣмъ создалась возможность сразу стать на твердую почву и оріентироваться въ спорныхъ вопросахъ.

Такъ, прежде всего оказался разрѣшеннымъ весьма важный вопросъ о правѣ лицъ прокурорскаго надзора приносить протесты на рѣшенія народныхъ судовъ помимо представленій уѣздныхъ начальниковъ.

218 ст. Положенія объ упр. Турк. края гласитъ, что „приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ, ему неподсуднымъ, не приводятся въ исполненіе, и о нихъ уѣздный начальникъ

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Сентябрь, стр. 103.

представляетъ прокурору. Послѣдній вноситъ протестъ"....
Исходя изъ буквальнаго толкованія текста этой статьи и желая поднять въ глазахъ туземнаго населенія престижъ уѣзднаго начальника предоставленіемъ ему исключительной иниціативы отмѣны рѣшеній народнаго суда, нѣкоторые представители мѣстной административной власти отрицали за лицами прокурорскаго надзора право приносить протесты по доходившимъ до нихъ жалобамъ частныхъ лицъ [1]). Въ пользу этого взгляда склонился и Семирѣченскій областной судъ въ опредѣленіи своемъ, постановленномъ по протесту областнаго прокурора на приговоръ народнаго суда по дѣлу киргиза Бекбалы Макина. Разсмотрѣвъ это опредѣленіе по частному протесту прокурора, Правительствующій Сенатъ, въ указѣ Вѣрненскому окружному суду отъ 30 іюня 1899 года, разъяснилъ, что изъ смысла 218 ст. Пол. объ упр. Турк. края нельзя вывести того заключенія, чтобы законодатель имѣлъ намѣреніе ограничить право прокурора опротестовывать неправильные приговоры народнаго суда, постановленные съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства или власти, лишь тѣми случаями, которые сдѣлаются ему извѣстными по представленію уѣзднаго начальства; принятіе этого послѣдняго положенія привело бы къ тому послѣдствію, что многіе подобные приговоры народнаго суда получили бы силу судебнаго рѣшенія въ виду того, что уѣздный начальникъ, какъ органъ административный, по своей недостаточной опытности въ дѣлахъ судебныхъ, не всегда былъ бы въ состояніи обнаруживать болѣе сложные случаи нарушенія народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти его, между тѣмъ какъ предоставленіе областному прокурору права опротестовывать приговоры народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти, независимо отъ того, какимъ путемъ прокурору сдѣлалась извѣстною неправильность приговора, вслѣдствіе ли представленія уѣзднаго начальника или жалобы участвую-

---

[1]) Во внесенномъ Военнымъ Министерствомъ въ Государственный Совѣтъ въ 1901 году проектѣ измѣненія статей Положенія объ упр. Турк. края, касающихся народнаго суда, предполагалось прямо ограничить въ этомъ отношеніи права прокурорскаго надзора.

щихъ въ дѣлѣ лицъ, вполнѣ согласно съ цѣлями правосудія, которое не можетъ допустить, чтобы неправильные приговоры вступали въ силу судебнаго рѣшенія; и что такое пониманіе правъ областнаго прокурора находитъ себѣ подтвержденіе и въ правилахъ, установленныхъ 73 ст. учр. суд. мѣстъ прежняго устройства (2 ч. XVI т. Св. зак. изд. 1892 г.); на основаніи пунктовъ 14 и 17 сей статьи къ обязанностямъ областнаго прокурора относится „наблюденіе, чтобы суды не присвояли себѣ не принадлежащей власти и не входили въ дѣла, стоящія внѣ ихъ подсудности", а также „отвращеніе явныхъ по суду утѣсненій, самоуправства и злоупотребленій". Такое наблюденіе прокурора, безъ сомнѣнія, не можетъ быть стѣсняемо формальными условіями въ родѣ того, которое возбудило разномысліе по настоящему дѣлу. Въ виду изложеннаго Правительствующій Сенатъ призналъ за прокурорскимъ надзоромъ право принесенія протестовъ по 218 ст. мѣстнаго Положенія, помимо представленій уѣздныхъ начальниковъ, по жалобамъ частныхъ лицъ.

Къ этимъ соображеніямъ Сената слѣдуетъ добавить, что осуществляя въ формѣ протестовъ одну изъ своихъ существеннѣйшихъ обязанностей наблюденія за охраненіемъ законовъ, прокурорскій надзоръ по самому характеру этой обязанности можетъ быть стѣсненъ въ правѣ принесенія протеста родомъ дѣлъ, приговоровъ и опредѣленій судебныхъ мѣстъ, сроками, свойствомъ нарушеній и т. п., но никоимъ образомъ не такими случайными и внѣшними обстоятельствами, какъ тотъ путь, черезъ посредство котораго до свѣдѣнія прокурорскаго надзора дошло нарушеніе, подлежащее протесту. Поставленіе въ этомъ отношеніи лицъ прокурорскаго надзора въ зависимость отъ усмотрѣнія чиновъ полиціи, обязанныхъ въ своей дѣятельности по судебнымъ дѣламъ руководствоваться указаніями прокурорскаго надзора, не только не соотвѣтствовало бы ихъ взаимнымъ отношеніямъ, но и прямо противорѣчило бы самому понятію права прокуратуры на принесеніе протестовъ. Можно вовсе лишить прокурорскій надзоръ права опротестованія приговоровъ и рѣшеній народнаго суда, освободивъ его такимъ образомъ

отъ обязанности наблюденія за закономѣрностью дѣятельности этого суда, и взамѣнъ сего предоставить уѣзднымъ начальникамъ входить непосредственно въ окружные суды съ ходатайствами объ отмѣнѣ неправильныхъ рѣшеній, но нельзя ограничивать право протеста тѣмъ или инымъ способомъ освѣдомленія о незаконности рѣшенія.

Поэтому мы идемъ дальше вышеуказаннаго разъясненія Сената и полагаемъ, что лица прокурорскаго надзора могутъ приносить протесты не только по представленіямъ уѣздныхъ начальниковъ и жалобамъ участвовавшихъ въ дѣлѣ лицъ, но и во всѣхъ рѣшительно случаяхъ, когда освѣдомятся изъ какихъ бы то ни было источниковъ о нарушеніи народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти, хотя бы черезъ посредство анонимнаго доноса, при разсмотрѣніи другаго дѣла, при посѣщеніи тюрьмы и т. п.

На практикѣ въ такомъ объемѣ и осуществляется надзоръ прокуратуры за законностью дѣйствій народнаго суда, и окружные суды при разсмотрѣніи протестовъ по дѣламъ этого рода не входятъ вовсе, да и не имѣютъ права входить, въ обсужденіе вопроса о томъ, какимъ путемъ прокурорскій надзоръ былъ освѣдомленъ о незаконности рѣшенія народнаго суда.

Наконецъ, если бы и было введено въ законъ ограниченіе правъ прокурорскаго назора на принесеніе протестовъ представленіями уѣздныхъ начальниковъ, то такое ограниченіе на практикѣ осталось бы мертвою буквою и свелось къ соблюденію никому ненужной формальности, которая только осложнила бы переписку, ибо прокуроръ, получивъ иными путями свѣдѣнія о незаконномъ рѣшеніи народнаго суда, всегда можетъ предложить уѣздному начальнику представить ему копію этого рѣшенія для опротестованія, а уѣздный начальникъ подъ угрозою отвѣтственности обязанъ исполнить такое законное требованіе, хотя бы по существу и не сходился во взглядахъ съ прокуроромъ. Престижъ же уѣзднаго начальника среди туземнаго населенія можно и должно поддерживать другими болѣе дѣйствительными средствами, а не стѣсненіемъ необходимаго въ интересахъ государства и част-

ныхъ лицъ надзора прокуратуры за закономѣрностью рѣшеній народнаго суда.

Признавая, такимъ образомъ, полную самостоятельность прокурорскаго надзора въ примѣненіи своего права принесенія протестовъ по 218 ст. мѣстнаго Положенія, мы должны оговориться, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ протесты вносятся въ окружные суды на основаніи представленій уѣздныхъ начальниковъ и участковыхъ приставовъ, такъ какъ даже и тогда, когда жалобщики прилагаютъ къ своимъ прошеніямъ засвидѣтельствованныя копіи рѣшеній, представляется часто необходимымъ провѣрить приводимые ими поводы къ протесту, и провѣрка эта производится путемъ собранія надлежащихъ свѣдѣній черезъ уѣздныхъ начальниковъ.

Въ виду категорическаго указанія 228 ст. Положенія объ упр. Турк. края, что приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, „не приводятся въ исполненіе, и о нихъ уѣздный начальникъ представляетъ прокурору",—одновременно съ такимъ представленіемъ уѣздный начальникъ долженъ пріостановить исполненіе, а прокуроръ, если не найдетъ почему-либо основаній къ внесенію въ окружный судъ протеста, обязанъ поставить объ этомъ въ извѣстность уѣзднаго начальника и сообщить ему, что представленное рѣшеніе должно быть обращено къ исполненію. Конечно, подача частными лицами жалобъ на нарушеніе народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства и власти сама по себѣ не можетъ влечь пріостановленіе исполненія приговора или рѣшенія, но разъ только прокуроръ, усматривая подходящее подъ 218 статью нарушеніе, признаетъ необходимымъ внести протестъ, то въ силу прямаго велѣнія этой статьи обязанъ пріостановить исполненіе опротестованнаго приговора или рѣшенія. Поэтому для устраненія возможныхъ недоразумѣній въ нашей практикѣ было установлено, что прокурорскій надзоръ одновременно съ внесеніемъ протеста въ порядкѣ 218 ст. Положенія, по представленіямъ ли уѣздныхъ начальниковъ, по жалобамъ ли частныхъ лицъ, или по другимъ основаніямъ, безразлично, увѣ-

домляетъ о семъ подлежащаго уѣзднаго начальника съ указаніемъ, что исполненіе по опротестованному рѣшенію или приговору должно быть пріостановлено.

Поводами къ отмѣнѣ приговоровъ и рѣшеній народнаго суда (безъ различія окончательныхъ или неокончательныхъ), какъ нами уже неоднократно указывалось, являются: 1) нарушеніе подсудности и 2) превышеніе власти.

Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ, въ какомъ смыслѣ понимать эти термины. Остановимся на первомъ.

Распредѣленіе судебной власти между судебными мѣстами образуетъ компетенцію или вѣдомство ихъ, а отношеніе между дѣлами и судомъ, въ силу котораго опредѣленныя дѣла подлежатъ вѣдомству опредѣленнаго судебнаго мѣста, составляетъ подвѣдомственность или подсудность дѣла (Фойницкій, Курсъ уголовнаго судопроизводства, ч. II изд. 1897 г. стр. 91). Въ частности подсудность дѣла извѣстному уголовному суду обусловливается: 1) свойствомъ преступныхъ посягательствъ, опредѣляющихъ предметную подсудность, и 2) совокупностью тѣхъ правилъ, которыми опредѣляется подсудность дѣлъ мѣстному суду. Только черезъ выясненіе по каждому дѣлу предметной и мѣстной подсудности можно установить, который изъ многочисленныхъ судовъ стоитъ къ данному дѣлу въ такихъ законныхъ отношеніяхъ, которыя уполномочиваютъ судъ на принятіе и разрѣшеніе даннаго дѣла (Случевскій, Учебникъ русскаго уголовнаго судопроизводства изд. 1895 г. стр. 313).

Какую же подсудность подразумѣваетъ 218 ст. Полож. объ упр. Турк. края?

Въ виду мнѣнія нѣкоторыхъ мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, что здѣсь говорится лишь о предметной подсудности, и только нарушеніе народнымъ судомъ предѣловъ вѣдомства его можетъ быть опротестовано въ порядкѣ 218 ст. Положенія, мы считаемъ необходимымъ изложить соображенія, по которымъ признаемъ такое узкое толкованіе этой статьи не соотвѣтствующимъ ни буквѣ, ни духу закона.

Установленный въ интересахъ публичныхъ, институтъ подсудности, какъ предметной, такъ и мѣстной, обязателенъ

для суда. Вся разница лишь въ томъ, что нарушеніе судомъ предѣловъ вѣдомства всегда влечетъ за собой недѣйствительность приговора или рѣшенія, которое въ этомъ случаѣ никогда не входитъ въ силу законнаго судебнаго рѣшенія (разъясненія общ. собр. 1881 г. № 64, 1880 г. № 7, угол. касс. деп. 1871 г. № 268 и друг.); нарушеніе же мѣстной подсудности имѣетъ условное значеніе, такъ, напр., по гражданскимъ дѣламъ только тогда влечетъ за собой отмѣну рѣшенія, когда сторонами своевременно былъ заявленъ отводъ. Но и въ первомъ, и во второмъ случаѣ (при своевременномъ отводѣ) судъ не только въ правѣ, но и обязанъ уклониться отъ разрѣшенія дѣлъ, ему неподсудныхъ, подъ угрозой кассаціи его рѣшенія съ возстановленіемъ надлежащей подсудности. Кромѣ того, если бы законодатель имѣлъ въ виду предоставить окружнымъ судамъ отмѣну только тѣхъ рѣшеній народнаго суда, которыя постановлены съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдоства сего суда, указанныхъ въ статьяхъ 141, 142, 143 и 211 мѣстнаго Положенія, то это было бы подчеркнуто указаніемъ именно на нарушеніе предѣловъ вѣдомства; статья же 218 Положенія прямо говоритъ о разрѣшеніи народнымъ судомъ дѣлъ, ему неподсудныхъ, не указывая основаній неподсудности, а, слѣдовательно, подразумѣваетъ какъ предметную, такъ и мѣстную неподсудность. И если выраженіе статей 186 и 793 уст. угол. суд. и 174 и 912 уст. гражд. судопр. „нарушеніе предѣловъ вѣдомства“ не возбуждаетъ сомнѣнія, что здѣсь предусматриваются нарушенія не только предѣловъ вѣдомства въ тѣсномъ смыслѣ, но и подсудности мѣстной, то тѣмъ болѣе такое значеніе должно быть признано за выраженіемъ „дѣла неподсудныя“.

Наконецъ, если принять ограничительное толкованіе 218 ст. Положенія, то какую же санцію будетъ имѣть 214 статья, указывающая, что подсудность уголовныхъ дѣлъ опредѣляется въ народномъ судѣ мѣстомъ совершенія преступленія, а гражданскихъ—мѣстомъ жительства отвѣтчика? Оставлять въ силѣ рѣшенія, постановленныя съ нарушеніемъ этихъ правилъ подсудности, значило бы узаконять произволъ. При

этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе, что подобное нарушеніе имѣетъ весьма серьезное практическое значеніе, и отказъ въ возстановленіи нарушенной мѣстной подсудности являлся бы нерѣдко прямымъ отказомъ въ правосудіи, такъ какъ, если нарушенія предметной подсудности не представляютъ собою остраго явленія и происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ недостаточнаго знакомства народныхъ судей съ ихъ компетенціей, то нарушенія подсудности мѣстной, т. е. принятіе народнымъ судьей къ своему разбирательству дѣла, подсуднаго по мѣсту совершенія преступленія или жительства отвѣтчика другому народному судьѣ, имѣетъ почти всегда въ своемъ основаніи сознательное злоупотребленіе — желаніе изъ корысти или дружбы разрѣшить дѣло въ пользу неправой стороны.

За трехлѣтіе 1899—1901 года прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда было опротестовано 147 приговоровъ и рѣшеній народнаго суда. Изъ нихъ за подсудностью дѣлъ русскому суду было принесено 42 протеста, за нарушеніемъ мѣстной подсудности—21 протестъ и за превышеніемъ власти—84 протеста. Всѣ эти протесты безъ исключенія были признаны окружнымъ судомъ заслуживающими уваженія, и опротестованныя рѣшенія народнаго суда были отмѣнены.

IV.

Какъ мы видѣли, подвѣдомственность дѣлъ народному суду прежде всего опредѣляется принадлежностью сторонъ къ извѣстной категоріи лицъ, называемыхъ въ Положеніи объ упр. Турк. края терминомъ „туземцы". Кого слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ терминомъ, Положеніе не указываетъ, но различаетъ осѣдлыхъ туземцевъ и кочевниковъ, далѣе, въ примѣчаніи 1-омъ къ 262 ст., говоритъ, что подъ туземцами, упоминаемыми въ сей статьѣ (т. е. имѣющими право на пріобрѣтеніе въ краѣ недвижимости), слѣдуетъ ра-

зумѣть также и евреевъ, водворившихся съ незапамятныхъ временъ въ Туркестанскомъ краѣ, и происходящее отъ нихъ потомство.

Это отсутствіе опредѣленія понятія туземца создало на практикѣ рядъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ различно.

Высказывалось и иногда строго проводилось въ рѣшеніяхъ русскихъ судебныхъ мѣстъ мнѣніе, что подъ туземцами слѣдуетъ разумѣть только 1) сартовъ, имѣющихъ казіевъ, т. е., по выраженію закона, народныхъ судей осѣдлаго населенія, рѣшающихъ дѣла на основаніи шаріата, и 2) кочевыхъ киргизовъ, разбирающихся у біевъ на основаніи обычнаго права—адата. Однако, по справкѣ съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, оказывается, что изъ осѣдлаго населенія не одни сарты имѣютъ своихъ народныхъ судей. Таковыхъ выбираютъ въ своихъ селеніяхъ и дунгане, и таджики, и узбеки. Встрѣчаются судебные раіоны казіевъ, въ предѣлы которыхъ входятъ кишлаки (селенія) различныхъ народностей. Далѣе, нельзя забывать, что Положеніе объ упр. Турк. края ни въ одной изъ своихъ статей не упоминаетъ о сартахъ или киргизахъ, а говоритъ о туземцахъ осѣдлыхъ и кочевникахъ, имѣющихъ отдѣльные народные суды (ст. 210), изъ чего слѣдуетъ заключить, что племенному различію законодательная власть не придавала никакого значенія, а основаніемъ къ разграниченію подсудности двухъ категорій народнаго суда признавала только бытовыя особенности, проистекающія изъ образа жизни туземцевъ. Наконецъ, противъ такого узкаго толкованія понятія туземца говоритъ и ratio legis. Считаясь послѣ покоренія края съ правовыми воззрѣніями покоренныхъ народностей, не признавая возможнымъ сразу производить кореннаго измѣненія ихъ юридическаго быта, законодатель не только сартамъ и киргизамъ, но всему туземному населенію, т. е. всѣмъ племенамъ, населявшимъ Туркестанъ до его занятія русскими войсками, оставилъ ихъ прежній судъ, введя въ немъ лишь нѣкоторыя частичныя улучшенія и ограничивъ его власть сообразно съ требованіями государственной политики.

Такъ разрѣшенъ этотъ принципіальный вопросъ и IV

департаментомъ Правительствующаго Сената въ его указѣ отъ 3 іюня 1891 года за № 859 по дѣлу Исхаковыхъ.

Сыръ-Дарьинскимъ областнымъ судомъ было отказано ташкентскимъ жителямъ Магометъ-Омару и Магометъ-Оману Исхаковымъ въ ходатайствѣ о выдачѣ крѣпостнаго свидѣтельства на пріобрѣтенный ими по давности владѣнія участокъ земли на томъ основаніи, что отецъ ихъ по происхожденію татаринъ, а слѣдовательно они не могутъ быть признаны туземцами Туркестана. Признавая необходимымъ для правильнаго разрѣшенія этого дѣла выяснить вопросъ о томъ, какія народности и племена входятъ въ составъ туземнаго населенія, Сенатъ потребовалъ по сему вопросу заключенія отъ Военнаго Министра. Послѣдній въ рапортѣ отъ 31 марта 1891 года за № 14237 донесъ, что въ составъ туземнаго населенія въ Туркестанѣ входятъ: сарты, таджики, узбеки, каракалпаки, кипчаки, туркмены, киргизы, кураминцы, татары, таранчи, дунгане, монголо-китайцы, калмыки, индѣйцы, персіане, евреи, арабы, авганцы и цыгане, и что въ частности подъ понятіе туземцевъ изъ мѣстныхъ татаръ подходятъ лишь тѣ, которые водворились въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, равно какъ происходящее отъ нихъ потомство. Татары же, поселившіеся въ краѣ въ позднѣйшее время, т. е. по завоеваніи его русскими, туземцами признаны быть не могутъ. Согласившись съ этимъ заключеніемъ и принявъ во вниманіе, что по разъясненію Государственнаго Совѣта въ Высочайше утвержденномъ 23 мая 1889 года мнѣніи (Собр. уз. № 76 ст. 666) подъ туземцами, упомянутыми въ 262 ст. Полож. объ упр. Турк. кр., слѣдуетъ разумѣть также и евреевъ, водворившихся въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, и ихъ потомство, Правительствующій Сенатъ призналъ, что по мысли законодателя всѣ мѣстныя народности Туркестанскаго края, исчисленныя въ заключеніи Военнаго Министра и проживавшія тамъ съ незапамятныхъ временъ до присоединенія этого края къ россійскому государству, признаются туземцами названной окраины Имперіи.

Впрочемъ къ руководству мѣстнымъ административнымъ властямъ было дано и болѣе широкое, но едва ли правиль-

ное, толкованіе понятія туземца. Въ 1887 году Туркестанскій генералъ-губернаторъ возбудилъ ходатайство о дополненіи въ законодательномъ порядкѣ мѣстнаго Положенія указаніемъ, на основаніи котораго всѣ брачныя и семейныя дѣла татаръ Туркестанскаго края подлежали бы вѣдѣнію народнаго суда осѣдлаго населенія [1]). Въ отвѣтъ на это ходатайство Главный штабъ въ отзывѣ отъ 18 мая 1888 года за № 25922 разъяснилъ, что „Туркестанское Положеніе не дѣлаетъ различія между аборигенами края и пришлымъ неевропейскимъ элементомъ и подразумѣваетъ подъ выраженіемъ „туземцы" не только коренныхъ жителей края, но и всѣхъ инородцевъ мусульманъ, проживающихъ въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, не исключая даже хивинцевъ, бухарцевъ и дунганъ, переселившихся въ его предѣлы и принявшихъ русское подданство по занятіи этого края русскими войсками. Съ другой же стороны семейныя и бракоразводныя дѣла магометанъ по мусульманскому кодексу принадлежатъ къ дѣламъ гражданскимъ, разрѣшаемымъ по шаріату матеріальнымъ вознагражденіемъ потерпѣвшихъ. Гражданскія же дѣла между туземцами, на основаніи 209 ст. Положенія 1886 г., въ свою очередь подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда". Въ виду этихъ соображеній, раздѣленныхъ также Министерствами Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, было признано излишнимъ вносить вопросъ о подсудности семейныхъ и брачныхъ дѣлъ татаръ народному суду на разсмотрѣніе законодательной власти.

Не касаясь существа возбужденнаго генералъ-губернаторомъ ходатайства, на нашъ взглядъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшаемаго дѣйствующими узаконеніями въ пользу подсудности этихъ дѣлъ народному суду, но лишь при условіи принадлежности сторонъ къ числу татаръ-туземцевъ, поселившихся въ Туркестанѣ до его покоренія, мы полагаемъ, что такое широкое толкованіе Главнымъ штабомъ термина

---

[1]) Представленіе это шло въ разрѣзъ съ проводимымъ ранѣе началомъ ограниченія власти народнаго суда въ брачныхъ и семейныхъ дѣлахъ всѣхъ туземцевъ (§ 203 и 235 прежняго проекта Положенія).

„туземцы“, объемлющее всѣхъ инородцевъ-мусульманъ, проживающихъ постоянно въ краѣ, хотя и переселившихся туда послѣ его завоеванія, представляется неправильнымъ.

Оставляя народный судъ туземному населенію, проживавшему въ Туркестанѣ въ моментъ его покоренія, законодатель, разумѣется, былъ далекъ отъ мысли подчинять этому несовершенному суду другихъ своихъ подданныхъ, пользующихся общими правами состоянія и, слѣдовательно, подлежащихъ суду по Судебнымъ уставамъ и общимъ уголовнымъ или гражданскимъ законамъ имперіи. Совершенно непонятно, почему татаринъ Казанской губерніи, ведущій въ Туркестанѣ торговлю и потому постоянно проживающій тамъ, становится вслѣдствіе этого туземцемъ, подсуднымъ народному суду. То обстоятельство, что онъ мусульманинъ по религіи, не можетъ имѣть въ этомъ вопросѣ никакого значенія, такъ какъ Положеніе объ упр. Турк. края не вводитъ этого признака въ понятіе туземца и не исключаетъ изъ числа послѣднихъ лицъ немусульманскаго происхожденія, какъ, напр., евреевъ, цыганъ. Неправильно и утвержденіе, что семейныя и брачныя дѣла магометанъ, какъ гражданскія, всегда подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда. Они подлежатъ ему, но только при условіи принадлежности истца и отвѣтчика къ народностямъ, имѣющимъ одинъ и тотъ же народный судъ, т. е. если оба они кочевники или осѣдлые; въ противномъ случаѣ, а также если отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскаго поселенія, брачныя и семейныя, какъ и всѣ другія гражданскія дѣла, хотя бы и мусульманъ, подлежатъ вѣдѣнію русскаго суда.

Противъ принятаго нами толкованія понятія туземца, намъ приходилось слышать возраженія, что такимъ образомъ мусульманскому суду по шаріату подчинены и туземцы другихъ вѣроисповѣданій, напр., индусы, евреи. Да, подчинены, какъ они были подчинены этому суду до покоренія края русскими. Никакой перемѣны въ этомъ отношеніи въ жизнь этихъ туземцевъ наше законодательство не внесло, ибо не сдѣлало въ указанномъ смыслѣ никакой оговорки; а безъ этой оговорки мы не имѣемъ права распространять на нихъ

привилегію судиться по всѣмъ своимъ дѣламъ въ русскомъ судѣ. Не слѣдуетъ забывать, что они равноправны съ остальными туземцами,—на ряду съ ними участвуютъ въ выборахъ пятидесятниковъ, должностныхъ лицъ туземной администраціи и народныхъ судей, платятъ одинаковые налоги, такъ же освобождены отъ воинской повинности, пользуются тѣми же льготами по пріобрѣтенію земель и по своимъ правовымъ воззрѣніямъ близко подходятъ къ тѣмъ мусульманамъ, среди которыхъ живутъ уже цѣлые вѣка. Затѣмъ мы не видимъ основанія, почему народный судъ долженъ непремѣнно отождествляться съ судомъ мусульманскимъ. Положеніе объ упр. Турк. края, игнорируя шаріатъ, предписываетъ народному суду руководствоваться существующими въ населеніи обычаями и вовсе не содержитъ въ себѣ запрета избирать въ народные судьи кромѣ мусульманъ и лицъ другаго вѣроисповѣданія. Въ дѣйствительности народные судьи всегда избираются изъ мусульманъ, такъ какъ послѣдніе въ каждомъ избирательномъ собраніи представляютъ собою подавляющее большинство, но отвлеченно можно представить себѣ случай, когда въ извѣстной общинѣ окажется, напр., больше избирателей изъ евреевъ, и въ народные судьи будетъ избранъ еврей. Ничего противозаконнаго въ такихъ выборахъ не будетъ. Противники наши, желающіе изъятія туземцевъ не мусульманскаго вѣроисповѣданія изъ вѣдѣнія народнаго суда, забываютъ, что привилегія судиться въ русскомъ судѣ въ сущности privilegia odiosa, такъ какъ рядомъ съ усовершенствованными процессуальными формами къ туземцу, судящемуся въ русскомъ судѣ, примѣняются и болѣе строгія карательныя нормы уложенія о наказаніяхъ. Забываютъ они также и 213 ст. мѣстнаго Положенія, въ силу которой всѣ подданные сосѣднихъ ханствъ, а слѣдовательно и бухарскіе евреи, судятся по правиламъ о подсудности осѣдлыхъ туземцевъ, и только въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ осѣдлаго населенія, подчиняются вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ мы приходимъ къ заключенію, что въ смыслѣ подсудности народному суду туземцами слѣдуетъ признавать всѣ племена, населявшія

Туркестанскій край до его присоединенія къ Россіи, безъ различія вѣроисповѣданія.

Народностей Положеніе объ упр. Турк. края знаетъ только двѣ, соотвѣтственно ихъ образу жизни, а именно: осѣдлыхъ туземцевъ и кочевниковъ. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои самостоятельные суды, въ которыхъ и разбирается только по дѣламъ между собою. Дѣла же, уголовныя и гражданскія, между кочевниками и осѣдлыми туземцами подлежатъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, такъ же, какъ и дѣла между туземцами, съ одной стороны, и нетуземнымъ населеніемъ края—съ другой.

Эти основныя правила подсудности хорошо усвоены народными судьями, и протесты прокурорскаго надзора на нарушенія личной подсудности сравнительно рѣдки, хотя и случается, что казіи принимаютъ къ своему разбирательству жалобы осѣдлыхъ сартовъ на кочевниковъ-киргизовъ и при отсутствіи возраженій со стороны послѣднихъ, по незнанію закона, присуждаютъ ихъ къ строгимъ наказаніямъ. Въ нашей практикѣ наблюдались слѣдующіе случаи нарушенія личной подсудности: 1) по гражданскимъ дѣламъ, гдѣ истцами выступали бухарскіе евреи, а отвѣтчиками киргизы; 2) по дѣламъ о кражахъ, совершенныхъ киргизами у сартовъ, у татаръ; 3) по дѣламъ о кражахъ, совершенныхъ соучастниками сартами и киргизами, и 4) былъ случай присужденія народнымъ судьей киргиза за кражу лошади у русскаго крестьянина.

Неподсудность народному суду дѣлъ о преступленіяхъ, совершенныхъ при соучастіи осѣдлыхъ туземцевъ съ кочевниками, основывается на томъ соображеніи, что 142 ст. мѣстнаго Положенія изъемлетъ изъ разбирательства народнаго суда „дѣла по преступленіямъ и проступкамъ между туземцами различныхъ народностей". Отсюда явствуетъ, что тѣ изъ соучастниковъ преступленія, которые принадлежатъ къ разнымъ народностямъ съ потерпѣвшимъ, подсудны русскому суду, а въ силу 207 ст. уст. угол. суд. этому же суду подсудны и ихъ соучастники одной народности съ потерпѣвшимъ.

Болѣе трудными представляются для разрѣшенія тѣ случаи, когда преступленіе совершено между туземцами одной народности, напр., сартомъ похищены лошади со двора сарта же, но потерпѣвшимъ—хозяиномъ лошадей—оказывается киргизъ. Такія дѣла народные судьи принимаютъ къ своему разсмотрѣнію и, конечно, рѣшаютъ ихъ въ пользу своихъ единоплеменниковъ. Всѣ подобные приговоры, доходившіе до прокурорскаго надзора Ташкентскаго окружнаго суда, опротестовывались и отмѣнялись на томъ основаніи, что мѣсту совершенія преступленія придается значеніе лишь при опредѣленіи мѣстной подсудности, но не предметной, которая не опредѣляется также и намѣреніемъ совершить преступленіе противъ опредѣленнаго лица, ибо, съ одной стороны, это намѣреніе зачастую не можетъ быть установлено, а съ другой—error in objecto не измѣняетъ состава преступленія, въ существенные признаки котораго не входитъ опредѣленный объектъ. Важно для насъ лишь одно,—что жалобщикомъ, а слѣдовательно—стороною въ дѣлѣ, является лицо разной народности съ обвиняемымъ.

Высочайше утвержденнымъ 2 іюня 1898 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта изъ вѣдѣнія народнаго суда Туркестанскаго края изъяты всѣ преступленія должностныхъ лицъ изъ туземцевъ (п. 2 ст. III этого закона). Правило это еще недостаточно усвоено народными судьями, которые нерѣдко разсматриваютъ дѣла не только объ общихъ преступленіяхъ должностныхъ лицъ, но и о преступленіяхъ по службѣ. Такъ, напр., въ одномъ случаѣ съѣздъ народныхъ судей по жалобѣ волостнаго управителя присудилъ волостнаго писаря за растрату переданныхъ ему для сдачи въ казначейство податныхъ денегъ къ тюрьмѣ на 12 мѣсяцевъ; въ другомъ—народный судья оштрафовалъ аульнаго старшину на 7 рублей за нерадѣніе въ отправленіи должности, выразившееся въ недоставленіи отвѣтчика къ разбирательству дѣла. Былъ случай присужденія народнымъ судьей и съѣздомъ сельскаго старшины и его соучастниковъ за кражу къ тюремному заключенію на 7 мѣсяцевъ каждаго. О томъ, что одинъ изъ осужденныхъ сельскій старшина, въ приговорѣ упомянуто не было,

и только по обращеніи его къ исполненію участковый товарищъ прокурора при посѣщеніи тюрьмы изъ разспроса заключеннаго узналъ, что во время совершенія приписываемаго ему преступленія онъ занималъ должность старшины. Исполненіе приговора было пріостановлено, по протесту прокурорскаго надзора онъ былъ отмѣненъ судомъ, и дѣло передано слѣдователю для производства предварительнаго слѣдствія. Закончилось это дѣло оправданіемъ всѣхъ обвиняемыхъ, такъ какъ на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что ни у народнаго судьи, ни въ съѣздѣ они не сознавались, что кража была совершена неизвѣстными людьми, а обвиненіе взведено на старшину и его родственниковъ изъ партійной вражды и изъ соображеній корыстнаго характера,—съ него, какъ съ человѣка состоятельнаго, можно было взыскать убытки, причиненные кражей, и расходы по веденію дѣла, которыхъ, очевидно, было не мало.

Помимо злоупотребленій и незнанія народными судьями новаго закона, правильное примѣненіе его затрудняется еще и казуистичностью самаго понятія должностнаго лица изъ туземцевъ. Если безспорно, что къ этой категоріи должно отнести всѣхъ должностныхъ лицъ туземной администраціи и суда, выбираемыхъ населеніемъ изъ своей среды или назначаемыхъ уполномоченною на то властью, а именно: народныхъ судей, волостныхъ управителей, писарей ихъ, городскихъ, сельскихъ и аульныхъ старшинъ и ихъ помощниковъ, низшихъ полицейскихъ служителей, завѣдывающихъ оросительными сооруженіями арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ, то, съ другой стороны, могутъ ли быть отнесены къ числу должностныхъ лицъ городскіе и волостные выборные (пятидесятники), кандидаты къ должностнымъ лицамъ, писаря сельскихъ и аульныхъ старшинъ, переводчики и служители разныхъ правительственныхъ установленій, торговые депутаты, члены разныхъ благотворительныхъ учрежденій, почетные блюстители туземныхъ школъ, ночные сторожа и т. п.?

Мы полагаемъ, что едва ли законъ 2 іюня 1898 года имѣлъ въ виду изъять изъ вѣдѣнія народнаго суда столь обширную категорію лицъ. По нашему разумѣнію, цѣлью

этого закона было прежде всего поставить должностныхъ лицъ туземной администраціи и суда, какъ облеченныхъ правительственною властью, въ одинаковыя условія отвѣтственности передъ закономъ съ другими должностными лицами и тѣмъ самымъ гарантировать ихъ добропорядочность и вселить въ нихъ, а черезъ ихъ посредство и въ остальномъ населеніи, уваженіе къ законамъ имперіи. Кромѣ того волостной управитель, арыкъ-аксакалъ, народный судья и старшина всегда пользуются въ своей средѣ огромнымъ вліяніемъ и могутъ оказывать давленіе, какъ на причастныхъ къ ихъ дѣлу лицъ, такъ и на судящаго ихъ народнаго судью. Подчиненіе же ихъ вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ обезпечиваетъ спокойное и безпристрастное разсмотрѣніе этой категоріи дѣлъ и ставитъ выясненіе ихъ преступной и порочной дѣятельности внѣ зависимости отъ воли частныхъ лицъ, могущихъ въ народномъ судѣ каждое дѣло окончить примиреніемъ.

Всѣ эти соображенія, если не отсутствуютъ вовсе, то въ значительной мѣрѣ ослабляются по отношенію къ туземцамъ, состоящимъ въ какихъ-либо должностяхъ и званіяхъ, не соединенныхъ съ оказаніемъ имъ особаго довѣрія или съ врученіемъ власти по отношенію мѣстнаго населенія. Однако нельзя не считаться съ буквой закона. Она говоритъ не о должностныхъ лицахъ туземной администраціи и суда, а вообще о должностныхъ лицахъ изъ туземцевъ. Поэтому мы полагаемъ, что сюда должны быть отнесены всѣ туземцы, занимающіе установленныя въ законномъ порядкѣ государственныя или общественныя должности, хотя бы и низшихъ служителей, и безразлично къ тому, состоятъ ли они на государственной службѣ или отправляютъ свою должность по вольному найму, и будетъ ли эта должность штатною или нѣтъ. Но къ категоріи должностныхъ лицъ нельзя относить ни кандидатовъ послѣднихъ, доколѣ они не вступили въ исполненіе служебныхъ обязанностей лицъ, кандидатами которыхъ состоятъ, ни выборныхъ избирателей—пятидесятниковъ, ни торговыхъ депутатовъ, ни, тѣмъ болѣе, туземцевъ, пользующихся какими-либо почетными званіями или состоящихъ чле-

нами общественныхъ благотворительныхъ учрежденій. Всѣ эти лица при извѣстныхъ условіяхъ и въ опредѣленные моменты осуществляютъ нѣкоторыя правительственныя функціи и, совершивъ въ это время преступленіе, будутъ подлежать отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, но въ обыденной жизни являются частными людьми, и къ изъятію ихъ изъ вѣдѣнія народнаго суда въ силу закона 2 іюня 1898 года не представляется достаточныхъ основаній.

Въ нашей практикѣ возникли и были разрѣшены отрицательно вопросы о подсудности русскому суду дѣлъ: 1) о кражѣ, совершенной писаремъ аульнаго старшины, и 2) о побояхъ, нанесенныхъ ночнымъ сторожемъ. Обвинительные приговоры по этимъ дѣламъ были представлены уѣздными начальниками къ отмѣнѣ въ порядкѣ 218 ст. Пол. объ упр. Турк. края на томъ основаніи, что осужденные являются должностными лицами, неподсудными народному суду. По первому дѣлу отказъ въ опротестованіи былъ основанъ на томъ соображеніи, что хотя по разъясненіямъ Угол. кассац. департамента Сената (1874 г. № 280, 1880 г. № 40 и друг.) письмоводители становыхъ приставовъ и другіе служащіе по вольному найму являются должностными лицами, но для признанія ихъ въ качествѣ таковыхъ необходимъ одинъ весьма существенный признакъ, который хотя и не выраженъ прямо въ рѣшеніяхъ Сената, но имѣется на лицо во всѣхъ случаяхъ признанія имъ вольнонаемныхъ канцелярскихъ служителей должностными лицами: необходимо, чтобы они исполняли обязанности должностнаго характера по порученію такихъ лицъ, которыя уполномочены на то закономъ, ибо назначеніе на должность или порученіе должностныхъ обязанностей властью, не управомоченною на такое дѣйствіе, представляется равносильнымъ назначенію кого-либо на должность частнымъ лицомъ. Съ этой точки зрѣнія аульный старшина, не имѣющій штатной канцеляріи и не получающій канцелярскихъ суммъ, не имѣетъ права нанимать письмоводителей; порученіе имъ кому-либо письмоводства является частнымъ соглашеніемъ, лишеннымъ всякаго значенія для признанія такого письмоводителя должностнымъ лицомъ. Иное

толкованіе привело бы къ такому абсурду, что пришлось бы признавать должностными лицами не только различныхъ частныхъ секретарей, но и всѣхъ тѣхъ, кого заблагоразсудится любому писцу пригласить для помощи въ канцелярской работѣ.

На томъ же основаніи не могутъ быть признаны должностными лицами и ночные сторожа, нанимаемые не только частными лицами, но и городскими или сельскими обществами для охраны спокойствія и безопасности въ городахъ и селеніяхъ. Хотя оскорбленіе сторожей второй категоріи въ силу спеціальнаго велѣнія закона (ст. 31 уст. о нак. и рѣшенія Угол. кассац. департамента 1870 г. № 797, 1871 г. № 300 и друг.) и приравнивается къ оскорбленію низшихъ должностныхъ лицъ, но отсюда еще далеко до вывода, что поэтому они являются должностными лицами, а тѣмъ болѣе въ смыслѣ изъятія всѣхъ совершаемыхъ ими преступленій изъ вѣдѣнія народнаго суда.

Какъ мы уже упоминали, на основаніи 213 ст. Положенія объ упр. Турк. края кромѣ туземцевъ народному суду осѣдлаго населенія подсудны и пребывающіе въ предѣлахъ края подданные сосѣднихъ ханствъ. Правило это на практикѣ не возбуждало какихъ-либо вопросовъ. Характерно оно признаніемъ отсутствія въ сосѣднихъ ханствахъ кочевниковъ, иначе непонятно, почему послѣдніе должны судиться судомъ осѣдлаго, а не кочеваго населенія. Въ силу этой статьи подвѣдомственны народному суду и бухарскіе евреи, со стороны которыхъ замѣчается стремленіе избѣгнуть этой юрисдикціи, чего они и достигаютъ по гражданскимъ дѣламъ весьма успѣшно, заключая всѣ сдѣлки посредствомъ векселей и другихъ актовъ, засвидѣтельствованныхъ нотаріусами, вслѣдствіе чего всѣ возникающія изъ такихъ сдѣлокъ споры на основаніи 2 п. 211 ст. положенія подсудны русскому суду.

Редакціи статей положенія—143, опредѣляющей гражданскую подсудность общеимперскихъ судебныхъ установленій, и 211, устанавливающей подсудность народнаго суда, какъ мы уже упоминали, не были согласованы между собою. Первая указываетъ, что мировыми судьями и областными су-

дами вѣдаются „дѣла по искамъ, совершеннымъ при участіи русскихъ властей“, а вторая гласитъ, что вѣдѣнію народнаго суда подлежатъ „всѣ дѣла гражданскія, . . . если дѣла сіи не основаны на документахъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей“. Такимъ образомъ, по буквѣ закона оказывалось, что между туземцами одной народности гражданскія дѣла, основанныя на актахъ, засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей, не подсудны ни русскому, ни туземному суду. Конечно, въ такомъ положеніи лишенныхъ пристанища пасынковъ правосудія эти дѣла не оставались. Признавая, что 211 статья является какъ бы дополненіемъ 143 и не исключаетъ, а лишь развиваетъ и подробнѣе указываетъ принципы разграниченія подсудности общихъ судебныхъ установленій и народнаго суда, мѣстные суды придавали 211 статьѣ доминирующее значеніе и принимали къ своему разсмотрѣнію гражданскія дѣла, основанныя на документахъ, не только совершенныхъ, но и засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей. Временными правилами 2 іюня 1898 г. это разнорѣчіе устранено,—ст. 26 этихъ правилъ просто указываетъ, что вѣдѣнію мировыхъ судебныхъ установленій не подлежатъ дѣла между туземцами, отнесенныя къ вѣдомству ихъ собственныхъ судовъ.

Въ народномъ судѣ нарушеніе 2 п. 211 ст. Положенія представляется рѣдкимъ явленіемъ, главнымъ образомъ, потому, что стороны закрѣпляютъ свои договорныя отношенія документомъ, совершеннымъ или засвидѣтельствованнымъ при участіи русскихъ властей, именно съ тою цѣлью, чтобы въ случаяхъ спора разбираться въ русскомъ судѣ, а потому и обращаются прямо въ русскій, а не народный судъ. Впрочемъ, не такъ давно въ самомъ г. Ташкентѣ имѣло мѣсто довольно грубое нарушеніе 211 статьи. Нѣкій сартъ Салихджановъ предъявилъ у одного изъ народныхъ судей г. Ташкента искъ къ сарту же Ахметову о возвратѣ переданныхъ послѣднему якобы на храненіе векселей на 4000 рублей. Векселя эти были выданы Салихджанову русскимъ купцомъ Анцыферовымъ. На судоговореніи Ахметовъ возражалъ, что

векселя перешли къ нему по бланковой надписи Салихджанова. Затѣмъ сторонами были указаны свидѣтели, и предъявлены народному судьѣ, какъ доказательства правильности исковыхъ требованій и возраженій, различные нотаріальные документы. Допросивъ свидѣтелей истца. удостовѣрившихъ передачу векселей на храненіе, и игнорируя весь остальной доказательный матеріалъ, народный судья удовлетворилъ исковыя требованія. Протестомъ по этому дѣлу былъ возбужденъ рядъ вопросовъ: 1) принципіальный—о подсудности дѣлъ о вексельныхъ обязательствахъ, 2) имѣетъ ли значеніе въ смыслѣ изъятія дѣла изъ вѣдѣнія народнаго суда то обстоятельство, что актъ, положенный въ основаніе исковыхъ требованій, былъ выданъ отъ имени русскаго купца, неподсуднаго народному суду, и 3) какое значеніе имѣютъ въ томъ же смыслѣ предъявленные въ подтвержденіе или опроверженіе иска документы, совершенные при участіи русскихъ властей. Въ виду признанія окружнымъ судомъ всѣхъ вексельныхъ дѣлъ подсудными русскому суду, по основаніямъ, которыя будутъ изложены нами ниже при обсужденіи подсудности подлоговъ векселей, два послѣднихъ вопроса не были подвергнуты детальному разсмотрѣнію. Мы же полагаемъ, что если совершеніе акта отъ имени лица, не подсуднаго народному суду, само по себѣ не изъемлетъ иска, основаннаго на такомъ актѣ изъ вѣдѣнія народнаго суда до тѣхъ поръ, пока лицо это не является стороною, то предъявленіе въ качествѣ доказательнаго матеріала документовъ, совершенныхъ или засвидѣтельствованныхъ при участіи русскихъ властей, хотя бы самый искъ непосредственно былъ основанъ на туземномъ документѣ, изъемлетъ дѣло изъ вѣдѣнія народнаго суда. Это явствуетъ изъ самаго текста 211 ст. Положенія объ управл. Турк. края, говорящей не о документѣ, на которомъ основаны исковыя требованія, а о дѣлахъ, основанныхъ на даннаго рода документахъ. Основаніемъ же дѣла является весь доказательный матеріалъ, служащій для постановленія рѣшенія. Допустить обсужденіе народнымъ судьею по правиламъ адата или шаріата силы и значенія документа, совершеннаго или засвидѣтельствованнаго при участіи русскихъ властей,

значило бы лишить этотъ документъ того обязательнаго значенія, которое онъ имѣетъ въ силу закона, и, слѣдовательно, дискредитировать въ глазахъ туземца власть, участвовавшую въ его совершеніи.

Большой камень преткновенія для народныхъ судей, да и для русскихъ юристовъ, представляетъ содержащійся въ 141 ст. Пол. объ упр. Турк. края перечень преступленій туземцевъ, подлежащихъ во всѣхъ случаяхъ вѣдѣнію общеимперскихъ судебныхъ мѣстъ.

Начинается эта статья неточнымъ выраженіемъ, что туземцы „привлекаются" (а не „подлежатъ") къ отвѣтственности на общемъ основаніи, какъ будто дѣло идетъ лишь о судопроизводственныхъ нормахъ, а не о примѣненіи къ нимъ и общихъ наказаній; въ дальнѣйшемъ изложеніи она даетъ перечень преступленій, подлежащихъ преслѣдованію въ общемъ порядкѣ; но, къ сожалѣнію, въ текстѣ ея не имѣется ссылокъ на статьи уложенія и устава о наказаніяхъ, какъ это сдѣлано въ аналогичной по содержанію 1285 ст. уст. угол. суд., которая прямо указываетъ рядомъ съ общими наименованіями преступленій, подвѣдомственныхъ русскимъ судебнымъ установленіямъ, и тѣ статьи уголовнаго кодекса, которыя предусматриваютъ эти преступленія, чѣмъ точно устанавливается подсудность и устраняются всякія недоразумѣнія.

Первые семь и девятый пункты 141 статьи, какъ обнимающіе собою цѣлые раздѣлы уложенія о наказаніяхъ, достаточно ясны, но въ остальныхъ имѣются недомолвки, порождающія рядъ спорныхъ вопросовъ [1]). Такъ, лит. в пункта 8 ст. 141 изъ ряда преступленій противъ общественнаго спокойствія и порядка признаетъ неподсуднымъ народному суду, между прочимъ, укрывательство бѣглыхъ, т. е. преступленія,

---

[1]) На ряду съ этими недомолвками имѣется и такой излишній плеоназмъ, какъ самостоятельное указаніе на изъятіе изъ вѣдѣнія народнаго суда похищенія казеннаго имущества; предусмотрѣно оно 548 ст. улож. о нак., находящейся въ VII раздѣлѣ уложенія „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны", относительно преслѣдованія которыхъ на общемъ основаніи уже упомянуто въ предшествующемъ (6) пунктѣ той же 141 статьи.

предусмотрѣнныя 958 и 974 ст. уложенія. Послѣдняя говоритъ объ укрывательствѣ бѣжавшихъ съ каторжныхъ работъ, поселенія, изъ арестантскихъ отдѣленій и другихъ мѣстъ заключенія, но отсылаетъ къ наказанію по 316 ст. уложенія, въ которой предусмотрѣно только укрывательство лицъ, присужденныхъ къ наказанію не ниже тюремнаго заключенія съ ограниченіемъ правъ.

Вслѣдствіе этого возникаетъ вопросъ, какой подсудности должно слѣдовать предусмотрѣнное 64 ст. Уст. о нак. укрывательство бѣжавшаго изъ арестнаго дома или изъ тюрьмы, если бѣжавшій былъ присужденъ къ ней безъ ограниченія въ правахъ. Преступленіе это по своему содержанію вмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки укрывательства бѣглыхъ, но помѣщено въ главѣ V устава о наказаніяхъ, трактующей о нарушеніяхъ паспортнаго устава. Послѣднія же не указаны въ перечнѣ преступленій, за которыя туземцы подлежатъ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ, хотя, казалось бы, ихъ слѣдовало изъять изъ вѣдѣнія народныхъ судей уже по одному тому, что нарушеніе обязательныхъ и для туземцевъ правилъ о видахъ на жительство является преступленіемъ совершенно непонятнымъ для народныхъ судей и не соотвѣтствующимъ характеру ихъ частно-исковаго типа процесса. Признаніе же укрывательства бѣжавшихъ изъ арестныхъ домовъ или изъ тюремъ подсуднымъ народному суду представляется еще болѣе несоотвѣтствующимъ назначенію народнаго суда—быть только рѣшителемъ своихъ домашнихъ споровъ между туземцами—и ставило бы незыблемость приговоровъ судебныхъ мѣстъ имперіи подъ охрану народныхъ судовъ, что̀, разумѣется, не могло входить въ намѣреніе составителей Туркестанскаго Положенія. Въ виду этого и находя, что помѣщеніе ст. 64 устава о наказ. въ главѣ о паспортныхъ нарушеніяхъ не измѣняетъ существа этого преступленія, мы утверждаемъ, что по существеннымъ своимъ признакамъ оно является преступленіемъ противъ общественнаго порядка, и именно тѣмъ укрывательствомъ бѣглыхъ, которое на основаніи 8 п. 141 ст. Положенія изъято изъ вѣдѣнія народнаго суда.

Въ лит. г того же 8-го пункта 141 статьи говорится о „порчѣ телеграфовъ и дорогъ". Какія статьи уложенія и устава о нак., предусматривающія нарушенія устава телеграфнаго и правилъ охраны путей сообщенія, объемлются этимъ выраженіемъ, и употреблено ли оно случайно или для того, чтобы указать, что туземцы не за всѣ нарушенія этого рода отвѣчаютъ по общимъ уголовнымъ законамъ,—сказать трудно. Подойдутъ ли сюда, напр., остановка телеграфнаго сообщенія безъ поврежденія или порчи самаго телеграфа, или нарушеніе различныхъ правилъ, установленныхъ для огражденія правильнаго судоходства (ст. 77 и слѣд. уст. о нак.)? Надо полагать, что по буквальному смыслу 141 ст. преступленія эти неподсудны русскому суду.

Изъ преступленій противъ личности туземцы отвѣчаютъ по общимъ законамъ а) за убійство, б) за нанесеніе ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть, в) изнасилованіе, и г) противозаконное задержаніе и заключеніе. Отсутствіе указаній на необходимость умышленной дѣятельности при убійствѣ толкуется въ томъ смыслѣ, что терминъ „убійство" принятъ былъ составителями положенія, какъ объемлющій и умышленное лишеніе жизни и неосторожное причиненіе смерти, вслѣдствіе чего всѣ эти преступленія туркестанскою судебною практикою признаются подсудными общимъ судебнымъ установленіямъ, хотя, строго говоря, теорія уголовнаго права не придаетъ термину „убійство" столь широкаго значенія. Указаніе въ пунктѣ б) только на раны и побои, окончившіеся смертью, по нѣкоторымъ дѣламъ давало поводъ къ возбужденію со стороны обвиняемыхъ въ причиненіи увѣчій, послѣдствіемъ коихъ была смерть, вопроса о подсудности этихъ дѣлъ народному суду. Для устраненія всякихъ сомнѣній слѣдовало бы замѣнить казуистичное выраженіе этого пункта 141 статьи болѣе широкимъ—„тѣлесныя поврежденія, послѣдствіемъ коихъ была смерть" [1]). Терминъ „изнасилова-

---

[1]) Впрочемъ и въ послѣднемъ законодательномъ актѣ, нормирующемъ дѣятельность инородческаго суда въ Забайкальской области (Временное положеніе 23 апрѣля 1901 г. ст. 49, Собр. узак. и расп. прав. 1901 г. № 50 ст. 975).

ніе“ самъ по себѣ не возбуждаетъ сомнѣній; очевидно, что онъ объемлетъ преступленія, предусмотрѣнныя 1523—1529 ст. улож. о нак. Но въ практикѣ одного изъ окружныхъ судовъ Туркестанскаго края возникъ вопросъ о подведеніи подъ этотъ пунктъ 141 статьи насильственнаго похищенія замужней женщины, предусмотрѣннаго 1580 и 1581 ст. уложенія и отсылающаго къ наказанію по 1525—1527 статьямъ. Мы полагаемъ, что для правильнаго разрѣшенія этого вопроса необходимо обратиться прежде всего къ разсмотрѣнію того обстоятельства, предусматриваетъ ли статья со ссылочной санкціей самостоятельное преступленіе или является однимъ изъ тѣхъ повтореній, которыми изобилуетъ наше уложеніе о наказаніяхъ. Съ этой точки зрѣнія предусмотрѣнное 1581 статьею насильственное похищеніе замужней женщины съ послѣдующимъ лишеніемъ чести представляетъ собою то же изнасилованіе, которое предусмотрѣно 1525—1526 ст. уложенія, и предшествующее похищеніе можетъ разсматриваться только какъ моментъ, квалифицирующій наказаніе, но не измѣняющій состава преступленія. Въ данномъ случаѣ норма—не насилуй женщины—является нарушенною одинаково, какъ и въ изнасилованіи, не соединенномъ съ похищеніемъ, и по тому же основанію, какъ и это послѣднее, должно быть признано преступленіемъ, изъятымъ изъ вѣдѣнія народнаго суда. Тотъ же пріемъ толкованія примѣнимъ и къ другимъ однороднымъ случаямъ (ст. 1580, 2 ч. 1550 и друг. улож. о нак.).

Болѣе всего споровъ на практикѣ возбудилъ послѣдній пунктъ 141 статьи, изъемлющій изъ вѣдѣнія народнаго суда „подлоги русскихъ документовъ“. Что подразумѣвать подъ русскимъ документомъ? Представляется ли это понятіе равнозначащимъ документу, совершенному или засвидѣтельствованному при участіи русскихъ властей, о которыхъ упоминаютъ 143 и 211 ст. Положенія? Могутъ ли быть отнесены къ русскимъ документамъ векселя туземцевъ?

говорится также о неподсудности этому суду нанесенія ранъ и побоевъ, послѣдствіемъ коихъ была смерть. Вѣроятно, редакція заимствована изъ неудачной 141 ст. Положенія объ упр. Турк. края.

Вопросъ этотъ представляетъ особенную важность, такъ какъ за послѣднее время векселя пріобрѣли серьезное значеніе въ экономической жизни мѣстнаго населенія и изъ года въ годъ получаютъ все большее распространеніе не только среди туземцевъ, живущихъ вблизи культурныхъ центровъ и имѣющихъ коммерческія сношенія съ представителями русскихъ и иностранныхъ торговыхъ фирмъ, но и въ глухой киргизской степи, какъ подспорье при взаимныхъ разсчетахъ. Съ присоединеніемъ къ Россіи обширныхъ среднеазіатскихъ владѣній бывшая прежде въ ходу мѣновая торговля въ ея чистомъ видѣ стала падать и въ настоящее время совершенно исчезаетъ. Съ одной стороны, киргизъ созналъ бо̀льшую выгоду въ сбытѣ своего скота не по мелочамъ случайному проѣзжему торговцу, а промышленнику большими партіями, а съ другой—и торговецъ различнымъ необходимымъ для кочевника товаромъ сталъ съ неохотою брать плату скотомъ, связывающимъ его и замедляющимъ передвиженіе. Размѣнная же монета, да и вообще болѣе или менѣе крупныя суммы денегъ и теперь рѣдко имѣются на рукахъ даже у богатаго киргиза, а если и имѣются, то онъ съ ними неохотно разстается. Эта затруднительность немедленнаго разсчета на наличныя и повлекла за собой распространеніе вексельныхъ обязательствъ, ознакомившись съ силою и значеніемъ которыхъ, туземцы поняли ихъ удобство. Въ доказательство того, что вексельныя обязательства пріобрѣли права гражданства среди населенія Туркестанскаго края, можно привести тотъ весьма рельефный фактъ, что солидную долю доходовъ нотаріусовъ такихъ заброшенныхъ въ глухую степь городовъ, какъ Туркестанъ, Перовскъ и Казалинскъ, составляетъ плата за засвидѣтельствованіе подписей на векселяхъ. Конечно, не мало векселей выдается безъ участія нотаріусовъ.

При такихъ условіяхъ понятно, какое важное значеніе въ торговомъ оборотѣ края имѣютъ какъ сами вексельныя обязательства, такъ и правильное разрѣшеніе дѣлъ, на нихъ основанныхъ. Признаніе этихъ дѣлъ подсудными народному суду подорвало бы всякое значеніе векселя и внесло бы смуту въ сложившіяся условія торговаго оборота, ибо юридическое

значеніе векселя, его сила должна быть опредѣляема на точномъ основаніи закона, тогда какъ народные суду руководствуются мѣстными обычаями или мусульманскимъ правомъ (шаріатомъ) и рѣшаютъ дѣла почти исключительно на основаніи присяги и свидѣтельскихъ показаній; документы же, на которыхъ основывается искъ, нерѣдко не имѣютъ для нихъ никакого доказательнаго значенія. Сознавая въ виду этого полную невозможность отнесенія вексельныхъ взысканій къ вѣдѣнію народнаго суда, нѣкоторыя судебныя мѣста Туркестанскаго края, невзирая на отсутствіе въ мѣстномъ Положеніи прямыхъ указаній по сему предмету, уже давно принимаютъ къ своему разбирательству дѣла о взысканіяхъ по векселямъ между туземцами одной народности, мотивируя такую практику тѣмъ соображеніемъ, что на основаніи 3 ст. векс. устава изд. 1902 г. [1]) векселя обязательно должны быть написаны на особой гербовой (вексельной) бумагѣ, изготовляемой и продаваемой государственными учрежденіями, а, слѣдовательно, должны быть приравнены къ документамъ, совершаемымъ при участіи русскихъ властей. Кромѣ того въ подкрѣпленіе такого толкованія понятія „участіе русской власти въ составленіи документа“ указываютъ на всю совокупность установленныхъ Положеніемъ объ управленіи Туркестанскаго края правилъ о границахъ подсудности гражданскихъ дѣлъ народному суду; изъ правилъ этихъ явствуетъ, что признаніе иска по векселю, какъ документу, созданному для обращенія среди неопредѣленнаго круга лицъ, подсуднымъ народному суду находилось бы въ явномъ разнорѣчіи со стремленіемъ закона ограничить эту подсудность разборомъ гражданскихъ споровъ среди строго очерченной группы туземцевъ.

Въ равной степени важнымъ представляется и признаніе подсудными русскому суду уголовныхъ дѣлъ о подлогахъ векселей, такъ какъ въ противномъ случаѣ была бы парализована и гражданская подсудность вексельныхъ обязательствъ. Стоитъ сторонѣ, не желающей разбора дѣла въ русскомъ судѣ, заявить о подложности векселя, чтобы дѣло пе-

---

[1]) 9 п. 2 ст. стараго уст. о векс.

решло для разбирательства въ народный судъ и тамъ было рѣшено по правиламъ адата или шаріата.

Колебаніямъ практики по этимъ дѣламъ былъ положенъ конецъ разъясненіемъ Уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Абдулъ-Азисъ Ходжаева (1901 года, № 12).

Приговоромъ окружнаго суда сартъ Абдулъ-Азисъ Ходжаевъ за составленіе подложныхъ векселей отъ имени киргизъ Халыбека Сапынбаева и Бѣляка Юладчева былъ присужденъ, на основаніи 1160 ст. улож. о нак., къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 3 года и 9 мѣсяцевъ. При разсмотрѣніи этого дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ по отзыву защитника подсудимаго судебная палата признала необходимымъ остановиться на вопросѣ о подсудности этого дѣла и, сопоставивъ 141 статью съ 143 и 211 статьями Положенія, пришла къ заключенію, что подъ русскими документами слѣдуетъ прежде всего разумѣть документы, исходящіе отъ русскихъ правительственныхъ или общественныхъ учрежденій, удостовѣренія и справки присутственныхъ мѣстъ, виды на жительство, приговоры общества и вообще всякаго рода оффиціальныя бумаги, а засимъ къ числу ихъ, согласно 211 ст. пол. объ упр. Турк. края, слѣдуетъ отнести всѣ документы, совершенные или засвидѣтельствованные при участіи русскихъ властей, и что расширять понятіе „русскаго документа“ далѣе того опредѣленія, которое установлено правилами о подсудности гражданскихъ дѣлъ, не представляется основаній, какъ въ виду тѣсной связи между гражданскимъ и уголовнымъ производствами по спорамъ о подлогахъ документовъ, такъ и вслѣдствіе того, что несогласованіе въ этомъ отношеніи правилъ о подсудности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ повело бы къ тому, что споръ о подлогѣ документа, искъ по которому подсуденъ народному суду, подлежалъ бы разрѣшенію русскаго суда. Отнести къ числу документовъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей, незасвидѣтельствованные и неопротестованные векселя, выдаваемые туземцами на имя туземцевъ же, не представляется законныхъ основаній, такъ какъ одно только написаніе дол-

говаго обязательства на вексельномъ бланкѣ, равно какъ и совершеніе какого-либо домашняго акта на листѣ гербовой бумаги, не можетъ быть признано совершеніемъ документа при участіи русскихъ властей. Но если даже допустить, что подъ понятіе русскихъ документовъ подходятъ всѣ вообще документы, писанные на русскомъ языкѣ, то и тогда выданный туземцемъ туземцу же вексельный бланкъ съ подписью на туземномъ языкѣ не можетъ считаться русскимъ документомъ, хотя бы засимъ бланкъ этотъ и былъ заполненъ русскимъ текстомъ, такъ какъ по подписи и по участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ документъ этотъ является туземнымъ. Кромѣ того, если на основаніи 6 ст. уст. о век. [1]) крестьянамъ, не имѣющимъ недвижимой собственности или не взявшимъ торговыхъ документовъ, запрещается выдавать отъ своего имени векселя, было бы непослѣдовательно признавать право обязываться векселями за туземцами среднеазіатскихъ русскихъ владѣній—полудикими кочевниками и инородцами, не понимающими не только силы и значенія векселя и постановленій вексельнаго устава, но часто даже и значенія собственной ихъ подписи. Признавъ въ виду изложеннаго, что, согласно 211 ст. Положенія объ упр. Турк. края, только подлоги векселей, подпись на которыхъ засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ, подсудны русскому суду, судебная палата приговоръ окружнаго суда по дѣлу Абдулъ-Азисъ Ходжаева отмѣнила и постановила дѣло производствомъ прекратить за подсудностью его народному суду.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ кассаціонный протестъ товарища прокурора судебной палаты, въ которомъ подробно былъ разработанъ вопросъ о подсудности этого рода дѣлъ русскому суду, нашелъ, что организація народныхъ судовъ, въ связи съ отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ процессуальныхъ и карательныхъ законовъ, указываетъ на то, что эти суды способны отвѣчать лишь потребностямъ населенія, пользующагося въ своемъ быту примитивными формами правовыхъ отношеній. Вексель же, по юридической

---

[1]) Ст. 2 п. 2 уст. о векс. изд. 1902 г.

сущности своей, является орудіемъ кредита, требующимъ спеціальнаго опредѣленія закона и составляющимъ предметъ особаго устава; къ тому же появленіе векселя свидѣтельствуетъ о значительномъ экономическомъ развитіи государства, и потому нельзя не признать, что въ тѣхъ случаяхъ, когда правовыя отношенія туземцевъ Туркестанскаго края основываются на такомъ документѣ, какъ вексель, народные обычаи не въ состояніи уже выдвинуть какихъ-либо нормъ для разрѣшенія возникающихъ изъ сихъ отношеній дѣлъ. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ доводамъ, коими судебная палата установила подсудность настоящаго дѣла народному суду, Правительствующій Сенатъ призналъ, что „сопоставленіе (судебною палатою) 141 ст. Положенія объ упр. Турк. края, съ одной стороны, съ статьями 143 и 211—съ другой, и сдѣланный изъ сего выводъ, что понятіе о русскомъ документѣ опредѣляется понятіемъ объ актѣ, совершенномъ при участіи русской власти, не имѣетъ правильнаго основанія, ибо первая изъ сихъ статей опредѣляетъ подсудность дѣлъ уголовныхъ, тогда какъ послѣдняя—подсудность исключительно гражданскихъ, и нельзя допустить, чтобы въ одномъ законодательномъ актѣ для выраженія одного и того же понятія употреблены были различныя опредѣленія. Очевидно, что подсудность уголовныхъ дѣлъ русскимъ судамъ опредѣлена шире, чѣмъ гражданскихъ, и подтвержденіемъ такого взгляда служитъ содержаніе статей 143 и 211 ч. 2, ограничивающихъ гражданскую подсудность народнымъ судамъ лишь принадлежностью сторонъ къ разнымъ народностямъ. Поэтому, отстраняя разсужденія судебной палаты о необходимости согласованія правилъ о подсудности уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, равно какъ и о томъ, что было бы справедливо изъять изъ подсудности народныхъ судовъ дѣла о подлогѣ только тѣхъ векселей, подпись на коихъ засвидѣтельствована установленнымъ порядкомъ, такъ какъ разсужденія эти выходятъ изъ области толкованія дѣйствующаго закона, надлежитъ прійти къ заключенію, что подлогъ векселя, какъ документа, юридическій характеръ котораго мѣстному обычному праву неизвѣстенъ и текстъ котораго написанъ на

русскомъ языкѣ, подлежитъ согласно 141 ст. вѣдѣнію общихъ судебныхъ установленій".

Разрубивъ созданный недомолвками Туркестанскаго Положенія гордіевъ узелъ въ пользу подсудности дѣлъ о подлогахъ векселей русскому суду, Правительствующій Сенатъ пошелъ навстрѣчу настоятельнымъ требованіямъ развивающейся экономической жизни края и установилъ порядокъ, соотвѣтственный духу закона, который не могъ отдать вексельныя дѣла на разбирательство, а слѣдовательно, и произволъ народныхъ судей.

Приведенныя разнорѣчивыя мнѣнія судебныхъ мѣстъ относительно истолкованія термина „русскіе документы" служатъ нагляднымъ доказательствомъ того, въ какомъ безпомощномъ положеніи могутъ оказаться иногда народные судьи, часто неграмотные и совершенно незнакомые съ нашей юридической терминологіей. Имъ разобраться въ неясныхъ выраженіяхъ закона положительно не подъ силу, и потому большинство случаевъ нарушенія предметной подсудности должно быть объяснено не сознательнымъ злоупотребленіемъ съ ихъ стороны, а добросовѣстнымъ незнаніемъ казуистичныхъ правилъ подсудности.

Для устраненія же всякихъ недоразумѣній въ отношеніи вексельныхъ дѣлъ нельзя не высказать пожеланія, чтобы въ 141 и 143 ст. Полож. объ упр. Турк. края въ самомъ непродолжительномъ времени было введено прямое указаніе объ изъятіи изъ вѣдѣнія народнаго суда какъ гражданскихъ дѣлъ о вексельныхъ обязательствахъ, такъ и уголовныхъ—о подлогѣ векселей.

Здѣсь кстати упомянуть, что цитированное разъясненіе Сената не разрѣшило всѣхъ недоразумѣній, возникающихъ на практикѣ изъ толкованія термина „русскій документъ". Такъ, въ Ташкентскомъ окружномъ судѣ возникъ, но не былъ разрѣшенъ за оправдательнымъ приговоромъ по существу, вопросъ о подсудности совершеннаго туземцемъ подлога подписи туземца же на чистомъ вексельномъ бланкѣ. Защитою было выражено мнѣніе, что въ виду рѣшенія Уголовнаго кассаціоннаго департамента по дѣлу Шапетъ Шепелева, 1897 г.

№ 3, указавшаго, что поддѣлка подписи на чистомъ вексельномъ бланкѣ наказуема не по 1160, и по 1692 ст. улож. о нак., слѣдуетъ признать это преступленіе поддѣлкою домашнихъ актовъ, на которую не распространяется разъясненіе Сената по дѣлу Абдулъ Азисъ Ходжаева о неподсудности подлога векселей народному суду.

Мы полагаемъ, что, разрѣшая частный вопросъ о подсудности подлоговъ векселей, Правительствующій Сенатъ въ послѣднемъ рѣшеніи разрѣшилъ, хотя вполнѣ опредѣленно этого и не выразилъ, болѣе общій вопросъ о понятіи русскихъ документовъ вообще, какъ заимствованныхъ туземцами отъ русскихъ и неизвѣстныхъ мѣстному обычному праву, которое поэтому и „не можетъ выдвинуть какихъ-либо нормъ для разрѣшенія“ основанныхъ на этихъ документахъ дѣлъ. Обсуждая съ этой стороны значеніе чистаго вексельнаго бланка съ одною подписью векселедателя, мы должны удостовѣрить, что если вексель, какъ документъ, можетъ имѣть извѣстное, хотя и несвойственное ему значеніе въ народномъ судѣ, то незаполненный текстомъ вексельный бланкъ по правовымъ понятіямъ туземнаго судьи не имѣетъ никакого юридическаго значенія и не можетъ быть предметомъ судебнаго разбирательства. Въ подтвержденіе этого можемъ указать на бывшій въ нашей практикѣ случай разсмотрѣнія народнымъ судьей иска о возвратѣ данныхъ для учета вексельныхъ бланковъ. Признавъ, что одна подпись безъ текста не представляетъ собою документа, и вслѣдствіе этого искъ является безпредметнымъ, народный судья въ удовлетвореніи исковыхъ требованій отказалъ. Въ съѣздѣ, куда дѣло перешло по жалобѣ истца, стороны помирились, въ виду чего и не представилось возможности путемъ протеста поднять вопросъ о подсудности дѣлъ этого рода русскому суду на томъ основаніи, что вексельный бланкъ представляетъ собой неизвѣстный туземному обычному праву „русскій“ документъ.

V.

Вѣдомство единоличныхъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ ограничивается не только дѣлами, подлежащими разсмотрѣнію русскихъ судебныхъ мѣстъ, но и еще тремя родами особыхъ судебныхъ инстанцій того же народнаго суда, а именно: 1) судомъ посредниковъ (третейскихъ судей), 2) особыми съѣздами волостныхъ выборныхъ и 3) чрезвычайными съѣздами народныхъ судей.

Суду посредниковъ предоставлено разбирательство исключительно гражданскихъ дѣлъ. Мы особенно настаиваемъ на этомъ положеніи, въ виду замѣчаемой тенденціи посредниковъ не только разрѣшать гражданскіе споры, но и принимать на себя несоотвѣтствующую роль вершителей уголовныхъ дѣлъ съ наложеніемъ на признанныхъ виновными какъ денежныхъ взысканій, такъ и наказаній срочнымъ лишеніемъ свободы. Подобнаго рода рѣшенія посредниковъ въ Сыръ-Дарьинской области всѣ безъ исключенія опротестовывались прокурорскимъ надзоромъ и отмѣнялись окружнымъ судомъ въ части наложенія личнаго наказанія. Основаніемъ къ подобной практикѣ служитъ, во-первыхъ, самый текстъ 244 и 245 ст. Полож. объ упр. Турк. края: въ этихъ статьяхъ ни слова не говорится объ обвинителяхъ или обвиняемыхъ: „*тяжущимся* предоставляется по обоюдному согласію обращаться для разбора своихъ дѣлъ... прямо къ съѣзду, а равно и къ постороннимъ лицамъ, которымъ *тяжущіеся* довѣряютъ... Соглашеніе сторонъ должно быть подписано *тяжущимися*... Рѣшенія посредниковъ скрѣпляются печатями *тяжущихся*... Рѣшенія избранныхъ посредниковъ окончательны, какъ бы значительна ни была *цѣна иска*“. Всѣ эти выраженія закона не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что здѣсь подразумѣваются только гражданскія, а не уголовныя дѣла. Во-вторыхъ, право наложенія наказаній за преступленія является столь серьезною прерогативою государственной власти, что всюду и вездѣ вручается ею только опредѣленнымъ органамъ суда или администраціи, назначеніе или избраніе которыхъ

на должность обставлено извѣстными гарантіями ихъ пригодности къ выполненію этой карательной функціи. Такое крупное отступленіе отъ этого основнаго принципа государственнаго права, какъ врученіе карательной власти частнымъ лицамъ по усмотрѣнію самихъ сторонъ, не можетъ быть предполагаемо, а должно основываться на прямомъ и точномъ указаніи закона. Между тѣмъ Положеніе объ упр. Турк. края, какъ мы видѣли, предоставляетъ въ статьѣ 219 карательную власть только народному суду, т. е. единоличнымъ народнымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ (ст. 230), но не упоминаетъ при этомъ о третейскомъ судѣ посредниковъ.

Вѣдомство особыхъ съѣздовъ волостныхъ выборныхъ ограничивается распредѣленіемъ зимовыхъ стойбищъ между кочевниками и разборомъ споровъ по поводу этого распредѣленія (ст. 273 Положенія объ упр. Турк. края). Составляются эти съѣзды изъ трехъ выборныхъ отъ каждой волости и предсѣдателя, особо назначаемаго губернаторомъ, на утвержденіе котораго представляются приговоры этого съѣзда. Точное опредѣленіе компетенціи, участіе въ качествѣ предсѣдателя должностнаго лица русской администраціи по выбору губернатора и передача на эти съѣзды дѣлъ по его же распоряженію,—все это устраняетъ случаи разсмотрѣнія съѣздомъ выборныхъ не подлежащихъ его вѣдѣнію дѣлъ.

Въ иныхъ условіяхъ обстоитъ дѣло въ чрезвычайныхъ съѣздахъ. Неясность выраженій закона, опредѣляющихъ предметы вѣдомства и подсудность чрезвычайныхъ съѣздовъ породило и „чрезвычайное“ разнообразіе практики въ смежныхъ областяхъ Туркестанскаго края и Степнаго генералъ-губернаторства и вызвало рядъ противорѣчивыхъ разъясненій органовъ центральной власти и высшаго мѣстнаго управленія.

Статья 247 Положенія объ упр. Турк. края гласитъ, что „чрезвычайные съѣзды народныхъ судей назначаются по распоряженію губернатора для рѣшенія дѣлъ, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ уѣздовъ или волостей“. Составляются эти съѣзды у осѣдлыхъ туземцевъ изъ судей тѣхъ судебныхъ раіоновъ, къ которымъ принадлежатъ истецъ и отвѣт-

чикъ или подсудимый, а у кочевниковъ—изъ судей тѣхъ волостей, въ которыхъ числятся тяжущіеся или подсудимые, не менѣе одного отъ волости. Такимъ образомъ, по первому взгляду, можно прійти къ выводу, что всѣ уголовныя и гражданскія дѣла, въ которыхъ участвуютъ жители разныхъ волостей, подлежатъ вѣдѣнію чрезвычайныхъ съѣздовъ. Но рядомъ съ 247-ой имѣется въ Туркестанскомъ Положеніи 214 статья, опредѣляющая подсудность уголовныхъ дѣлъ мѣстомъ совершенія преступленія, а гражданскихъ—мѣстомъ жительства отвѣтчика, и кромѣ того предоставляющая искъ, относящійся къ нѣсколькимъ отвѣтчикамъ, предъявлять по мѣсту жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Какъ согласовать эти, повидимому, взаимно исключающія другъ друга подсудности?

Въ Семирѣчьѣ, насколько намъ извѣстно, 247-ой статьѣ придается доминирующее значеніе, въ виду чего нормальная, установленная 214 статьею подсудность примѣняется лишь къ дѣламъ между жителями одной и той же волости; всѣ же дѣла, уголовныя и гражданскія, разъ только участвующія лица жители разныхъ волостей или уѣздовъ, разбираются чрезвычайными съѣздами. Практика эта подкрѣпляется опредѣленіемъ V департамента Сената отъ 2 декабря 1895 года за № 1161, въ которомъ было признано неправильнымъ мнѣніе областнаго прокурора о подсудности единоличнымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ дѣлъ между киргизами, принадлежащими къ разнымъ уѣздамъ или волостямъ. Неправильность этого мнѣнія, говоритъ Сенатъ, доказывается сопоставленіемъ 247 и 231 статей Туркестанскаго Положенія [1]), изъ коихъ явствуетъ (?), что разсмотрѣніе этой категоріи дѣлъ въ чрезвычайныхъ съѣздахъ признается по закону обязательнымъ.

Тургайское областное правленіе не нашло возможнымъ такъ просто разрѣшить этотъ вопросъ и въ засѣданіи общаго присутствія при участіи уѣздныхъ начальниковъ и свѣду-

---

[1]) Статья 231 указываетъ только, что всѣ уголовныя и гражданскія дѣла начинаются у единоличныхъ судей, за исключеніемъ случаевъ, указанныхъ въ 244 и 247 статьяхъ, т. е. суда посредниковъ и чрезвычайныхъ съѣздовъ.

щихъ лицъ 25 января 1894 года [1]), исходя изъ тѣхъ соображеній, что если примѣнять въ точности правило 214 статьи, то столь полезное учрежденіе, какъ чрезвычайный съѣздъ, было бы фактически упразднено, и что по уголовнымъ дѣламъ чрезвычайные съѣзды составляются изъ судей тѣхъ волостей, въ которыхъ числятся подсудимые, пришло къ заключенію, что вѣдѣнію чрезвычайныхъ съѣздовъ подлежатъ такія уголовныя дѣла, по которымъ къ отвѣтственности привлекаются нѣсколько подсудимыхъ изъ разныхъ волостей или уѣздовъ. По аналогіи такъ же должна разъясняться и подсудность гражданскихъ дѣлъ, хотя это будетъ въ очевидное противорѣчіе 214 статьѣ Туркест. Положенія. Затрудняясь поэтому предложить къ руководству какія-либо опредѣленныя указанія о подсудности дѣлъ чрезвычайнымъ съѣздамъ, Тургайское областное правленіе постановило просить Земскій отдѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ разъяснить встрѣченное затрудненіе. Въ отвѣтъ на это въ предложеніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ по Земскому отдѣлу отъ 30 іюня 1894 г. за № 154 было разъяснено, что чрезвычайному съѣзду судей, созванному въ извѣстной волости и въ извѣстномъ уѣздѣ, подсудны: 1) дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, совершеннымъ въ этой волости или уѣздѣ лицами другихъ волостей или уѣздовъ, и 2) гражданскія дѣла, по коимъ лица, живущія въ предѣлахъ той же волости или уѣзда, являются отвѣтчиками передъ лицами другихъ волостей или уѣздовъ [2]).

Такимъ образомъ, цитированными разъясненіями Сената и земскаго отдѣла чрезвычайные съѣзды, по самому названію своему долженствующіе представлять исключительное явленіе, преобразованы въ обыкновенный, постоянно дѣйствующій судъ для дѣлъ между туземцами разныхъ волостей и уѣздовъ.

Въ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края усвоенъ

---

[1]) Вопросы управленія, хозяйства и суда въ Тургайской области, изд. 1894 г. Оренбургъ, стр. 3.

[2]) См. тамъ же, приложенія, стр. 19.

совершенно иной взглядъ на предѣлы вѣдомства этого суда. Почти немедленно послѣ изданія Положенія объ упр. Турк. края, въ январѣ 1887 года Совѣту туркестанскаго генералъ-губернатора пришлось обсуждать представленіе военнаго губернатора Ферганской области генералъ-маіора Н. А. Иванова о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при примѣненіи на практикѣ 247 ст. Положенія.

По точному смыслу этой статьи, говорится въ представленіи губернатора, разбору чрезвычайныхъ съѣздовъ подлежатъ всѣ дѣла между туземцами разныхъ уѣздовъ или волостей; въ виду же значительнаго числа этихъ дѣлъ представится невозможнымъ правильное распредѣленіе времени созыва съѣздовъ въ разныхъ волостяхъ, а отъ туземной администраціи потребуется непосильный трудъ по розыску и доставленію вызываемыхъ лицъ; кромѣ того, за частымъ отвлеченіемъ судей на съѣзды, судебные раіоны останутся безъ суда, въ особенности у осѣдлаго населенія. Такимъ образомъ, назначеніе чрезвычайныхъ съѣздовъ по всѣмъ дѣламъ между туземцами разныхъ волостей, если не невозможно, то будетъ затягиваться годами; наконецъ, сами истцы, если они не обладаютъ достаткомъ, будетъ поставлены въ затрудненіе обязанностью являться въ съѣздъ, удаленный отъ ихъ мѣста жительства; масса же прибывающихъ на съѣздъ заинтересованныхъ лицъ не найдетъ ни помѣщеній, ни чѣмъ содержать себя. Иллюстраціей ненормальности подобнаго порядка вещей военный губернаторъ привелъ случай обращенія одного маргеланскаго жителя съ исковымъ прошеніемъ на временно проживающаго въ Маргеланѣ ташкентскаго сарта. Для созыва чрезвычайнаго съѣзда по сему дѣлу изъ судей городовъ Маргелана и Ташкента потребовалось бы продолжительное время, а неназначеніе этого дѣла къ немедленному разсмотрѣнію можетъ имѣть послѣдствіемъ то, что истецъ лишится удовлетворенія, если ташкентецъ выбудетъ изъ Маргелана и впослѣдствіи не будетъ найденъ; принять же противъ него какую-либо мѣру пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда не представляется законныхъ основаній (да и не имѣется, добавимъ мы отъ себя, управомоченнаго на это органа чрезвычайнаго съѣзда).

По мнѣнію Ферганскаго областнаго правленія, чрезвычайные съѣзды полезны для разсмотрѣнія дѣлъ, возникающихъ между цѣлыми обществами разныхъ судебныхъ раіоновъ, и то для дѣлъ, выдающихся по своему значенію, къ которымъ можно отнести споры поземельные и споры о пользованіи водой; всѣ же остальныя дѣла слѣдовало бы разбирать на точномъ основаніи 214 и 240 ст. мѣстнаго Положенія (т. е. обыкновеннымъ народнымъ судомъ).

Разсмотрѣвъ это представленіе, Совѣтъ Туркестанскаго генералъ-губернатора нашелъ, что 247 статья не составляетъ исключенія изъ общаго правила 214 статьи, а заключаетъ самостоятельное законоположеніе, дополняющее эту статью, обнимая только тѣ случаи, когда 214 статья не можетъ имѣть примѣненія, а именно: когда цѣлое селеніе, волость или даже уѣздъ предъявляютъ искъ къ селенію, волости или уѣзду, а равно, когда преступленіе совершено жителями одного селенія въ отношеніи другаго. Согласно съ этимъ взглядомъ Совѣтъ генералъ-губернатора разъяснилъ, что изъ дѣлъ, въ которыхъ являются участвующими сторонами жители разныхъ уѣздовъ или областей, военные губернаторы передаютъ въ назначаемые ими чрезвычайные съѣзды дѣла, исключительно относящіяся до цѣлыхъ обществъ разныхъ судебныхъ раіоновъ, и притомъ возникающія изъ споровъ поземельныхъ или о пользованіи водою, а остальныя дѣла между тѣми же жителями направляютъ на точномъ основаніи 214 ст. Положенія.

Въ 1897 году въ виду недоразумѣній, проистекавшихъ изъ-за различнаго толкованія компетенціи чрезвычайныхъ съѣздовъ въ Сыръ-Дарьинской и сосѣднихъ областяхъ Степнаго генералъ-губернаторства, Совѣтъ Туркестанскаго генералъ-губернатора въ засѣданіи 20 ноября вновь пересмотрѣлъ этотъ вопросъ и, оставаясь при прежнемъ мнѣніи, призналъ необходимымъ войти съ ходатайствомъ объ измѣненіи въ законодательномъ порядкѣ 247 статьи Положенія въ смыслѣ подчиненія вѣдѣнію чрезвычайныхъ съѣздовъ лишь дѣлъ, возникающихъ между жителями разныхъ волостей о поземельныхъ спорахъ и о пользованіи водою. Но, очевидно, законода-

тельной санкціи это ходатайство не получило, ибо и по настоящее время 247 статья остается неизмѣненною [1]).

Съ своей стороны, мы полагаемъ, что ни то, ни другое толкованіе 247 статьи не могутъ быть признаны правильными.

Категорическое утвержденіе, что по смыслу 214 и 247 статей чрезвычайнымъ съѣздамъ подсудны всѣ дѣла между туземцами различныхъ волостей и уѣздовъ, именно не согласно со смысломъ этихъ статей и на практикѣ должно порождать серьезныя затрудненія. При такомъ утвержденіи общее правило 214 статьи о подсудности уголовныхъ дѣлъ по мѣсту совершенія преступленія и гражданскихъ—по мѣсту жительства отвѣтчика парализуется совершенно, и принципомъ подсудности выдвигается только принадлежность сторонъ къ жителямъ той или другой волости. Власть единоличнаго народнаго судьи и обыкновенныхъ съѣздовъ ограничивается, такимъ образомъ, лишь туземцами, приписанными къ мѣстному обществу и постоянно проживающими въ ихъ судебномъ раіонѣ; доминирующее значеніе пріобрѣтаетъ чрезвычайный съѣздъ. Но тутъ встаетъ неустранимое противорѣчіе съ послѣдней частью 214 статьи, гласящею, что искъ къ нѣсколькимъ отвѣтчикамъ предъявляется по мѣсту жительства одного изъ нихъ по выбору истца. Конечно, здѣсь имѣются въ виду отвѣтчики, проживающіе въ разныхъ судебныхъ раіонахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ для истца не представлялось-бы никакого выбора,—если всѣ отвѣтчики живутъ въ одномъ судебномъ раіонѣ, то только у одного народнаго судьи по ихъ мѣсту жительства и можетъ быть предъявленъ искъ. А такъ какъ у осѣдлаго населенія, на основаніи 222 ст. Положенія объ упр. Турк. края, народные судьи имѣются, не болѣе одного на волость, то отсюда

---

[1]) По тексту ея, къ обязанностямъ чрезвычайныхъ съѣздовъ относится еще разсмотрѣніе ходатайствъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ о высылкѣ подсудимыхъ. Послѣ изданія закона 10 іюня 1900 года объ отмѣнѣ ссылки редакція 247 ст. должна была бы подвергнуться измѣненію, такъ какъ чрезвычайные съѣзды уже не могутъ въ настоящее время принимать участія въ административной высылкѣ.

ясно, что выборъ между народными судьями можетъ быть произведенъ только въ томъ случаѣ, когда отвѣтчики проживаютъ въ разныхъ волостяхъ, т. е. когда въ отношеніи одного или нѣсколькихъ изъ этихъ отвѣтчиковъ истецъ будетъ жителемъ чужой волости, и, слѣдовательно, согласно оспариваемому нами мнѣнію, долженъ былъ бы обратиться со своимъ искомъ въ чрезвычайный съѣздъ.

Такимъ образомъ, смыслъ 214 статьи не подтверждаетъ, а, наоборотъ, опровергаетъ толкованіе подсудности чрезвычайнымъ съѣздамъ всѣхъ дѣлъ между туземцами разныхъ волостей. Теперь укажемъ, къ какому практическому абсурду приводитъ это толкованіе.

Въ былые годы, когда вслѣдствіе несовершенства путей сообщенія передвиженія на большія пространства между осѣдлыми туземцами были рѣдкостью и кочевники совершали всегда опредѣленные по мѣсту и времени переходы съ зимовокъ на лѣтовки и обратно, и пришлаго элемента среди кореннаго населенія было мало, то не представлялось практическихъ затрудненій въ образованіи чрезвычайныхъ съѣздовъ изъ народныхъ судей тѣхъ судебныхъ раіоновъ, къ которымъ принадлежали стороны, почти всегда близкіе между собою сосѣди. Въ настоящее же время съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, съ развитіемъ торговыхъ сношеній на большія пространства, съ приростомъ населенія, лишающимъ возможности найти заработокъ и пропитаніе на родинѣ, туземцы очень часто отправляются на отхожіе промыслы въ сосѣдніе волости или уѣзды, а иногда даже и въ другія области Туркестанскаго края. Поэтому не только въ областныхъ городахъ и бойкихъ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, какъ Ташкентъ, Самаркандъ, Кокандъ и Маргеланъ, но и въ любомъ уѣздномъ городкѣ или большомъ селеніи обитаетъ не мало пришлаго торговаго и рабочаго люда. Неужели въ намѣренія составителей Положенія 1886 года входило изъять ихъ всѣхъ изъ подсудности обыкновенному народному суду и подчинить чрезвычайнымъ съѣздамъ [1])? Вѣдь для примѣне-

---

[1]) Высказывалось между прочимъ мнѣніе, что чрезвычайнымъ съѣздамъ под-

нія такого не имѣющаго разумнаго основанія правила пришлось бы, напр., въ Ташкентѣ постоянно держать народныхъ судей изъ всѣхъ судебныхъ раіоновъ всего Туркестанскаго края, т. е. тысячи судей, такъ какъ въ Ташкентѣ стекаются туземцы со всѣхъ концовъ, и этотъ-то постоянно мѣняющійся бродячій людъ и даетъ народнымъ судьямъ, пожалуй, больше дѣлъ, чѣмъ коренное населеніе города. Или, быть можетъ, каждый разъ, когда попадется въ какой-нибудь кражѣ киргизъ изъ подъ Казалинска, а то и Копала, или будетъ предъявленъ искъ къ сарту гор. Самарканда или Андижана, вызывать судей изъ этихъ городовъ? Кто же будетъ оплачивать ихъ проѣзды на сотни и тысячи верстъ? Какъ отзовется такой сложный и медлительный порядокъ судоустройства на интересахъ сторонъ? На всѣ эти вопросы отвѣтъ напрашивается самъ собою...

Но если подобная организація чрезвычайныхъ съѣздовъ немыслима на практикѣ и несогласна съ закономъ, то едва-ли правильно юридически и мнѣніе Совѣта Туркестанскаго генералъ-губернатора, полагающаго, что чрезвычайные съѣзды функціонируютъ лишь тогда, когда 214 ст. Положенія не можетъ имѣть примѣненія, а именно—когда предъявленъ искъ или совершено преступленіе цѣлымъ селеніемъ, волостью или уѣздомъ противъ другаго селенія, волости или уѣзда. Статья 214 и здѣсь примѣнима,—уголовное дѣло будетъ подлежать разсмотрѣнію народнаго судьи по мѣсту совершенія преступленія, а гражданское—по мѣсту жительства одного изъ отвѣтчиковъ по выбору истца. Въ томъ-то и суть, что здѣсь не невозможно, а нежелательно примѣненіе 214 статьи. Когда въ дѣлѣ участвуетъ большой кругъ лицъ, когда оно пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, въ данной мѣстности выдающееся общественное значеніе, весьма

судны дѣла только лицъ, *живущихъ* въ разныхъ волостяхъ; жители же одной мѣстности, но принадлежащіе по мѣсту приписки къ разнымъ волостямъ, подсудны обыкновенному народному суду. Однако, противъ этого мнѣнія буквальный текстъ 247 статьи, указывающей, что въ чрезвычайныхъ съѣздахъ участвуютъ народные судьи тѣхъ судебныхъ раіоновъ или волостей, къ которымъ *принадлежатъ* или въ которыхъ *числятся* (а не проживаютъ) стороны.

естественно предположеніе, что народные судьи будутъ не чужды партійныхъ или родовыхъ симпатій и антипатій и что ихъ рѣшенія не представятъ достаточной гарантіи спокойствія и безпристрастія, необходимыхъ для правильнаго отправленія правосудія. Къ такимъ дѣламъ, какъ правильно указывало Ферганское областное правленіе, прежде всего относятся поземельные споры между сельскими обществами различныхъ волостей и уѣздовъ и споры о пользованіи водою. Но возможно, что и дѣла между отдѣльными лицами, въ видахъ безпристрастнаго разрѣшенія ихъ споровъ, представится необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія мѣстныхъ судей, принадлежащихъ къ партіи или роду отвѣтчика или обвинителя. Въ такихъ случаяхъ, по мысли законодателя, образуется чрезвычайный съѣздъ, въ составъ котораго кромѣ судей, избираемыхъ сторонами, входятъ и назначаемые уѣздными начальниками.

Какія дѣла должны разбираться въ такомъ особомъ, исключительномъ по своему составу съѣздѣ, законодатель не указываетъ, потому что невозможно предугадать напередъ, при какихъ условіяхъ и по какого рода дѣламъ представится надобность въ созваніи чрезвычайнаго съѣзда. Сдѣлано лишь указаніе на общій руководящій принципъ для примѣненія такой экстраординарной мѣры—участіе въ процессѣ жителей разныхъ уѣздовъ или волостей. Оцѣнка же каждаго даннаго повода къ передачѣ дѣла на чрезвычайный съѣздъ предоставлена высшей административной власти въ области—военному губернатору, вслѣдствіе чего 247 статья и начинается словами:—„Чрезвычайные съѣзды народныхъ судей назначаются по распоряженію губернатора.....“

При обсужденіи вопроса о согласованіи 214 и 247 статей Туркестанскаго Положенія на это правило не было обращено вниманія, тогда какъ, по нашему убѣжденію, въ немъ-то и заключается разъясненіе всѣхъ спорныхъ пунктовъ, и только такимъ путемъ устраняются не только всѣ противорѣчія, но и тѣ кажущіяся затрудненія, которыя возникаютъ изъ разнообразія практики сосѣднихъ областей. Это разнообразіе необходимо; оно вытекаетъ изъ различія условій, въ

которыхъ находится та или другая часть пестраго по своему образу жизни, нравамъ и обычаямъ туземнаго населенія; оно обусловливается и характеромъ дѣлъ, возникающихъ въ данной мѣстности. Тамъ, гдѣ земельныя отношенія не установились, гдѣ вслѣдствіе недостатка воды или по другимъ причинамъ осложнены и обострены споры изъ-за пользованія водою, гдѣ старинная партійная вражда является почвой для возбужденія неосновательныхъ дѣлъ и народные судьи изъ господствующей партіи поддерживаютъ послѣднюю, тамъ, конечно, чаще будутъ назначаться чрезвычайные съѣзды и, быть можетъ, даже станутъ на нѣкоторое время обычнымъ явленіемъ. Въ другихъ же мѣстахъ, гдѣ правовая жизнь протекаетъ при болѣе нормальныхъ условіяхъ, какъ, напр., въ Сыръ-Дарьинской области, чрезвычайные съѣзды будутъ рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ.

Такимъ образомъ, всѣ туземцы, безъ различія, приписаны ли они къ одной или разнымъ волостямъ, проживаютъ ли въ различныхъ судебныхъ раіонахъ,—подлежатъ суду мѣстныхъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ. Въ чрезвычайные же съѣзды передаются дѣла жителей разныхъ уѣздовъ или волостей, въ случаѣ ходатайства о томъ сторонъ или уѣздной администраціи, исключительно по распоряженію военнаго губернатора.

Этотъ принципъ разграниченія подсудности твердо проводился на практикѣ прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда, отказывавшимъ въ домогательствахъ объ опротестованіи приговоровъ и рѣшеній народныхъ судей только на томъ основаніи, что стороны жители разныхъ уѣздовъ или волостей. Въ томъ же смыслѣ было разрѣшено и прокуроромъ Ташкентской судебной палаты пререканіе по сему предмету между прокурорскимъ надзоромъ двухъ сосѣднихъ судовъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на одинъ родъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, подлежащихъ въ изъятіе изъ общаго правила непосредственному разбирательству съѣздовъ помимо единоличныхъ народныхъ судей и, слѣдовательно, безъ гарантіи двухъ инстанцій, представляемой всѣмъ другимъ

дѣламъ. На основаніи 254 статьи Положенія объ управленіи Туркестанскаго края за упущенія и злоупотребленія по опекѣ опекуны подлежатъ отвѣтственности, уголовной и гражданской, по суду съѣзда народныхъ судей. Надо полагать, что основаніемъ къ такому изъятію послужило то соображеніе, что по 252 статьѣ того же Положенія у осѣдлыхъ туземцевъ опекунскими дѣлами завѣдываетъ участковый народный судья, который назначаетъ опекуновъ, а потому до извѣстной степени является и самъ отвѣтственнымъ за выборъ и дѣйствія опекуна, доведшаго дѣло до необходимости предъявленія противъ него исковъ или уголовнаго обвиненія. Но эти соображенія касаются лишь народныхъ судей осѣдлаго населенія. У кочевниковъ же, какъ это совершенно правильно разъяснено циркуляромъ Туркестанскаго генералъ-губернатора 1 декабря 1901 года, на основаніи 241 ст. 1 ч. X т. Свод. зак., назначаетъ опекуновъ и повѣряетъ ихъ дѣйствія аульный сходъ.

VI.

Отсутствіе со стороны праваго увѣренности въ справедливости и безпристрастіи народныхъ судей и желаніе неправаго разбираться у судьи, ему благопріятствующаго, является причиною замѣчаемаго среди туземнаго населенія стремленія къ созданію искусственной мѣстной подсудности въ обходъ 214 ст. Положенія.

Особенно рельефно эта характерная черта въ туземной правовой жизни сказывается по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ у кочевниковъ-киргизовъ. Обыкновенно, когда мальчуганъ еще только начинаетъ ходить, родители уже подыскиваютъ ему невѣсту и приступаютъ къ уплатѣ исподволь условленнаго калыма. Проходятъ года, подрастаютъ женихъ и невѣста; иногда они сами сопротивляются намѣченному браку, иногда родители того или другаго находятъ для себя болѣе выгоднымъ заключить новую брачную сдѣлку, и въ результатѣ возникаетъ рядъ исковъ о возвратѣ калыма, о присужденіи невѣсты въ жены тому, кто уже выплатилъ калымъ;

нерѣдко эти споры осложняются насильственнымъ похищеніемъ невѣсты или отобраніемъ взамѣнъ калыма какого-либо имущества ея родственниковъ и даже одноаульцевъ. Умретъ женихъ или невѣста раньше брака, начинаются притязанія на невѣсту со стороны родственниковъ умершаго, или наоборотъ предъявляются требованія о возвратѣ калыма, отъ котораго давно уже ничего не осталось. Всѣ эти отношенія еще болѣе запутываются, когда вопреки обычаю молодая вдова умершаго не хочетъ переходить вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ имуществомъ въ жены его старому родственнику. Случается, что и послѣдній и руками и ногами упирается отъ брачнаго сожительства съ достающейся ему по наслѣдству дряхлой старухой. Каждая сторона заинтересована, чтобы возникающее судебное дѣло было разобрано своимъ судьей, не безъ основанія полагая, что онъ поддержитъ и не дастъ своего въ обиду чужому, а между тѣмъ искъ надо предъявлять по мѣсту жительства отвѣтчика. Чтобы выйти изъ этого нежелательнаго положенія туземцы, давно уже усвоившіе правила мѣстной подсудности, рядомъ съ гражданскимъ искомъ о возвратѣ бѣжавшей жены или похищенной до полной уплаты калыма невѣсты предъявляютъ вымышленное обвиненіе въ кражѣ, побояхъ, насиліи и т. п., при чемъ мѣстомъ совершенія преступленія указываютъ свой аулъ. Добившись этимъ путемъ подсудности дѣла своему судьѣ, истецъ или лично входитъ съ послѣднимъ въ сдѣлку, или вліяетъ на него черезъ посредство богатыхъ и сильныхъ родственниковъ; однимъ словомъ, принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дѣло рѣшилось въ его пользу, и въ большинствѣ случаевъ достигаетъ успѣшныхъ результатовъ.

Черезъ наши руки за періодъ времени почти въ 4 года прошло не мало рѣшеній по подобнаго рода дѣламъ, и почти всегда можно было предугадать заранѣе, что если брачное дѣло вслѣдствіе искусственно измѣненной подсудности разбиралось судьей той волости, къ которой принадлежитъ истецъ, то исковыя требованія окажутся удовлетворенными. Всѣ эти рѣшенія опротестовывались за нарушеніемъ 214 ст. Положенія и отмѣнялись окружнымъ судомъ, разъяснявшимъ непра-

вильность соединенія гражданскаго дѣла съ уголовнымъ для созданія подсудности народному судьѣ по мѣсту жительства или приписки истца.

Точно такъ же искусственно измѣняется подсудность брачныхъ и семейныхъ дѣлъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду принадлежности сторонъ къ разнымъ народностямъ или проживательства отвѣтчика въ предѣлахъ русскихъ селеній дѣло подлежитъ вѣдѣнію общеимперскихъ судебныхъ мѣстъ, гдѣ несправедливыя и чрезмѣрныя требованія истца, конечно, не найдутъ себѣ поддержки.

Укажемъ пришедшій на память одинъ случай настойчивости киргиза въ стремленіи, чтобы его дѣло разбиралось не въ русскомъ, а въ народномъ судѣ. Явившись какъ-то въ камеру прокурора Ташкентскаго окружнаго суда, киргизъ Джаналіевъ заявилъ жалобу на непринятіе народнымъ судьей гор. Ташкента его иска о возвратѣ къ нему бѣжавшей жены — татарки по отцу и сартянки по матери. Получивъ разъясненіе, что ему надлежитъ со своимъ искомъ обратиться въ русскія судебныя установленія, Джаналіевъ удалился, а черезъ нѣкоторое время къ прокурору поступило прошеніе объ отмѣнѣ рѣшенія народнаго судьи кочеваго населенія (бія) подгородной Зенгиатинской волости, которымъ жена Джаналіева была присуждена „или идти жить къ мужу, или уплатить въ двухнедѣльный срокъ 80 тиллей“. За нарушеніемъ 143 и 214 ст. Положенія объ упр. Турк. края на рѣшеніе это прокуроромъ былъ поданъ протестъ, и окружный судъ, отмѣнивъ рѣшеніе, разъяснилъ, что искъ Джаналіева въ виду принадлежности сторонъ къ различнымъ народностямъ, имѣющимъ отдѣльные суды, подсуденъ русскому суду. Тогда Джаналіевъ у того же народнаго судьи предъявилъ противъ отчима и матери своей жены обвиненіе въ похищеніи послѣдней и въ кражѣ, и народный судья перваго, какъ киргиза, присудилъ къ заключенію въ тюрьму на 3 мѣсяца и къ уплатѣ Джаналіеву 89 рублей; въ отношеніи же второй, какъ сартянки, призналъ дѣло себѣ неподсуднымъ. По опротестованіи и отмѣнѣ и этого рѣшенія Джаналіевъ снова явился къ прокурору и, доказывая, что жена его киргизка, такъ какъ ея отчимъ киргизъ,

домогался признанія его дѣла подсуднымъ народному суду, но не соглашался на предъявленіе иска въ судѣ русскомъ, очевидно, будучи убѣжденъ въ неосновательности своихъ притязаній.

Говоримъ „очевидно" потому, что сначала робко, а за послѣднее время все чаще и чаще, туземцы, убѣжденные въ своей правотѣ, ходатайствуютъ о передачѣ ихъ дѣлъ на разсмотрѣніе русскаго суда, при чемъ иногда прямо указываютъ, что не надѣятся на справедливость и неподкупность своихъ судей и желаютъ воспользоваться дарованнымъ всѣмъ остальнымъ подданнымъ Бѣлаго Царя правомъ судиться въ Его судѣ. Въ большинствѣ же случаевъ это домогательство бываетъ замаскировано или вымышленнымъ обвиненіемъ въ разбоѣ, грабежѣ, покушеніи на убійство и т. п., или несогласнымъ съ дѣйствительностью указаніемъ, что преступленіе было совершено въ предѣлахъ русскаго города. Конечно, по разслѣдованіи обстоятельства дѣла выясняются въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и мѣстные представители русской судебной и административной власти, симпатизируя въ душѣ этому желанію судиться въ русскомъ судѣ и понимая, что такое желаніе должно было бы поощряться, какъ въ интересахъ справедливости, такъ и государственной политики, поневолѣ считаются съ необходимостью соглашенія сторонъ (да и то лишь по гражданскимъ дѣламъ) на передачу дѣла въ русскій судъ и отказываютъ ищущимъ правды въ ихъ справедливыхъ по существу, но несогласныхъ съ закономъ ходатайствахъ.

Въ виду этого нельзя не высказать пожеланія, чтобы не только въ интересахъ правильнаго отправленія правосудія, но и въ цѣляхъ приближенія къ туземному населенію и доступности русскаго суда было уничтожено не имѣющее практическаго значенія требованіе соглашенія сторонъ на разсмотрѣніе дѣла русскимъ судомъ (Врем. правила 2 іюня 1898 г. ст. 26) и предоставлены вѣдѣнію послѣдняго всѣ дѣла между туземцами въ случаѣ заявленія которою-либо изъ сторонъ ходатайства объ изъятіи дѣла изъ разбирательства народнаго суда.

Говоря о мѣстной подсудности, мы должны еще указать,

что въ отступленіе отъ правила разбирательства дѣлъ по мѣсту совершенія преступленія или жительства отвѣтчика, въ случаѣ отвода судей по необходимости дѣло можетъ быть передано на разсмотрѣніе другаго ближайшаго судьи или съѣзда. Вопросъ о томъ, какъ поступать при отводахъ, совершенно не разработанъ въ Положеніи объ упр. Турк. края, не даетъ на него отвѣта и обычное право. Въ иныхъ мѣстахъ уѣздные начальники по полученіи заявленія объ отводѣ того или другаго народнаго судьи или нѣсколькихъ судей, входящихъ въ составъ даннаго съѣзда, лично разрѣшаютъ вопросъ о степени уважительности причинъ отвода и собственною властью указываютъ какого-либо другаго судью или съѣздъ, предписывая имъ разобрать дѣло, въ другихъ— этимъ распоряжаются областныя правленія. Иногда даже самъ отведенный судья передавалъ дѣло на разсмотрѣніе своего кандидата.

Въ настоящее время это разнообразіе практики устранено указами Правительствующаго Сената отъ 15 января 1901 года за № 321 и 319, данными Туркестанскому генералъ-губернатору и Сыръ-Дарьинскому областному правленію. Несмотря на отсутствіе въ Положеніи объ упр. Турк. края указаній на право отвода сторонами народныхъ судей осѣдлаго населенія,—ст. 232 предоставляетъ право немотивированнаго отвода двухъ судей только въ судѣ кочеваго населенія,— Сенатъ по дѣлу объ отводѣ сартомъ Ходжиновымъ членовъ съѣзда народныхъ судей города Ташкента призналъ, что въ случаѣ отвода противъ даннаго народнаго судьи, на основаніи ст. 16 прим., 43 и 45 учр. суд. уст. и ст. 197 и 199 уст. гр. суд. по аналогіи между добавочными мировыми судьями и кандидатами народныхъ судей, отведенный судья можетъ быть замѣненъ своимъ кандидатомъ. Если же отводъ предъявленъ противъ одного или нѣсколькихъ народныхъ судей, входящихъ въ составъ съѣзда, какъ апелляціонной инстанціи, то помимо замѣны каждаго изъ отводимыхъ судей ихъ кандидатами имѣется и другой способъ разрѣшенія вопроса, а именно: примѣнительно къ ст. 677 и 678 уст. гр. суд. дѣло можетъ быть передано областнымъ правленіемъ

въ другой съѣздъ народныхъ судей; составленіе же особаго съѣзда изъ однихъ кандидатовъ народныхъ судей, какъ было сдѣлано по обжалованному опредѣленію областнаго правленія, не соотвѣтствуетъ смыслу ни 225 ст. Турк. Положенія, ни Судебнымъ уставамъ.

Любопытно, что въ томъ же указѣ Сыръ-Дарьинскому областному правленію Сенатъ, игнорируя 218 ст. Положенія и руководствуясь тѣмъ, что постановленное съѣздомъ кандидатовъ рѣшеніе не приведено въ исполненіе, отмѣнилъ обжалованное опредѣленіе областнаго правленія со всѣми послѣдствіями, т. е. и постановленное на основаніи этого опредѣленія рѣшеніе съѣзда. Кромѣ того, узаконивъ право отводовъ и предоставивъ областнымъ правленіямъ пополнять съѣзды кандидатами или передавать дѣла въ другіе съѣзды, Сенатъ оставилъ практикѣ рядъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Почему распоряженія, сопряженныя съ отводами народныхъ судей, должны быть отнесены къ обязанностямъ областнаго правленія? Должно ли оно при этомъ входить въ обсужденіе основательности отводовъ, или это лежитъ на самомъ отводимомъ судьѣ, обязанномъ сообразоваться съ мѣстными обычаями? Въ какихъ случаяхъ эти отводы допустимы? Можетъ ли и долженъ ли устранять себя отъ участія въ дѣлѣ при извѣстныхъ случаяхъ самъ судья? Какъ поступать прокурорскому надзору въ тѣхъ случаяхъ, когда подана просьба объ отмѣнѣ рѣшенія на томъ основаніи, что народный судья не уважилъ предъявленнаго противъ него отвода и разсмотрѣлъ дѣло? Нужно ли здѣсь предварительно передать обсужденіе вопроса о законности и основательности отвода на разсмотрѣніе областнаго правленія и затѣмъ уже, сообразуясь съ опредѣленіемъ послѣдняго, вносить протестъ, или судъ непосредственно по протесту имѣетъ право обсуждать правильность дѣйствій народнаго судьи? Всѣ эти вопросы назойливо встаютъ теперь передъ органами русской власти, сталкивающимися повседневно съ дѣятельностью народныхъ судовъ, и ждутъ разрѣшенія.

Разрѣшать ихъ на основаніи Судебныхъ уставовъ мы не считали себя въ правѣ, и когда уѣздные начальники

обращались къ намъ за разъясненіями, какъ поступать въ этихъ случаяхъ, то рекомендовали имъ ходатайствовать передъ губернаторомъ о передачѣ подобныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе чрезвычайныхъ съѣздовъ, и такимъ образомъ всѣ спорные вопросы падали сами собою.

Быть можетъ, въ виду возможности подобнаго разрѣшенія ихъ, Положеніе объ упр. Турк. края не безъ умысла умалчиваетъ объ отводахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОКУРОРСКІЙ НАДЗОРЪ ВЪ НАРОДНОМЪ СУДѢ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ.

С. Н. Трегубова.

(Окончаніе) [1]).

VII.

Объемъ превышенія власти, какъ повода къ отмѣнѣ рѣшеній народнаго суда, не всѣми опредѣляется одинаково; часто среди судебныхъ дѣятелей Туркестанскаго края возникали споры о томъ, подходитъ ли подъ это понятіе то или другое нарушеніе, и даже высказывалось мнѣніе, что подъ превышеніемъ власти слѣдуетъ разумѣть только случаи присужденія народными судьями къ наказаніямъ свыше сроковъ, установленныхъ въ 219 ст. Туркестанскаго Положенія.

Мы полагаемъ, что къ принятію такого ограничительнаго толкованія не представляется достаточныхъ основаній, такъ какъ ограниченіе это нельзя вывести ни изъ буквальнаго смысла выраженія закона „превышеніе власти", ни изъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовались при установленіи обязанности прокурорскаго надзора—опротестовывать, а окружныхъ судовъ—отмѣнять приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Октябрь, стр. 65.

Понятіе это не новое въ нашемъ законодательствѣ,—его знаютъ и уложеніе о наказаніяхъ (ст. 338), и Судебные уставы; но, конечно, превышеніе власти, какъ преступное дѣяніе, наказуемое по 341—343 ст. улож. о наказ., отличается по своему объему и существеннымъ признакамъ отъ нарушенія предѣловъ власти, влекущаго по 186 и 793 ст. уст. гражд. суд. и 174 и 912 ст. уст. угол. суд. отмѣну приговоровъ и рѣшеній въ порядкѣ кассаціонномъ. Очевидно, не понятіе преступленія, а этотъ послѣдній видъ превышенія власти, подразумѣваетъ 218 ст. Положенія объ управленіи Туркестанскаго края, а потому для правильнаго пониманія ея необходимо обратиться къ понятію превышенія или нарушенія предѣловъ власти по Судебнымъ уставамъ.

Изъ нашихъ процессуалистовъ большинство только вскользь касается этого понятія. Такъ, профессоръ Фойницкій, повидимому, признаетъ, что 3 п. 912 ст. уст. угол. суд. предусматриваетъ лишь одинъ видъ кассаціи—нарушеніе подсудности. Въ своемъ курсѣ уголовнаго судопроизводства (второй выпускъ, т. II стр. 165). Фойницкій, между другими поводами кассаціи, заключающимися въ нарушеніи законовъ процессуальныхъ, указываетъ: „превышеніе предѣловъ вѣдомства и власти суда, т. е. принятіе къ производству неподсуднаго ему дѣла“. Но въ уставѣ уголовнаго судопроизводства говорится не о нарушеніи предѣловъ *вѣдомства и власти*, а *вѣдомства или власти*. Еще яснѣе въ этомъ отношеніи текстъ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края, гласящій, что подлежатъ отмѣнѣ приговоры и рѣшенія народнаго суда, постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ ему неподсуднымъ. Отсюда явствуетъ, что Положеніе объ упр. Турк. края не отождествляетъ этихъ двухъ поводовъ кассаціи. Не отождествляетъ ихъ и профессоръ Случевскій. Въ Учебникѣ русскаго уголовнаго судопроизводства (стр. 776) онъ указываетъ, какъ примѣры предусмотрѣннаго 3 п. 912 ст. уст. угол. суд. нарушенія судомъ предѣловъ вѣдомства или власти,—разсмотрѣніе уголовнымъ судомъ гражданскаго дѣла, возобновленіе дѣла безъ разрѣшенія Сената, рѣшеніе дѣла не въ надлежащемъ присутствіи. Подробнѣе другихъ останавливается на

опредѣленіи судопроизводственнаго понятія превышенія власти сенаторъ Буцковскій въ своихъ „Очеркахъ судебныхъ порядковъ“ (стр. 63 и 124). Указывая, что въ строгомъ смыслѣ всякое нарушеніе порядка судопроизводства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе предѣловъ принадлежащей суду власти, Буцковскій полагаетъ, что Судебные уставы, поставляя въ особую категорію нарушенія предѣловъ власти, имѣли въ виду подъ этимъ опредѣленіемъ наиболѣе явныя и важныя нарушенія коренныхъ правилъ судопроизводства. Перечисляя засимъ отдѣльные относящіеся сюда случаи, Буцковскій приходитъ къ выводу, что нарушеніе этихъ основныхъ правилъ судопроизводства, очерчивающихъ предѣлы власти суда, должно влечь за собою безусловную отмѣну приговора, какъ не могущаго имѣть силу судебнаго рѣшенія ни въ какомъ случаѣ, и подлежать исправленію кассаціонною инстанціею даже помимо указаній на нихъ кассаторовъ.

Исходя изъ этого понятія превышенія власти, какъ нарушенія основныхъ правилъ судопроизводства, и имѣя въ виду, что по отношенію къ народному суду, которому предоставлено при разрѣшеніи дѣлъ руководствоваться своими матеріальными и судопроизводственными обычаями, эти основныя правила изложены въ немногихъ статьяхъ Положенія объ упр. Турк. края (211 и слѣд.), мы утверждаемъ, что подъ превышеніемъ народнымъ судомъ своей власти слѣдуетъ разумѣть всѣ случаи нарушенія имъ этихъ обязательныхъ для него статей Положенія, тѣмъ болѣе, что при иномъ толкованіи невозможность исправленія этихъ нарушеній путемъ отмѣны приговора или рѣшенія по протесту прокурора сдѣлала бы эти велѣнія закона мертвою буквою. Они пріобрѣли бы характеръ лишь добрыхъ пожеланій, неисполненіе которыхъ не влекло бы за собой никакихъ результатовъ и къ соблюденію которыхъ у народнаго суда не было бы понудительныхъ основаній.

Дальнѣйшее изложеніе отдѣльныхъ случаевъ покажетъ, насколько важно такое пониманіе превышенія власти, какъ въ интересахъ государственной политики, такъ и для возстановленія иной разъ цинично попираемой правды и справедливости.

Но если, съ одной стороны, понятіе превышенія власти объемлетъ собою всѣ случаи нарушенія народнымъ судомъ нормирующихъ его дѣятельность статей Положенія объ упр. Турк. края, то съ другой—всѣ отступленія отъ обычаевъ, установленныхъ у кочевниковъ адатомъ, такъ же, какъ и нарушенія правилъ писаннаго мусульманскаго права—шаріата у осѣдлаго населенія, а равно и самое существо рѣшеній народнаго суда, не подлежатъ вѣдѣнію и контролю русскихъ властей. Между тѣмъ нерѣдко ближайшіе къ населенію органы мѣстнаго управленія принимали на себя несоотвѣтствующую роль блюстителей за ненарушимостью обычаевъ и не только входили по этому предмету съ представленіями объ отмѣнѣ рѣшеній, несогласныхъ съ шаріатомъ или адатомъ, но и издавали приказы и циркуляры, предписывавшіе народному суду неукоснительное соблюденіе тѣхъ или другихъ нормъ обычнаго права.

Однимъ изъ яркихъ примѣровъ такого, не находящаго себѣ основанія въ законѣ, вмѣшательства въ порядокъ судопроизводства въ народномъ судѣ является практиковавшееся до послѣдняго времени требованіе административныхъ властей въ трехъ коренныхъ областяхъ Туркестанскаго края, чтобы народные суды не постановляли заочныхъ приговоровъ и рѣшеній. Хотя подобнаго запрета и не имѣется ни въ Положеніи объ упр. Турк. края, ни въ утвержденной Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ 11 декабря 1892 года инструкціи народнымъ судьямъ, но обосновывалось это требованіе на категорическомъ утвержденіи, что по обычаямъ заочное разсмотрѣніе дѣлъ въ народномъ судѣ не допускается. Мнѣніе это раздѣлялъ и бывшій областной прокурорскій надзоръ, признававшій возможнымъ вносить протесты на заочныя рѣшенія народнаго суда, какъ постановленныя съ превышеніемъ власти. А рядомъ съ этимъ въ сосѣднихъ областяхъ Степнаго генералъ-губернаторства не только не усматривалось въ заочномъ разбирательствѣ какого-либо нарушенія, но даже, напр., въ Тургайской области, инструкція волостнымъ управителямъ и аульнымъ старшинамъ въ § 187 прямо санкціонировала постановленіе заочныхъ рѣшеній, предписы-

вая управителямъ при неявкѣ истцовъ или отвѣтчиковъ передавать дѣла на обсужденіе съѣзда, отъ котораго зависитъ *постановить заочное рѣшеніе*, отложить разборъ до слѣдующаго съѣзда или даже прекратить дѣло.

Это различіе во взглядахъ администраціи создало весьма серьезную ненормальность въ отправленіи народнымъ судомъ правосудія между киргизами Сыръ-Дарьинской области и сосѣднихъ уѣздовъ областей Семирѣченской, Тургайской и другихъ.

Въ Сыръ-Дарьинской области народные судьи, лишенные права постановлять приговоры и рѣшенія заочно, встрѣчаютъ непреодолимое препятствіе къ разрѣшенію дѣлъ по жалобамъ, напр., казалинскихъ киргизовъ на ихъ единоплеменниковъ, кочующихъ въ сосѣднихъ областяхъ, за постоянною неявкою обвиняемыхъ и отвѣтчиковъ. Если принудительное доставленіе по этапу сторонъ по гражданскимъ дѣламъ недопустимо въ общеимперскихъ судебныхъ установленіяхъ, то тѣмъ болѣе оно не можетъ имѣть мѣста въ народномъ судѣ. Равнымъ образомъ, не предоставлено народному суду подвергать и обвиняемыхъ приводу, сопряженному въ большинствѣ случаевъ съ продолжительнымъ содержаніемъ подъ стражей и медленнымъ передвиженіемъ по этапу. Вслѣдствіе этого, когда администрація Сыръ-Дарьинской области съ требованіями о доставленіи въ народный судъ обвиняемыхъ или отвѣтчиковъ обращается къ уѣзднымъ начальникамъ указанныхъ выше областей, то послѣдніе отвѣчаютъ отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что отправленіе требуемыхъ лицъ по этапу незаконно и кромѣ того не вызывается необходимостью, такъ какъ народные судьи не лишены права постановлять рѣшенія заочно. Такимъ образомъ, дѣла этого рода или годами лежатъ нерѣшенными, или оканчиваются постановленіемъ заочныхъ рѣшеній, но безъ указанія на неявку обвиняемыхъ и отвѣтчиковъ, а иногда и съ ложнымъ удостовѣреніемъ народнаго судьи, что они являлись на судъ и давали свои объясненія. Съ другой стороны, не стѣсняемое запрещеніемъ администраціи заочное разсмотрѣніе дѣлъ въ народномъ судѣ сопредѣльныхъ областей ставитъ киргизъ

Сыръ-Дарьинской области въ крайне тяжелое положеніе. Добиться у себя въ области суда надъ сосѣдями за ихъ неявкою они не могутъ, а сами очень часто присуждаются въ сосѣднихъ областяхъ заочно, какъ къ денежнымъ взысканіямъ по гражданскимъ дѣламъ, такъ и къ наказаніямъ по дѣламъ уголовнымъ, и такія рѣшенія, признаваемыя мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ постановленными въ законномъ порядкѣ, администрація Сыръ-Дарьинской области поставлена въ необходимость приводить въ исполненіе.

Точно такъ же запрещеніе постановлять заочные приговоры и рѣшенія вредно отзывается на правильномъ теченіи дѣлъ и въ народномъ судѣ осѣдлаго населенія. Такъ, напримѣръ, въ Ташкентскомъ съѣздѣ народныхъ судей искъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ пять или шесть лѣтъ оставался неразрѣшеннымъ въ виду того, что отвѣтчикъ, проживавшій въ г. Ташкентѣ во время предъявленія къ нему иска и при разсмотрѣніи дѣла единоличнымъ народнымъ судьей, обжаловавъ рѣшеніе его въ съѣздъ, выѣхалъ въ гор. Копалъ, Семирѣченской области, и не желалъ явиться на судъ, невзирая на неоднократные вызовы. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, съѣздъ народныхъ судей принудилъ одного сарта вопреки его желанію и безъ уполномочія отвѣтчика выступить и отвѣчать за него на судѣ [1]). Но рѣшеніе это, какъ постановленное съ превышеніемъ власти, не только въ отсутствіи, но и безъ вызова отвѣтчика или извѣщенія его о времени разбирательства, было прокурорскимъ надзоромъ опротестовано и окружнымъ судомъ отмѣнено.

Кромѣ того обязательность присутствія сторонъ при разсмотрѣніи ихъ дѣлъ налагаетъ на нихъ большую тяготу, несоизмѣримую иногда съ возможностью осужденія или проигрыша гражданскаго дѣла вслѣдствіе неявки. Стоитъ только

---

[1]) Основывалъ съѣздъ это принужденіе на весьма рѣшительномъ приказѣ начальника гор. Ташкента отъ 17 января 1894 года, коимъ объявлялось, что по шаріату стороны въ съѣздъ будутъ вызываться два раза; если вызываемый не явится послѣ втораго вызова или же не вышлетъ своего повѣреннаго, то на его мѣсто судьей будетъ назначенъ „каюмъ"—полномочный довѣренный, и въ его присутствіи будетъ рѣшено дѣло.

представить себѣ необходимость для занятаго коммерціей туземца, находящагося по дѣламъ въ Самаркандской или Ферганской области, прибыть въ Перовскъ или Казалинскъ для отвѣта по иску въ 10—15 рублей. Подобная практика создаетъ возможность путемъ возбужденія завѣдомо неосновательныхъ исковъ или обвиненій досадить врагу, заставить его отрываться отъ своего дѣла и являться въ судъ для того, чтобы выслушать оправдательный приговоръ.

Поэтому нельзя не согласиться съ тѣмъ, что если запрещеніе заочнаго разсмотрѣнія народнымъ судомъ производящихся у него дѣлъ и имѣло своей цѣлью оградить населеніе отъ злоупотребленій ихъ же выборныхъ судей, которые, не будучи стѣснены присутствіемъ сторонъ, могутъ рѣшать дѣла не по совѣсти и обычаю, то съ другой стороны—запрещеніе это повлекло за собой и серьезныя неудобства, напрасно тормозя отправленіе правосудія и создавъ для лицъ виновныхъ полную возможность избѣжать законнаго возмездія посредствомъ выѣзда въ сосѣдній уѣздъ и неявки на судъ. Между тѣмъ та же цѣль—оберечь населеніе отъ неправосудія—могла бы быть достигнута и менѣе рѣшительною, но болѣе удобною мѣрою; слѣдовало лишь обязать народныхъ судей по всѣмъ рѣшительно дѣламъ заблаговременно извѣщать стороны повѣстками или инымъ образомъ о времени разбирательства ихъ дѣла. Довѣряя судьѣ и будучи увѣренъ въ своей правотѣ, туземецъ можетъ, при такой практикѣ, и не явиться на судъ; если же признаетъ необходимымъ представить личныя объясненія или вообще присутствовать на судѣ, онъ явится самъ безъ всякаго принужденія. Важно лишь, чтобы онъ былъ извѣщенъ о времени слушанія его дѣла и могъ поступить по своему усмотрѣнію.

Такое разрѣшеніе даннаго вопроса помимо своей практичности не только не противорѣчитъ закону, нормирующему дѣятельность народнаго суда, а наоборотъ находитъ въ немъ нѣкоторое подтвержденіе. Статьи 211 и слѣд. Положенія объ упр. Турк. края, устанавливая рядъ ограниченій власти народнаго суда въ примѣненіи своихъ обычаевъ, вовсе не содержатъ въ себѣ запрещенія постановлять заочныя рѣ-

шенія. Оно не можетъ быть выводимо, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, изъ 242 статьи, указывающей, что доставленіе на съѣзды отвѣтчиковъ и свидѣтелей лежитъ на обязанности сельскихъ властей. Очевидно, что правило это, относящееся лишь до съѣздовъ, имѣетъ въ виду тѣ случаи, когда съѣздъ признаетъ необходимымъ выслушать объясненіе сторонъ и показанія свидѣтелей, но не лишаетъ его права разобрать дѣло и въ ихъ отсутствіи.

Исходя изъ того положенія, что обычныя нормы, не противорѣчащія 211 и слѣд. статьямъ Положенія объ упр. Турк. края, должны быть признаны допущенными закономъ, мы полагаемъ, что если по обычаю народные судьи могутъ разсматривать дѣла заочно, то такой порядокъ, какъ не запрещенный мѣстнымъ Положеніемъ, не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго и не составляетъ превышенія власти, влекущаго на основаніи 218 статьи того же Положенія отмѣну приговора или рѣшенія. Правильность этого вывода подтверждается и содержаніемъ 243 ст. Положенія, которая опредѣляетъ двухнедѣльный срокъ на обжалованіе рѣшеній народныхъ судей *со дня объявленія* рѣшенія. Если предположить, что законодатель не допускалъ возможности заочнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ народномъ судѣ, то начальный моментъ срока на обжалованіе долженъ былъ бы исчисляться со дня *постановленія* рѣшенія, ибо никакихъ правилъ составленія рѣшеній въ окончательной формѣ и послѣдующаго объявленія ихъ для народнаго суда установлено не было. Признавъ же, что срокъ обжалованія исчисляется со времени *объявленія* рѣшенія, законодатель, очевидно, раздѣлялъ эти два момента, а слѣдовательно предусматривалъ возможность разсмотрѣнія дѣла въ отсутствіи сторонъ и необходимость послѣдующаго объявленія имъ состоявшагося рѣшенія.

Въ виду изложеннаго, на нашъ взглядъ, представляется совершенно правильнымъ мнѣніе по данному вопросу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который въ предложеніи по земскому отдѣлу отъ 9 августа 1882 года за № 147 разъяснилъ, что весь ходъ дѣлъ въ народномъ судѣ долженъ быть строго согласованъ съ мѣстными обычаями, и если послѣд-

ними допускается окончательное рѣшеніе при неполной явкѣ отвѣтчиковъ, то не можетъ и возникать никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи [1]).

Всякій же, хотя бы немного знакомый съ порядкомъ разбирательства дѣлъ у народныхъ судей кочеваго населенія, можетъ удостовѣрить, что почти всѣ ихъ рѣшенія, въ сущности, заочны. Сначала бій обыкновенно объявляетъ условное постановленіе о томъ, что если указанная сторона не представитъ въ извѣстный срокъ присягателей, то дѣло будетъ рѣшено не въ ея пользу; а затѣмъ, когда сторона эта въ назначенный срокъ не является и не приводитъ присягателей, то бій объявляетъ свое рѣшительное постановленіе въ ея отсутствіи.

Наконецъ слѣдуетъ остановиться и на томъ весьма вѣскомъ соображеніи, что если по правиламъ шаріата или адата въ старину не допускалось заочнаго разсмотрѣнія дѣлъ и порядокъ этотъ вызванъ къ жизни измѣнившимися бытовыми условіями уже послѣ присоединенія края къ Россіи, то едва ли согласуется съ видами русской политики поддержаніе этихъ отживающихъ свой вѣкъ источниковъ мусульманскаго обычнаго права во всей ихъ неприкосновенности. Казалось бы, наоборотъ, воспріятіе туземцами и ихъ судомъ хотя бы нѣкоторыхъ правовыхъ понятій общаго законодательства государства должно найти въ правительствѣ самую энергичную поддержку и одобреніе.

Итакъ, соображенія чисто юридическаго характера и мотивы практическаго свойства говорятъ противъ запрещенія народнымъ судьямъ постановлять заочные приговоры и рѣшенія и противъ признанія въ таковыхъ превышенія власти, могущаго служить основаніемъ къ отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края.

Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ неизвѣщеніе сторонъ

---

[1]) На той же точкѣ зрѣнія стояли, вѣроятно, и составители выработаннаго въ 1898 году проекта измѣненій организаціи народнаго суда Закаспійской области, внесшіе въ 30 статью этого проекта прямое указаніе на допущеніе заочныхъ рѣшеній.

о времени разбирательства дѣла. Вопросъ этотъ былъ подвергнутъ подробному обсужденію въ указѣ Судебнаго департамента Правительствующаго Сената Вѣрненскому окружному суду отъ 30 іюня 1899 года за № 411 по дѣлу о киргизѣ Бекбалы Макинѣ. „Имѣя въ виду, что: а) народный судъ знакомится съ данными каждаго судебнаго дѣла не на основаніи слѣдственнаго матеріала, въ коемъ уже имѣется показаніе обвиняемаго, которому стали извѣстны при предъявленіи ему слѣдствія всѣ собранныя противъ него улики, а на основаніи только тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыя выясняются на самомъ судѣ; б) что при такой постановкѣ дѣла невозможно допустить, чтобы народный судъ постановлялъ свой приговоръ, не имѣя въ виду объясненій обвиняемаго, клонящихся къ его оправданію, почему и вызовъ обвиняемаго въ народный судъ является условіемъ существенно необходимымъ; в) что слѣдовательно для отправленія правосудія недопросъ обвиняемаго народнымъ судомъ представляется нарушеніемъ обязанности, вмѣняемой закономъ всякому суду: творить судъ на основаніи всесторонняго и безпристрастнаго обсужденія дѣла, и г) что народный судъ, судящій дѣло на основаніи обычая, не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ никакими обрядами и формами дѣлопроизводства, и слѣдовательно невызовъ обвиняемаго въ судъ не можетъ разсматриваться, какъ нарушеніе лишь сихъ послѣднихъ, а между тѣмъ въ виду своего важнаго значенія не можетъ не имѣть вліянія на законность постановленнаго народнымъ судомъ приговора“, Правительствующій Сенатъ пришелъ къ заключенію, что невызовъ обвиняемаго народнымъ судомъ къ разбору дѣла долженъ разсматриваться, какъ превышеніе предоставленной ему власти.

Вполнѣ симпатизируя этому окончательному выводу Сената и ссылаясь на него при протестахъ по подобнымъ дѣламъ, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобы это необходимѣйшее и существенное условіе всякаго суда было прямо выражено въ законѣ.

Обсуждая въ цѣляхъ установленія однообразной практики отдѣльные случаи, которые слѣдуетъ признавать пре-

вышеніемъ народнымъ судомъ его власти, Тургайское областное правленіе пришло къ заключенію, что однимъ изъ такихъ случаевъ является присужденіе бійлыка (вознагражденія судьи за рѣшеніе дѣла) въ размѣрѣ большемъ, чѣмъ это установлено народными обычаями [1]). Мотивировка этого заключенія весьма своеобразна. Указавъ, что, по мнѣнію свѣдущихъ лицъ изъ киргизовъ, въ ихъ обычномъ правѣ нѣтъ одной опредѣленной нормы бійлыка, и онъ назначался въ разныхъ размѣрахъ, сообразно суммѣ иска и другимъ свойствамъ дѣла или преступленія, и лишь съ введеніемъ временнаго положенія 21 октября 1868 г. въ области повсемѣстно установилось взысканіе бійлыка въ размѣрѣ не свыше 10% съ суммы иска, областное правленіе признало, что норма эта за 25 лѣтъ вошла въ обычай, и предложило уѣзднымъ начальникамъ представлять прокурору (надо думать, для внесенія протеста) всѣ рѣшенія, которыми будетъ присуждаться бійлыкъ свыше 10% исковой суммы. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, вноситъ ли на такія рѣшенія мѣстный прокурорскій надзоръ протесты въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія, но мы полагаемъ, что превысившимъ свою власть оказался бы окружный судъ, отмѣнившій подобное рѣшеніе, а не народный судья, его постановившій. Положеніе объ упр. Турк. края въ статьѣ 226-ой предоставляетъ народнымъ судьямъ вмѣсто опредѣленнаго содержанія получать вознагражденіе за разрѣшеніе дѣлъ на основаніи существующихъ обычаевъ и только въ отношеніи платы за совершеніе актовъ и договоровъ опредѣляетъ норму этого вознагражденія по таксѣ, утверждаемой генералъ-губернаторомъ по соглашенію съ Министромъ Юстиціи. Отсутствіе въ законѣ нормы вознагражденія за разрѣшеніе дѣлъ лишаетъ всякой возможности разсматривать опредѣленіе этихъ размѣровъ свыше обычныхъ, какъ превышеніе власти, подходящее подъ дѣйствіе 218 ст. Положенія. Это будетъ нарушеніемъ обычая, которое можетъ быть обжаловано во

---

[1]) Вопросы управленія, хозяйства, суда и народнаго образованія въ Тургайской области, Оренбургъ, 1894 г., стр. 56.

вторую инстанцію народнаго суда, но не превышеніемъ власти, влекущимъ кассацію рѣшенія русскимъ судомъ. Иначе пришлось бы признать, что несоблюденіе всякаго обычая есть превышеніе власти, которое аннулируетъ рѣшеніе по 218 статьѣ. Такое вмѣшательство русскаго суда въ народные обычаи внесло бы полный сумбуръ въ эту область и, конечно, противорѣчило бы всему духу нашего законодательства, оставившаго туземному населенію его судъ въ видѣ временной и переходной мѣры и вовсе не предполагавшаго вручать охраненіе мѣстныхъ обычаевъ органамъ русской судебной власти.

Нельзя признать поводомъ къ кассаціи приговора и увеличеніе съѣздомъ помимо требованія обвинителя наказанія, назначеннаго единоличнымъ народнымъ судьей. Правило это, вошедшее въ плоть и кровь дѣятелей суда по уставамъ Императора Александра II, не имѣетъ никакого отношенія къ народному суду и не представляетъ собою такого основнаго судопроизводственнаго принципа, который помимо велѣнія закона являлся бы обязательнымъ для всякаго суда. Народный судъ Туркестанскаго края замѣтно склоненъ увеличивать наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда утверждаетъ по существу обвинительный приговоръ, обжалованный осужденнымъ, и иногда прямо мотивируетъ это усиленіе наказанія упорствомъ виновнаго въ стремленіи избѣгнуть заслуженной отвѣтственности, доказывающимъ его неуваженіе къ закону и суду. Недовольный такимъ оборотомъ дѣла почти всегда жалуется прокурорскому надзору, ссылаясь на нарушеніе принциповъ Судебныхъ уставовъ 1864 года, но получаетъ отказъ въ удовлетвореніи его ходатайства на томъ основаніи, что въ Положеніи объ упр. Турк. края не содержится запрещенія увеличивать наказаніе во второй инстанціи.

Равнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть подводимо подъ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края несогласное съ правилами русскаго закона наложеніе наказаній при совокупности преступленій. Нерѣдко народные судьи, присудивъ за одну кражу къ 1 мѣсяцу тюрьмы, а за другую на 2—3

мѣсяца, при постановленіи приговора по совокупности назначаютъ не высшее изъ опредѣленныхъ различными приговорами наказаній и даже не сумму ихъ, а присуждаютъ на совершенно новый болѣе продолжительный срокъ, такъ, напр., на годъ, на 14—15 мѣсяцевъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если народные судьи не превышаютъ предѣловъ, указанныхъ 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края, приговоры ихъ законны и отмѣнѣ не подлежатъ. Другое дѣло, если по сложеніи всѣхъ наказаній народный судья выйдетъ за эти предѣлы и назначитъ въ итогѣ 2—3, а иной разъ и 4 года тюрьмы. Тогда, конечно, приговоръ, какъ заключающій въ себѣ опредѣленіе наказанія по совокупности свыше предѣловъ власти, предоставленной народному судьѣ, подлежитъ отмѣнѣ въ порядкѣ 218 статьи.

Въ Сыръ-Дарьинской области съ введенія судебной реформы прокурорскій надзоръ сталъ вести строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы нѣсколько приговоровъ народнаго суда объ одномъ и томъ же туземцѣ не обращались къ исполненію одинъ вслѣдъ за другимъ; въ этихъ случаяхъ черезъ администрацію предъявлялось требованіе о постановленіи народнымъ судьей, присудившимъ къ болѣе строгому наказанію, общаго приговора по совокупности преступленій, такъ какъ только народный судъ компетентенъ судить на основаніи своихъ обычаевъ, какъ должны быть исполнены эти приговоры, путемъ ли сложенія наказаній, поглощенія или назначенія новаго самостоятельнаго срока заключенія или денежнаго взысканія.

Въ случаяхъ же присужденія одного и того же лица къ наказаніямъ приговорами народныхъ судей и общеимперскихъ судебныхъ установленій, примѣнительно къ разъясненію Общаго Собранія Правительствующаго Сената (1894 г. № 16), указавшему, что при постановленіи одного приговора волостнымъ судомъ, а другаго мировымъ судьей, безотносительно къ тяжести преступленія, приговоръ по совокупности постановляется симъ послѣднимъ, мы признавали, что въ данномъ случаѣ постановленіе приговора по совокупности лежитъ на обязанности общихъ судебныхъ мѣстъ, при

чемъ установленное 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края заключеніе подъ стражу приравнивали къ аресту, а не къ тюремному заключенію, такъ какъ права присуждать къ наказанію тюрьмою народному суду не предоставлено. Это послѣднее положеніе весьма важно имѣть въ виду при сложеніи наказаній по 133[1] ст. уложенія.

VIII.

Въ нашей практикѣ были опротестованы, какъ постановленные съ превышеніемъ власти, приговоры и рѣшенія народнаго суда въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Разсмотрѣніе дѣла безъ вызова или извѣщенія сторонъ (о чемъ мы уже упоминали выше);

2) Назначеніе наказанія свыше предѣловъ, предоставленныхъ народному суду по 219 ст. Положенія объ упр. Турк. края;

3) назначеніе наказанія, не указаннаго въ этой статьѣ;

4) назначеніе наказанія при состоявшемся примиреніи сторонъ, вопреки той же 219 статьи, предоставляющей народному суду налагать наказанія только въ случаѣ непримиренія сторонъ;

5) замѣна денежнаго взысканія на случай несостоятельности личнымъ наказаніемъ безъ соблюденія правилъ, указанныхъ въ 220 ст. того же Положенія (напр., назначеніе взамѣнъ денежнаго взысканія въ 10 рублей тюремнаго заключенія на 6 мѣсяцевъ);

6) возложеніе денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельдости осужденнаго на его родственниковъ или одноаульцевъ въ нарушеніе 219 статьи, предоставляющей народнымъ судьямъ налагать наказанія только на виновныхъ, и 220 статьи, указывающей замѣну денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности арестомъ и отдачею въ общественныя работы [1]);

---

[1]) Нарушеніе это особенно часто у киргизовъ сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области и въ Тургайской, гдѣ нерѣдко при несостоятельности

7) заключеніе народнымъ судьей подъ стражу въ видѣ мѣры пресѣченія въ нарушеніе опять-таки 219 статьи, по которой народные судьи могутъ примѣнять заключеніе подъ стражу лишь, какъ мѣру наказанія;

8) разсмотрѣніе дѣла въ незаконномъ составѣ присутствія, а именно: кандидатомъ къ народному судьѣ, не вступившимъ въ установленномъ порядкѣ и въ указанныхъ закономъ случаяхъ въ исправленіе должности судьи (225 ст. Положенія объ упр. Турк. края); народнымъ судьей, отведеннымъ стороною (232 статья), уволеннымъ или устраненнымъ отъ должности, въ незаконномъ числѣ судей въ съѣздѣ (237 и 238 ст.), при участіи въ составѣ съѣзда народнаго судьи, постановившаго обжалованное рѣшеніе;

9) принятіе народнымъ судьею дѣла къ своему разбирательству помимо частной жалобы или сообщеніе уѣзднаго начальника и волостнаго управителя у кочеваго населенія, вопреки прямому указанію 232 ст. Положенія объ упр. Турк. края;

10) разсмотрѣніе народнымъ судьею дѣла, въ которомъ онъ самъ является стороною;

11) разсмотрѣніе уголовнаго дѣла непосредственно съѣздомъ помимо единоличнаго народнаго судьи (231 ст.);

12) разсмотрѣніе гражданскаго дѣла непосредственно съѣздомъ помимо обоюднаго согласія сторонъ (231 и 244 ст.);

13) присужденіе во второй инстанціи къ наказанію за преступленіе, тогда какъ предметомъ разбирательства первой инстанціи было гражданское дѣло;

14) принятіе съѣздомъ къ своему разсмотрѣнію рѣшенія единоличнаго народнаго судьи, на которое сторонами жалобъ подано не было (240 ст.);

15) перерѣшеніе судьей или съѣздомъ дѣла, по которому уже состоялось окончательное и вступившее въ законную силу рѣшеніе народнаго суда (233 и 240 ст.) или которое

осужденныхъ опредѣляется взысканіе съ родственниковъ ихъ до 5, 7 и даже 10 колѣна. У осѣдлаго населенія этого нарушенія не наблюдается.

уже принято къ своему разсмотрѣнію общеимперскими судебными мѣстами (215);

16) отказъ съѣзда отъ разсмотрѣнія дѣла по существу и возвращеніе его народному судьѣ для новаго разбирательства въ нарушеніе 240 ст. Положенія, указывающей, что съѣзды постановляютъ только окончательныя рѣшенія;

17) когда приговоръ или рѣшеніе явились плодомъ преступной дѣятельности народныхъ судей, установленной вступившимъ въ законную силу приговоромъ компетентнаго суда;

18) назначеніе народнымъ судьей опеки у кочевниковъ или не къ малолѣтнимъ у осѣдлаго населенія (252 ст.);

19) удовлетвореніе народнымъ судомъ гражданскихъ исковъ, предметомъ которыхъ являются туземныя женщины и дѣти,

и 20) присужденіе народнымъ судомъ къ наказанію за дѣяніе непреступное.

Оговариваясь, что приведенный нами перечень не исчерпываетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ превышенія народнымъ судомъ предоставленной ему власти, влекущихъ отмѣну рѣшеній въ порядкѣ 218 ст. Положенія объ упр. Турк. края, мы полагаемъ, что указанные случаи представляются настолько очевидными, что не нуждаются въ разъясненіяхъ, за исключеніемъ послѣднихъ четырехъ.

По закону поводомъ къ отмѣнѣ рѣшеній народнаго суда является самый фактъ превышенія власти, безразлично къ его внутренней сторонѣ, имѣющей значеніе только для личной отвѣтственности судьи. Поэтому превышеніе власти по небрежности или добросовѣстному заблужденію такъ же, какъ и завѣдомо недобросовѣстное, имѣютъ одинаковое значеніе въ смыслѣ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенія. Еще бо́льшее значеніе для признанія рѣшенія ничтожнымъ имѣетъ установленіе въ законномъ порядкѣ, что оно явилось результатомъ преступной дѣятельности судьи, всегда предполагающей извѣстное злоупотребленіе судьею предоставленною ему властью. Института возобновленія дѣлъ законоположенія о народномъ судѣ не знаютъ, а рядомъ съ этимъ самый примитивный

правопорядокъ не можетъ мириться съ оставленіемъ въ силѣ судебнаго рѣшенія, существо котораго опорочено преступною дѣятельностью самого судьи. Единственно возможнымъ исходомъ является отмѣна такого рѣшенія въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія, но, конечно, не иначе, какъ по вступленіи въ законную силу приговора, присуждающаго народнаго судью къ уголовной отвѣтственности. Такъ, напримѣръ, въ 1896 году одинъ съѣздъ присудилъ киргизку Ирисбаеву съ дочерью обязать вернуться къ истцу, а въ 1898 году Пятымъ департаментомъ Сената входившіе въ составъ съѣзда народные судьи за вымогательство по этому дѣлу 45 рублей были присуждены къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ. По ходатайству Ирисбаевой на рѣшеніе съѣзда по ея дѣлу былъ принесенъ протестъ, и окружный судъ на основаніи 218 ст. Положенія отмѣнилъ это рѣшеніе. Въ другомъ случаѣ судебнымъ приговоромъ было установлено, что рѣшавшіе дѣло члены съѣзда принуждали истца отказаться отъ своихъ исковыхъ требованій, а когда онъ не подчинился этому, то избили его, разорвали представленный имъ въ доказательство правильности иска документъ и въ искѣ отказали. Рѣшеніе это также было опротестовано и отмѣнено судомъ.

Вопросъ о правѣ народныхъ судей производить освидѣтельствованіе умственныхъ способностей и учреждать опеки надъ лицами, достигшими совершеннолѣтія, возникъ по дѣлу сартянки Зубайды-биби Бадаль-Магометовой. Одинъ изъ народныхъ судей города Ташкента призналъ ее умалишенною и постановилъ назначить надъ ней опеку. По жалобѣ на это постановленіе Зубайды-биби, оспаривавшей правильность такого порядка ограниченія ея правъ распоряженія своимъ имуществомъ, прокуроръ суда подалъ протестъ, въ которомъ указалъ, что по 252 ст. Положенія объ упр. Турк. края народнымъ судьямъ осѣдлаго населенія предоставлено завѣдываніе опекунскими дѣлами и назначеніе опекуновъ только къ малолѣтнимъ и ихъ имуществу, и для туземцевъ не установлено особаго порядка освидѣтельствованія и признанія ихъ сумасшедшими и безумными, изъ чего слѣдуетъ заключить, что и въ отношеніи туземцевъ дѣйствуетъ общій порядокъ,

установленный 368 ст. 1 ч. X т. Св. зак., а слѣдовательно, признавъ Зубайду-биби умалишенною безъ соблюденія сего порядка и назначивъ надъ нею опеку, народный судья вышелъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти. Окружный судъ согласился съ этими мотивами и опротестованное постановленіе народнаго суда отмѣнилъ.

Чрезвычайно острый вопросъ, особенно среди кочеваго населенія, представляетъ юридическое положеніе женщинъ и дѣтей. Совершеніе браковъ посредствомъ уплаты калыма, выгоднаго для родителей невѣсты и тягостнаго по своимъ размѣрамъ часто не только для бѣдняка, но и для богатаго киргиза, берущаго къ себѣ въ семью невѣсту, создало взглядъ на женщину, какъ на мѣновую цѣнность. Съ ея желаніями и склонностями никому и на умъ не приходитъ справляться. Кто уплатилъ за нее калымъ, тотъ и собственникъ, къ тому она и должна, хотя бы противъ воли, идти въ жены. Умеръ мужъ или женихъ, она по наслѣдству переходитъ въ собственность ихъ ближайшимъ родственникамъ. Эти суровые обычаи, не признающіе за женщиной самыхъ основныхъ правъ человѣка, поддерживаются и народными судьями въ ихъ рѣшеніяхъ по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ. Мириться съ этимъ рабскимъ положеніемъ женщины, узаконяемымъ народными судами, русская государственная власть не могла и поэтому постоянно выражала стремленіе, если не изъять эти дѣла изъ вѣдѣнія народнаго суда, то хотя бы ограничить его власть. Какъ мы видѣли, проектъ Положенія объ управленіи Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областей (въ § 203 и 235) предоставлялъ сторонамъ право обжалованія рѣшеній народнаго суда по брачнымъ дѣламъ русской административной власти; Положеніе объ управленіи Степныхъ областей 1891 года изъяло дѣла брачныя и семейныя изъ разбирательства суда посредниковъ; и хотя Положеніе объ упр. Турк. края 1886 года для этой категоріи дѣлъ не установило какихъ-либо изъятій, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что законодатель призналъ необходимымъ устранить всякое вмѣшательство въ положеніе туземной женщины. Статья 218 относится и до дѣлъ брачныхъ, а потому рѣшенія народныхъ судей по

этимъ дѣламъ подлежатъ контролю прокурорскаго надзора, который, стоя на стражѣ государственныхъ интересовъ и являясь блюстителемъ за охраненіемъ законовъ, долженъ зорко смотрѣть, чтобы принадлежащее туземной женщинѣ наравнѣ съ другими подданными имперіи право свободнаго и непринужденнаго вступленія въ бракъ не было попираемо народнымъ судомъ. Доказательствомъ же того, что это право не признается народными судьями за туземными женщинами, могутъ служить слѣдующіе примѣры, взятые нами изъ цѣлаго ряда подобныхъ рѣшеній.

Въ прошеніи на имя прокурора окружнаго суда киргизка Ирсибике жаловалась, что уже болѣе мѣсяца она лишена свободы волостнымъ управителемъ, принуждающимъ ее жить въ его юртѣ и никуда не отлучаться. По разслѣдованіи оказалось, что за просительницу однимъ киргизомъ былъ уплаченъ калымъ, но она не пожелала выйти за него замужъ, и съѣздъ народныхъ судей присудилъ въ случаѣ неуплаты въ двухмѣсячный срокъ 20 головъ скота и 100 рублей денегъ обязать ее идти въ жены истцу, а до уплаты находиться у волостнаго управителя, который во исполненіе этого рѣшенія и держалъ ее взаперти у себя въ юртѣ.

Киргизка Чинькуль послѣ смерти своего мужа не пожелала перейти въ жены къ его брату и вмѣстѣ съ дѣтьми вернулась къ своему отцу. Тогда братъ ея покойнаго мужа Кыркинбай черезъ своего довѣреннаго Ирджигита предъявилъ искъ, но не къ Чинькуль, а къ ея отцу Келесбаю, и народный судья, вызвавъ стороны и даже не извѣстивъ о времени разбирательства ту, которая представляла собою предметъ исковыхъ требованій, постановилъ: „женщину Чинькуль, какъ законную жену Кыркинбая, присудить съ двумя дочерьми въ пользу довѣреннаго Кыркинбая Ирджигита“.

Киргизка Альма была просватана за нѣкоего Карманчаева, но послѣдній еще до свадьбы умеръ; послѣ его смерти Альма переселилась въ г. Перовскъ и тамъ вышла замужъ. Тогда двоюродный братъ умершаго Джуманазаръ предъявилъ къ Альмѣ искъ у народнаго судьи своей волости и просилъ признать дѣйствительнымъ его бракъ съ нею, а лицъ, под-

говорившихъ Альму бѣжать въ Перовскъ, привлечь къ уголовной отвѣтственности. Несмотря на разъясненіе начальника уѣзда, что на основаніи 3 п. III ст. Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 2 іюня 1898 г. [1]) искъ этотъ подсуденъ русскому суду, народный судья принялъ дѣло къ своему разбирательству, какъ уголовное (по мѣсту совершенія преступленія—подстрекательству къ переѣзду въ Перовскъ), вызвалъ Альму въ качествѣ *свидѣтельницы* и въ результатѣ постановилъ:—„съ отмѣною втораго брака признать Альму обвѣнчанною женою Джуманазара, которому она и должна быть возвращена".

По иску киргиза къ проживающей въ Перовскѣ вдовѣ его старшаго сына—Рыскуль, народный судья постановилъ: „признать Рыскуль въ бракѣ съ младшимъ сыномъ истца (который проживалъ въ это время въ Оренбургѣ и ничего объ искѣ не зналъ) и водворить ее къ отцу мужа", т. е. къ истцу.

Дочь киргиза Утемисова Дарбійке, просватанная за уплатившаго калымъ Мамытбаева, бѣжала къ своему возлюбленному Джарымбетову и стала его женою. Тогда отецъ ея предъявилъ къ Джарымбетову искъ о возвратѣ дочери у народнаго судьи той волости, гдѣ проживала романическая парочка. Судья рѣшилъ: „Дарбійке по ея желанію оставить женою Джарымбетова". Не выгорѣло здѣсь, надо попытаться предъявить искъ у своего судьи, и для этого покинутый женихъ Мамытбаевъ подаетъ жалобу уже на отца невѣсты Утемисова народному судьѣ той волости, въ которой проживаетъ новый отвѣтчикъ, и судья постановляетъ: „возвратить Дарбійке ея мужу Мамытбаеву".

По иску киргиза Турапова къ вдовѣ его брата о возвратѣ якобы незаконно захваченнаго наслѣдственнаго имущества, народный судья присудилъ истцу между прочимъ имуществомъ и взрослую дочь отвѣтчицы Абиду.

---

[1]) Согласно 3 п. III ст. означеннаго закона гражданскія дѣла между туземцами не подлежатъ вѣдѣнію народнаго суда, если отвѣтчикъ проживаетъ въ предѣлахъ русскихъ поселеній.

Киргизка Маріамъ еще дѣвочкой была отдана въ семью своего жениха, начавшую уплачивать калымъ. Вслѣдствіе возникшихъ споровъ изъ-за размѣровъ калыма отецъ взялъ ее обратно и отдалъ замужъ за другаго киргиза. Обиженная сторона, для созданія искусственной подсудности дѣла народному судьѣ своей волости, заявила жалобу на то, что Маріамъ, похитивъ 150 рублей денегъ, самовольно ушла отъ мужа и вышла вторично замужъ. Народный судья постановилъ: „присудить Маріамъ отъ ея новаго мужа въ пользу прежняго, отца же ея за выдачу своей дочери по ложнымъ доказательствамъ (?) и втораго мужа за то, что женился на чужой женѣ, заключить въ тюрьму на два мѣсяца каждаго". Относительно же кражи, которой въ дѣйствительности совершено не было, но ради которой измѣнена подсудность, въ рѣшеніи не упомянуто вовсе.

Всѣ подобнаго рода рѣшенія опротестовывались прокурорскимъ надзоромъ Ташкентскаго окружнаго суда и отмѣнялись на томъ основаніи, что женщина не представляетъ собою предмета гражданскаго оборота, а слѣдовательно и не можетъ быть присуждаема наравнѣ или взамѣнъ отыскиваемой денежной суммы, и кромѣ того свобода вступленія ея въ бракъ охраняется уголовными законами. Соотвѣтственно этой твердо установившейся практикѣ военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области 28 ноября 1900 года въ циркулярѣ на имя уѣздныхъ начальниковъ предложилъ имъ представлять прокурору для отмѣны въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія всѣ рѣшенія народныхъ судей, присуждающія женщинъ къ вступленію въ бракъ противъ ихъ воли, и мотивировалъ это распоряженіе тѣмъ, что народный судъ, руководствуясь при разрѣшеніи брачныхъ дѣлъ своими обычаями, можетъ присудить сторону, вопреки обычаю отказывающуюся вступить въ бракъ, къ уплатѣ калыма, мегра и вообще къ имущественному вознагражденію, но не имѣетъ права принуждать къ вступленію въ бракъ противъ воли, такъ какъ однимъ изъ основныхъ правъ подданныхъ Россійской имперіи является право свободнаго, не по присужденію, вступленія въ бракъ, и право это, безотносительно къ религіи

вступающаго въ бракъ, охраняется строгими наказаніями, указанными въ 1550 и 1551 ст. улож. о наказ.

Самою серьезною и отвѣтственною обязанностью прокурорскаго надзора въ Туркестанскомъ краѣ является наблюденіе за тѣми приговорами, въ которыхъ назначается наказаніе за дѣяніе, не преступное по обще-имперскимъ уголовнымъ законамъ. Подобные приговоры встрѣчаются преимущественно въ народномъ судѣ осѣдлаго населенія. До послѣдняго времени на эту сторону дѣятельности народнаго суда было обращено очень мало вниманія, между тѣмъ, помимо своего юридическаго интереса, она заслуживаетъ особаго вниманія уже по одному тому, что въ подобныхъ приговорахъ сказывается иногда опасная тенденція религіозно-политическаго свойства.

Признавая въ виду этого весьма важнымъ правильное разрѣшеніе вопроса о возможности отмѣны въ порядкѣ 218 ст. Турк. Положенія приговоровъ народнаго суда, которыми туземцы присуждаются къ наказаніямъ за дѣянія, не заключающія въ себѣ признаковъ преступленія по русскому уголовному закону и лишь признаваемыя преступными по обычаю (шаріату или адату), мы должны сознаться, что вопросъ этотъ представляется спорнымъ въ смыслѣ теоретическаго обоснованія обязательности для инородческаго суда руководствоваться не обычаями, а русскимъ закономъ, при опредѣленіи преступности дѣянія.

Не только нѣкоторые изъ окружныхъ судовъ нашей средне-азіатской окраины отказываются отмѣнять подобные приговоры, исходя изъ того соображенія, что согласно 210 ст. мѣстнаго Положенія народные судьи разбираютъ дѣла на основаніи своихъ обычаевъ, а въ силу 219 статьи, сообразуясь съ этими обычаями по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, налагаютъ наказанія; не имѣя передъ собой другаго императива, кромѣ велѣнія слѣдовать этимъ обычаямъ, они не только не выходятъ изъ предѣловъ предоставленной имъ власти, а, наоборотъ, дѣйствуютъ вполнѣ согласно съ закономъ, обсуждая преступность дѣянія съ точки зрѣнія обязательнаго для нихъ обычая и не справляясь съ русскимъ

уголовнымъ кодексомъ, знаніе котораго для нихъ не обязательно; не только, говоримъ мы, нѣкоторые суды наши, но и выдающіеся ученые криминалисты, какъ профессоръ Таганцевъ, являются противниками нашего мнѣнія.

Въ статьѣ „Правополагающіе источники и ихъ взаимное отношеніе въ уголовномъ правѣ“ [1]) проф. Таганцевъ, признавая, что при современной конструкціи уголовнаго права обычно-народныя воззрѣнія не могутъ служить непосредственнымъ основаніемъ судебныхъ приговоровъ, находитъ однако, что въ отступленіе отъ общепризнаннаго принципа nullum crimen, nulla poena sine lege въ исключительныхъ, точно опредѣленныхъ случаяхъ уголовно-обычное право можетъ быть правоисточникомъ для судебной власти, а именно въ инородческихъ судахъ нашихъ окраинъ и въ волостныхъ судахъ прежняго устройства. Ссылаясь на 210 ст. Турк. Положенія, проф. Таганцевъ говоритъ, что осѣдлые туземцы Туркестанскаго края по извѣстной категоріи уголовныхъ дѣлъ вѣдаются народными судами и наказываются на основаніи существующихъ обычаевъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи никакихъ ограниченій для инородческихъ судовъ, въ отношеніи примѣненія обычнаго права, проф. Таганцевъ не указываетъ, изъ чего слѣдуетъ предположить, что не только условія наказуемости, но и самая преступность дѣянія, по его мнѣнію, можетъ опредѣляться народными обычаями.

Однако, не смущаясь упреками въ недостаточномъ воспріятіи основныхъ принциповъ теоріи уголовнаго права и пріемовъ научнаго толкованія законовъ, мы рѣшительно возстаемъ противъ мнѣнія нашего уважаемаго учителя.

Прежде всего мы не понимаемъ, какимъ образомъ благоустроенное государство съ сложившимся правовымъ порядкомъ можетъ допустить, чтобы въ немъ существовали такія судебныя установленія (хотя бы и съ узкой компетенціей въ ограниченной сферѣ извѣстной категоріи подданныхъ), которыя могли бы не только безнаказанно, но и на вполнѣ

---

[1]) Право, 1902 г., № 4 и 5, также въ Лекціяхъ угол. права, изд. 1902 г., стр. 131—137.

законномъ основаніи, проводить въ своихъ приговорахъ противорѣчащія государственнымъ интересамъ религіозно-политическія тенденціи. Впрочемъ и безъ такой противоправительственной окраски, даже и тогда, когда въ основаніе приговора, присуждающаго къ наказанію за дѣяніе не преступное, лежитъ только недостаточное развитіе судьи, непониманіе имъ предѣловъ своей власти или своихъ правъ и обязанностей, государство съ мало-мальски культурнымъ строемъ мириться съ такими приговорами не можетъ. Они возвращаютъ насъ къ тому далекому прошлому, когда понятіе дѣянія преступнаго смѣшивалось съ поступками безнравственными или грѣховными, когда самъ судья не только примѣнялъ уголовный законъ, но и создавалъ его ad hoc по данному дѣлу, когда облагались наказаніями не только проявленія мысли и воли во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, но и самая мысль и воля—эта недоступная никому святая святыхъ человѣка. Возможно ли существованіе въ государствѣ такихъ особыхъ судебныхъ установленій, которыя имѣли бы право лишать свободы за преступленія, немыслимыя при современномъ состояніи человѣческихъ знаній, напр., за колдовство, наговоры и т. п., которымъ было бы предоставлено безконтрольное право карать и миловать за несвоевременное совершеніе молитвы, за услугу иновѣрцу и другія нарушенія правилъ воинствующей религіи, строго регламентирующей всю жизнь правовѣрнаго; которыя, однимъ словомъ, могли бы наказывать за то, что̀ по общему законодательству представляется поступкомъ дозволеннымъ или даже заслуживающимъ поощренія. А вѣдь нѣчто подобное бываетъ въ народномъ судѣ Туркестанскаго края.

Такъ, 219 ст. мѣстнаго Положенія предоставляетъ народнымъ судьямъ налагать наказанія только въ случаѣ непримиренія сторонъ. Слѣдовательно, по закону примиреніе признается вполнѣ легальнымъ актомъ. Между тѣмъ въ одномъ случаѣ народный судья кочеваго населенія (бій) присудилъ жалобщика къ денежному взысканію въ 15 рублей за то, что онъ до разбирательства дѣла помирился съ конокрадомъ, возвратившимъ ему лошадь. Въ другомъ случаѣ за прими-

реніе съ обвиняемымъ обвинитель былъ присужденъ къ заключенію подъ стражу на 3 недѣли.

Неявка отвѣтчиковъ по гражданскимъ дѣламъ не представляется по нашему законодательству дѣяніемъ преступнымъ, также не запрещена она подъ страхомъ наказанія и мѣстнымъ Положеніемъ. Народные же судьи за неявку ихъ не только налагаютъ денежныя взысканія, но и присуждаютъ (конечно, заочно и безъ вызова) къ аресту на 2—3 недѣли, а въ двухъ случаяхъ за неявку отвѣтчики были подвергнуты тюремному заключенію на 2 и на 3 мѣсяца.

Также облагаются денежными взысканіями и присуждаются къ заключенію подъ стражу стороны и свидѣтели за отказъ въ принятіи повѣстки о вызовѣ къ судебному разбирательству, безразлично къ тому, явились ли они затѣмъ въ судъ или нѣтъ.

Признается народными судьями за преступленіе и отказъ отвѣтчика или обвиняемаго представить свои возраженія противъ иска или обвиненія. Такъ, одинъ киргизъ „за отказъ давать объясненія по предъявленному къ нему иску“ былъ присужденъ къ аресту на 2 недѣли; въ другомъ случаѣ два сарта, обвиняемыхъ въ кражѣ, „за то, что одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ на заданные вопросы, чтобы разстались съ упрямствомъ“ (?) были приговорены, къ аресту на 7 дней каждый, а дѣло о кражѣ разбирательствомъ было отложено. Любопытно и слѣдующее рѣшеніе, резолютивную часть котораго приводимъ въ дословномъ переводѣ: одинъ сартъ былъ присужденъ къ аресту на 30 дней за то, что „оказалъ сопротивленіе шаріату, по многимъ вызовамъ въ качествѣ довѣреннаго отвѣтчика не являлся, не допускалъ явиться самого отвѣтчика и подучалъ послѣдняго разнымъ пустословіямъ“.

Иногда народные судьи назначаютъ наказанія при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ и за неосновательное предъявленіе иска. За то, что истецъ „по фиктивному документу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ безпокоилъ начальство и должностныхъ лицъ туземной администраціи“, съѣздъ народныхъ судей (помимо единоличнаго народнаго судьи) присудилъ его къ денежному взысканію въ 25 рублей и къ аресту на полтора мѣсяца.

Помимо всѣхъ этихъ случаевъ, въ которыхъ народные судьи усматриваютъ сопротивленіе ихъ законнымъ требованіямъ или неуваженіе къ нимъ, они присуждаютъ къ наказаніямъ и за такія дѣянія, которыя, не заключая въ себѣ момента противодѣйствія отправленію правосудія, являются только простымъ нарушеніемъ строгихъ правилъ шаріата, обязательныхъ для каждаго благочестиваго мусульманина.

Такъ, одинъ изъ народныхъ судей г. Ташкента, признавъ доказаннымъ, что два сарта и сартянка сидѣли въ домѣ одного изъ нихъ, пили пиво и играли на дутарѣ (туземный струнный инструментъ), присудилъ ихъ „за занятіе противошаріатными дѣлами“ къ заключенію въ тюрьмѣ на 4 мѣсяца каждаго. Другой народный судья также г. Ташкента за то, что сартъ „вошелъ въ домъ потерпѣвшаго и сидѣлъ съ его женою“, назначилъ тюремное заключеніе на 20 дней, а за „хожденіе въ ночное время по базару, что̀ по шаріату не полагается“, присудилъ къ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ.

Не лишенъ интереса и слѣдующій случай: разсмотрѣвъ дѣло по обвиненію сарта и сартянки мужемъ послѣдней въ прелюбодѣяніи, народный судья призналъ событіе прелюбодѣяніе недоказаннымъ и по этому обвиненію оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ, но тѣмъ же приговоромъ присудилъ ихъ:—сарта „за то, что зашелъ въ чужой домъ съ дурными намѣреніями“,—къ заключенію въ тюрьму на 12 мѣсяцевъ, а сартянку „за согласіе и допущеніе“—къ денежному взысканію въ 10 рублей.

За вступленіе въ половую связь до срока, положеннаго по шаріату на безбрачіе овдовѣвшей, народный судья присудилъ вдову къ заключенію въ тюрьму на 1 мѣсяцъ, а ея сожителя въ тюрьму же на 3 мѣсяца.

Киргиза за выдачу своей дочери замужъ за того, который ей нравился, а не за уплатившаго калымъ, хотя послѣднему калымъ и былъ возвращенъ, народный судья присудилъ къ заключенію подъ стражу на 2 мѣсяца.

За отказъ передать вдову по наслѣдству брату умершаго отецъ ея и второй мужъ были присуждены, кромѣ возврата калыма, къ заключенію въ тюрьму на $1^1/_2$ мѣсяца каждый.

Встрѣчаются и приговоры о наказаніи лишеніемъ свободы за несоблюденіе постовъ, несовершеніе намаза и т. п.

Изъ приговоровъ съ религіозно-политической окраской слѣдуетъ указать на присужденіе женщинъ за появленіе на улицѣ съ открытымъ лицомъ къ тюремному заключенію, иногда на нѣсколько мѣсяцевъ. Намъ памятенъ случай, когда въ Кокандскую тюрьму была доставлена сартянка, приговоренная народнымъ судьей къ высшей мѣрѣ наказанія, предоставленнаго его власти,—къ тюремному заключенію на $1^1/_2$ года, за ношеніе русскаго платья. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи приговоръ народнаго судьи гор. Ауліэата по дѣлу сарта Магометжана Гуль Магометова. Какъ видно изъ этого приговора, имамъ Ауліэатинской мечети, собирая съ жителей деньги, обратился къ Гуль-Магометову съ требованіемъ внести на мечеть причитающуюся съ него долю. Гуль Магометовъ же заявилъ, что онъ человѣкъ бѣдный и платить не желаетъ, а если и дастъ деньги, то на русскую церковь, послѣ чего пошелъ и опустилъ въ кружку возлѣ церкви 15 копѣекъ. Усматривая въ такомъ поступкѣ оскорбленіе имама, народный судья приговорилъ Гуль Магометова къ заключенію въ тюрьму на 2 мѣсяца.

Неужели подобные нарушители шаріата являютъ собою людей, опасныхъ по своей злой волѣ, и могутъ сидѣть въ тюрьмахъ на ряду съ убійцами, разбойниками, конокрадами и клятвопреступниками? Неужели лица прокурорскаго надзора, олицетворяя собою слѣпую старушку Ѳемиду—это, сомнительнаго достоинства, наслѣдіе древневѣковой юстиціи—должны закрывать глаза передъ такимъ глумленіемъ надъ самою идеей уголовнаго суда и даже наблюдать за строгимъ исполненіемъ приговоровъ, не только игнорирующихъ, но и попирающихъ общіе законы государства?

Для такого исключительнаго, анормальнаго порядка вещей необходимо, чтобы существованіе его покоилось на точно и ясно выраженной волѣ законодателя. Законность подобнаго явленія не можетъ быть предполагаема, не можетъ быть доказываема недомолвками и неясными выраженіями того или другаго законодательнаго акта. Изъ того, что статья 219,

Положенія объ упр. Турк. края, уполномочивая народныхъ судей налагать извѣстныя наказанія „по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“, не разъясняетъ, что она разумѣетъ подъ терминомъ „преступленія и проступки“, нельзя заключить, что здѣсь имѣются въ виду дѣянія, признаваемыя преступленіями по обычному праву. Наоборотъ, это умолчаніе прямо указываетъ, что статья 219 разумѣетъ общепринятое, понятное всѣмъ употребленіе терминовъ „преступленіе, проступокъ“, какъ дѣяній, воспрещенныхъ *закономъ* (а не обычаемъ) подъ страхомъ наказанія (ст. 1 новаго уголовнаго уложенія). Выводъ этотъ подтверждается и сопоставленіемъ 219 статьи съ 211-ой того же Турк. Положенія, указывающей, что вѣдѣнію народнаго суда подлежатъ всѣ дѣла „о преступленіяхъ и проступкахъ“, совершенныхъ туземцами, за исключеніемъ означенныхъ въ 141 и 142 статьяхъ. Послѣднія же перечисляютъ тѣ дѣла „о преступленіяхъ и проступкахъ“, которыя подсудны общеимперскимъ судебнымъ мѣстамъ. Употребляя этотъ терминъ одинаково для выясненія подсудности дѣлъ, какъ русскимъ, такъ и народнымъ судамъ, составители Положенія 1886 года, конечно, придавали ему въ обоихъ случаяхъ одно и то же значеніе. И если мы припомнимъ, что при введеніи въ дѣйствіе этого Положенія въ Туркестанскомъ краѣ были устроены судебныя установленія стараго типа, руководствовавшіяся не Судебными уставами, а „законами о судопроизводствѣ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ“ (2 ч. XV т. Св. зак., изд. 1857 года), то станетъ очевиднымъ, что терминъ этотъ составители употребляли въ томъ же значеніи, какое онъ имѣетъ и въ этомъ судопроизводственномъ законѣ, т. е. считали преступленіями и проступками лишь дѣянія, признаваемыя таковыми по русскимъ уголовнымъ законамъ. Наконецъ, читая 210 статью въ связи съ 219-ой Туркест. Положенія, мы приходимъ къ заключенію, что, ограничивъ въ послѣдней право народныхъ судей налагать наказанія только дѣлами о преступленіяхъ и проступкахъ, законодатель подчеркнулъ основное положеніе уголовнаго права, что обычай не является для судьи правоисточникомъ, опредѣляющимъ преступ-

ность дѣянія. Иначе къ чему было бы дѣлать подобное указаніе? Разъ только народный судья во всемъ безъ ограниченія имѣетъ право примѣнять обычноправовыя нормы, то незачѣмъ было при установленіи размѣровъ ихъ власти по наложенію взысканій указывать еще, что эти взысканія могутъ налагаться только по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, въ законѣ, устанавливающемъ предѣлы вѣдомства и власти народнаго суда, послѣднему не только не предоставлено права опредѣлять преступность дѣянія на основаніи обычаевъ, а, наоборотъ, вмѣнено въ обязанность въ своей карательной дѣятельности сообразоваться въ этомъ отношеніи съ общеимперскимъ уголовнымъ законодательствомъ.

Сторонники противоположнаго мнѣнія ссылаются еще на то, что, заставляя народныхъ судей обсуждать преступность дѣянія съ точки зрѣнія уложенія и устава о наказаніяхъ, мы тѣмъ самымъ распространяемъ на туземное населеніе цѣлый рядъ чуждыхъ его быту уголовныхъ запретовъ, что едва ли входило въ виды законодателя, оставившаго туземцамъ ихъ судъ для того, чтобы не производить сразу кореннаго переворота въ ихъ правовой жизни. Но въ такомъ возраженіи заключается крупное недоразумѣніе. Мы утверждаемъ, что *преступнымъ* дѣяніемъ въ народномъ судѣ должно почитаться лишь таковое по русскому закону, но отсюда еще далеко до возложенія на народныхъ судей обязанности *наказывать* за всѣ преступленія, даже и тогда, когда такое наказаніе будетъ противорѣчить обычнымъ правовоззрѣніямъ народа. Понятіе преступности дѣянія не равносильно его наказуемости, и если теорія уголовнаго права и законодательства цивилизованныхъ государствъ признаетъ цѣлый рядъ факторовъ, уничтожающихъ наказуемость дѣянія, то несомнѣнно такіе факторы могутъ существовать и въ обычномъ правѣ полудикихъ кочевниковъ, и въ предписаніяхъ шаріата у осѣдлыхъ мусульманъ. Здѣсь народный судъ не стѣсненъ въ примѣненіи своихъ обычаевъ. Соотвѣтствующее бытовому складу инородческаго населенія и его понятіямъ о правѣ признаніе не наказуемымъ дѣянія преступнаго по общеимпер-

скому законодательству не нарушаетъ принциповъ справедливости и не можетъ вредить государственнымъ интересамъ, такъ какъ всѣ тѣ преступленія, которыя правительство признаетъ необходимымъ не оставлять безнаказанными, изъемлются изъ вѣдѣнія народнаго суда. Согласіе же законодателя на оставленіе безъ преслѣдованія и наказанія такихъ преступленій, которыя совершены туземцами въ своей средѣ и не затрогиваютъ интересовъ государственныхъ, порядка управленія, общественныхъ и благъ другихъ подданныхъ, ясно выражено предоставленіемъ права примиренія по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, разбирающимся въ народномъ судѣ.

IX.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о томъ порядкѣ, какимъ осуществляется надзоръ администраціи и прокуратуры за дѣятельностью народнаго суда.

По Положенію объ упр. Турк. края лица, ближе всего стоящія къ населенію и имѣющія нѣкоторую возможность фактическаго наблюденія за приговорами и рѣшеніями народнаго суда,—участковые пристава, юридически совершенно устранены отъ всякаго надзора за нимъ. Всѣ обязанности администраціи по отношенію народнаго суда возложены на уѣздныхъ начальниковъ [1]), которые, будучи обременены разнообразною и во всѣхъ отрасляхъ весьма серьезною и отвѣтственною дѣятельностью, не имѣютъ физической возможности правильнаго наблюденія за народнымъ судомъ. Вороха веденныхъ на туземномъ языкѣ книгъ народныхъ судей и ихъ съѣздовъ по всѣмъ волостямъ уѣзда—уѣздному начальнику немыслимо не только съ вниманіемъ провѣрить, но даже бѣгло просмотрѣть. Наблюденіе за своевременнымъ обращеніемъ приговоровъ къ исполненію совершенно отсутствуетъ, да оно и невозможно при настоящемъ порядкѣ регистраціи рѣшеній

---

[1]) Ст. 218, 220, 228, 232, 237, 238, 241, 243, 248, 250 и 251 Пол. объ упр. урк. края.

народнаго суда и выдачи выписокъ изъ нихъ. По утвержденной 1 декабря 1892 года инструкціи народный судья обязанъ вести особую книгу рѣшеній, въ которой для каждаго дѣла отводится полный листъ въ 4 страницы. На первой страницѣ записывается содержаніе жалобы (§ 1 инструкціи), а оборотъ ея, т. е. вторая страница, заполняется постановляемымъ народнымъ судьею приговоромъ или рѣшеніемъ (§ 4), копія котораго пишется на второмъ полулистѣ, отрѣзывается и выдается сторонѣ по ея требованію (§ 7). Съ этой копіей выигравшій дѣло потерпѣвшій или истецъ обязанъ обратиться для приведенія приговора или рѣшенія въ исполненіе къ волостному управителю или аксакалу (§ 10). Такимъ образомъ, исполненіе приговора предоставлено волѣ частнаго лица, которое передаетъ копію волостному управителю только въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ добиться добровольнаго возмѣщенія убытковъ или когда подъ вліяніемъ какихъ-либо личныхъ соображеній желаетъ, чтобы осужденный отбылъ наказаніе. Обыкновенно же, получивъ присужденное ему денежное вознагражденіе за вредъ и убытки, потерпѣвшій передаетъ копію приговора въ руки осужденнаго, и вслѣдствіе этого въ части личнаго наказанія приговоръ остается безъ исполненія. По одному слѣдственному дѣлу выяснилось, что члены извѣстной во всемъ округѣ семьи киргизовъ конокрадовъ за періодъ времени въ нѣсколько лѣтъ свыше 100 разъ судились, то одинъ, то другой, въ народномъ судѣ и были приговариваемы къ наказаніямъ за кражи, но систематически избѣгали наложенныхъ на нихъ наказаній тѣмъ, что возвращали потерпѣвшимъ ихъ лошадей, а, при невозможности возвратить, платили деньги или великодушно отдавали имъ лошадей, похищенныхъ у кого-либо другаго.

При такихъ условіяхъ надзоръ администраціи и прокуратуры за приговорами народнаго суда ограничивается почти исключительно разсмотрѣніемъ жалобъ заинтересованныхъ лицъ.

Представляетъ ли сутяжничество особую характерную черту среднеазіатскаго туземца, или объясняется это дѣйствительно дошедшею до крайнихъ предѣловъ неудовлетвори-

тельностью народнаго суда, не разбирающаго правыхъ и виноватыхъ, а признающаго лишь сильныхъ и слабыхъ, сказать трудно; вѣроятнѣе всего, что и то, и другое имѣетъ извѣстное значеніе, но жалобы туземцевъ на народный судъ массами поступаютъ въ самыя различныя правительственныя установленія. Обыкновенно, туземецъ не ограничивается подачею одного прошенія извѣстному должностному лицу, отъ котораго зависитъ разрѣшеніе его домогательствъ. Пользуясь услугами русскаго или туземнаго подпольнаго адвоката,—литературныя способности ихъ одинаковы,—проситель не скупится на расходы на бумагу и марки, на плату за трудъ и посылаетъ одновременно прошенія тождественнаго содержанія участковому приставу, уѣздному начальнику, губернатору, прокурору, иногда и генералъ-губернатору. Рѣдко, когда въ такомъ прошеніи суть дѣла изложена прямо и правдиво. Желая добиться отмѣны приговора, постановленнаго народнымъ судьей съ нарушеніемъ подсудности или превышеніемъ власти, проситель постарается сгустить краски, будетъ жаловаться и на взяточничество народнаго судьи, и на нанесеніе побоевъ, и на противозаконное задержаніе, и все это со ссылкою на многочисленныхъ свидѣтелей. Производится разслѣдованіе, отнимающее у чиновъ полиціи массу времени на безплодную работу, и выясняется, что всѣ обвиненія, взведенныя на народнаго судью, по меньшей мѣрѣ неосновательны, что вся суть дѣла въ желаніи жалобщика добиться отмѣны приговора или рѣшенія судьи. Всѣ эти кипы прошеній, разосланныхъ по разнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ произведенными разслѣдованіями въ концѣ концовъ сосредоточиваются въ камерѣ прокурора, и тутъ наступаетъ серьезный моментъ въ его дѣятельности по надзору за народнымъ судомъ. Отбросивъ непріязненное чувство къ озлобленному жалобщику или досужему и витіеватому составителю прошенія, измыслившимъ неосновательныя обвиненія, прокуроръ обязанъ съ особымъ вниманіемъ отнестись къ приложеннымъ къ такимъ перепискамъ приговорамъ и рѣшеніямъ народнаго суда и, входя въ обсужденіе вопроса о наличности поводовъ къ отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ 218 ст. мѣстнаго Положенія,

долженъ всегда памятовать, что недостаточно продуманный и ошибочный отказъ въ опротестованіи подобнаго приговора или рѣшенія окончательно лишаетъ пострадавшаго возможности добиться отмѣны ихъ и преграждаетъ ему навсегда доступъ къ правосудію.

Хотя жалобы на народный судъ и многочисленны, но ими однѣми, конечно, не обезпечивается въ достаточной мѣрѣ соблюденіе народными судьями предѣловъ ихъ вѣдомства или власти. Не всегда обиженный неправымъ рѣшеніемъ понимаетъ, что народный судья нарушилъ законъ, а если и понимаетъ, то нерѣдко не рѣшается подачею жалобы навлекать на себя гнѣвъ всемогущаго судьи. Поэтому, не ограничиваясь разсмотрѣніемъ жалобъ на рѣшенія народныхъ судей, прокурорскій надзоръ обязанъ во всѣхъ случаяхъ, когда черезъ его руки проходятъ эти рѣшенія, обращать вниманіе на соблюденіе въ нихъ правилъ подсудности и предѣловъ власти и при обнаруженіи подобныхъ нарушеній входить въ окружный судъ съ протестами.

Весьма дѣйствительнымъ способомъ наблюденія за карательною дѣятельностью народнаго суда является возможно частое посѣщеніе лицами прокурорскаго надзора мѣстъ заключенія и тщательный просмотръ приговоровъ, по коимъ осужденные народнымъ судомъ отбываютъ наказанія. Здѣсь возможно обнаруженіе самаго серьезнаго превышенія народными судьями предоставленной имъ власти—присужденія къ наказанію за дѣяніе непреступное. Въ силу 218 ст. Турк. Положенія и 10 ст. уст. угол. суд. лицо прокурорскаго надзора обязано въ этомъ случаѣ немедленно распорядиться пріостановленіемъ исполненія подобнаго приговора и освободить изъ подъ стражи незаконно отбывающаго наказаніе.

Нужно ли говорить, насколько серьезна и плодотворна дѣятельность прокурорскаго надзора по наблюденію за народнымъ судомъ даже въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она осуществляется въ настоящее время по случайно доходящимъ до разсмотрѣнія прокуратуры приговорамъ и рѣшеніямъ.

Десятки часовъ, потраченныхъ на скучную и подчасъ тягостную работу по разбиранію различныхъ почерковъ, ко-

торыми написаны прошенія или протоколы разслѣдованій, по выясненію внутренняго смысла въ безтолково изложенномъ приговорѣ или рѣшеніи, по раскрытію разнообразныхъ пріемовъ искусственнаго измѣненія подсудности и т. п., съ лихвой вознаграждаются сознаніемъ, что въ этой отрасли своей дѣятельности прокурорскій надзоръ является проводникомъ свѣтлыхъ, гуманныхъ началъ равной для всѣхъ правды и справедливости въ темную, привыкшую вѣками къ деспотическому произволу среду туземнаго населенія, что этимъ путемъ прокуратура одна только управомочена закономъ призвать русскій судъ къ борьбѣ съ неправосудіемъ суда народнаго,— къ борьбѣ, результаты которой имѣютъ весьма важное государственное и общественное значеніе. Каждая отмѣна приговора или рѣшенія народнаго суда, постановленнаго съ превышеніемъ власти или нарушеніемъ подсудности, и обязательное для послѣдняго разъясненіе русскимъ судомъ допущенныхъ при разсмотрѣніи дѣла неправильностей вселяетъ въ народныхъ судей необходимое въ государственныхъ интересахъ сознаніе, что они являются представителями единой русской власти и исполнителями общаго для всей Россіи закона, а не обособленными и всемогущими блюстителями мусульманскаго права и религіи. Разумное и осторожное примѣненіе 218 ст. Полож. объ управл. Турк. края заставляетъ народныхъ судей, а съ ними и все туземное населеніе, уважать и соблюдать обязательныя для нихъ предписанія русскаго закона, научаетъ понимать его гуманныя начала и, воочію убѣждая въ превосходствѣ культурныхъ правовыхъ принциповъ надъ грубыми примитивными нормами киргизскаго обычнаго права и жестокими, неподвижными правилами шаріата, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ создаетъ новые обычаи, облагороженные, смягченные и согласованные съ русскимъ закономъ.

Нѣкоторыя цѣнныя растенія горной части Самаркандскаго уѣзда.

Въ настоящемъ году по распоряженію помощника военнаго губернатора Самаркандской области было произведено изслѣдованіе зарослей тарана въ горной части Самаркандскаго уѣзда для выясненія вопроса о наилучшей постановкѣ эксплоатаціи этого растенія, а также о тѣхъ мѣрахъ, какія должны быть приняты для сохраненія его отъ истребленія. Изслѣдованіе производилъ студентъ Московскаго сельскохозяйственнаго института Петровъ подъ руководствомъ мѣстнаго чиновника по сельскохозяйственной части Вальнева. Попутно было обращено вниманіе также и на другія полезныя растенія данной мѣстности, а именно сумбулъ и сучъ.

Таранъ (Polygonum alpinum), растеніе семейства Polygonaceae, даетъ корневища, имѣющія въ Туркестанѣ техническое примѣненіе для дубленія кожъ. Встрѣчается оно по большей части близъ линіи снѣговъ. Размножается корневищами и сѣменами. Старое корневище обыкновенно окружено большимъ числомъ молодыхъ отпрысковъ, изъ которыхъ образуются новыя растенія. Размножается таранъ также и сѣменами, причемъ опыленіе, какъ у большинства крупныхъ Polygonaceae производится насѣкомыми. Обсѣмененіе съ половины до конца августа. Неблагопріятно отзываются на распространеніи и возобновленіи этого растенія сплошныя выкопки всѣхъ корневищъ на данной площади, что не рѣдко имѣетъ мѣсто въ настоящее время. Есть мѣста, гдѣ таранъ былъ еще въ недавнее время, но вслѣдствіе сплошной выкопки исчезъ совершенно. Размноженію сѣменами сильно вредитъ выпасъ на заросляхъ тарана скота, который охотно поѣдаетъ его нѣжные и сочные молодые стебли, а также выкопка корневищъ ранѣе конца августа, когда заканчивается обсѣмененіе.

Заросли этого растенія встрѣчаются въ Кштутской, Магіанъ фараоской, Фальгарской, Афтобруинской и Искандеровской волостяхъ. Эксплоатируется, главнымъ образомъ, въ первыхъ четырехъ волостяхъ, изъ Искандеровской же волости вывозъ тарана весьма незначителенъ вслѣдствіе ея отдаленности и плохихъ путей сообщенія.

Площадь зарослей опредѣлить весьма трудно, такъ какъ онѣ представляютъ собою то отдѣльныя куртины, то единичныя растенія, разбросанныя по большой площади. По приблизительному опредѣленію площадь зарослей въ Кштутской, Магіанъ фарабской, Фальгарской и Афтобруинской волостяхъ равняется 312 десятинамъ. Цифра эта представляетъ собою сводную площадь площадей куртинъ и мѣстъ, занятыхъ самими растеніями въ рѣдкихъ насажденіяхъ, по глазомѣрному, весьма, конечно, не точному опредѣленію. Въ Искандеровской волости запасы тарана довольно значительны: онъ встрѣчается въ верховьяхъ почти всѣхъ саевъ бассейна рѣки Ягноба.

Рыночная стоимость тарана около 18 рублей за батманъ (8 пудовъ).

Другимъ полезнымъ растеніемъ данной мѣстности является сумбулъ (Euryangium Sumbul). Даетъ ароматическія вещества и имѣетъ примѣненіе въ медицинѣ. Къ сожалѣнію, изслѣдовать его не удалось, такъ какъ періодъ цвѣтенія этого растенія относится къ началу лѣта, въ концѣ-же іюля надземныя части его уже высыхаютъ и обыкновенно бываютъ сбиты скотомъ. Туземцы различаютъ два сорта сумбула— «газаракъ» и «осиль», причемъ второй встрѣчается очень рѣдко и преимущественно въ бассейнѣ Искандеръ дарьи, первый же распространенъ довольно широко и представляетъ собою корень зонтичнаго растенія. При выкапываніи корня «газаракъ» оказалось, что онъ совершенно лишенъ того пріятнаго аромата, который является главнымъ отличительнымъ признакомъ цѣннаго сумбула. Полученные отъ туземцевъ корни «осиль»

издавали слабый, но пріятный запахъ. Малая ароматичность этихъ экземпляровъ объясняется тѣмъ, что туземцы сушатъ корни на солнцѣ, на крышахъ, причемъ естественно большая часть эфирныхъ ароматическихъ веществъ утрачивается. Повидимому, «газаракъ» скупался фирмами по недоразумѣнію вмѣсто настоящаго сумбула «осиль», такъ какъ едва-ли онъ имѣетъ какую-либо цѣнность. Въ виду же большой цѣнности настоящаго сумбула необходимо было-бы въ ближайшемъ будущемъ произвести тщательныя изслѣдованія этого растенія, а также собрать свѣдѣнія отъ заграничныхъ фирмъ о рыночной его стоимости и о наилучшихъ способахъ заготовки, при которыхъ сохранялись-бы всѣ его цѣнныя качества.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о растеніи, извѣстномъ у туземцевъ подъ названіемъ «сучъ». Это не что иное, какъ различные виды рода Eremurus, группы растеній, извѣстныхъ въ садоводствѣ, благодаря красотѣ ихъ соцвѣтій. Изъ клубней Eremurus, имѣющихъ оригинальную звѣздообразную форму, туземцы изготовляютъ клей „ширишъ", имѣющій разнообразное примѣненіе въ ихъ обиходѣ. Служитъ онъ и для подклейки кожи при изготовленіи обуви, и для прибавки къ раствору алебастра, который благодаря этой примѣси твердѣетъ не такъ быстро, что даетъ возможность дѣлать тщательно мелкую лѣпную работу. Встрѣчается довольно часто въ горахъ и предгорьяхъ.

Каючный промыселъ на Аму-дарьѣ.

Указъ Петра Великаго капитану отъ гвардіи князю Бековичу Черкасскому 14 февраля 1716 года, въ Либавѣ.

„Просить у Хана Хивинскаго судовъ и на нихъ отпустить купчину по Аму-дарьѣ въ Индію, наказавъ, чтобы изъѣхалъ ее, пока суда могутъ итти, и оттоль-бы ѣхалъ въ Индію, примѣчая рѣки и озера и описывая водяной и сухой путь, а особливо водяной къ Индіи тою или другою рѣками....".

Рѣка Аму дарья, хотя по количеству несомой воды считается значительною водною артеріею, но судоходство по ней затрудняется отмелями и перекатами, которые образуются вслѣдствіе слабости грунта и быстраго теченія, благодаря чему фарватеръ ея крайне извилистъ и постоянно мѣняется, такъ какъ все дно изъ наносной почвы часто перемѣщается, движется въ рѣкѣ въ видѣ по низу идущей особой рѣки изъ ила и песка.

Благодаря этимъ свойствамъ килевыя суда для Аму-дарьи недоступны и плавать съ успѣхомъ могутъ лишь плоскодонныя суда, сидящія значительно мельче въ водѣ, и притомъ узкія, которыя представляютъ меньшее сопротивленіе сильному теченію.

Такими исключительными и въ то-же время первобытными типами судовъ на Аму дарьѣ являются туземные бухарскіе и хивинскіе каюки, которые плаваютъ по ней съ незапамятныхъ временъ, сохранивъ и до нынѣ свой первобытный типъ, выработанный туземцами въ зависимости отъ свойствъ рѣки, а также отъ встрѣчающихся на мѣстѣ лѣсныхъ породъ.

Туземный каюкъ есть типъ деревянной, плоскодонной, узкой и мелкосидящей лодки безъ опредѣленныхъ размѣровъ.

Величина ихъ настолько разнообразна, что трудно найти два одинаковыхъ каюка, которыхъ длина, ширина и глубина были-бы вполнѣ тождественны, а потому

по своей величинѣ подраздѣляются на три разряда: большихъ, среднихъ и малыхъ. Большіе и средніе каюки, подымающіе свыше 300—400 пудовъ, называются «кэмэ».

Поэтому каюкъ, какъ плавательный снарядъ, построенный не на основаніи данныхъ физики, механики и строительнаго искусства, а по первобытному способу, выработанному опытомъ мѣстныхъ жителей, не выдерживаетъ научной критики. На практикѣ же всякій изъ нихъ до извѣстной степени пригоденъ для передвиженія грузовъ и наружными признаками для сужденія о пригодности каюка слѣдуетъ считать отсутствіе признаковъ ветхости и значительной течи, такъ какъ малую течь даетъ всякій каюкъ.

Вообще плаваніе туземныхъ каюковъ по Аму-дарьѣ есть промыселъ мѣстныхъ жителей, а не правильно организованное дѣло.

Онъ удовлетворяетъ примитивнымъ соображеніямъ мѣстныхъ судохозяевъ по выгодности этого промысла, но не можетъ быть эксплоатируемъ безъ риска для какого-либо серьезнаго дѣла, сопряженнаго со строгой отвѣтственностью для кого либо, такъ какъ трудно найти такіе каюки, которые удовлетворяли-бы всѣмъ требованіямъ, какія желательно предъявить къ судохозяевамъ для болѣе безопасной перевозки груза.

Каючнымъ промысломъ занимаются на Аму-дарьѣ почти исключительно хивинцы и самое незначительное количество каюковъ и притомъ большею частью небольшихъ размѣровъ принадлежитъ бухарцамъ.

Бухарскіе каюки работаютъ почти исключительно отъ Чарджуя вверхъ, а хивинскіе — на всемъ протяженіи Аму-дарьи въ обѣ стороны отъ Петро-Александровска, причемъ въ зависимости отъ наличія грузовъ и времени года большая часть ихъ съ марта по ноябрь плаваетъ только между Чарджуемъ и Хивою, другіе—между Чарджуемъ и верховьями[1]), наконецъ, нѣкоторые между Керками и Хивою, безъ захода въ Чарджуй.

Кромѣ того, часть каюковъ обслуживаетъ хлопковые заводы, плавая по низовьямъ между Ургенчемъ и взморьемъ, а равно и по многочисленнымъ арыкамъ хивинскаго оазиса.

Съ наступленіемъ зимы и прекращеніемъ навигаціи по нижнему участку рѣки (въ первой половинѣ ноября) хивинскіе каюки частью уходятъ на зимовку въ предѣлы Хивинскаго ханства, частью же, если есть грузы, работаютъ между Чарджуемъ и Керками, гдѣ до ледохода (или шуги) успѣваютъ совершить еще 2—3 рейса[2]).

Въ зависимости отъ этихъ условій распредѣленіе каюковъ по рѣкѣ рѣзко мѣняется и зимою на участкѣ отъ Чарджуя вверхъ ихъ работаетъ значительно меньше, почему въ этотъ періодъ времени трудно достать каюкъ для отправки груза и плата съ пуда значительно повышается.

Опредѣленныхъ пристаней для каюковъ нѣтъ, но для хивинскихъ каюковъ преимущественно остановками служатъ выше Петро-Александровска Питнякъ и Хазаръ Аспъ, а ниже Петро-Александровска—Ханки, Ургенчъ, Гурленъ и Ходжейли.

Для перевозки большихъ партій грузовъ пригодны только хивинскіе каюки, постройкою которыхъ главнымъ образомъ занимаются жители городовъ Питняка, Ханки и Гурлена. Каюки же бухарскіе

---

[1]) Подымаясь по р. Пянджъ до развалинъ Файзабадъ-Кала (на 16 вер. ниже Сарая).

Выше Сарая каюки не ходятъ. Переправа-же черезъ р. Пянджъ и выше черезъ р. Ванчъ совершается на гупсарахъ (надутыя козьи шкуры). Связанные вмѣстѣ 12—20 гупсаровъ, скрѣпленные настилкою изъ тонкихъ жердей, образуютъ плотъ аматъ; на такомъ плоту можетъ быть перевезено въ одинъ разъ 4—6 человѣкъ и около 15—20 пудовъ клади.

[2]) Аму-дарья замерзаетъ не каждый годъ: иногда только у береговъ, иногда же и по всей ширинѣ, но бываетъ это сравнительно рѣдко и на весьма короткое время—дней на 10—15 въ январѣ мѣсяцѣ.

значительно уступаютъ хивинскимъ и для этой цѣли мало пригодны.

До сего времени регистрація каюковъ не ведется. Число ихъ постоянно мѣняется, такъ какъ одни каюки тонутъ, другіе приходятъ въ негодность; на ихъ же мѣсто строятся новые и притомъ иныхъ размѣровъ, въ виду чего дать точныя свѣдѣнія о числѣ и размѣрахъ каюковъ въ данное время не представляется возможнымъ, а таковыя свѣдѣнія собраны мною приблизительныя, по среднимъ выводамъ двухъ навигаціонныхъ періодовъ 1906 и 1907 годовъ и отчасти начала 1908 года.

Сказать что либо опредѣленное о нормальныхъ размѣрахъ каюка также нельзя. Ихъ строятъ на Аму-дарьѣ такъ, что очень рѣдко можно встрѣтить два каюка, которые по длинѣ, ширинѣ и глубинѣ походили бы другъ на друга.

Хивинскіе каюки дѣлятся по грузоподъемности на три разряда: большіе, подымающіе груза отъ 5000 до 2000 пудовъ, средніе—отъ 100 до 500 пудовъ и малые до 100 пудовъ.

Размѣръ большого каюка, приблизительно, слѣдующій: длина отъ 60 до 80 футовъ, [3]) ширина въ средней части между бортами отъ 10 до 13 футовъ и высота бортовъ отъ 3 до $3^1/_2$ футовъ. Вѣсъ такого каюка отъ 400 до 500 пудовъ.

Размѣръ средняго каюка: длина отъ 40 до 60 футовъ, ширина въ средней части между бортами отъ 7 до 10 футовъ, высота бортовъ около 3 футовъ. Вѣсъ такого каюка отъ 300 до 400 пудовъ.

Малые каюки имѣютъ весьма разнообразные размѣры.

Бухарскіе каюки большею частью встрѣчаются 2 размѣровъ: большіе грузоподъемностью до 1500 пудовъ и средніе—въ 300—400 пудовъ.

На основаніи вышеуказанныхъ размѣровъ приблизительное количество каюковъ, плавающихъ по Аму-дарьѣ, слѣдующее.

Названіе каюковъ.	Количество.	Грузоподъемная сила въ пудахъ.
Бухарскіе:	20	1500
»	30	300—400
Итого	до 50	до 40.000
Хивинскіе:	45	2000
»	60	1500
»	25	100
»	30	800
»	50	500—600
»	10	100
Итого	до 220	до 260.000
Всего	до 270	до 300.000
Кромѣ того, плаваютъ на всемъ протяженіи Аму-дарьи малые каюки грузоподъемностью и менѣе 100 пуд.	Свѣдѣній приблизительныхъ не имѣется.	
А въ Чимбайскомъ участкѣ Аму дарьинскаго отдѣла плаваютъ еще уральскія лодки (будары)	Послѣднихъ до 400	Отъ 10 до 20 пудовъ.

Отъ Файзабадъ-Калы на рѣкѣ Пянджѣ (на 16 верстъ ниже Сарая) грузы сплавляются на небольшихъ каюкахъ, подымающихъ не свыше 300—500 пудовъ.

Въ виду того, что размѣръ лѣсного матеріала, употребляемаго на постройку каюковъ, весьма разнообразенъ, то и каюки при одной и той же длинѣ и ширинѣ, но построенные одинъ изъ толстаго, а другой изъ уступающаго ему въ толщинѣ матеріала, будутъ неодинаково сидѣть въ водѣ.

[3]) Или отъ 11 до 14 кулачей. Кулачъ = приблизительно $2^1/_2$ арш. или $5^3/_4$ футамъ.

Обыкновенная осадка какъ большого, такъ и средняго каюка безъ груза 6 вершковъ или $^{9}/_{10}$ фута, а съ допускаемымъ полнымъ грузомъ отъ 14 до 17 верш. или отъ 2 до $2^{1}/_{2}$ футовъ.

Надводная часть борта, не считая фашинника, обыкновенно бываетъ около одного фута. При такой высотѣ, даже во время сильнаго волненія, вода въ каюки черезъ бортъ не попадаетъ.

Въ лѣсныхъ породахъ, которыя встрѣчаются на Аму дарьѣ, хотя и есть нѣкоторое разнообразіе, но годныхъ для постройки каюковъ мало, такъ какъ крупнаго лѣса, изъ котораго можно было-бы выпиливать доски надлежащихъ размѣровъ, почти нѣтъ; главныя породы слѣдующія:

Тополь (*баха терякъ*), стволъ прямой, но въ очень ограниченномъ количествѣ, встрѣчается толщиною болѣе 3—4 вершковъ на высотѣ 3 саженей; разводится искусственно при сильномъ орошеніи, поэтому имѣетъ древесину слабую, легко впитывающую влагу и скоро подвергающуюся гніенію; *при постройкѣ новыхъ каюковъ не употребляется, а лишь исключительно при починкѣ бортовъ старыхъ.*

Турангылъ (*или туранга*), родъ дикорастущаго въ тугаяхъ тополя (близкій къ осинѣ), имѣетъ стволъ кривой съ развѣтвленіями и незначительной толщины, *въ дѣло совсѣмъ не идетъ, развѣ на починку малыхъ рыбачьихъ лодокъ.*

Карагачъ (*родъ ильмы*), древесина хотя и плотная съ значительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, но крупнослоистая и довольно легко впитывающая влагу; стволъ прямой, значительной толщины до развѣтвленія на высотѣ около 1 сажени; *при постройкѣ каюковъ употребляется на шканты и нагели, связывающіе плахи.*

Тутъ (*шелковица*), свойства сходныя съ карагачемъ, но лучше сопротивляется вліянію сырости; крупныхъ размѣровъ мало; имѣя спеціальное значеніе, какъ кормъ для червей, дороже карагача; *иногда употребляется на шканты и нагели.*

Талъ (*ива*), встрѣчается двухъ видовъ.

Акъ-талъ (*бѣлый*), древина слабая, сердцевина легко отдѣляется, стволъ съ нѣкоторою кривизною; *при постройкѣ каюковъ не употребляется.*

Кара талъ (*черный*), древесина буро-краснаго цвѣта равнослоистая, плотности менѣе карагача, съ незначительнымъ удѣльнымъ вѣсомъ, не легко впитываетъ влагу, хорошо сопротивляется червоточинѣ и гніенію; стволъ значительной толщины, до развѣтвленія (около 1 сажени)—прямой; во избѣжаніе дупловатости, вѣтви не обрубаются на жерди. *Караталъ почти исключительно употребляется на постройку каюковъ.*

Каюки строятся изъ плахъ толщиною отъ $1^{1}/_{2}$ до 2 вершковъ, шириною отъ 3 до 6 вершковъ и длиною отъ $3^{1}/_{2}$ до 8 футовъ.

Плахи какъ по дну, такъ и по бортамъ располагаются вдоль каюка. Плахи кромками тщательною притескою приплачиваются одна къ другой, для чего въ нихъ выдалбливаются глубокія гнѣзда для внутреннихъ шкантовъ, на которые плахи насаживаются и прикрѣпляются затѣмъ деревянными нагелями.

Шканты и нагели большею частью приготовляются изъ тутоваго дерева и рѣже изъ карагача, размѣрами отъ $2^{1}/_{4}$ до 4 вершковъ. Шканты располагаются одинъ отъ другого на разстояніи 6 вершковъ и одинъ рядъ относительно другого въ шахматномъ порядкѣ; такимъ образомъ; каждая плаха каюка соединена съ каждой сосѣдней собственно черезъ 3 вершка.

По длинѣ плахи сращиваются просто въ стыкъ.

Наверхъ бортовъ вмѣсто плахъ насаживаются также на шканты брусья толщиною отъ 3 до 4 вершковъ и длиною отъ 2 до 3 саженей. По длинѣ бортовые брусья (планширь), кромѣ шиповъ, соединяются желѣзными полосками, прибитыми короткими желѣзными шпилями.

Вся система плахъ и брусьевъ скрѣпляется въ перпендикулярномъ направленіи къ длинной оси каюка и, нѣсколько отступая отъ концовъ, тремя поперечными нѣсколько выгнутыми кверху брусьями (газнами), толщиною отъ 3 до 5 вершковъ, которые съ бортовыми брусьями (планширемъ) и верхними плахами скрѣпляются желѣзными наугольниками или полосами.

Къ обоимъ концамъ каюка борты сходятся нѣсколько приподнятыми и какъ плахи, составляющія дно и борты, такъ и планшири (бортовые брусья) запускаются въ толстые обрубки (до 12 вершковъ), имѣющіе нѣсколько наклонное положеніе, составляютъ носъ и корму каюка, превышая бортъ до 2 футовъ.

Съ внутренней стороны всѣ швы тщательно законопачиваются ватой, тряпками и камышевымъ пухомъ; послѣдній всегда имѣется какъ на каюкѣ, такъ и на берегу всей Аму-дарьи.

Постройка каюковъ производится въ землѣ, для чего вырывается яма (опока) незначительной глубины, формы каюка, съ нѣсколько цилиндрическою кривизною дна.

Въ ямѣ, посрединѣ дна, сращивается средняя плаха, которая по концамъ запускается въ носовой и кормовой обрубки; затѣмъ постепенно насаживаются на шканты съ двухъ сторонъ смежныя плахи. По мѣрѣ возвышенія бортовъ изъ опоки присыпается земля, которая утрамбовывается. По окончаніи постройки земля съ надводной стороны отваливается и каюкъ стаскивается въ воду.

Изъ приведеннаго описанія видно, что прочность каюка главнымъ образомъ зависитъ отъ состоянія внутреннихъ тутовыхъ или карагачевыхъ шкантовъ, которыми сшиваются всѣ плахи и брусья каюка, но такъ какъ шканты скрыты, то существенная мѣрка опредѣленія прочности каюка ускользаетъ отъ наблюденія; по наружному осмотру судить о безусловной ненадежности его нельзя.

Извѣстно, что мастера каюковъ, не находя на базарахъ необходимаго количества новаго подходящаго тутоваго дерева, иногда ставятъ старые шканты. Хотя въ дѣйствительности въ то время, какъ таловые брусья и плахи къ концу 4—5 года перегниваютъ, продольные ихъ стыки разстраиваются и весь каюкъ оказывается негоднымъ, шканты, въ силу свойства тутовника, большею частью остаются вполнѣ свѣжими, а потому выбираются и употребляются на устройство второго, а иногда и третьяго каюка.

Нерѣдко гибель каюка происходитъ внезапно, безъ всякихъ предварительныхъ признаковъ, единственно отъ поломки этихъ шкантовъ.

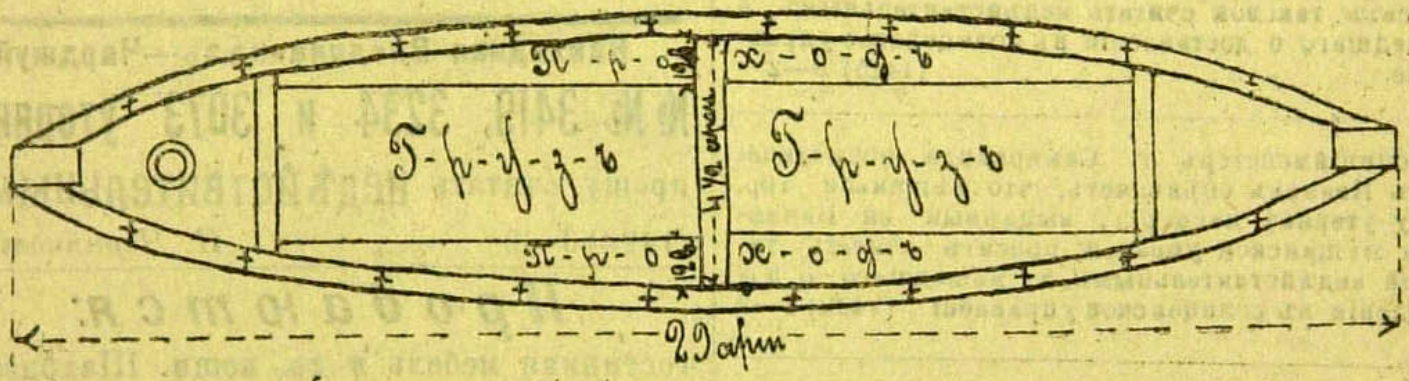
На планширѣ (верхняя поверхность борта) обыкновенно укладывается и тщательно прикрѣпляется слой фашинника изъ камыша или мелкихъ прутьевъ на вышинѣ до 4 вершковъ или 7 дюймовъ, изъ-подъ котораго желѣзныя скобы не видны, а потому, чтобы провѣрить ихъ надежность, необходимо снять фашинникъ, что составляетъ большую работу и можетъ вызвать со стороны каюкчей требованіе соотвѣтственной за эту работу платы.

При наружномъ осмотрѣ главное вниманіе должно быть обращено на прочность дна каюка, на которое ложится вся тяжесть груза, для чего каюкъ предварительно долженъ быть совершенно сухъ и очищенъ отъ грязи и мусора.

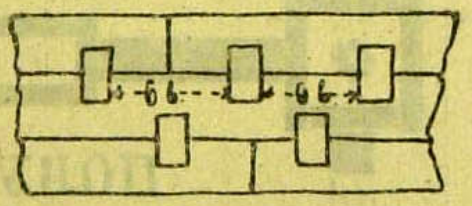
Плахи и брусья, изъ коихъ состоитъ каюкъ, должны быть свѣжими, безъ синевы и безъ мелкихъ отслоекъ, служащихъ признаками начавшагося гніенія

Мимо

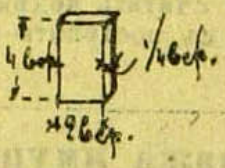
средняго Кивинскаго казака плавающаго на Амур-Даярого



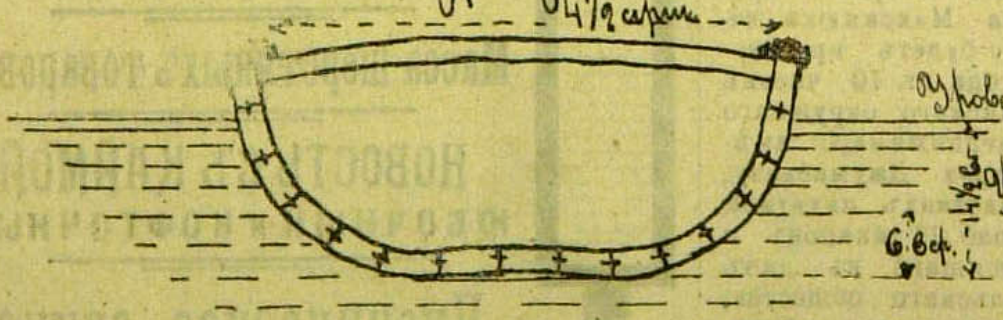
Соединение брусьев



Шкантъ



Разрѣзъ.



дерева.

Стыки брусьевъ должны быть мало замѣтными и не выдаваться углами, а также обнаруживать течи.

На стыкахъ и лазахъ не должно быть много желѣзныхъ, загнанныхъ въ брусья скрѣпляющихъ скобъ, которыя служатъ признакомъ малой надежности каюка.

Борты должны быть связаны не менѣе какъ тремя газнами (поперечными брусьями).

Газны должны быть скрѣплены съ бортомъ желѣзными полосами.

Совершенно пустой каюкъ долженъ сидѣть въ водѣ ровно, безъ крена (наклона) въ ту или другую сторону.

Совершенно новый каюкъ безъ ремонта работаетъ на водѣ два года. Обыкновенный каюкъ, при плаваніи на большой Дарьѣ, служитъ не болѣе 4—5 лѣтъ; къ концу этого времени составляющіе его таловые брусья и плахи перегниваютъ и продольные ихъ стыки разстраиваются, но все же онъ еще около 2 лѣтъ при частичномъ ремонтѣ употребляется съ большимъ рискомъ для незначительныхъ перевозокъ.

Въ водѣ, отъ тяжести самого каюка, дно его посерединѣ нѣсколько вдавливается во внутрь, причемъ образовываются между плахами щели, которыя помощью ножа тщательно законопачиваются камышевымъ пухомъ.

При нагрузкѣ тяжестей кривизна дна постепенно принимаетъ опять первоначальный видъ, т. е. нѣсколько выпуклый наружу.

Вообще надо замѣтить, что вслѣдствіе отсутствія въ конструкціи каюка шпангаутовъ онъ не обладаетъ достаточною жесткостью, поэтому при волненіи перегибается по всѣмъ направленіямъ; щели между плахами увеличиваются и каюкъ даетъ течь, для прекращенія которой его немедленно надо законопачивать и притомъ весьма осторожно, дабы не расширять сквозныхъ щелей между плахами, которыя скрѣплены, какъ объяснено выше, лишь одними шкантами съ деревянными нагелями. Если сломать нагель, связь нарушается, плахи разойдутся и тогда уже нѣтъ возможности законопатить все болѣе расширяющіяся щели.

Изъ приведеннаго описанія каюка видно, какъ дурно на него вліяетъ перемѣна нагрузки, имѣющая всякій разъ своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ большую или меньшую течь; по этой причинѣ каюки при волненіи всегда стараются скрыться въ арыки или мелкіе рукава.

Удобство каюка заключается въ томъ, что онъ, попадая на песчаную мель, не сидитъ на ней, какъ другія суда, такъ какъ два—три спустившіеся въ воду работника легко сталкиваютъ его съ мели.

Принимая во вниманіе постоянную перемѣну нагрузки на мосту и необходимость установки пловучихъ устоевъ на якоря, что въ свою очередь, должно значительно усилить разрушительное дѣйствіе каюка отъ перемѣны давленія, надо полагать, что каюкъ, поставленный на якоря, не въ состояніи будетъ сопротивляться волненію, а потому каюкъ, какъ мостовой устой, долженъ быть признанъ негоднымъ.

Оснастка на каюкахъ всѣхъ трехъ размѣровъ (большихъ, среднихъ и малыхъ) выработана каюкчами сообразно туземныхъ первобытныхъ правилъ и усвоенныхъ ими привычекъ, а потому оснастка отличается только числомъ, а не родомъ принадлежностей.

Для успѣшнаго транспортированія груза на каждомъ каюкѣ, въ зависимости отъ его размѣровъ, должна быть слѣдующая оснастка.

1) *Гребки* (весла) съ широкими лопастями, состоящіе изъ таловой жерди длиною отъ 7 до 10 футовъ, толщиною въ $1^1/_2$ вершка, на конецъ которой привязывается бичевой или ремнемъ дощечка въ видѣ лопатки длиной около одного фута.

Для гребли такія весла просовываются въ петлю изъ веревокъ, а чаще изъ свитой сыромятной кожи, которая прикрѣплена къ поперечнымъ брусьямъ (газны).

Наибольшій изъ гребковъ служитъ рулемъ, причемъ таковой просовывается въ петлю, накинутую на кормовой обрубокъ.

2) *Шесты* (равномѣрной длины), состоящіе изъ вершковыхъ таловыхъ жердей, длиною отъ 15 до 20 футовъ, съ заостреннымъ концомъ.

Шесты служатъ для отталкиванія каюка въ мѣстахъ, гдѣ нельзя идти на бичевѣ или веслахъ, а также для управленія каюкомъ у носовой части.

3) *Причалы*, тѣ же шесты, нѣсколько короче первыхъ, съ желѣзными или деревянными крючьями на концѣ.

4) *Мачта для бичевика* длиною около 12 футовъ, толщиною $2^1/_2$ вершка. Она вставляется въ гнѣздо деревянной подушки, которая прикрѣпляется деревянными нагелями ко дну каюка около передняго поперечнаго бруса (газны), къ которой мачта привязывается веревкой.

Хивинцы-каюкчи не умѣютъ управлять парусами, а потому мачта и парусъ не являются необходимыми принадлежностями оснастки каюковъ, въ виду чего мачты иногда совсѣмъ не бываетъ.

5) *Бичева* (бичевникъ) состоитъ изъ длинной, крѣпкой пеньковой веревки, привязанной однимъ концомъ къ верху мачты, а на другомъ устроены лямки, обтянутыя кожей или кошмой. При большомъ каюкѣ число лямокъ 6—7, при среднемъ 4—5 и при маломъ 2—3. Назначеніе бичевника—тянуть каюкъ на лямкѣ противъ теченія, а при неблагопріятномъ вѣтрѣ приходится иногда каюку идти на лямкѣ и внизъ по теченію.

6) *Сходня* (мостикъ или платформа) для удобной нагрузки и выгрузки громоздкихъ тюковъ или скота. Длиною до 3 аршинъ, шириною до 1 аршина. Состоитъ обыкновенно изъ 3 толстыхъ досокъ, плотно обитыхъ и скрѣпленныхъ съ нижней стороны тремя поперечными брусками. На нѣкоторыхъ каюкахъ сходни вовсе не имѣется.

7) *Мостки* деревянные, рѣшетчатые, укладываются на концахъ каюка (въ носовой и кормовой частяхъ) и служатъ подмостками для кормчихъ.

8) *Стелажей* подъ грузъ, на большомъ каюкѣ до 20, на среднемъ до 15 штукъ, служатъ для предохраненія грузовъ отъ подмочки, если бы въ пути обнаружилась течь. Собственныхъ стелажей у каюкчей большею частью не бываетъ, а таковыми каюки снабжаются при перевозкѣ частныхъ грузовъ транспортными конторами, а при перевозкѣ казенныхъ грузовъ—интендантствомъ.

9) *Фашинникъ*. Планширь (или бортъ) долженъ быть обшитъ фашинникомъ изъ камыша или мелкихъ прутьевъ на вышинѣ до 4 вершковъ или 7 дюймовъ. Чтобы каюкъ имѣлъ на планширѣ фашинникъ, нѣкоторые грузоотправители находятъ излишнимъ, такъ какъ отъ пропитыванія водою во время волненія онъ является излишнею тяжестью и мало защищаетъ грузъ отъ подмочки, а потому многіе каюки плаваютъ безъ фашинника. Таковая обивка признается желательною при перевозкѣ казенныхъ грузовъ, но не существенно необходима.

10) *Запасъ камышеваго пуха* для конопатки. Съ большею пользою желательно употреблять пеньковую паклю или вату. При этомъ необходима смола.

11) *Ведро и лейка* для отливанія воды изъ каюка.

При перевозкѣ казенныхъ грузовъ этими предметами каюки снабжаются, какъ и стелажами, по распоряженію интендантства.

Число людей, т. е. работниковъ, опредѣляется по величинѣ каюка и по количеству груза, приблизительно отъ 6 до 10 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ старшій или хозяинъ каюка, одинъ—два рулевыхъ, одинъ занятъ обыкновенно дѣланіемъ лепешекъ и варкою пищи, а остальные для работы на веслахъ, шестахъ, лямкѣ, стаскиванія каюка съ мели, выкачиванія воды, нагрузки и выгрузки клади.

Ограничивать число каюкчей не считается полезнымъ, такъ какъ при сроч

ной доставкѣ грузовъ излишніе 3—4 человѣка, противъ 7—9, хотя увеличатъ грузъ каюка на 20 пудовъ, но за то помогутъ каюку скорѣе дойти до цѣли назначенія. При плаваніи же каюка внизъ по теченію общее число рабочихъ можетъ быть уменьшено на 2 человѣка.

Съ другой стороны, рулевыхъ на большихъ и среднихъ каюкахъ обыкновенно бываетъ по одному, а потому, если требовать увеличенія числа ихъ или вообще рабочихъ на каюкѣ, то существующая цѣна съ пуда груза или каюка повышается*).

Въ нижеуказанной таблицѣ приведено минимальное снабженіе каюка, меньше котораго оно, для успѣшнаго транспортированія грузовъ, быть не должно. Увеличеніе же числа предметовъ снабженія, не будучи обязательнымъ, желательно, но должно зависѣть отъ усмотрѣнія владѣльцевъ каюковъ.

	Размѣры каюковъ.		
	большіе.	средніе.	малые.
Рабочихъ: рулевыхъ	2	2	1
Рабочихъ: бичевниковъ	7	5	3
Мачта	1	1	1
Бичева (одна изъ нихъ запасная)	2	2	1
При ней лямокъ, обтянутыхъ кожей или кошмой, по числу бечевниковъ	7	5	3
Веселъ съ широкими лопастями	6	4	2
Причаловъ крѣпкихъ .	2	2	2
Шестовъ длинныхъ для отталкиванія каюка .	8	6	4
Ведеръ	2	1	1
Лейка	1	1	—
Стелажей подъ грузъ, по мѣрѣ надобности и въ зависимости отъ величины каюка . .	—	—	—
Камышеваго пуха, или пеньковой пакли, или ваты для конопатки	один	ханъ	1/2 хан

*) При половодьѣ и въ особенности при сильномъ вѣтрѣ плаваніе каюковъ, какъ, напримѣръ, около Ипджика, Дуль-Дуль-Атъ-Агана и Туя-Муюна, при круговоротномъ теченіи даже въ тихую погоду очень затруднительно и требуетъ усиленной помощи путемъ найма лишнихъ бичевниковъ.

Грузоподъемная сила каюка въ пудахъ опредѣляется формулой

$$X = \frac{4.\ а.\ в.\ с.}{10}$$

гдѣ а. в. с., выраженныя въ футахъ, представляютъ длину, наибольшую ширину и высоту каюка.

Примѣръ: опредѣлить грузоподъемную силу каюка, котораго длина 75 футовъ, наибольшая ширина 11 футовъ и высота 3 фута.

$$X = \frac{4.\ 75.\ 11.\ 3}{10} = 990 \text{ пудовъ.}$$

Настоящимъ вычисленіемъ опредѣляется максимальная грузоподъемная сила каюка, т. е. X выражаетъ собою такое количество пудовъ, болѣе котораго на каюкъ не слѣдуетъ класть тяжестей, а потому естественно, что грузы громоздкіе могутъ помѣститься только въ меньшемъ по вѣсу количествѣ, чѣмъ надлежало-бы по указанной формулѣ*).

Искусная укладка груза имѣетъ большое значеніе, а потому, приступая къ нагрузкѣ, слѣдуетъ тщательно соображать размѣры тюковъ и грузового про-

*) Удобный грузъ—это хлопокъ въ коконахъ, провіантъ въ мѣшкахъ или зернѣ. Неудобный по своей громоздкости—это тюки и ящики. Напримѣръ каюкъ, который вмѣщалъ провіантъ въ мѣшкахъ въ количествѣ 950 пудовъ, могъ принять 92 тюка и ящика вѣсомъ только въ количествѣ 680 пудовъ.

странства и затѣмъ, согласно съ этимъ, такъ или иначе располагать тюки, дабы въ каюкъ вошло возможно большее количество тяжестей**).

Таблица для перевода мѣръ.

	Саж.	Метр.	Арш.	Фут.	Верш
Сажень . .	1	2,13	3	7	48
Метръ . .	0,47	1	1,41	3,28	22,50
Аршинъ . .	0,33	0,71	1	2,33	16
Футъ . . .	0,14	0,30	0,43	1	6,86
Вершковъ .	0,02	0,04	0,06	0,15	1

Для большей безопасности самого каюка, лучшаго имъ управленія и предохраненія тяжестей отъ порчи необходимо соблюдать слѣдующія главныя правила:

1) *Вышина укладки* груза не должна превышать $^1/_2$ аршина надъ бортами. При большемъ превышеніи груза управленіе каюкомъ затруднительно, такъ какъ рабочіе изъ-за тюковъ, стоя на бортахъ, кормѣ и носу, часто не видятъ направленія теченія и отмелей и не могутъ давать другъ-другу указаній.

2) *При переправѣ черезъ рѣку* грузъ укладывается значительно выше надъ бортомъ, до 2 аршинъ и даже нѣсколько болѣе.

**) На 6-саженной площади между ганзами укладывается 108 четвертныхъ мѣшковъ въ такомъ порядкѣ: по 12 мѣшковъ въ длину, по 3 мѣшка въ ширину и по 3 яруса въ вышину, отчего получается груза пшеницы 810 пудовъ, вѣсъ оболочки 13 пудовъ 20 фун.—823 пуда 20 фун.; муки 783 пуда съ оболочкою 796 пудовъ 20 фун.; ячменя 648 пудовъ съ оболочкою 661 пудъ 20 фун; крупы 864 пуда съ оболочкою 877 пудовъ 20 фун; сухарей 297 пудовъ съ оболочкою 310 пудовъ 20 фун.

3) *Тяжелые грузы* слѣдуетъ укладывать ниже мелкихъ.

4) Грузы слѣдуетъ располагать поровну на оба борта и притомъ такъ, чтобы на равныя части каюка производилось равное давленіе.

5) Грузы укладывать по возможности вплотную, дабы они не имѣли движенія.

6) Жидкости помѣщать ниже прочихъ грузовъ, причемъ бочки ставить втулками кверху.

7) *Металлы* укладывать въ видѣ пирамиды, оставляя между отдѣльными штуками нѣкоторые промежутки.

8) По окончаніи нагрузки каюкъ слѣдуетъ вновь тщательно осмотрѣть, такъ какъ послѣ этого каюкъ всегда даетъ течь.

Возможность укладки грузовъ въ томъ или иномъ количествѣ зависитъ также и отъ убыли или прибыли воды и сильнаго вѣтра, затрудняющаго движеніе тяжело нагруженнаго каюка.

Наиболѣе неблагопріятнымъ періодомъ плаванія на Аму-дарьѣ считается ноябрь, декабрь, январь, февраль и мартъ, а иногда захватываетъ октябрь и апрѣль мѣсяцы, когда распредѣленіе мелей и перекатовъ по фарватеру, при значительномъ пониженіи уровня воды и часто господствующихъ вѣтрахъ, особенно затрудняетъ плаваніе судовъ.

Внизъ по теченію каюкъ беретъ больше груза, такъ какъ вверхъ приходится идти все время на лямкѣ.

Такъ напримѣръ, если каюкъ внизъ по теченію можетъ поднять до 1000 пудовъ груза, то вверхъ онъ приметъ до 800 пудовъ, а во время разлива до 700 пудовъ.

Помимо вышеописанныхъ правилъ и соображеній, при укладкѣ груза слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ носовой части каюка всегда находится сложенный изъ кирпича очагъ, въ отверстіе котораго ставится котелъ для варки пищи (смот. чертежъ каюка, на которомъ изображенъ порядокъ укладки груза); въ кормовой части сидятъ каюкчи, дѣйствующіе въ случаѣ нужды веслами; слѣдо-

вательно, эти мѣста занимать грузомъ нельзя, дабы не стѣснять каюкчей въ работѣ и сохранить грузъ отъ могущаго произойти пожара.

Для болѣе удобнаго наблюденія за грузомъ въ пути слѣдуетъ оставлять между кладью и бортами каюка, съ обѣихъ сторонъ, проходъ шириною въ 12 вершковъ, что дастъ возможность сопровождающимъ каюкъ лицамъ закрывать грузъ отъ подмочки во время качки, чѣмъ достигается сохраненіе доброкачественности отправляемаго груза.

Засимъ остается замѣтить, что какъ каюки на Аму-дарьѣ, такъ и грузовыя суда иныхъ типовъ на другихъ рѣкахъ всѣ несовершенны, но отсюда еще не слѣдуетъ, что можно и не принимать въ разсчетъ описанныя здѣсь условія отправки транспортовъ и тѣмъ освободить отъ всякой отвѣтственности лицъ, обязанныхъ соблюдать эти доступныя правила.

Повышенныя требованія отъ каюковъ заставятъ ихъ владѣльцевъ внести усовершенствованія, а это именно и требуется для болѣе безопаснаго транспортированія какъ частныхъ, такъ и въ особенности казенныхъ грузовъ на этихъ судахъ.

При развитіи торговли и промышленности въ краѣ, а, слѣдовательно, значительномъ ростѣ грузооборота на Аму-дарьѣ, за отсутствіемъ на этой огромной рѣкѣ требуемаго количества паровыхъ, парусныхъ судовъ другихъ типовъ, каючный промыселъ ежегодно ростетъ, но въ то же время древній типъ туземнаго каюка, за малымъ исключеніемъ, остался и до сего времени въ первобытномъ состояніи.

Въ дѣйствительности рѣдкій каюкъ не имѣетъ на своихъ брусьяхъ синевы, отслоеній, червоточины, неровныхъ стыковъ, рѣдкій изъ нихъ имѣетъ хорошія желѣзныя скрѣпленія и хорошую крѣпкую оснастку.

Наиболѣе выгодная плата при наймѣ каюка для перевозки груза признается попудная, но не съ версты, а до опредѣленныхъ населенныхъ пунктовъ, откуда каюкчи могутъ разсчитывать имѣть грузъ и на обратный путь.

Въ виду этихъ условій цѣна съ пуда какъ вверхъ, такъ и внизъ на обоихъ отъ Чарджуя участкахъ рѣки колеблется въ зависимости отъ спроса и количества каюковъ въ данномъ пунктѣ.

Наемъ каюковъ помѣсячно или посуточно считается невыгоднымъ и очень рѣдко практикуется по той причинѣ, что каюки при такомъ условіи не будутъ заинтересованы въ выигрышѣ времени и это можетъ сильно замедлить перевозку; Кромѣ того, при существующихъ вѣтрахъ каюкъ можетъ идти очень долго и по не зависящимъ отъ каюкчей причинамъ, такъ, напримѣръ, изъ Петро-Александровска въ Чарджуй (410 вер.), при вѣтрѣ и плохомъ фарватерѣ, каюкъ идетъ отъ 30 до 40 сутокъ и болѣе, а при благопріятной погодѣ и хорошемъ уровнѣ воды—отъ 20 до 25 сутокъ.

Установить-же въ этомъ отношеніи какой-либо контроль весьма трудно, такъ какъ своеобразныя условія плаванія каюковъ извѣстны въ должной мѣрѣ лишь самимъ каюкчамъ.

Хозяинъ каюка (дарга) доставляетъ каюкъ съ нужнымъ числомъ рабочихъ и беретъ за доставку груза въ условленный пунктъ съ нагрузкой и выгрузкой приблизительно слѣдующую плату съ пуда:

На верхнемъ плесѣ: Чарджуй—Термезъ (Патта-Гиссаръ).

Число вер. ст. отъ Чарджуя	Наименованія пристаней.	Термезъ.	Керки.	Чарджуй.
433	Термезъ.	—	20—25 к.	40—50 к.
212	Керки.	20—25 к.	—	20—25 к.
—	Чарджуй.	40—50 к.	20—25 к	—

На нижнемъ плесѣ Чарджуй—Хива.

1. Изъ г. Петро Александровска и хивинскихъ городовъ: Ургенча, Ханки и Хазаръ-Аспъ до Чарджуя:

весной. . . отъ 15 до 30 к. съ пуда
лѣтомъ . . отъ 30 до 40 к. съ пуда
осенью. . . отъ 40 до 50 к. съ пуда

II. Изъ Чарджуя до упомянутыхъ пунктовъ:

весною. . . отъ 10 до 15 к. съ пуда
лѣтомъ . . . отъ 8 до 12 к. съ пуда
осенью . . . отъ 30 до 40 к. съ пуда

Отъ Чарджуя до Петро-Александровска 410 верстъ, до Ургенча 445 верстъ, Ханки 425 верстъ и Хазаръ-Аспа 390 верстъ.

Разстояніе опредѣлено по телеграфной линіи, идущей вдоль берега Аму дарьи, въ дѣйствительности водный путь при хорошемъ уровнѣ надо считать не менѣе какъ на 10% болѣе, а при низкомъ уровнѣ, когда фарватеръ болѣе извилистъ, надо добавить еще 5—10%.

Посуточная плата за наемъ одного каюка приблизительно слѣдующая: за большой каюкъ 12—14 рублей, средній 10—12, малый 4—6 рублей.

Пріобрѣсти каюкъ въ собственность можно приблизительно по слѣдующей цѣнѣ: большой каюкъ, подымающій 1500—2000 пудовъ груза за 1600—1800 рублей, подымающій 1000 пудовъ за 1000 рублей и подымающій 500 пудовъ за 400—500 рублей.

Данныя по грузообороту рѣкъ Амударьи и Пянджа мною взяты изъ четырехъ источниковъ: первый изъ нихъ, какъ основной, взятъ изъ отчета управленія Средне азіатской желѣзной дороги за 1907 годъ по грузообороту станціи Чарджуй; дополненіемъ и поясненіемъ къ этимъ даннымъ могутъ служить свѣдѣнія Туркестанскаго таможеннаго округа, военной канцеляріи начальника Амударьинскаго отдѣла и, наконецъ, свѣдѣнія, собранныя транспортными конторами и купцами, представляемыя Туркестанскому Генералъ-Губернатору на предметъ ходатайства о постройкѣ желѣзной дороги отъ Казалинска до рѣки Аму-дарьи.

За 1907 годъ отправлено со станціи Чарджуй 1.556.842 пуда, на станцію Чарджуй прибыло 1.822.543 пуда. Всего 3.379.385 пудовъ.

Въ это количество не вошли собственные грузы желѣзной дороги, а лишь коммерческіе.

Часть груза станціи Чарджуй надо считать оставшейся въ городѣ Чарджуѣ и ближайшихъ къ нему окрестностяхъ, а также грузъ, не попавшій на рѣку или отправленный не съ рѣки, а доставленный на верблюдахъ и арбахъ. Къ категоріи такихъ грузовъ могутъ быть отнесены хлопокъ съ чарджуйскихъ заводовъ, дрова, мазутъ и предметы потребленія мѣстнаго населенія, приблизительно до полумилліона пудовъ.

Такимъ образомъ, грузооборотъ Амударьи за 1907 годъ можно считать не болѣе 3 милліоновъ пудовъ, если къ этому числу добавить 250 тысячъ пудовъ мазута, расходуемаго пароходами амударьинской флотиліи.

Весь грузооборотъ отъ Чарджуя до Файзабадъ Калы (въ 16 верстъ отъ Сарая), куда доходятъ каюки, можно считать 1.300.000 пудовъ, изъ коихъ до 400.000 пудовъ составляютъ грузы привозныхъ товаровъ (кромѣ казеннаго груза) и до 700000 пудовъ по вывозу товаровъ (большая часть изъ Керковъ). Наиболѣе значительными вывозами изъ Керковъ являются товары: хлопокъ прессованный на мѣстныхъ заводахъ и идущій какъ изъ Керкинскаго бекства, такъ и изъ всей культурной полосы праваго берега отъ Келифа до Сарая, затѣмъ шерсть и ковры.

Выше Керковъ изъ Сарая на Пянджѣ и Джиликуля на Вахшѣ сплавляются по Аму дарьѣ слѣдующіе товары изъ Сарая: льняное сѣмя (выгирь) около 10.000 пудовъ, фисташки около 9000 пудовъ и кунжутъ до 5000 пудовъ въ годъ, а всего идетъ со шкурами, сухими фруктами и проч. до 50.000 и нѣсколько болѣе въ годъ грузовъ.

Изъ Айваджа сплавляются афганскіе грузы лѣваго берега, изъ раіоновъ Ходжа Иманъ-Сапба, гдѣ имѣется своя пристань, и Кундуза, а именно: льняное сѣ-

мя около 41.000 пудовъ, кунжутное сѣмя и фисташки около 300 пудовъ, фрукты сушеные и свѣжіе около 2.000 пудовъ, шкуръ бараньихъ около 1.700 пудовъ, рису около 600 пудовъ, а всего различныхъ товаровъ 46.000 пудовъ.

Всего вверхъ отъ Патта-Гиссара набирается груза не болѣе 100.000 пуд.

Сарайская таможня выдала за 1905 годъ 134 удостовѣренія о внутреннемъ происхожденіи товаровъ, погружаемыхъ на каюки на пристани Файзабадъ-Кала.

Торговля на этомъ участкѣ рѣки на столько примитивна, что каючники являются большею частью и хозяевами товаровъ, покупающими ихъ по мелочамъ на мѣстныхъ базарахъ. Въ виду этого въ 1905 году послѣдовало разрѣшеніе о правѣ вывоза черезъ Сарайскую таможню премированной мануфактуры, досмотрѣнной въ Керкинской таможнѣ, что весьма содѣйствуетъ оживленію торговыхъ сношеній по рѣкѣ Аму-дарьѣ и ея притокамъ, такъ какъ каючники, отправляясь за товарами на пристани лѣваго и праваго береговъ, берутъ съ собою мануфактуру и сбытъ ея въ обмѣнъ на мѣстныя произведенія возрастаетъ.

По собраннымъ свѣдѣніямъ за навигацію 1907 года грузооборотъ транспортныхъ конторъ и ихъ отдѣленій былъ слѣдующій:

I. Отправлено грузовъ изъ Хивинскаго ханства и Аму-дарьинскаго отдѣла до Чарджуя*).

1) на туземныхъ каюкахъ .	691 233	пуд.
2) на верблюдахъ	79.120	—
Итого . .	770.353	пуд.

Преобладающіе предметы вывоза: хлопокъ, клеверное сѣмя, кожи, шерсть, каракуль и халаты.

II. Прибыло грузовъ въ Хивинское ханство и Аму дарьинскій отдѣлъ:

1) на туземныхъ каюкахъ .	397.635	пуд.
2) на верблюдахъ	5.500	—
Итого . .	403.135	пуд.

Преобладающіе предметы ввоза: мануфактурный товаръ, сахаръ, чай, керосинъ, чугунныя издѣлія.

III. Кромѣ транспортныхъ конторъ, грузы всякаго рода вывозятся и привозятся на каюкахъ туземцами и уральцами. Опредѣлить хотя бы приблизительное количество такихъ грузовъ не представляется возможнымъ.

Въ 1906 году, при возбужденіи вопроса о постройкѣ желѣзной дороги отъ Казалинска на Петро Александровскъ, были собраны статистическія свѣдѣнія о ввозѣ и вывозѣ грузовъ. Изъ нижеприведенныхъ 2 таблицъ видно, что ввозъ грузовъ изъ Европейской Россіи въ предѣлы Хивинскаго ханства и Аму дарьинскаго отдѣла равенъ 845.720 пудовъ, а вывозъ въ Европейскую Россію—1.170.300 пудовъ, т. е. весь грузооборотъ на нижнемъ участкѣ рѣки Аму-дарьи свыше 2 милліоновъ пудовъ.

Подраздѣляя русло Аму дарьи на три плеса, а именно: первый—верхній отъ Файзабадъ-Калы до Патта Гиссара (Термеза) съ грузооборомъ до 100.000 пудовъ, второй—средній отъ Патта Гиссара до Чарджуя съ грузооборотомъ до 1 .200.000 пудовъ и третій—нижній отъ Чарджуя въ Аму-дарьинскій отдѣлъ и Хивинское ханство съ грузооборотомъ до 2.000.000 пудовъ, получимъ, что весь грузооборотъ равенъ 3.300.000 пудовъ, изъ коихъ 850.000 пудовъ (а именно 250 тысячъ пудовъ мазута, 138 тысячъ пудовъ казеннаго и 462 тысячи пудовъ частнаго груза по отчету за навигацію 1907 года) перевезено судами военной Аму-дарьинской флотиліи, а около 2.500.000 пудовъ —на туземныхъ каюкахъ и верблюдахъ.

Статистическія свѣдѣнія

о количествѣ грузовъ, вывозимыхъ изъ предѣловъ Хивинскаго ханства и Аму-дарьинскаго отдѣла въ Европейскую Россію.

*) Для полноты свѣдѣній о грузооборотѣ привожу цифры перевезеннаго груза и на верблюдахъ.

Наименованіе грузовъ.	Изъ Хивинскаго ханства.	Изъ Аму-дарьинскаго отдѣла.	Всего изъ Аму-дарьинповизовья.
	Количест. въ пуд.		
Хлопокъ очищенный	600000	100000	700000
Шкуры: Козлиныя . .	14000	6000	20000
Рогатаго скота .	52000	11000	63000
Конскія . . .	7000	2000	9000
Бараньи . . .	25000	5000	30000
Верблюжьи . .	4000	1000	5000
Бараньихъ кишекъ	800	200	1000
Бараньихъ выдѣланныхъ шкуръ . .	4000	500	4500
Шерсти	17000	8000	25000
Клеверныхъ сѣмянъ	130000	20000	150000
Рыбы	30000	3000	33000
Каракуля	2500	800	3300
Халатовъ	22000	3000	25000
Рису	38000	30000	68000
Ковровъ и паласовъ	4000	700	4700
Масла коровьяго .	25000	3000	28000
Краски «роянъ» .	500	—	500
Фазановъ	—	300	300
Итого . .	975800	194500	1.170.300

Статистическія свѣдѣнія

о количествѣ грузовъ, ввезенныхъ изъ Европейской Россіи въ предѣлы Хивинскаго ханства и Аму дарьинскаго отдѣла.

Наименованіе грузовъ.	Въ Хивинское ханство.	Въ Аму-дарьинскій отдѣлъ.	Всего въ Аму-дарьинповизовьѣ.
	Количест. въ пуд.		
Мануфактур. товаръ	120000	25000	145000
Галантерейный . .	16000	4000	20000
Бакалейный . . .	5000	1500	6500
Аптекарскій . . .	250	330	580
Желѣзный . . . . Котлы, чуг. издѣлія	80000	15000	95000
Мѣдь, издѣл. изъ нея	17000	3000	20000
Лѣсъ, деревян. изд.	70000	15000	85000
Сундуки	8000	2000	10000
Кожи выдѣлан., юфть	15000	1500	16500
Пряжа	26000	3000	29000
Карамель и леденецъ	18000	3500	21500
Шелковыя издѣлія	1500	90	1590
Мука	12000	3000	15000
Смола, деготь. . .	150	10	250
Керосинъ	100000	25000	125000
Свѣчи	300	200	500
Спички	8000	2000	10000
Ревендукъ и джутъ	6800	1000	7800
Посуда	8500	1500	10000
Чай	50000	10000	60000
Сахаръ	125000	25000	150000
Водки, вина и др напитки	3000	5600	8600
Квасцы	3500	200	3700
Краски разн. рода	4000	200	4200
Итого . .	698000	147720	845720

Какъ, однако, ни велика заслуга въ настоящее время Средне-азіатской и Ташкентской желѣзныхъ дорогъ въ военно политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ для богатаго природою края, тѣмъ не менѣе въ сферу ихъ вліянія еще слабо вошли тѣ части Средней Азіи, которыя лежатъ въ верховьяхъ и въ низовьяхъ рѣки Аму дарьи, и хотя Средне-азіатская желѣзная дорога притянула къ себѣ мервскій, заравшанскій и сыръ-дарьинскій оазисы и Фергану, перерѣзала рѣку Аму-дарью почти перпендикулярно, но при этомъ всетаки мало служитъ пока развитію торговли и промышленности какъ Хивинскаго ханства, этого по преимуществу хлопковаго раіона, такъ и части Бухарскаго ханства, лежащей на правомъ берегу верхняго теченія Аму-дарьи, черезъ которую направляется индо бухарская торговля. Хивинскій раіонъ, могущій поставлять нашей мануфактурѣ значительное количество хлопка, который по своему качеству лучше американскаго и египетскаго, значительно ближе расположенъ къ Ташкентской желѣзной дорогѣ, (черезъ Аральское море), чѣмъ бухарскій къ Каспійскому морю, сыръ-дарьинскій и ферганскій къ Ташкентской желѣзной дорогѣ, но лишенный удобныхъ путей сообщенія, не можетъ пока быть полезнымъ нашей промышленности въ той мѣрѣ, въ какой это желательно и легко достижимо. Нынѣ транзитъ этотъ совершается или на верблюдахъ до Оренбурга, что требуетъ времени до двухъ мѣсяцевъ и обходится до 1 рубля съ пуда, или же грузы поднимаются вверхъ до Чарджуя на мѣстныхъ неуклюжихъ лодкахъ (каюкахъ) лямкою, что требуетъ времени отъ $3^1/_2$ до 4 и болѣе недѣльи обходится съ доставкою по Средне-азіатской желѣзной дорогѣ до Красноводска до 1 рубля, а до станціи Аральское море тоже не менѣе 1 рубля 30 коп. съ пуда. Резюмируя въ краткихъ словахъ все вышеизложенное, необходимо въ интересахъ желательнаго развитія торговли и промышленности въ Средней Азіи, подъятія и расширенія производительности этого неисчерпаемо-богатаго края, увеличенія какъ доходности государства вообще, такъ и желѣзныхъ дорогъ въ частности, представляется насущною и нетерпящею отлагательства необходимостью для этого края устройство болѣе широкаго грузового пароходства по рѣкѣ Аму-дарьѣ, независимо отъ существующей аму-дарьинской флотиліи, причемъ устройство такого пароходства должно быть дѣломъ частной предпріимчивости.

Сознавая всѣ неудобства и лишенія, которыя приходится испытывать во время продолжительнаго плаванія на грязныхъ, неуклюжыхъ и часто текущихъ по всѣмъ швамъ каюкахъ, безъ всякой защаты отъ палящаго солнца и отъ непогоды, не имѣя даже какихъ-либо приспособленій для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей организма, я вполнѣ понимаю ту огромную пользу, которую должны приносить казенные и непремѣнно военныя суда, но окончательно отвергаю возможность для нихъ погони за рублемъ отъ перевозки казенныхъ и въ особенности частныхъ грузовъ и пассажировъ.

Задача этихъ судовъ—служить прежде всего военнымъ цѣлямъ, для чего они ежеминутно могутъ потребоваться и, слѣдовательно, не должны привлекаться къ коммерческимъ предпріятіямъ.

Они должны охранять безопасность судоходства на огромной рѣкѣ и немедленно появляться тамъ, гдѣ угрожаетъ какая-либо опасность мирному населенію. Они же должны наблюдать за охраною нашихъ таможенныхъ интересовъ, дабы не провозились воспрещенные закономъ фабрикаты и изъ ханства эти товары не проникали и въ наши предѣлы, и, такимъ образомъ, прежде всего пріучить населеніе къ уваженію нашихъ законовъ. На казенномъ военномъ пароходствѣ должна лежать обязанность изученія рѣки и условій на ней судоходства и основательнаго изученія всей прибреж-

ной пограничной полосы Афганистана.

Но принимая во вниманіе отдаленность и почти полную изолированность этой части края отъ центра цивилизаціи, отъ фабричной и заводской промышленности, мѣстныхъ условій этого еще полудикаго края, недостаточнаго изученія судоходности рѣки Аму дарьи, въ особенности отъ Файзабадъ Калы до Патта-Гиссара и отъ Петро-Александровска до выхода ея въ Аральское море,—все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ предпріятіе по пароходству въ особое, исключительное положеніе, а потому безъ поддержки и льготъ предпріятіе частнаго пароходства въ данной мѣстности является немыслимымъ.

Бухара и Хива несомнѣнно обязаны постигнуть, что оазисы ихъ при содѣйствіи могущественной Россіи, пріобщенные ко всемірной культурѣ, нуждаются въ данномъ случаѣ болѣе всего въ сообщеніяхъ для культурныхъ цѣлей, что устройство и развитіе частнаго пароходства благодѣтельно будетъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію торговли и промышленности и увеличитъ благосостояніе ихъ народонаселенія. Въ такомъ случаѣ тѣ затрудненія, которыя имѣются въ виду въ данное время для устройства частнаго пароходства, должны быть устранены управителями Бухары и Хивы путемъ оказанія матеріальной поддержки, подобно тому, какъ это оказываетъ всѣмъ пароходствамъ наше правительство на окраинахъ Россіи, не исключая рѣки Аму дарьи, на которой уже въ теченіе 20 лѣтъ нами содержится военная аму-дарьинская флотилія, которая, съ каждымъ годомъ развивая свою дѣятельность, служитъ единственнымъ паровымъ почтово-товаро - пассажирскимъ сообщеніемъ не только для нашихъ, русскихъ, городовъ, военныхъ гарнизоновъ и постовъ, расположенныхъ по Аму-дарьѣ, но и для всего $1^1/_2$ милліоннаго населенія прибрежной полосы Бухары и всей Хивы.

Достаточно взглянуть на любой отходящій изъ Чарджуя пароходъ съ баржею для слѣдованія вдоль Бухары къ Термезу или къ Хивѣ, дабы убѣдиться въ томъ, что палубы ихъ усѣяны пассажирами туземнаго населенія и тѣ же палубы и трюмы частными грузами, главными потребителями коихъ являются, конечно, не только тѣ горсточки русскихъ людей, волею судебъ поставленныхъ здѣсь на стражѣ нашей отдаленной окраины, но и преобладающая масса туземцевъ дружественныхъ намъ Бухары и Хивы.

Давно настала пора джигиту съ верблюдомъ отойти въ глубь для оживленія безводныхъ пустынь, а баржѣ съ каюкомъ, какъ вспомогательной силѣ для подвоза груза къ большой Дарьѣ, пробираться по болѣе безопаснымъ и многочисленнымъ арыкамъ, укрываясь тамъ отъ волнъ Аму-дарьи, которая съ замершимъ Аральскимъ моремъ давно просятъ замѣны лямки паромъ.

Извѣстно, что со времени утвержденія русской власти, во второй половинѣ XVI вѣка, на Каспійскомъ морѣ неоднократно возникала мысль о возвращеніи индо европейской торговли на ея прежнее, сухопутное направленіе чрезъ Россію. Въ этомъ смыслѣ дѣлались попытки не только русскими, но и англичанами, и голландцами. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II отправленъ былъ въ Хиву докторъ Бланкенгагель. По возвращеніи оттуда въ 1797 году, онъ представилъ записку о развитіи торговли съ Средней Азіей и Индіей. Спрошенный по поводу этихъ предложеній бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Игельстремъ, объясняя существовавшія тогда трудности караваннаго движенія черезъ Кабулъ во владѣніе Великаго Могола, выразилъ «что буде разсудится преодолѣть всѣ затрудненія, то потребенъ будетъ цѣлый вѣкъ, чтобъ достигнуть до возможнаго теченія торговли, или должно распространить завоеваніе по всему теченію рѣки Аму-дарьи». Въ настоящее время этотъ вѣкъ уже прошелъ и русская власть утвердилась на Аму дарьѣ; послѣдствіемъ

этого должно быть и утвержденіе на ней нашего широкаго и прочнаго торговаго господства.

Несмотря на желаніе дать читателю полный и вполнѣ опредѣленный матеріалъ, я по нѣкоторымъ вопросамъ достичь этого не могъ, во первыхъ, потому, что для полнаго ознакомленія съ этимъ промысломъ надо, кромѣ собраннаго здѣсь матеріала, слишкомъ много потратить времени, чтобы всесторонне изучить это дѣло на огромномъ (свыше 1500 верстъ) водномъ пути, какъ Аму-дарья, чему прежде всего препятствуютъ мои прямыя обязанности службы, а, во вторыхъ, число каюковъ, ихъ размѣры и прочія желательныя данныя, къ сожалѣнію, при отсутствіи въ краѣ регистраціи каюковъ, не поддаются точному опредѣленію.

А. Михайловъ.

Хлопководство въ Сыръ-дарьинской области.

Заморозокъ въ ночь на 27 сентября и выпадающіе съ 29 дожди вновь поселяютъ тревогу среди сыръ дарьинскихъ плантаторовъ.

Прошлый несчастный годъ грозитъ повториться снова и опять уничтожить всѣ труды и средства, вложенныя въ хлопковыя плантаціи.

Хлопководы могутъ смотрѣть на это, какъ на злой рокъ, какъ на атмосферическія случайности, и до тѣхъ поръ, пока они будутъ стоять на этой почвѣ и усиленно культивировать хлопчатникъ, они не выйдутъ изъ труднаго положенія и будутъ также разоряться, какъ и до нихъ разорялись многіе плантаторы-хлопководы.

Дѣло въ томъ, что въ Сыръ дарьинской области, въ сѣверной ея части, вокругъ Ташкента, случайнымъ приходится признать не недородъ или поврежденіе хлопчатника, а, наоборотъ, совершенное его вызрѣваніе. И случайный годъ вызрѣванія не можетъ возмѣстить всѣхъ убытковъ, носимыхъ въ рядѣ неурожайныхъ годовъ.

Всѣ данныя насъ убѣждаютъ въ томъ, что условія ташкентскаго раіона для культуры хлопчатника неблагопріятны и его не слѣдуетъ вовсе считать хлопчатниковымъ раіономъ.

Сыръ дарьинскій раіонъ въ среднемъ не можетъ давать вполнѣ вызрѣвающаго хлопковаго волокна и при посѣвахъ хлопчатника хлопководы впередъ должны учитывать прибыли, кои могутъ быть получаемы при условіи полученія хлопка среднихъ сортовъ. Если этотъ разсчетъ имъ выгоденъ—они могутъ высѣвать хлопчатникъ, если невыгоденъ—они должны обратить свои земли подъ другія культуры.

Только при такихъ условіяхъ они избѣгнутъ и разочарованій, и убытковъ, и даже разоренія.

На сколько сыръ-дарьинскій раіонъ въ атмосферическомъ отношеніи неблагопріятенъ для культуры хлопчатника—можно судить по слѣдующимъ сравнительнымъ даннымъ, извлеченнымъ нами изъ труда Стратонова.

Безпрерывно безморозныхъ дней имѣли:

Въ среднемъ 238 дней.

Асхабадъ	въ 1894	году	213	дней.
«	« 1895	«	266	«
«	« 1896	«	250	«
«	« 1897	«	234	«
«	« 1898	«	223	«
«	« 1899	«	236	«
«	« 1900	«	263	«
«	« 1901	«	221	«
«	« 1902	«	241	«

Въ среднемъ 215 дней.

Самаркандъ	въ 1889	году	216	дней
«	« 1890	«	229	«
«	« 1891	«	204	«
«	« 1898	«	181	«
«	« 1899	«	235	«
«	« 1900	«	242	«
«	« 1901	«	201	«

Въ *среднемъ 226 дней.*

Маргеланъ	въ	1888	году	212	дней.
«	«	1889	«	230	«
«	«	1890	«	229	«
«	«	1891	«	235	«
«	«	1893	«	226	«

Въ *среднемъ 197 дней.*

Ташкентъ	въ	1891	году	193	дня.
«	«	1893	«	179	«
«	«	1894	«	165	«
«	«	1895	«	227	«
«	«	1896	«	230	«
«	«	1897	«	196	«
«	«	1898	«	201	«
«	«	1899	«	184	«
«	«	1900	»	191	«
«	«	1901	«	211	«
«	«	1902	«	196	«

При выводахъ установившейся практики, что хлопчатникъ требуетъ для своего полнаго вызрѣванія не менѣе 210 безпрерывно безморозныхъ дней, мы изъ настоящихъ данныхъ видимъ, что Закаспійская область находится въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, что соотвѣтствуетъ и ея географическому положенію.

За нею слѣдуетъ ферганская долина, въ коей пять лѣтъ подрядъ условія были выше благопріятныхъ.

Самаркандская область благодаря своему высокому орографическому положенію естественно имѣетъ менѣе благопріятныя условія и, дѣйствительно, за семь лѣтъ она имѣла три года ниже благопріятнаго средняго, причемъ недоборъ теплыхъ дней равнялся 6—29—9, въ среднемъ 14 дней.

Сыръ-дарьинская-же область даетъ рѣзкое уклоненіе въ неблагопріятную сторону и за одиннадцать лѣтъ мы видимъ достаточный тепловой періодъ только въ теченіе трехъ лѣтъ, а восемь лѣтъ даютъ безпрерывно-тепловыхъ дней ниже требуемаго количества. При этомъ недоборъ теплыхъ дней равнялся 17—31—45—14—9—26—19—14, въ среднемъ 19 дней.

Къ этимъ даннымъ слѣдуетъ добавить неблагопріятно реагирующіе на культуру хлопчатника атмосферическіе осадки, которые въ среднемъ за десять лѣтъ дали въ годъ:

для	Асхабада	278 mm
»	Самарканда	345 »
»	Маргелана	166 »
»	Ташкента	356 »

Исходя изъ изложеннаго, мы должны прійти къ заключенію, что до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена какая-либо болѣе устойчивая и менѣе требовательная хлопковая культура, мы должны исключить Сыръ-дарьинскую область изъ числа хлопководственныхъ раіоновъ.

До нахожденія-же подходящаго вида хлопчатника въ виду значительныхъ выгодъ, доставляемыхъ культурой хлопка, мы позволимъ себѣ рекомендовать сельскимъ хозяевамъ высѣвать туземный хлопокъ—gossypium herbaceum, особенно самый устойчивый и неприхотливый хивинскій, на который имѣется значительный спросъ.

И. Слуцкій.

„Баканасы".

Объ озерѣ Балхашъ и о прибалхашскомъ степномъ раіонѣ Копальскаго уѣзда имѣются слѣдующіе матеріалы.

1) Топографическая съемка озера Балхаша, произведенная по иниціативѣ Л. С. Берга одновременно съ обслѣдованіемъ этого озера имъ самимъ. Хотя есть еще съемка этого-же озера, исполненная въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но она мало отличается отъ вновь произведенной, за исключеніемъ южнаго конца озера, называемаго Алакуль; даже показанная на ней глубина озера вполнѣ сходна, въ общихъ мѣстахъ, съ промѣрами, произведенными Л. С. Бергомъ. На это обстоятельство, повидимому, не имѣющаго значенія, обращается вниманіе потому, что, несмотря на болѣе чѣмъ пятидесятилѣтнюю разницу во времени производства работъ (промѣровъ озера), глубина озера,

а равно и берега, не измѣнилась. Бергъ же сообщалъ въ собраніи членовъ географическаго общества въ присутствіи Генералъ-Губернатора, что старая съемка озера Балхаша не годится никуда. Въ томъ же собраніи онъ, между прочимъ, сообщилъ, что раіонъ «Баканасовъ» пригоденъ для заселенія земледѣльцами.

2) Имѣется сплошная топографическая съемка всего степного прибалхашскаго раіона Копальскаго уѣзда. Эта работа произведена въ 1904 году по приказанію Командующаго войсками округа съ цѣлью розысканія земельныхъ участковъ, свободныхъ и пригодныхъ для заселенія земледѣльцами, и, главное, съ цѣлью выяснить вопросъ, насколько «Баканасы», согласно заявленія Л. С. Берга, пригодны для той же надобности. При представленіи въ 1905 году военно топографическихъ работъ, въ томъ числѣ и вновь произведенной съемки степного прибалхашскаго раіона, Командующему войсками округа было доложено, что въ этомъ раіонѣ свободныхъ и удобныхъ земельныхъ участковъ для отвода земледѣльцамъ нѣтъ и что раіонъ «Баканасовъ» для земледѣльческой культуры не пригоденъ; что же касается орошенія его изъ рѣки Или, то представляются такія трудности, которыя едва ли могутъ когда либо окупиться. Объ этомъ было сообщено въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* вскорѣ послѣ представленія работъ.

3) Возраженіе Л. С. Бергу относительно его «Баканасовъ», сдѣланное г. Картыковымъ въ той же газетѣ.

Послѣ всего этого, казалось-бы, что вопросъ о пригодности «Баканасовъ» для земледѣльческой культуры вполнѣ разрѣшился, что эти «Баканасы» и ранѣе, судя по старымъ съемкамъ, не заслуживали того, что бы быть изслѣдованными въ первую очередь, а, главное, не заслуживали затраты на это изслѣдованіе, включая и озеро Балхашъ, въ суммѣ около 35,000 рублей, которые могли бы пригодиться тамъ, гдѣ можно было бы разсчитывать на полный успѣхъ для образованія новыхъ поселеній. Но оказалось, что мнѣніе Л. С. Берга о «Баканасахъ» взяло верхъ и предпринято новое изслѣдованіе уже изслѣдованнаго, которое къ 35,000 прибавитъ еще не одну тысячу рублей. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, потому что и этотъ новый расходъ ни на одну сажень не ослабитъ земельнаго голода и «Баканасовъ» не оживитъ для земледѣльческой культуры.

Расходъ этотъ могъ бы быть съ большею пользою направленъ въ другую сторону, въ сторону, напримѣръ, приспособленія для заселенія сыръ-дарьинской лѣвобережной, между песками и рѣкой, долины, вопросъ о пригодности которой неоднократно поднимавшійся на страницахъ *Туркестанскихъ Вѣдомостей*, остается «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Эта мѣстность ждетъ не дождется рѣшенія своей участи: существовать для прокормленія десятковъ, а, возможно, и сотенъ тысячъ людей, или быть навсегда погребенной подъ наноснымъ пескомъ. При этомъ нельзя обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что будь во время обращено вниманіе на пригодность сыръ-дарьинскаго лѣвобережья для земледѣльческой культуры, мѣстность эта была-бы изслѣдована еще до проведенія оренбургской желѣзной дороги; тогда, имѣя въ виду природныя богатства этой долины съ здоровыми климатическими условіями, можно было бы съ увѣренностью сказать, что эту дорогу не построили-бы вдоль пустынаго праваго берега рѣки Сыръ дарьи, который, кромѣ непригодности для заселенія земледѣльческимъ элементомъ, требуетъ еще громадныхъ расходовъ на устройство защиты дороги отъ разливовъ и перемѣщенія рѣки и горныхъ силевыхъ потоковъ, а построили-бы по лѣвобережной сыръ-дарьинской долинѣ, которая въ настоящее время представляла бы, отъ Чиназа до Казалинска сплошную полосу цвѣтущихъ поселеній киргизъ съ русскимъ земледѣльческимъ элементомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы спасена отъ песчаныхъ заносовъ, то есть, отъ потери

для земледѣльческой культуры навсегда.

Впрочемъ, и въ Семирѣченской области есть раіоны, годные для земледѣлія, которые во всякомъ случаѣ заслуживаютъ предпочтенія передъ пресловутыми «Баканасами» и должны быть безотлагательно изслѣдованы и оживлены земледѣльческой культурой. Таковы, напримѣръ, долина рѣки Бурганъ съ низовьями впадающихъ въ нее рѣчекъ на протяженіи отъ рѣки Акъ-су до Учъ-кульскихъ озеръ, прирѣчная долина Учъ-тюбе и раіонъ, центромъ котораго можно считать урочище Алмалы.

Рѣка Бурганъ собственно есть лѣвый рукавъ рѣки Акъ-су, отъ которой она отдѣляется въ 12 верстахъ ниже станицы Акъ-суйской и по соединеніи съ рѣками Біень, Кызылъ агачъ и Акъ-ичке впадаетъ въ Учъ-кульскія озера. Этотъ богатѣйшій для осѣдлой жизни раіонъ, съ своими обширными и роскошными лугами, благодаря безпечности администраціи, прозѣвавшей 30 лѣтъ назадъ оказать киргизамъ содѣйствіе всего то только своими культурными познаніями, бывшій многоводнымъ, остался безъ воды, постепенно высыхаетъ и заносится пескомъ, т. е. обращается въ пустыню, какую теперь представляютъ «Баканасы».

Долина Учъ-тюбе примыкаетъ къ рѣкѣ Кара-талъ съ правой стороны въ 45 верстахъ ниже села Гавриловскаго и можетъ быть орошена изъ этой рѣки, а потомъ заселена; въ противномъ случаѣ будетъ занесена пескомъ.

Урочище Алмалы расположено въ 6—7 верстахъ отъ почтовой станціи Сарыбулакской по почтовой дорогѣ въ городъ Копалъ. Этотъ раіонъ можетъ быть орошенъ арыкомъ, выведеннымъ изъ рѣки Кара-талъ выше почтово-дорожнаго моста черезъ эту рѣку и продолженнымъ черезъ водораздѣлъ между горами Каракой и Буракой въ упомянутую долину Учъ-тюбе.

Въ защиту поземельно-податныхъ присутствій.

Въ № 153 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* мы прочли Высочайше одобренное 18 іюня 1908 года особое наставленіе сенатору, назначенному по Высочайшему повелѣнію къ производству ревизіи Туркестанскаго края. Оно обнимаетъ собой всѣ отрасли управленія и всѣ учрежденія. Поэтому для насъ непонятно, почему въ числѣ прочихъ уѣздныхъ учрежденій ни слова не говорится о поземельно-податныхъ присутствіяхъ.

Потому-ли, что случайно о нихъ забылъ составитель наставленія, или потому, что присутствія признаются органомъ нестоющимъ вниманія, или, наконецъ, потому, что ихъ устройство, функціи и практическая дѣятельность на столько совершенны, что не нуждаются въ ревизіи.

Мы оставимъ послѣднее предположеніе, какъ не имѣющее подъ собой серьезной почвы, но постараемся въ этой замѣткѣ отмѣтить лишь то положеніе, что поземельно податныя присутствія суть учрежденія, которыя заслуживаютъ вниманія, которыя и теперь приносятъ не мало пользы, а при надлежащей ихъ постановкѣ могутъ сослужить въ будущемъ большую службу въ административной машинѣ.

Поземельно-податныя присутствія образованы закономъ 10 іюня 1900 года. Составъ ихъ, функціи и задачи изображены въ особомъ о нихъ положеніи, распространяться о которомъ не входитъ въ нашу задачу.

За восьмилѣтнее свое существованіе присутствія не мало потрудились въ той узкой сферѣ, которая имъ предоставлена дѣйствующимъ закономъ.

Практика уже первыхъ лѣтъ привела власти къ мысли, что въ томъ объемѣ, какой данъ присутствіямъ закономъ 10

іюня 1900 года, ихъ дѣятельность весьма ограничена, а, между тѣмъ, по составу своихъ членовъ, лицъ, стоящихъ близко къ экономической жизни населенія, было-бы желательно расширить ихъ компетенцію и придать имъ значеніе органа, вѣдающаго всей экономической жизнью населенія.

Уже съ первыхъ годовъ высшія мѣстныя власти неоднократно передавали на обсужденіе присутствій такіе вопросы, которые по тексту закона вѣдѣнію присутствій не подлежатъ. Тотъ же фактъ наблюдается и теперь. Укажу одинъ яркій примѣръ.

Совѣтъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора поручилъ высказать присутствіямъ свое сужденіе по проекту о страхованіи посѣвовъ отъ саранчевыхъ.

По буквѣ закона вопросъ этотъ нисколько присутствія не касается.

Почему же совѣтъ желаетъ получить и мнѣніе присутствія? Безспорно, потому, что онъ призналъ за присутствіемъ освѣдомленность въ экономическомъ быту населенія.

На послѣднемъ съѣздѣ податныхъ инспекторовъ вопросу о задачахъ, дѣятельности и реорганизаціи присутствія было посвящено не мало времени.

Всѣ члены единодушно сходились въ томъ, что существующее положеніе о присутствіяхъ совершенно неудовлетворительно и что объемъ дѣятельности присутствій слѣдуетъ возможно расширить. При этомъ была высказана мысль, что присутствія должны быть преобразованы въ такое уѣздное присутственное мѣсто, которое, обладая распорядительной и исполнительной властью, вѣдало бы всѣми вообще земельными, податными и хозяйственными дѣлами уѣзда.

Мысль эта была высказана какъ общее пожеланіе, безъ детальной ея обработки. Какое движеніе было дано этому заключенію податныхъ инспекторовъ, намъ неизвѣстно.

Но заключеніе это пріобрѣтаетъ болѣе цѣнное значеніе особенно теперь, когда и Государственная Дума, и Государственный Совѣтъ высказали пожеланіе о необходимости реформы въ дѣлѣ земскаго хозяйства областей Туркестанскаго края и когда обсужденіе вопроса о необходимости этой реформы включено въ программу вышеуказаннаго «особаго наставленія» сенатору.

На томъ-же съѣздѣ была высказана мысль, что въ преобразованномъ своемъ видѣ присутствія должны образовать ту основу, на почвѣ которой и можно будетъ создать мѣстныя земскія учрежденія съ привлеченіемъ къ нему представителей мѣстнаго населенія. Какъ-бы то ни было, осуществятся или нѣтъ эти пожеланія, но, во всякомъ случаѣ, даже и въ настоящемъ своемъ видѣ присутствія составляютъ въ уѣздной административной машинѣ не послѣднюю спицу въ колесницѣ и будетъ весьма обидно за дѣло, которому они служатъ, если они будутъ обречены на прозябаніе, если о нихъ забудутъ или поставятъ надъ ними крестъ.

Наше мнѣніе таково, что учрежденіе это вполнѣ жизнеспособно и, какъ стоящее у самой жизни, знакомое не по бумажнымъ докладамъ съ нуждами и бытомъ населенія, а по фактамъ дѣйствительности, въ дѣлѣ управленія экономической жизнью уѣзда можетъ принести огромную пользу и поставить земское хозяйство на должную высоту.

Огородниковъ.

Населеніе, культура и колонизація раіона туркестанъ-сибирской желѣзной дороги.

Подъ такимъ заглавіемъ переселенческимъ управленіемъ недавно изданъ трудъ П. И. Соколова, состоявшаго представителемъ главнаго управленія землеустройства и земледѣлія въ особой междувѣдомственной комиссіи, производившей въ 1906 году изысканія для опредѣленія направленія будущей желѣзно

дорожной линіи Ташкентъ—Вѣрный—Томскъ.

Близь лежащія по этому направленію мѣстности еще не подвергались широкому экономическому обслѣдованію; между тѣмъ такое обслѣдованіе являлось чрезвычайно необходимымъ для выясненія, что будетъ перевозить и будетъ-ли что перевозить будущая дорога. Результаты обслѣдованія (главнымъ образомъ, состоянія земледѣлія, скотоводства и колонизаціоннаго дѣла) Алтайскаго округа, Семипалатинской, Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областей и составляютъ содержаніе книги. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя выводы ея in extenso въ виду чрезвычайнаго интереса ихъ, а также въ виду того, что книга эта не предназначена, какъ казенное и сравнительно дорогое изданіе, къ пользованію широкихъ массъ читающей публики.

Не касаясь описанія Алтайскаго округа съ его сплошь черноземными полями (причемъ подъ посѣвами изъ 12 слишкомъ милліоновъ десятинъ удобной земли находится, однако, лишь 9,1%) и Семипалатинской области съ ея обширными скотоводческими степями (на пространствѣ въ 44.571.239 десятинъ пасется лишь 2.695.935 головъ крупнаго и мелкаго скота, при томъ ежегодно уменьшающагося въ количествѣ, да засѣяно подъ хлѣбами 0.3% всей территоріи), мы остановимся лишь на изслѣдованіяхъ Соколова въ области земледѣлія, скотоводства и колонизаціи въ Семирѣченской и Сыръ-дарьинской областяхъ, какъ имѣющихъ для насъ непосредственный интересъ.

Семирѣченская область, съ огромной территоріей въ 36.700.456 десятинъ, представляетъ удивительное сочетаніе песковъ, горныхъ хребтовъ и прекраснѣйшихъ долинныхъ площадей, удобныхъ для культуры не только хлѣбныхъ злаковъ, но и плодовыхъ деревьевъ и корнеплодовъ. Семирѣчье—это тотъ благодатный край, къ которому стремятся сѣверные жители Европейской Россіи—хлѣбопашцы и садоводы. При другихъ условіяхъ и порядкахъ эта страна по культурѣ не уступала бы Швейцаріи и лучшимъ мѣстамъ Франціи, такъ же, какъ ея Тянь шаньскій хребетъ, Алатау и Александровскій съ ихъ ледниками, снѣжными вершинами, ущельями, долинами и перевалами не уступаютъ по красотѣ Альпамъ.

На этой территоріи въ 1905 году обрабатывалось всего лишь 376.191 десятина (осѣдлымъ населеніемъ—146.163 десятины и кочевниками—229.928), т. е. 1,5%. Но и на такой ничтожной части всего воздѣлываемаго пространства урожай пшеницы въ 1904 и 1905 годахъ превышалъ каждый разъ 5 000.000 пудовъ. Одинъ Пишпекскій уѣздъ (главный по количеству собираемой пшеницы) могъ-бы отпустить для вывоза до 3 милліоновъ пудовъ. Что область можетъ многодать въ смыслѣ вывоза—можно судить по большому сбору хлѣба на одну душу населенія, превышающему на много собственную потребность (таковая принимается въ Туркестанѣ равной 15 пудамъ). Сборъ пшеницы за вычетомъ сѣмянъ выражался для 1905 года въ такихъ цифрахъ.

	На душу осѣдлаго населенія.	На душу кочев. насел.
Пишпекскій уѣздъ	90.9 пуда	52.2 п.
Вѣрненскій	50.3 —	17.9—
Копальскій	35.1 —	10,9—
Лепсинскій	40.9 —	13 7—
Джаркентскій	23.6 —	6.2—
Пржевальскій	28.1 —	11.9—
Всего по области	44.7 пуда	18.8 п.

Печальная въ общемъ картина земледѣльческой культуры Семирѣчья въ смыслѣ использованія земли лишь не многимъ утѣшительнѣе по сравненію съ Семипалатинскою областью. Тамъ общая засѣянная площадь выражается, какъ упомянуто, въ 0,3% всей территоріи, въ Семирѣчьѣ—въ 1.5%. Но въ Се-

минпалатинской области сама природа въ смыслѣ климата и почвы, а кое гдѣ и орошенія, не представляетъ особыхъ благопріятныхъ данныхъ для земледѣлія, требуя особаго напряженія земледѣльческаго труда, Семирѣчье же представляетъ по климату и по почвѣ благопріятнѣйшія данныя для его развитія. Это цвѣтущій край съ лессомъ, черноземомъ и суглинкомъ. Однако, несмотря на это, указанныя цифры даютъ намъ пустыню съ отдѣльными оазисами земледѣльческой культуры.

Въ Сыръ дарьинской области используемость земли также мала. Принимая территоріальную ея площадь въ 47.536.000 десятинъ, площадь подъ посѣвами хлѣбовъ и масличныхъ растеній равнялась лишь 1%, а подъ всѣми культурами 1.8% (848.966 десятинъ). Слѣдовательно, несмотря на прекрасную лессовую почву, «все производящую» при орошеніи, эта область на самомъ дѣлѣ такая же пустыня, какъ и Семипалатинская и Семирѣченская области. Это доказываетъ, говоритъ Соколовъ, какъ мало сдѣлано для культуры этого края послѣ 1865 года, т. е. послѣ взятія Ташкента и окрестностей и присоединенія ихъ къ русской державѣ. Послѣ блестящаго похода генерала Черняева должно-бы, казалось, наступить быстрое развитіе мѣстной культуры съ водвореніемъ здѣсь русскаго населенія. Однако, на самомъ дѣлѣ, наблюдается другое, а именно, за исключеніемъ городовъ, гдѣ производятся насажденія казовой стороны цивилизаціи въ смыслѣ постройки зданій, устройства освѣщенія и прочаго, обработка земли находится въ примитивной стадіи, высшія культуры только еще заводятся, искусственное орошеніе, въ которомъ нуждается большая часть мѣстныхъ земель, распространяется чрезвычайно медленно, встрѣчая на пути своемъ постоянныя препятствія въ недостаткѣ средствъ, хотя каждый рубль, истраченный на это дѣло, приноситъ огромный процентъ въ видѣ плодовъ, хлѣба и хлопка.

Общее количество получаемой съ указанной выше засѣянной площади въ 1% пшеницы за отсутствіемъ точной статистики, неизвѣстно; цифру въ 16.291.120 пудовъ, даваемую разными мѣстными указателями, Соколовъ считаетъ сомнительною. Эта цифра достаточна, по его мнѣнію, только для пропитанія населенія, между тѣмъ какъ въ 1905 году по одной только оренбургъ - ташкентской желѣзной дорогѣ вывезено изъ Ташкента болѣе 5 милліоновъ пудовъ пшеницы.

Скотоводство въ обѣихъ областяхъ развито слабо. Весь скотъ принадлежитъ, главнымъ образомъ, кочевому населенію, то есть, киргизамъ. Отношеніе кочевниковъ къ своему скоту весьма плохо: полная небрежность въ смыслѣ присмотра, отсутствіе стойловыхъ запасовъ, правильнаго ухода и стремленіе къ количеству, а не къ качеству скота. Результатомъ такого обращенія со скотомъ является громадный уронъ отъ джута (голода и холода), отъ нападеній со стороны дикихъ звѣрей, которые изобилуютъ здѣсь, и отъ эпизоотическихъ заболѣваній, противъ которыхъ не принимается никакихъ средствъ со стороны кочевниковъ, склонныхъ скорѣе скрывать, чѣмъ показывать больной скотъ ветеринарамъ. Этотъ уронъ выразился въ 1905 году въ Семирѣчьѣ въ 315.142 головы и въ Сыръ-дарьинской области въ 319.000, а всего въ 634.142 головы (!). При раціональномъ скотоводствѣ, добавимъ мы, не только этого огромнаго ежегоднаго урона, вызывающаго всеобщее въ краѣ вздорожаніе цѣнъ на мясо, но и вообще какого - бы то ни было урона не должно быть, ибо скотъ не долженъ умирать иною смертью, кромѣ какъ отъ убоя. Эти цифры лишь указываютъ на варварски неумѣлое] веденіе кочевниками своего нехитраго скотоводческаго дѣла.

Благодаря такому хозяйству общее количество скота въ областяхъ, несмотря на просторъ степей съ бездной корма, не увеличивается, а выказываетъ признаки уменьшенія.

Такъ въ Семирѣченской области къ 1 января 1905 года состояло на лицо 6,227,811 головъ, а къ 1 января 1906 года — уже 5.731.336 головъ, т. е. на 496.475 головъ меньше.

На продажу въ этой области поступаетъ въ среднемъ, 11% всего скота (на собственное продовольствіе уходитъ 8%, на приростъ и запасъ оставляется 81%), въ Сыръ-дарьинской же области скотъ имѣетъ большее промышленное значеніе. Именно, изъ 5½ милліоновъ головъ крупнаго и мелкаго скота продано 1.020.000 головъ на сумму въ 8.904.257 рублей.

Печальное состояніе главныхъ занятій жителей этихъ двухъ областей—земледѣлія и скотоводства—Соколовъ видитъ въ разныхъ причинахъ. Описаніе этихъ причинъ не отличается систематичностью, а разбросано по всей книгѣ отрывками, почему нижеслѣдующее изложеніе является попыткой суммировать ихъ въ сжатомъ и послѣдовательномъ видѣ.

На малую производительность областей продуктами коренныхъ занятій жителей вліяетъ прежде всего большая или меньшая степень культурности веденія хозяйства разными народами, населяющими области.

У сартовъ часть земель находится въ общественномъ пользованіи и часть—въ наслѣдственномъ подворномъ. Передѣлы совершаются черезъ 1—3 года. Къ наслѣдственнымъ землямъ принадлежатъ лишь усадебные клеверники и поливныя земли, къ общественнымъ—поливныя и богарныя. Выгоновъ у сартовъ имѣется очень мало и скотъ отдается большею частью на выпасъ киргизамъ. При среднемъ посѣвѣ на 1 дворъ до 20 десятинъ, наибольшая площадь идетъ подъ пшеницу, а именно, до 16 десятинъ; остальная посѣвная площадь распредѣляется между ячменемъ, просомъ, кунакомъ, чечевицей и льномъ; богарная-же земля пускается подъ яровую пшеницу. Сѣютъ на одномъ мѣстѣ изъ года въ годъ обыкновенно пшеницу, смѣняя ее другими культурами безъ отдыха. Получается сильно выпаханная земля, на которой урожаи ниже средняго. Такъ, въ предгорномъ раіонѣ Алатау Чимкентскаго уѣзда, по измѣренію мѣстной переселенческой партіи, былъ слѣдующій урожай разныхъ хлѣбовъ и культуръ.

На 1 десятину.

	Высѣяно.	Собрано.
Пшеницы	8 пуд.	32 пуд.
Ячменя	8 «	35 «
Льна	2 «	20 «
Проса	2 «	44 «
Кунака	1 «	33 «
Чечевицы	2 «	20 «
Хлопка	1.5«	16 «
Кунджута	0.5«	4 «
Маиса	1 «	10 «

Урожай небольшой, какъ это видно отсюда, несмотря на прекрасную лессовую почву съ лессовой-же подпочвой, гдѣ можно вести распашку на какую угодно глубину. Можно объяснить такую малую производительность только примитивностью обработки земли сартами и не умѣньемъ вводить сѣвооборотъ, болѣе соотвѣтствующій почвѣ и климату.

Въ киргизскомъ среднемъ хозяйствѣ на поливной землѣ замѣтенъ нѣсколько большій урожай:

На 1 десятину.

	Высѣяно.	Собрано.
Пшеницы	8 пуд.	50 пуд.
Ячменя	8 «	40 «
Проса	1.5«	25 «
Льна	2 «	34 «
Чечевицы	2 «	23 «

На неполивной землѣ (богарной) урожай пшеницы выше, именно: высѣяно 8 пудовъ, собрано 80 пудовъ.

Почему урожай съ неполивной земли вычисленъ болѣе, чѣмъ съ поливной, можно объяснить лишь тѣмъ, что богарныя земли менѣе выработаны и въ большинствѣ случаевъ представляютъ цѣлину, гдѣ еще не истощены питательныя вещества почвы; возстановленіе-же производительности почвы требуется и для лесса.

Вода одна всего еще не можетъ доставить; нуженъ соотвѣтствующій сѣвооборотъ, который, какъ видно, не извѣстенъ ни сартамъ, ни киргизамъ. Это замѣчаніе относится не только къ инородческимъ хозяйствамъ, но и къ русскому хлѣбопашеству въ данной мѣстности. Во всѣхъ русскихъ поселкахъ средній урожай на поливной землѣ въ 1906 году былъ 50—60 пудовъ.

Между тѣмъ при аналогичной лессовой почвѣ на опытной станціи въ Голодной степи, находящейся въ Ходжентскомъ уѣздѣ, практиковался пятипольный сѣвооборотъ, дававшій иные результаты. Сѣвооборотъ этотъ, практиковавшійся завѣдывающимъ опытною станціею г. Бушуевымъ, былъ слѣдующій:

1) озимая пшеница (кизилъ и акъ булакъ),
2) хлопокъ,
3) кукуруза,
4) хлопокъ,
5) люцерна и маисъ.

Этотъ сѣвооборотъ далъ въ 1906 году урожай для пшеницы 80 пудовъ, а для хлопка три сбора въ 75 пудовъ. Слѣдовательно, урожай хлопка здѣсь превысилъ урожай хлопка въ сартовскомъ хозяйствѣ въ 5 разъ.

Школьное (показательное) хозяйство Соколовъ встрѣтилъ въ жалкомъ видѣ.

Напримѣръ, копальская сельскохозяйственная школа имѣетъ 505 десятинъ, но изъ этого пространства, вмѣщающаго орошенную землю высокой цѣнности, подъ посѣвами занято всего 35 десятинъ и подъ покосами 80 десятинъ, что составляетъ 1/4 всей площади. Часть остальной земли сдана въ аренду 5 семьямъ изъ хохловъ-новоселовъ въ размѣрѣ 100 десятинъ по 1 рублю за десятину, а другая часть передается для выпуска скота киргизамъ съ платою вмѣсто денегъ по одному барану съ каждой сотни ихъ. Система полеводства залежная: сѣютъ нѣсколько лѣтъ сряду яровую пшеницу, озимую пшеницу и просо или, наоборотъ, просо, пшеницу и люцерну, а затѣмъ поле забрасывается подъ залежь. Объ улучшеніи породы содержимаго скота нѣтъ и рѣчи. Плодоводство самое примитивное въ видѣ небольшого сада, имѣющаго нѣкоторое количество яблонь и грушевыхъ деревьевъ, плоды съ которыхъ были оборваны школьниками въ недозрѣломъ видѣ. Слѣдовательно, въ смыслѣ распространенія плодовыхъ побѣговъ среди населенія и инструктированія по плодоводству врядъ-ли школа можетъ принести пользу.

Примитивный способъ обработки земли, при помощи киргизъ, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ полное отсутствіе тѣхъ высокихъ урожаевъ, которые могли бы имѣть мѣсто въ данной полосѣ. Самый высокій урожай пшеницы за 10 лѣтъ не превысилъ 60 пудовъ съ десятины.

Подобные дефекты присущи всѣмъ школамъ сельскохозяйственнымъ, плодоводства и садоводства не только Семирѣчья, но и Семипалатинской области. Главное зло, служащее причиною всѣхъ школьныхъ непорядковъ, состоитъ въ томъ, что школы состоятъ въ завѣдываніи двухъ вѣдомствъ (въ сущности ни одного): административная часть находится въ вѣдѣніи главнаго управленія земледѣлія, а хозяйственная—въ рукахъ мѣстныхъ областныхъ правленій. Выходитъ по пословицѣ: «у семи нянекъ дитя безъ глазу». Изъ другихъ причинъ наиболѣе серьезная—недостаточность вознагражденія, получаемаго школьными учителями.

О степени культурности веденія главныхъ хозяйствъ въ краѣ—сартовскаго и киргизскаго—можно судить также путемъ сравненія бюджетовъ этихъ хозяйствъ съ бюджетомъ нѣмецкаго поселковаго хозяйства[1]).

Бюджетъ сартовскаго хозяйства (5 человѣкъ).

Стоимость скота 183.0 рубля[2])

[1]) Крайне интересные бюджеты эти Соколовымъ заимствованы изъ трудовъ мѣстной переселенческой партіи.

[2]) Среднее хозяйство имѣетъ 2 пары быковъ, 3—4 дойныхъ коровы, 3 лошади.

Стоимость мертваго инвентаря	11.5	руб.
Стоимость построекъ	200.0	руб.
	394.5	руб.

Издержано за годъ на пищу для всей семьи.

Муки пшеничной	62.5	пуда
Муки кукурузной	4.5	—
Рисовой крупы	1	—
Дынь	200	шт.
Моркови	2.75	пуд.
Мяса	9	пуд.
Молока	9	вед.
Катыка	35	вед.
Масла коровьяго	27	фун.
Сала	3	пуда
Яицъ	200	шт.

Приходъ.

Отъ поля.	Натурой.	Деньгами.	Итого.
	На сумму рублей.		
Пшеницы	101.64	16.4	
Кукурузы	9.05	10.0	
Льна	3.57	4.5	
Хлопка сырца	4.11	10.0	
Дынь	12.0	4.0	
Моркови	2.31	3.75	
Сѣна клевернаго	20.0	20.0	
Соломы	24.0	—	
Итого	176.68	68.65	245.33
Отъ скота.			
Молока	36.0	—	
Кизяка	1.2	—	
Отъ продажи скота	—	7.5	
Яйца	2.0	1.0	
Итого	39.2	8.5	47.7
Торговалъ отъ хозяина	—	85.0	85.0
Занято	1.78	—	1.78
Всего прихода	217.66	162.15	379.81

Расходъ.

На личныя потребности.

Пища.	Натурой.	Деньгами.
Мука пшеничная	35.42	13.8
Кукуруза	2.0	—
Крупа рисовая	—	2.4
Дыни	8.0	—
Морковь	0.77	—
Конина	—	7.2
Говядина	—	7.2
Баранина	—	7.2
Молоко	36.0	—
Сало	—	13.5
Яйца	2.0	—
Соль	—	2.0
Чай	—	9.3
Сахаръ	—	4.2
Пряники, орѣхи и проч.	—	2.0
Итого	84.19	68.8
Освѣщеніе	—	—
Отопленіе	1.2	—
Одежда	—	45.68
Обувь	—	17.4
Посуда	—	3.7
Мыло	—	2.25
Разныя домашн. вещи	—	6.0
Причту	8.47	1.0
Расходы на проѣздъ	—	1.0
Подати и повинности	—	13.7
Итого на личныя потребности	93.86	159.53	253.39

Хозяйственныя нужды по полю.

Высѣяно: пшеницы	25.41	—	
Кукурузы	0.47	—	
Льна	1.78	—	
Хлопка	—	0.3	
Исправленіе арыка	—	0.3	
Итого	27.66	0.6	

По скотоводству.

Сѣно	20.0	—	
Солома	22.0	—	
Жмыхи	—	5.0	
Ковка	—	0.6	
На мертвый инвентарь	—	4.0	
Плата срочнымъ рабочимъ	52.14	—	
Итого на хозяйственныя нужды	121.8	10.2	132.0
Всего расхода	215.66	169.73	385.39

Бюджетъ киргизскаго хозяйства.

(5 человѣкъ рабочаго возраста).

Стоимость скота	164.0[3])
Стоимость мертваго инвент.	11.4
Стоимость построекъ	85.0
	260.4

Издержано за годъ на пищу для всей семьи.

Муки пшеничной	44 п.
Крупы просовой	16 п.
Мяса	4 п. 27 ф.
Айрана[4])	360 ведеръ.
Сала	1 фунтъ.

Приходъ.

Отъ поля.	На сумму рублей. Натурой.	Деньгами.	
Пшеница	80 94	64.0	
Просо	12.98	—	
Солома	11.25	—	
Сѣно	15.75	—	
Итого	120.92	64.0	184.92
Отъ скота.			
Молоко	54.0	—	
Сало	0.14	—	
Овчина	0. 5	—	
Шкуры	0 6	—	
Мясо	6.41	—	
Кизякъ	2. 0	—	
Итого	63.65	—	63.65
Всего прихода	184.57	64.0	248.57

Расходъ.

Личныя потребности.

Пища.	Натурой.	Деньгами.	
Мука пшеничная	31.24	—	
Просо	12.68	—	
Конина	—	10 0	
Баранина	3.76	1.0	
Ковлятина	3.65	—	
Молоко	54.0	—	
Сало	0.14	—	
Чай	—	0.4	
Размолъ	2.13	—	
Соль	0.71	—	
Провозъ пшеницы на размолъ	—	1.0	
Итого	107.31	12.4	119.71
Отопленіе	2.0	—	
Одежда	1.1	13.3	
Обувь	—	10 0	
Посуда	—	1.55	
Освѣщеніе	—	0 66.	
Мыло	—	0.5	
Разныя домашнія вещи	—	0.6	
Причту	—	1.0	
Подарки	—	5.3	
Подати	—	8.5	
Итого на личныя потребности	110.41	53 81	164.22

Хозяйственныя нужды.

По полеводству.			
Пшеницы	46.86		
Проса	0 3		
Итого	47.16		
По скотоводству.			
Сѣна	15.75	—	
Соломы	11.25	—	
Куплено скота	—	9.3	
Итого	27.0	9.3	
Итого на хозяйствен. нужды	74.16	9. 3	83.46
Всего расхода	184 57	63.11	247.68

Бюджетъ нѣмецкаго колониста[5])

(семья изъ 6 чел., 1 рабочаго возраста).

Стоимость скота	244.25[6]).
Стоимость мертваго инвентаря	494 85
Стоимость построекъ	545. 0
Итого	1284.1

[3]) Среднее киргизское хозяйство имѣетъ: 2 лошади, до 5 штукъ рогатаго скота, 10—12 овецъ и козъ.

Подъ посѣвомъ занято 10—12 дес: на поливныхъ земляхъ—5 дес. яровой пшеницы, 1.3 дес. подъ просомъ и на неполивныхъ земляхъ яровой пшеницы 4—5 дес. и до 1 дес. клеверу.

[4]) Смѣсь простокваши съ водой—освѣжающій въ жару напитокъ.

[5]) Сел. Константиновскаго, Ташкентскаго уѣзда.

[6]) Хозяйство имѣетъ 3 лошади, 4 пары быковъ, 5 дойныхъ коровъ. Надѣльной земли до 38 десятинъ на дворъ, изъ которыхъ 15 десятинъ подъ посѣвами пшеницы, овса и картофеля, 1 десятина подъ усадьбой, 4 десятины подъ садомъ, 3 десятины сѣнокосу и клевера, остальная земля отдыхаетъ. Хлопководствомъ не занимается.

Издержано на годъ на пищу для всей семьи.

Муки пшеничной	100 пуд.
Моркови	1 пуд.
Картофеля	29 пуд.
Вишни	3.5 пуд.
Яблокъ	3.0 пуд.
Грушъ	5.0 пуд.
Арбузовъ	200 шт.
Дынь	50 шт.
Масла постнаго	3 пуд.
Хмѣля	2 фун.
Луку	2.5 фун
Огурцовъ	5 сот.
Молока	100 вед.
Яицъ	750 шт.

Приходъ.

Отъ поля.	На сумму руб. Натурой.	Деньгами.	
Пшеницы	252.0	450	
Картофеля	17.6	5.6	
Вишни	1.2	—	
Грушъ	3.0	—	
Арбузовъ	8.0	—	
Дынь	2.0	—	
Капусты	5.0	—	
Огурцовъ	1.0	—	
Клевера	45.0	—	
Соломы	56.2	15.0	
Итого	391.0	470.6	861.6
Отъ скота.			
Молока	50.0	—	
Кизяка	2.4	—	
Шкуръ	—	0.2	
Отъ продажи живого скота	—	72.55	
Сало свиное и поросячье	106.0	—	
Мясо коровье	2.4	—	
Яйца	7.5	—	
Куры	4.5	—	
Итого	172.8	72.95	245.75
Отъ продажи мертваго инвентаря	—	139.0	
Взято въ займы	—	40.0	
Неучтеннаго прихода	—	8.28	
Всего прихода	563.8	730.83	1294.63

Расходъ.

На личныя потребности.

Пища.

Мука пшеничная	93.0	18.0	
Морковь	—	0.5	
Картофель	13.3	3.0	
Вишья	1.2	1.5	
Яблоки	—	2.25	
Груши	3.0	—	
Арбузы	8.0	—	
Дыни	2.0	—	
Масло постное	—	14.4	
Хмѣль	—	1.2	
Лукъ	—	1.6	
Капуста	50.	—	
Огурцы	1.0	—	
Молоко	30.0	—	
Яйца	7.5	—	
Телят. и бычачина	2.4	30.0	
Сало свиное	100.0	—	
Сало поросячье	6.0	—	
Соль	—	2.1	
Чай	—	6.5	
Сахаръ	—	10.2	
Вино и пиво	—	17.0	
Куры	4.5	—	
Табакъ	—	7.0	
Бѣлый хлѣбъ и пр.	—	3.0	
Размолъ	—	90.	
Итого	296.8	127.25	
Освѣщеніе	—	6.3	
Одежда	—	53.30	
Обувь	—	50.0	
Мѣшки	—	0.9	
Посуда	—	3.0	
Мыло	—	9.4	
Книги и письмен. принадлежн	—	2.3	
Причту	3.0	2.0	
Свадебные расх.	—	25.0	
Подарки роднѣ	—	1.0	
Повитухѣ и леченіе	—	1.0	
Шкура для одежды	—	7.0	
Отопленіе	51.6	—	
Уплата долговъ	—	40.0	
Итого на личныя потребности	351.4	328.45	679.85

Хозяйственныя нужды			
Посѣвъ и поле.			
Овесъ	—	4 4	
Пшеница	100.0	—	
Картофель	2.2	—	
Аренда	—	19.66	
За работы	—	3.6	
Итого	102.2	27.66	129.86
Овесъ	—	21.15	
Ячмень	—	10 8	
Пшеница	15.0	—	
Мука	41.0	—	
Картофель	2.2	—	
Клеверъ	45.0	24.5	
Солома	7.0	—	
Ковка	—	1 0	
Размолъ	—	3.0	
Покупка лошадей	—	45.0	
Пастуху	—	6.0	
Итого	110.2	111.45	221.65
На мертвый инвентарь	—	174.92	
Ремонтъ строеній	—	5 3	
Подати	—	12.3	
Платежи	—	10.75	
За работы	—	60.0	
Итого	—	263.27	
Итого на хозяйствен. нужды	212.4	402 38	614 78
Всего расхода	563 8	730 83	1294.63

Сопоставляя эти бюджеты, а также вышеприведенныя данныя о системахъ хозяйствъ населенія края, получается много выводовъ, сплошь свидѣтельствующихъ не въ пользу сартовскаго и киргизскаго хозяйствъ, которыя, стоя на чрезвычайно низкой степени культурнаго развитія, очевидно, не много могутъ дать продуктовъ даже для себя, не говоря уже объ остальномъ населеніи.

Качество почвы описываемыхъ областей никоимъ образомъ не можетъ быть отвѣтственно за малую производительность ихъ. Сама по себѣ почва, будучи, главнымъ образомъ, лессовою, отличается прекрасными достоинствами и урожайность зависитъ опять таки отъ культурности земледѣльца.

Объ урожайности на поливныхъ и богарныхъ земляхъ было уже говорено выше; остается здѣсь лишь упомянуть о хозяйствѣ Ф. И. Васильева, расположенномъ въ безводной Бельагачской степи (близь Семипалатинска), которое свидѣтельствуетъ, что значитъ интеллигентность въ дѣлѣ сельскаго хозяйства даже на неорошенной землѣ.

Хуторъ г. Васильева арендуетъ въ степи 1.100 десятинъ, изъ которыхъ подъ пшеницу въ 1906 году было занято 425 десятинъ, подъ овесъ—140 дес., 250 дес. были подъ «чернымъ паромъ», остальное поле отдыхало.

«Черный паръ» заключается въ томъ, что съ осени земля распахивается, весною пробороняется и производится посѣвъ пшеницы. Это уже шагъ къ интенсификаціи*), хотя система полеводства, принятая г. Васильевымъ, далеко не интенсивная, а приближается къ трехполью. И вотъ этимъ «чернымъ паромъ» онъ дошелъ по отношенію къ пшеницѣ по истинѣ до блестящихъ результатовъ. Надо сказать, что Бельагачская степь поставлена въ смыслѣ орошенія въ весьма неблагопріятныя условія. Это своего рода «богара» въ широкомъ смыслѣ. Здѣсь нѣтъ крупныхъ рѣкъ, не считая озеръ и мелкихъ ручьевъ. Около-же хутора г. Васильева нѣтъ даже питьевой воды и ему приходится пользоваться особыми водохранилищами снѣговой воды и хранить ее въ особыхъ резервуарахъ. Слѣдовательно, урожай хлѣбовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ дождя. Въ то время какъ во всей Бельагачской степи урожай былъ въ 1906 году ниже средняго, т. е. 50—60 пудовъ, урожай пшеницы на хуторѣ г. Васильева доведенъ былъ въ этомъ году до 80 пудовъ.

Ни въ одномъ хозяйствѣ, видѣнномъ г. Соколовымъ, не было такъ много дорогихъ сельскохозяйственныхъ машинъ,

*) Система эта приближается къ системѣ называемаго „сухого земледѣлія".

какъ на хуторѣ г. Васильева. Жатвенная машина у него въ 5 лошадей и обрабатываетъ въ день до 5 десятинъ (Адріанъ-Пеатсъ), молотилка большая Badenia съ паровымъ приводомъ (цѣна 6000 рублей), сортирующая пшеницу на 3 сорта, плуги Столя и Воткинскаго завода.

Стоимость обработки 1 десятины у него слѣдующая.

Машинная обработка	4 рубля
Сѣмена	6 рублей
Аренда	1 рубль
Жатва и съемка	6 рублей
Возка	1 рубль
Молотьба	7 рублей
Всего	25 рублей

Средняя чистая доходность 1 десятины (за вычетомъ 25 рублей на обработку) равняется на хуторѣ г. Васильева 31 рублю.

Въ общемъ выходитъ старая истина, что даже мало удобная земля въ опытныхъ и искусныхъ рукахъ развитого человѣка представляетъ собою золотое дно, а богатѣйшая орошенная лессовая почва въ рукахъ безграмотнаго сарта и киргиза— минусъ въ народномъ хозяйствѣ. Русскій поселенецъ недалеко ушелъ въ этомъ отношеніи отъ нашихъ туземцевъ; такъ, роскошная черноземная почва Алтайскаго округа (мощностью въ 0.21 сажени) въ среднемъ даетъ нашему мужику лишь 55,2 пуда съ 1 десятины (средняя цифра за 10 лѣтъ).

Второе и весьма важное условіе, препятствующее развитію хозяйства въ краѣ и служащее причиною малой его производительности, заключается въ неурегулированности земельнаго вопроса.

Въ различныхъ мѣстахъ своей книги г. Соколовъ жестоко обрушивается на мѣстную администрацію, ничего, по его словамъ, не сдѣлавшую въ этомъ отношеніи.

По степному положенію, дѣйствующему въ Семирѣченской области, и по положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ въ Сыръ дарьинской области земли, занимаемыя кочевьями, оставляются въ безсрочномъ пользованіи кочевниковъ и составляютъ государственную собственность; киргизы же, съ своей стороны, почему то считаютъ, что земли подъ кочевьями принадлежатъ имъ и даже сдаютъ ихъ отъ себя въ аренду русскимъ поселенцамъ, для которыхъ не оказалось нарѣзанной земли.

Такъ какъ кочевники - киргизы, составляя значительную часть населенія областей, вѣчно передвигаются для надобностей своего первобытнаго скотоводческаго хозяйства отъ лѣтнихъ стоянокъ къ зимнимъ и наоборотъ, т. е., попросту, бродяжничаютъ, то площади земель, дѣйствительно нужныхъ имъ, трудно опредѣлить. За неизвѣстностью этой величины еще болѣе трудно выдѣлять изъ пользованія ихъ земли, могущія оказаться для нихъ излишними, которыя по закону (степное положеніе, примѣчаніе 1 къ ст. 120) поступаютъ въ вѣдѣніе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ для колонизаціонныхъ цѣлей.

Поэтому на практикѣ выходитъ, что весь Туркестанъ почти сплошь пустыня съ чудной лессовой землей, а свободныхъ земель для переселенцевъ нѣтъ.

Какъ примѣръ хаоса въ земельномъ вопросѣ, Соколовъ приводитъ громкое, такъ называемое Чамалганское дѣло, которое къ 1907 году было еще не окончено, хотя тянулось нѣсколько лѣтъ, гдѣ оказалось весьма труднымъ передать для русскихъ переселенцевъ, ожидавшихъ земли много лѣтъ, участокъ земли въ 7300 десятинъ въ Чамалганской волости, Вѣрненскаго уѣзда, отъ каковой земли сами киргизы добровольно отказались. По мнѣнію Соколова, переселенческіе чины стоятъ на сторонѣ русскаго населенія, а мѣстная администрація по своему понимаетъ «интересы киргизскаго населенія» даже тогда, когда оно проситъ отобрать отъ нихъ нужные для переселенцевъ участки (стр. 177).

Если по поводу такого незначительнаго клочка земли возникаютъ столь сложныя и хлопотливыя пререканія между мѣстной властью и переселенческими чинами, то что будетъ, спрашиваетъ Соколовъ, по поводу крупныхъ отрѣзковъ въ милліоны десятинъ, которые силою вещей должны перейти отъ кочевниковъ въ руки настоящихъ землеробовъ?

Площадь, находящуюся въ распоряженіи кочевниковъ въ Семирѣченской области, Соколовъ опредѣляетъ въ 35.8 милліоновъ десятинъ, тогда какъ русское населеніе занимаетъ только 800 тысячъ десятинъ. Земельное отношеніе русскаго населенія къ кочевому опредѣляется въ области, какъ 0.8 : 35.8, число же душъ русскаго населенія къ кочевому какъ 1 : 6.9. Получается, по мнѣнію Соколова, колоссальное несоотвѣтствіе, иначе говоря, захватъ туземцами земельныхъ богатствъ совершенно ими неразрабатываемыхъ (говоря о кочевникахъ) и используемыхъ только въ смыслѣ вытаптыванія подножнаго корма и самаго варварскаго отношенія къ земледѣлію, если гдѣ таковое между ними зарождается. «Это ли», восклицаетъ авторъ книги, «не захватъ безполезный и непроизводительный лучшей и плодороднѣйшей земли, какую только можно найти въ россійскихъ владѣніяхъ? И все это сохранялось и сохраняется status quo, вся эта плодоносная пустыня отдана во власть инородцамъ, не извлекающимъ пользы ни для себя, ни для другихъ, ради пресловутаго принципа «сохраненія кочевого быта».

То-же самое земельное положеніе царитъ и въ Сыръ-дарьинской области.

Что бы разрѣшить земельный вопросъ, авторъ книги считаетъ необходимымъ разъ навсегда опредѣлить для каждой киргизской кибитки норму земли, которая, по вычисленіямъ переселенческой партіи, выходитъ въ 40 десятинъ, и тѣмъ положить конецъ разнымъ киргизскимъ «джайляу» и «кочтеу» и проч. (стоянкамъ лѣтнимъ и зимнимъ), прикрѣпивъ ихъ къ землѣ.

Полученные за выдѣленіемъ опредѣленнаго количества земли для кочевниковъ излишки составятъ колонизаціонный фондъ. Для Семирѣчья этотъ фондъ, считая удобныя и не удобныя земли, по вычисленіямъ Соколова, будетъ равняться 26.8 милліонамъ десятинъ, а для Сыръ дарьинской—43 милліонамъ десятинъ.

Авторъ книги далекъ отъ мысли, что все это огромное количество земли вполнѣ удобно для заселенія. Здѣсь имѣются горные хребты, рѣки и лѣса и для опредѣленія удобной земли необходима детальныя и продолжительныя изслѣдованія. Изслѣдованія эти почти не начинались, но гдѣ они были, то дали неожиданные результаты. Такъ, въ Лепсинскомъ уѣздѣ за одно лѣто 1906 года усиліями одного производителя работъ Андерсона обнаружено болѣе 200 000 десятинъ удобной земли, хотя требующей орошенія по крайней мѣрѣ въ 1/4 часть всей площади.

Послѣднее и самое главное условіе, вліяющее на малую производительность описываемыхъ областей, именно, орошеніе, Соколовъ находитъ развивающимся крайне медленно. Изъ 175 1/2 милліоновъ десятинъ во всемъ Туркестанѣ орошено только 2 1/2 милліона, или 1.5%. Причина тому заключается, повидимому, въ дороговизнѣ ирригаціонныхъ сооруженій. Принимая во вниманіе, что инженерныя ирригаціонныя сооруженія обходятся крайне дорого (орошеніе 1 десятины Ермоловскимъ каналомъ обошлось въ 50 рублей[1]), каналомъ изъ Арыси въ Чимкентскомъ уѣздѣ—въ 62 рубля[2]), Улунгарскимъ каналомъ—въ 72 рубля[3]), каналомъ Императора Николая I—въ 100 рублей[4]) и каналомъ въ Голодной

---

[1]) Общій расходъ на 32.000 дес. былъ 1.665.000 рублей.

[2]) Весь расходъ на 18.800 дес. былъ 1.120.000 рублей.

[3]) Весь расходъ на 16.250 дес. былъ 1.154.000 рублей.

[4]) Весь расходъ на 10.000 дес. былъ около 1.000.000 рублей.

степи—не менѣе 100 рублей[5]), а арыки, построенные туземцами безъ всякой нивеллировки, стоятъ сравнительно недорого (въ Пишпекскомъ уѣздѣ дунганъ Муктабековъ для орошенія 40 десятинъ выстроилъ арыкъ $1^1/_2$ версты при живомъ сѣченіи въ $1^1/_2$ кв. аршина за 500 рублей, т. е. 1 десятина обошлась ему въ 12 рублей 50 коп.; дунганъ Лебуза выстроилъ арыкъ въ 5 верстъ, глубиною 4 сажени 1 аршинъ, за 200 рублей (!)). Соколовъ полагаетъ не держаться строго инженернаго направленія ирригаціи, основаннаго на данныхъ науки, а строить арыки по туземному способу. Кромѣ того, онъ совѣтуетъ воспользоваться лежащими втунѣ проектами разныхъ инженеровъ, считающихъ возможнымъ оросить разныя мѣста края сравнительно недорогимъ способомъ.

Такъ, по проекту инженера Есакова[6]) возможно расширить верхнюю часть арыка Боссу (орошающаго Ташкентъ), оросивъ еще до 30.000 десятинъ съ затратою по 5 рублей за десятину.

По той же цѣнѣ можно усилить орошеніе по системѣ Захъ арыка, удлиннивъ по этому арыку культурную полосу на 40 верстъ.

По мнѣнію того же инженера, возможно легко развить систему арыка Искандеръ и оросить съ затратою не болѣе 8 рублей на 1 десятину 30.000 десятинъ; перебросивъ же воды этого арыка черезъ рѣку Келесъ, возможно орошеніе 100 тысячъ десятинъ при расходѣ по 10 рублей на десятину.

По мнѣнію инженера Дингельштедта, расширеніе системъ арыка Дильверзинъ (изъ рѣки Сыръ дарьи) даетъ 50.000 орошенныхъ десятинъ.

По мнѣнію инженера Петрова, изъ рѣки Таласа можно оросить 50.000 десятинъ.

По заключенію инженера Кларе, стоимость орошенія 20.000 десятинъ въ окрестностяхъ древняго города Отара, гдѣ сохранились старые арыки, даже при европейскомъ типѣ сооруженій можетъ быть исчислена не болѣе какъ по 25 рублей за десятину. Здѣсь киргизы сами брались проводить каналы, обѣщая дать часть орошенной земли для устройства русскаго поселка.

По даннымъ г. Дингельштедта, по правому берегу рѣки Сыръ дарьи въ Перовскомъ уѣздѣ намѣчено мѣстной администраціей къ орошенію 13.600 десятинъ, причемъ стоимость работъ оцѣнена въ 3 рубля за десятину.

Еще могутъ быть орошены 13.000 десятинъ между станціями Дмитріевской и Семеновской съ расходомъ въ 90.000 рублей (по 7 рублей за десятину).

По исчисленію того же инженера, орошеніе 200.000 десятинъ по лѣвому побережью Сыръ дарьи, въ томъ-же уѣздѣ, на протяженіи 200 верстъ, гдѣ почва изрѣзана старыми арыками, изъ которыхъ нѣкоторые могутъ быть возстановлены безъ дорого стоющихъ работъ, обойдется въ 170.000 рублей.

При осуществленіи этихъ проектовъ количество орошенныхъ земель увеличилось бы на 500.000 десятинъ, которыя могли-бы вмѣстить громадное число хлѣбопашцевъ.

Во всякомъ случаѣ, будетъ ли примѣненъ тотъ или другой методъ орошенія, должно быть обращено самое серьезное вниманіе государства и частныхъ лицъ на это дѣло, отъ котораго зависитъ все будущее края. По нашему мнѣнію, первѣйшая забота власти въ краѣ должна быть обращена, именно, на ирригацію. Долженъ быть созданъ въ краѣ особый органъ, въ видѣ ирригаціоннаго управленія, единственная задача котораго была бы—строить и строить арыки. Конечно органъ этотъ долженъ обладать достаточными средствами, которыя могутъ потомъ притекать отъ сдачи въ аренду орошаемыхъ земель. Постройка арыковъ въ Туркестанѣ не менѣе важна,

[5]) Весь расходъ на 45.000 дес. предполагается не меньше 4.500.000 рублей.

[6]) *Турк. Вѣд.* 1906 г. № 1.

чѣмъ постройка желѣзныхъ дорогъ, даже болѣе, арыки при приложеніи труда создаютъ продукты, а желѣзные пути ихъ только перевозятъ. Тѣмъ не менѣе, на постройку желѣзныхъ дорогъ всегда находятся средства. Во всякомъ случаѣ каждая новая орошенная десятина—это плюсъ въ народномъ хозяйствѣ и источникъ доходовъ для государства.

Въ общемъ, даже и при описанной малой производительности края Соколовъ находитъ, что постройка желѣзной дороги изъ Ташкента къ Томску будетъ обладать достаточнымъ количествомъ грузовъ. Само собою разумѣется, что она урегулируетъ цѣны на жизненные продукты въ области, которую она захватитъ, каковыя теперь крайне разнообразны (напримѣръ, пудъ пшеницы въ Барнаульскомъ уѣздѣ стоитъ 80 коп., а въ Мерке—45 коп; мясо скотское въ Змѣиногорскомъ уѣздѣ стоитъ 1 рубль 86 коп. за пудъ, въ Ташкентѣ—больше 4 рублей и т. д.) и, главное, дастъ толчокъ культурному процвѣтанію края при непремѣнномъ условіи развитія орошенія.

И. Филипповъ.

Памяти Д. Д. Гедеонова.

11 сентября послѣ очень непродолжительной болѣзни скончался начальникъ Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла генералъ-маіоръ Дмитрій Даниловичъ Гедеоновъ. Смерть эта поразила всѣхъ знавшихъ покойнаго, такъ какъ онъ отличался богатырскимъ здоровьемъ и сложеніемъ и нельзя было и думать, что рокъ сулилъ ему неожиданную кончину въ цвѣтѣ силъ. Д. Д. Гедеоновъ провелъ въ Туркестанѣ въ общей сложности болѣе 20 лѣтъ. Какъ геодезистъ, много потрудившійся при изслѣдованіи края, какъ начальникъ военно топографическаго отдѣла, а въ послѣднее время какъ предсѣдатель Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества, покойный занималъ видное общественное положеніе, а потому будетъ умѣстно сообщить краткую біографію его.

Д. Д. Гедеоновъ, дворянинъ Тульской губерніи, родился въ 1854 году и первоначальное образованіе и воспитаніе получилъ въ Полоцкой военной гимназіи, а спеціальное военное—въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. По окончаніи курса послѣдняго въ 1874 году Д. Д. былъ выпущенъ подпоручикомъ во 2 (нынѣ 8) саперный баталіонъ. Въ 1876 году по выдержаніи экзамена Д. Д. былъ зачисленъ слушателемъ геодезическаго отдѣленія Николаевской академіи генеральнаго штаба, а въ 1878 году, по окончаніи курса въ академіи, былъ командированъ для практическихъ занятій по астрономіи и геодезіи въ Пулковскую обсерваторію. Въ началѣ 1881 года Д. Д. получилъ званіе геодезиста, зачисленъ по генеральному штабу и переведенъ въ корпусъ топографовъ. Въ бытность свою въ Пулковской обсерваторіи Д. Д. обратилъ на себя вниманіе разработкою вопроса о быстромъ опредѣленіи поправки часовъ на пассажномъ инструментѣ. Способъ этотъ теперь отмѣчается въ курсѣ практической астрономіи.

Въ началѣ своей службы въ корпусѣ топографовъ Д. Д. занимался вычисленіями и производствомъ точной нивеллировки по линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣдняя работа была въ то время нововведеніемъ и для производства ея предлагалось нѣсколько инструкцій. Изъ нихъ принята была инструкція Д. Д., удержавшаяся почти безъ перемѣнъ и до сихъ поръ. Въ первые-же годы своей службы въ корпусѣ топографовъ Д. Д. былъ и преподавателемъ геодезіи въ топографическомъ военномъ училищѣ.

Въ 1884 году Д. Д. впервые прибылъ въ Туркестанъ для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ (служащихъ опорными точками для планшетовъ съемки) въ Закаспійской области, Хивѣ и Бухарѣ.

Въ 1885 и 1886 годахъ мы снова ви-

дымъ его въ Туркестанѣ въ качествѣ помощника комиссара русско-афганской пограничной комиссіи, а въ 1887 году снова на астрономическихъ работахъ въ Закаспійской области.

Въ 1889 году Д. Д. былъ командированъ въ Азіатскую Турцію для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ, необходимыхъ при составленіи карты страны. При исполненіи этого щекотливаго порученія (нужно было произвести рядъ наблюденій по пути Кавказъ—Константинополь, не обративъ на себя вниманія населенія и администраціи) Д. Д. остроумно воспользовался Пистоpовымъ кругомъ со ртутнымъ горизонтомъ и палаткой съ полуоткрытымъ верхомъ, причемъ ни наблюдатель, ни инструменты не были видимы и инструменты въ случаѣ нужды моментально могли быть спрятаны.

Въ 1890 году Д. Д. былъ назначенъ штабъ-офицеромъ для порученій и астрономическихъ работъ въ Туркестанскій военно-топографическій отдѣлъ и завѣдывающимъ Ташкентской обсерваторіей. Съ этого времени Д. Д. находился почти непрерывно въ Туркестанѣ. Съ 1890 по 1899 годы Д. Д. произведены телеграфныя опредѣленія долготы Ташкента, Орска, Чарджуя, Керки, Асхабада, Красноводска, Ауліеата и Перовска и, кромѣ того, опредѣлено много астрономическихъ точекъ въ Сыръ дарьинской области. Въ качествѣ завѣдывающаго обсерваторіей Д. Д. много занимался метеорологіей. Его изслѣдованія помѣщены въ запискахъ Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества. По предложенію Пулковской обсерваторіи Д. Д. занимался опредѣленіемъ положенія звѣздъ на меридіанномъ кругѣ, а затѣмъ наблюденіями для опредѣленія періодическаго измѣненія широты съ помощью зенитъ телескопа. Послѣдняя работа отличается замѣчательной полнотою и тщательностью наблюденій, вслѣдствіе чего измѣненія широты обнаружились весьма рельефно. Подъ его-же наблюденіемъ въ обсерваторіи былъ установленъ и 12 дм. астрографъ для фотографированія неба.

Въ 1900 году Д. Д. былъ переведенъ на Кавказъ, но въ концѣ этого же года онъ вернулся снова въ Ташкентъ въ качествѣ начальника военно-топографическаго отдѣла. Въ этой новой должности Д. Д. повысилъ требованія точности съемокъ для опредѣленія опорныхъ точекъ, ввелъ тріангуляцію вмѣсто астрономическихъ пунктовъ, употребляющихся лишь при первоначальномъ изслѣдованіи страны. Такъ какъ для опредѣленія размѣровъ треугольниковъ тріангуляціонной сѣти необходимо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣрить такъ называемые базисы, то на это измѣреніе Д. Д. обратилъ свое особое вниманіе и, совершенствуя постепенно способъ измѣренія базиса съ помощью проволокъ (приборъ Іедерина), довелъ относительную точность измѣренія базиса до одной пятимилліонной доли его. Это представляетъ огромный и важный шагъ впередъ, такъ какъ съ прежними громоздкими приборами точность измѣренія базиса не превосходила одной пятьсотъ-тысячной доли его. Весьма прискорбно, что преждевременная кончина Д. Д. не позволила ему продолжать работу: Д. Д надѣялся получить точность еще большую.

Труды Д. Д. Гедеонова въ области астрономіи и геодезіи обратили на себя вниманіе ученаго міра и совѣтъ Императорскаго Русскаго географическаго общества присудилъ ему золотую медаль графа Литке.

Весною этого года Д. Д. въ виду тяжелой болѣзни его жены, Елизаветы Флоровны, уѣхалъ въ 4 мѣсячный отпускъ, чтобы воспользоваться лѣтнимъ сезономъ для леченія. Но болѣзнь Елизаветы Флоровны оказалась запущенной и Д. Д. былъ свидѣтелемъ постепеннаго угасанія дорогой для него жизни. Устроивъ жену въ Ялтѣ, Д. Д. вернулся 5 сентября въ Ташкентъ и нравственно и

физически разбитымъ. Немудрено, что его богатырскій организмъ не вынесъ болѣзни (брюшной тифъ), хотя и серьезной, но далеко не всегда роковой. 8 сентября онъ слегъ, а 11 его уже не стало. Его жена пережила его только на 12 дней: недавно получено увѣдомленіе, что она скончалась въ Ялтѣ 23 сентября. У покойныхъ остались трое малолѣтнихъ дѣтей. Такая жестокость судьбы къ Д. Д. и его семьѣ для насъ смертныхъ непонятна и только усугубляетъ удручающее впечатлѣніе, вызванное неожиданной кончиной Д. Д. Въ средѣ сослуживцевъ и подчиненныхъ Д. Д., несмотря на свою замкнутость, пользовался полнымъ уваженіемъ и любовью за снисходительность къ человѣческимъ слабостямъ и природную доброту характера; всѣ они отъ чистаго сердца могутъ сказать: «миръ душѣ твоей, дорогой начальникъ и добрый человѣкъ»!

Изслѣдованія высшихъ слоевъ атмосферы близь Ташкента.

Въ концѣ августа и началѣ сентября прошлаго года изъ Ташкентской астрономической и физической обсерваторіи командированнымъ Императорской академіей наукъ С. Л. Русаковымъ было пущено 11 шаровъ зондовъ съ цѣлью изслѣдованія температуры воздуха и направленія и скорости воздушныхъ теченій на разныхъ высотахъ. Изъ этихъ 11 шаровъ нашелся лишь одинъ, поднявшійся на небольшую высоту и не давшій такимъ образомъ никакихъ результатовъ. Эти изслѣдованія, однако, не были совершенно безплодны, хотя шары и не были найдены. За шарами наблюдали помощью теодолита и эти наблюденія дали возможность опредѣлить приблизительныя направленія и скорости воздушныхъ теченій до значительныхъ высотъ (приблизительно до 16 километровъ). Оказалось, что вліяніе горъ на движеніе атмосферы близь Ташкента сказывается лишь до высоты 3000—3500 метровъ, а выше направленія теченій очень постоянны, воздухъ на большихъ высотахъ движется съ запада на востокъ, въ большинствѣ случаевъ съ значительной скоростью, доходящей до 25 метровъ въ секунду.

Весьма большой интересъ, который представляютъ изслѣдованія атмосферы въ Туркестанскомъ краѣ, отличающемся очень континентальнымъ климатомъ, побудилъ Императорскую академію наукъ произвести подобныя-же изслѣдованія и въ этомъ году. Въ сентябрѣ этого года въ Ташкентъ были командированы завѣдующій змѣйковымъ отдѣленіемъ Константиновской обсерваторіи въ городѣ Павловскѣ В. В. Кузнецовъ и наблюдатель П. П. Надѣевъ.

Опытъ прошлаго года показалъ, что шары, пущенные изъ Ташкента, пройдя около 80—100 верстъ къ востоку, спустились въ горахъ, гдѣ найти ихъ весьма трудно. Въ виду этого теперь было рѣшено произвести подъемы, отъѣхавъ отъ Ташкента на нѣсколько десятковъ верстъ, и увеличить вертикальныя скорости движенія шаровъ, какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ. Всего было пущено 8 шаровъ, изъ нихъ 4 изъ Ишанъ базара (въ 30 верстахъ къ западу отъ Ташкента) и 4 изъ аула Чингильды (въ 50 верстахъ къ западу отъ Ташкента). Изъ Ишанъ-базара шары были пущены 21, 23, 24 и 25 сентября, а изъ Чингильды 1, 2, 3 и 4 октября. До настоящаго времени найдено 2 шара, пущенные изъ Ишанъ базара 21 и 25 сентября. Одинъ изъ шаровъ поднялся до высоты 13.500 метровъ, температура на землѣ была 26°Ц., а минимальная температура на большой высотѣ была—56°Ц; такимъ образомъ, температура понизилась на 82°Ц. Другой шаръ поднялся до высоты 8600 метровъ, температура на землѣ была 24°Ц., а на наибольшей высотѣ температура понизилась до—29°.Ц. Первый шаръ былъ найденъ въ аулѣ Карши близь Янги-базара,

а второй въ аулѣ Кара Манасъ близь Троицкаго поселка. Благодаря мѣрамъ, принятымъ уѣзднымъ управленіемъ, оба шара были получены въ полной исправности съ удовлетворительными записями приборовъ.

Средняя скорость движенія перваго шара была 12.3 метровъ въ секунду, а второго 11.6 метровъ въ секунду. Остальные 6 шаровъ пока не найдены, хотя терять надежды, что они найдутся, нѣтъ основаній, такъ какъ по наблюденіямъ, сдѣланнымъ помощью теодолита, видно, что 5 шаровъ должны были спуститься вблизи Ташкента: одинъ близь селенія Кауфманскаго (въ 25 верстахъ къ сѣверу отъ Ташкента), второй близь Капланбека (въ 15 верстахъ къ сѣверу отъ Ташкента), третій близь уроч. Ащи (въ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Ташкента), четвертый близь Токумбая (въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ Ташкента), а пятый близь Заркента (въ 40 верстахъ къ востоку отъ Ташкента), за шестымъ наблюдать долго не пришлось, такъ какъ онъ при подъемѣ скоро скрылся въ облакахъ, покрывавшихъ небо сплошнымъ слоемъ.

Конечно, приведенныя данныя мѣста спуска шаровъ вычислены лишь приблизительно, такъ какъ высоты подъема шаровъ были опредѣлены въ предположеніи, что шары двигаются вверхъ съ постоянною скоростью, найденною по начальной подъемной силѣ шара.

За находку каждаго изъ шаровъ будетъ выдана награда 5 рублей и уплачены всѣ расходы, сопряженные съ ихъ доставкой.

П. Лессаръ, бывшій дипломатическій агентъ въ Бухарѣ и русскій посолъ въ Китаѣ.

Переводъ съ англійскаго И. Слуцкаго.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ вышла недавно изъ печати (въ Ташкентѣ) въ 60 небольшихъ страничекъ брошюрка, посвященная покойному Лессару однимъ изъ его англійскихъ друзей.

Помимо обрисовки въ упомянутой брошюрѣ этой огромной личности, рѣдкаго дѣятеля у насъ въ Туркестанѣ, брошюрка охватываетъ массу жгучихъ и понынѣ вопросовъ съ точки зрѣнія Лессара и его англійскаго друга, «объективность и искренность котораго являются рѣдкимъ перломъ среди англійскихъ дѣятелей печати.

Всякій прочитавшій эту брошюрку несомнѣнно найдетъ въ ней много интереснаго, такъ какъ въ сжатомъ, ясномъ изложеніи нарисованы картинки изъ жизни Лессара и въ бытность его политическимъ агентомъ въ Бухарѣ, совѣтникомъ въ Лондонѣ и русскимъ посломъ въ Пекинѣ, гдѣ онъ не мало потрудился, чтобы отвратить заранѣе предвидимую имъ нашу войну съ Японіей. Еще въ іюнѣ 1901 года онъ говорилъ о японцахъ такъ: «Японія опасна. Японцы такъ высоко подняли голову, что убѣждены въ своемъ величайшемъ въ мірѣ морскомъ и военномъ могуществѣ. Одно время мы могли не опасаться японскихъ нападеній въ полной увѣренности, что они никогда не рѣшатся на войну безъ фактической поддержки со стороны Англіи. Теперь же они такъ высокомѣрны и убѣждены, что они не нуждаются болѣе въ союзѣ ни съ какимъ изъ европейскихъ государствъ для успѣшной войны съ Россіей. Японцы не выступятъ на войну лишь до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ денегъ, но они представляютъ ежедневную опасность, причемъ слѣдуетъ считаться и

съ ихъ безумной храбростью». Такъ говорилъ Лэссаръ почти за три года до войны. Единственный исходъ для избѣжанія войны Лэссаръ видѣлъ въ необходимости своевременной эвакуаціи нашихъ войскъ изъ Манчжуріи. Его не слушали. Англія помѣшала также эвакуаціи и Лэссару, въ бытность его посланникомъ въ Пекинѣ, пришлось увидѣть результатъ своихъ неудачныхъ предостереженій. Послѣднія сильно подѣйствовали на его расшатанный трудами организмъ и неумолимая смерть унесла выдающагося дипломата вскорѣ же послѣ операціи подъ Мукденомъ.

Въ брошюрѣ не мало мѣстъ, рисующихъ всестороннюю дѣятельность Лессара и его взгляды во время пребыванія на различныхъ дипломатическихъ постахъ у насъ и заграницей. Читается брошюра легко и съ большимъ интересомъ. Продается въ книжномъ магазинѣ «Знаніе» (въ Ташкентѣ). Цѣна 30 коп.

Къ дѣятельности русскихъ офицеровъ въ Персіи.

Съ того момента, какъ шахъ Персіи совершилъ въ своемъ государствѣ coup d' etat, чему особенно помогло и способствовало наличіе въ Тегеранѣ персидской казачьей бригады, обучаемой полковникомъ русской службы Ляховымъ, тремя русскими оберъ-офицерами и 6 урядниками, большинство столичныхъ газетъ выступило съ порицаніемъ ихъ дѣятельности, стараясь доказать, что, играя въ руку шаха, полковникъ Ляховъ даетъ поводъ персамъ считать, что Россія ведетъ двойную игру: во-первыхъ, настаиваетъ черезъ своихъ представителей на возстановленіе конституціи и, во вторыхъ, молчаливо созерцаетъ, какъ полковникъ Ляховъ съ казаками разноситъ зданіе меджлиса, арестобываетъ членовъ тегеранскихъ энджуменовъ и вообще помогаетъ реакціонерамъ. Въ виду того, что такія дѣйствія несомнѣнно возбуждаютъ населеніе Персіи противъ русскихъ, что, въ свою очередь, будто-бы, можетъ отразиться на нашей торговлѣ съ Персіей, нѣкоторыя газеты приходятъ къ рѣшенію какъ можно скорѣе отозвать полковника Ляхова, трехъ офицеровъ и 6 урядниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ газеты ссылаются, что и англійская газета *The Times* тоже стоитъ за отозваніе полковника Ляхова. Въ защиту послѣдняго выступаетъ *Новое Время*, которое старается внушить, что полковникъ Ляховъ находится на персидской службѣ, а потому воленъ дѣлать все, что ему угодно. Такъ или иначе, но можно сказать одно, что отозваніе полковника Ляхова, если-бы таковое состоялось, повело-бы за собой немедленное выступленіе въ Тегеранѣ Германіи, которая сейчасъ-же, не задумываясь, предложила-бы шаху своихъ офицеровъ, если то же самое не удалось-бы ранѣе ея сдѣлать Англіи. Вътомъ или въ другомъ случаѣ, мы оказались бы несомнѣнно въ проигрышѣ. Дѣйствительно, три четверти нашего вли-

нія въ Тегеранѣ держится на казачьей бригадѣ, подъ которую давно уже всѣми силами подкапываются и Англія, и Германія; само собой разумѣется, что если-бы наше правительство, внявъ травлѣ русскихъ же газетъ, отозвало-бы нашихъ офицеровъ изъ Персіи, то это какъ нельзя было-бы на руку и Англіи, и Германіи.

Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что участіе полковника Ляхова противъ націоналистовъ ожесточаетъ послѣднихъ противъ Россіи. Мы глубоко убѣждены, что можно было-бы смѣло не отзывать полковника Ляхова, но и не вмѣшивать казачью бригаду во внутреннюю политику Персіи. Сдѣлать это было-бы не трудно, если бы съ первыхъ-же шаговъ реакціи персидскому шаху была бы внушена какъ самимъ полковникомъ Ляховымъ, такъ и нашими представителями иностранныхъ дѣлъ въ Персіи нежелательность посылать казачью бригаду противъ меджлиса. При желаніи это можно было-бы смѣло добиться обоюдными усиліями дипломатіи и военнаго представителя. Но такъ какъ сдѣланнаго не воротишь, то остается только подумать объ его исправленіи, но, конечно, не безсмысленнымъ отозваніемъ нашихъ офицеровъ изъ Персіи, а соотвѣтствующими доводами доказать шаху, что, имѣя при себѣ казачью бригаду (всего-то въ настоящее время составъ ея не превышаетъ 700 человѣкъ), онъ (шахъ) не долженъ злоупотреблять этой силой, считая ее какъ личный конвой, который долженъ обезпечить ему его существованіе. Для того-же, чтобы при наличіи конституціи воевать съ внутренними
ми, у шаха есть въ настоящее время достаточно конницы и скорострѣльной артиллеріи, при помощи которыхъ онъ сможетъ и далѣе водворять порядокъ какъ въ столицѣ (казачья бригада вся стоитъ въ Тегеранѣ), такъ и въ провинціи. Итакъ, прежде чѣмъ рѣшать что либо въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ вспомнить значеніе русскихъ офицеровъ, командующихъ бригадой, для вліянія Россіи въ сѣверной Персіи, иначе говоря, надо помнить, что отозваніе офицеровъ сыграетъ въ руку Англіи и Германіи; не за горами и дѣятельность Государственной Думы, которая, воспринявъ мнѣніе большинства газетъ, не вдающихся въ самую сущность нашего вліянія въ Тегеранѣ, легко можетъ допустить ошибку, на этотъ разъ уже непоправимую, такъ какъ разъ казачья бригада будетъ оставлена русскими офицерами, то можно быть увѣренными, что на всегда; такъ сдѣлаютъ тѣ, кто спитъ и видитъ только отозваніе русскихъ офицеровъ. Не мѣшаетъ вспомнить въ данномъ случаѣ русскую пословицу, слишкомъ часто оправдывающуюся, «что имѣемъ не хранимъ, потерявши—плачемъ».

Краткая историческая записка

объ устройствѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ.

Начальныя основанія для устройства народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ были положены первымъ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ К. П. фонъ Кауфманомъ. Какъ человѣкъ въ высшей степени гуманный и универсально образованный, онъ не ограничилъ своей дѣятельности спеціальной для него военной частью администраціи, но широко охватилъ и другія отрасли государственной и общественной жизни вновь покореннаго края. На народное образованіе онъ, во все время своего управленія краемъ, всегда обращалъ особое вниманіе; «только народное образованіе, говорилъ онъ, способно завоевать край духовно; ни оружіе, ни законодательство не могутъ сдѣлать этого, а школа, и только школа, можетъ». Старѣйшими школами въ краѣ были начальныя училища, открытыя священниками въ фортѣ № 1 (Казалинскѣ) и Перовскѣ въ 1860 году; школы эти замѣнены были впослѣдствіи киргизскими школами, открытыми въ 1863 году въ Перовскѣ и въ 1865 году въ Казалинскѣ на особыхъ положеніяхъ, утвержденныхъ въ 1862 году оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ Безакомъ. Курсъ ученія въ этихъ школахъ ограничивался чтеніемъ и письмомъ на киргизскомъ и русскомъ языкахъ, изученіемъ четырехъ правилъ ариѳметики и переводами съ киргизскаго языка на русскій и обратно; учителями въ нихъ были киргизы, состоявшіе переводчиками при Казалинскомъ и Перовскомъ фортахъ. Осмотрѣвъ въ 1868 году Перовскую киргизскую школу, покойный Генералъ-Губернаторъ нашелъ, что школьное дѣло въ ней поставлено на очень низкой степени. Указывая на это военному губернатору Сыръ-дарьинской области, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ, что «для устройства народнаго образованія въ краѣ въ будущемъ онъ полагаетъ необходимымъ воспитывать дѣтей русскихъ и туземцевъ вмѣстѣ и для устраненія вреднаго въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ обособленія школъ мусульманскихъ отъ русскихъ принять въ основаніе воспитанія не религіозное различіе, а одни и тѣ же правила, при помощи которыхъ можно какъ православныхъ, такъ и мусульманъ сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи». «Точно также и въ самыхъ училищахъ, по его мнѣнію, не должно существовать подраздѣленія по религіямъ въ тѣхъ видахъ, чтобы всѣ русскія дѣти безъ различія вѣроисповѣданія могли-бы одинаково пользоваться выгодами общаго образованія». («Очеркъ разв. нар. обр. въ Туркест. краѣ», С. Граменицкаго, стр. 3—4).

Желая организовать дѣло образованія туркестанскихъ инородцевъ возможно широко и прочно, онъ лично просилъ покойнаго Н. И. Ильминскаго принять въ этомъ дѣлѣ ближайшее участіе и даже ходатайствовалъ о командированіи его въ Туркестанскій край для того, чтобы, послѣ всесторонняго изученія условій жизни и особенностей мѣстнаго населенія, онъ могъ выработать опредѣленное положеніе по устройству учебной части въ краѣ. Въ началѣ Н. И. Ильминскій весьма горячо и сочувственно отнесся къ этой просьбѣ и весною 1869 года составилъ для Генералъ-Губернатора предварительную записку, въ которой намѣтилъ очень широкій планъ русскаго и вмѣстѣ миссіонерскаго образованія средне азіатскихъ степей на началахъ осторожнаго и постепеннаго веденія этого дѣла. («Участіе Н. И. Ильминскаго въ дѣлѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ», Ц. В. Знаменскаго, страница 14). Въ этой запискѣ все дѣло образованія туркестанскихъ киргизовъ онъ предположилъ провести черезъ по-

средство одного лица—И. Алтынсарина, который долженъ былъ предварительно пробыть года два въ Казани для подготовки къ этой миссіи, а затѣмъ отправиться въ туркестанскую степь, здѣсь открыть частную школу для обученія дѣтей киргизовъ при помощи русскаго алфавита, а затѣмъ впослѣдствіи ученики его должны были открывать подобныя школы въ другихъ мѣстахъ и, такимъ образомъ, постепенно распространить образованіе по всей степи (страница 14). Въ этой-же запискѣ онъ проектируетъ для края и христіанскія инородческія школы и рекомендуетъ на кафедру вѣрненскаго епископа начальника алтайской миссіи, какъ человѣка уже знакомаго съ миссіонерскимъ дѣломъ. Вскорѣ послѣ этого Н. И. Ильминскій отправилъ на имя Генералъ-Губернатора вторую записку, въ которой рекомендуетъ для завѣдыванія учебною частью въ Туркестанскомъ краѣ И. С. Ястребова, бывшаго воспитанника Казанской академіи, съ хорошимъ успѣхомъ занимавшагося татарскимъ и арабскимъ языками и, главное, «знакомаго съ тѣми идеями, которыя съ положительнымъ успѣхомъ осуществляются въ Казани въ дѣлѣ образованія татаръ». «Считаю нужнымъ присовокупить, говоритъ Ильминскій, что Ястребовъ хотя и духовнаго образованія, но вовсе не фанатикъ и миссіонерство полагаетъ въ просвѣщеніи и развитіи цивилизаціи» (стр. 20). Послѣднее замѣчаніе особенно характерно, такъ какъ ясно указываетъ на замѣченную покойнымъ Ильминскимъ разницу во взглядахъ на задачи народнаго образованія его и Генералъ-Губернатора: въ то время, какъ дѣятельность Ильминскаго сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на миссіонерскихъ задачахъ, генералъ Кауфманъ основнымъ принципомъ своей государственной дѣятельности полагалъ полное невмѣшательство въ религіозную жизнь инородческихъ народностей; «мы, говорилъ онъ, должны вводить въ Туркестанскомъ краѣ христіанскую русскую цивилизацію, но не должны стараться предлагать туземному населенію православной вѣры». Православная миссія въ интересахъ сближенія туземцевъ съ русскими казалась ему не только преждевременной, но положительно вредной («Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. К. П. фонъ-Кауфманъ». Личныя воспоминанія Н. Остроумова, страницы 43 и 107). Съ такими воззрѣніями Туркестанскаго Генералъ Губернатора, очевидно, не могъ согласиться покойный Н. И. Ильминскій и его послѣдователи, вслѣдствіе чего представленныя имъ записки не имѣли для Туркестанскаго края никакихъ практическихъ послѣдствій. Точно также не состоялось приглашеніе г на Ястребова, рекомендованнаго Ильминскимъ на мѣсто завѣдующаго учебной частью въ Туркестанскомъ краѣ. Не состоялась также и командировка Н. И. Ильминскаго въ Туркестанскій край для его изученія и составленія инструкціи для устройства въ немъ дѣла народнаго образованія; отъ этой миссіи онъ и самъ отказывался и не нашелъ даже возможнымъ рекомендовать для этой цѣли какое-либо другое лицо. Въ своемъ отвѣтѣ по этому вопросу на имя попечителя Казанскаго учебнаго округа онъ объясняетъ, что порученіе Кауфмана онъ находитъ для себя лично и непосильнымъ, и даже не совсѣмъ согласнымъ со своими постоянными убѣжденіями (кн. Знаменскаго, стр. 28); «даже по всестороннемъ изученіи Туркестанскаго края и характера его населенія, писалъ онъ, я не нашелъ-бы въ себѣ довольно энергіи и самонадѣянности для составленія такого рѣшительнаго положенія, которое, по утвержденіи Высочайшею волею, стало-бы неуклоннымъ закономъ для учебнаго дѣла въ обширномъ краѣ» (тамъ-же стр. 30).

Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ Генералъ-Губернаторомъ была въ 1870 году

на мѣстѣ организована особая комиссія для обсужденія вопроса объ учебной части въ краѣ. Комиссія эта, руководствуясь взглядами самого Генералъ-Губернатора, основала свои практическіе выводы на слѣдующихъ положеніяхъ, изложенныхъ въ запискѣ предсѣдателя ея: «основнымъ положеніемъ народнаго образованія въ краѣ должно быть принято развитіе онаго въ направленіи русскихъ интересовъ; при этомъ религіозныя убѣжденія туземцевъ должны оставаться безъ всякаго посягательства и школа для туземцевъ отнюдь не должна имѣть конфессіональнаго характера». (Очеркъ Грам., стр. 5). Старую магометанскую школу Генералъ-Губернаторъ рѣшилъ не трогать, предоставивъ ее самой себѣ, и держаться въ отношеніи къ ней той же системы игнорированія, какая была принята въ отношеніи къ самому магометанству»; «будучи религіозною и конфессіональною, сказано въ его отчетѣ (стр. 437—438), а съ тѣмъ вмѣстѣ и политическою (ибо эти двѣ стороны въ понятіяхъ мусульманина неразрывны), туземная школа не должна разсчитывать на сочувствіе русской власти. Но столь же очевидно, съ другой стороны, что прямое упраздненіе ея, если-бы на такое насиліе и дано было правительственное уполномочіе, если бы оно даже могло быть исполнено безъ сильнаго потрясенія народнаго довѣрія къ власти, оставило-бы по меньшей мѣрѣ, крайне непріятный и глубоко несимпатичный намъ слѣдъ въ народномъ сознаніи, оно вызвало-бы въ отношеніи къ намъ ожесточеніе, тѣмъ болѣе справедливое, что упраздненную туземную школу мы не нашли бы чѣмъ и замѣнить, такъ какъ русская школа останется надолго, быть можетъ навсегда, несочувственной здѣшнему населенію». (Знам., стр. 34).

Съ этого времени дѣло устройства инородческаго образованія пошло по тому пути, который былъ намѣченъ въ общихъ чертахъ первымъ Туркестанскимъ Генералъ Губернаторомъ. Къ содѣйствію Ильминскаго впослѣдствіи обращались лишь за рекомендаціей соотвѣтствующихъ лицъ на должности директора и преподавателей мѣстной учительской семинаріи, для какой цѣли онъ и рекомендовалъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія Казанской духовной академіи; чрезъ нихъ поддерживалась нѣкоторая связь Ильминскаго съ учебнымъ дѣломъ въ Туркестанскомъ краѣ; но отношенія эти имѣли чисто личный характеръ и не отражались на организаціи и развитіи народнаго образованія въ краѣ. До 1885 года въ краѣ не было открыто ни одной школы, назначенной для образованія дѣтей инородцевъ и организованной по идеѣ Ильминскаго; все дѣло въ отношеніи образованія инородцевъ до этого времени ограничилось открытіемъ свободнаго доступа ихъ дѣтей въ русскія учебныя заведенія и организаціей интернатовъ для нихъ при городскихъ училищахъ и гимназіяхъ края. Очевидно, такія палліативныя мѣры не могли оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на распространеніе правильнаго образованія среди инородческаго населенія края. Такимъ образомъ, число дѣтей туземцевъ, учащихся въ русскихъ школахъ, было ничтожно и колебалось за это время отъ 68 до 282.

Открытая въ 1879 году Туркестанская учительская семинарія никакого отношенія къ дѣлу инородческаго образованія до этого времени также не имѣла, такъ какъ начальныхъ инородческихъ училищъ въ краѣ не было, и всѣ воспитанники ея поступали въ русскія училища; какой-либо спеціальной подготовки для занятій въ инородческихъ училищахъ они не получали, кромѣ знанія туземныхъ языковъ такъ какъ даже образцоваго инородческаго училища при семинаріи не было, какъ и теперь не существуетъ. Въ число учащихся въ семинаріи было положено принимать какъ русскихъ, такъ и инородцевъ; постоянное общеніе ихъ съ русскими воспитанниками, вся внѣшняя обстановка ихъ жизни въ интернатѣ, безъ всякихъ мусульманскихъ особенностей, дол-

жны были способствовать сближенію ихъ съ русскими, къ изученію русскаго языка, усвоенію русскихъ правилъ, взглядовъ, интересовъ, къ ослабленію ихъ національной и религіозной исключительности и должны были оправдать надежды Кауфмана, которыя онъ возлагалъ на совмѣстное обученіе въ школахъ инородческихъ учениковъ съ русскими. «Наша школа, какъ заявлялъ главный инспекторъ училищъ въ отчетѣ при открытіи семинаріи, всегда будетъ стоять на почвѣ уваженія религіозныхъ вѣрованій своихъ воспитанниковъ изъ инородцевъ и въ своихъ стѣнахъ никогда не будетъ посягать на прозелитизмъ, дабы не вызвать со стороны мусульманской народной массы крайне нежелательнаго и гибельнаго для дѣла религіознаго фанатизма. Вліяніе нашей школы на религіозныя убѣжденія инородцевъ остается внѣ ея дѣйствій». Подобный взглядъ строго проводился въ интернатахъ и при городскихъ училищахъ, и во всѣхъ тѣхъ школахъ, въ которыхъ совмѣстно обучались дѣти русскаго и туземнаго населенія края.

Изъ туземныхъ языковъ первоначально былъ введенъ въ семинаріи только одинъ киргизскій, при посредствѣ русской транскрипціи; очевидно, такимъ путемъ имѣлось въ виду распространить впослѣдствіи образованіе среди туркестанскихъ киргизъ. При этомъ предполагалось принять для киргизскаго языка русскую азбуку безъ всякихъ измѣненій и дополненій ея діакритическими и другими знаками. Восточный факультетъ согласился, въ видахъ практическихъ, на предложенную униформу такой транскрипціи; но Ильминскій, на обсужденіе котораго былъ переданъ этотъ вопросъ, не былъ согласенъ съ такой постановкой дѣла; алфавитамъ разныхъ народовъ онъ приписывалъ происхожденіе и значеніе, главнымъ образомъ, религіозное, какъ памятникамъ и символамъ религіозныхъ отношеній; «если-бы какимъ либо чудомъ всѣ подвластныя Россіи племена, исповѣдующія магометанство, вдругъ приняли православную вѣру, то и русскій алфавитъ вошелъ-бы къ нимъ безъ всякаго затрудненія. Но пока они остаются въ магометанской вѣрѣ, до тѣхъ поръ русской азбукѣ будетъ крайне трудно бороться съ алфавитомъ арабскимъ». Чтобы дать русскому алфавиту звуковыя преимущества передъ арабскимъ, онъ полагалъ необходимымъ «приспособить русскую азбуку къ киргизской фонетикѣ какъ можно болѣе для того, чтобы яснѣе показать ея преимущества передъ арабско-татарскимъ алфавитомъ, т. е. допустить въ ней нужныя измѣненія и значки». (Знам., стр. 69). «Единство алфавита, по его мнѣнію, даже самое точное, не приведетъ къ внутреннему единенію инородцевъ съ русскими безъ образованія ихъ въ русскомъ духѣ и даже пока они не объединятся съ послѣдними въ вѣрѣ православной». (Тамъ же, стр. 70). Насколько строго относился покойный Ильминскій къ дѣлу точнаго транскрибированія киргизскихъ словъ при посредствѣ русскаго алфавита, можно видѣть изъ такого, напримѣръ, начертанія словъ: сыу (су—вода), аулъ (аулъ), айыу (аю—медвѣдь).

Впослѣдствіи, вслѣдствіе ходатайства Туркестанскаго Генералъ Губернатора Розенбаха, найдено было необходимымъ преподаваніе киргизскаго языка въ Туркестанской учительской семинаріи замѣнить изученіемъ сартовскаго и персидскаго языковъ (Высочайшее повелѣніе 24 мая 1888 года). Въ разсмотрѣніи этого вопроса также принималъ участіе покойный Н. И. Ильминскій и критически отнесся къ этой реформѣ, и на этомъ оканчивается непосредственное его участіе въ дѣлѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ.

Я намѣренно болѣе подробно остановился на участіи покойнаго Н. И. Ильминскаго въ дѣлѣ устройства инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, чтобы показать, что идеи его не только не были чужды руководителямъ

народнаго образованія въ Туркестанѣ, но, напротивъ, съ самаго начала онѣ заняли здѣсь первенствующее положеніе; онъ самъ принималъ непосредственное участіе въ разсмотрѣніи возникавшихъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ и неоднократно составлялъ по нимъ особыя записки, велъ переписку и личныя бесѣды съ первымъ устроителемъ края К. П. фонъ-Кауфманомъ, находился въ продолжительной перепискѣ съ первымъ главнымъ инспекторомъ училищъ Куномъ, и по его рекомендаціи были приглашены въ край директоръ и преподаватели въ учительскую семинарію изъ числа бывшихъ его воспитанниковъ. Тѣмъ не менѣе его система инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ не была принята, и до 1886 года, когда фактически окончилось его участіе въ этомъ дѣлѣ, для образованія дѣтей инородцевъ въ Туркестанскомъ краѣ ничего не было сдѣлано, если не считать открытыхъ для нихъ интернатовъ при городскихъ училищахъ, семинаріи и гимназіяхъ.

Причина этого заключалась, отчасти, во взглядахъ самого Ильминскаго на дѣло инородческаго образованія; какъ человѣкъ въ высшей степени скромный и осторожный, онъ не рѣшился рекомендовать какую-либо систему образованія для инородцевъ Туркестанскаго края и полагалъ необходимымъ подойти къ этому рѣшенію медленно и осторожно, путемъ частнаго опыта; только для образованія киргизовъ онъ нашелъ возможнымъ развить нѣкоторую систему, которая, еслибы и была примѣнена, могла дать какіе-либо результаты только по истеченіи весьма продолжительнаго времени. Главная же причина такого застоя заключалась въ томъ, что высшая администрація края, начиная съ покойнаго фонъ Кауфмана, совсѣмъ не раздѣляла взглядовъ Ильминскаго на миссіонерско-просвѣтительную дѣятельность инородческой школы, а потому и не повела этого дѣла по тому пути, который былъ разработанъ и практически осуществленъ покойнымъ Ильминскимъ въ Казани. Взгляды эти были совершенно одинаковы у всѣхъ Туркестанскихъ Генералъ Губернаторовъ; всѣ они были проникнуты идеей полнаго невмѣшательства въ религіозныя дѣла мусульманъ, а потому отнюдь не допускали какого-либо проявленія миссіонерской дѣятельности чрезъ посредство школъ; оставляя мѣстныя духовныя и учебныя учрежденія туземцевъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до времени присоединенія края къ Имперіи, они съ постоянными опасеніями относились ко всякимъ проектамъ и планамъ, которые могли бы повести къ нарушенію издавна установившагося строя жизни туркестанскихъ мусульманъ и вызвать среди нихъ недовольство и волненія. Такимъ образомъ, отвергались всѣ попытки къ организаціи въ краѣ духовнаго управленія мусульманъ, были оставлены неприкосновенно существовавшія въ краѣ туземныя школы—мактабы и мадраса, наблюденіе за которыми ограничивалось чисто-административнымъ надзоромъ и недопущеніемъ татаръ къ участію въ дѣлѣ образованія мѣстныхъ инородцевъ; по этой же причинѣ въ теченіе долгаго времени не рѣшались организовать въ краѣ какой-либо типъ новой школы для инородцевъ, которая могла-бы давать имъ болѣе правильное общее образованіе.

Лишь въ 1886 году, на основаніи ходатайства Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, воспослѣдовалъ Высочайшій указъ объ открытіи для туземнаго населенія Туркестанскаго края особаго типа русско-туземныхъ школъ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ развитіи дѣла инородческаго образованія въ краѣ, который, въ свою очередь, дѣлится на двѣ части.

Основная задача русско-туземныхъ школъ заключается въ томъ, чтобы «научить дѣтей туземцевъ разговорному русскому языку, чтенію и письму по-русски и счисленію». Въ то-же время въ

туземныхъ классахъ этихъ школъ дѣти могутъ изучать туземную грамоту и начала мусульманскаго вѣроученія. Такимъ образомъ, школы эти организованы въ составѣ двухъ самостоятельныхъ классовъ—русскаго и туземнаго, изъ которыхъ въ первомъ преслѣдуется задача изученія русскаго языка и сообщенія при посредствѣ его возможнаго культурнаго развитія учащимся; постановка-же обученія въ туземномъ классѣ примѣнена къ потребностямъ мѣстнаго населенія въ изученіи грамоты на родномъ языкѣ и началъ мусульманскаго вѣроученія. Первые шаги этихъ школъ были робки и неувѣренны. Туземное населеніе относилось къ нимъ боязливо и съ недовѣріемъ; недоброжелательные люди говорили, что русское правительство, распространяя эти школы, преслѣдуетъ свои цѣли, намѣреваясь отвлечь дѣтей мусульманъ отъ ихъ вѣры и забирать потомъ въ военную службу. Самъ Генералъ-Губернаторъ, давая указанія относительно организаціи и устройства этихъ школъ, опасался возлагать на нихъ большую задачу и предполагалъ «ограничить преподаваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, т. е. пріучить къ правильному чтенію, письму и счету въ предѣлахъ, строго - необходимыхъ для элементарныхъ потребностей инородческаго быта». Были приняты всѣ возможныя мѣры для привлеченія дѣтей туземцевъ въ эти школы: ихъ располагали и въ мѣстахъ наибольшей осѣдлости населенія, и въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ центровъ мусульманскаго фанатизма; мѣстная администрація оказывала самое энергичное содѣйствіе къ ихъ устройству и привлеченію въ нихъ дѣтей туземцевъ; на содержаніе ихъ отпускались болѣе значительныя средства, чѣмъ для русскихъ начальныхъ училищъ, съ цѣлью привлечь въ нихъ лучшія силы и обезпечить необходимыми учебными пособіями; русскимъ учителямъ рекомендовалось относиться съ полнымъ уваженіемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ учащихся; для замѣщенія этихъ должностей избирались лица, хорошо знающія туземныя нарѣчія; обученіе въ туземныхъ классахъ поручалось туземнымъ учителямъ, избираемымъ по рекомендаціи представителей мѣстнаго населенія; обученіе въ нихъ велось по плану и программѣ, установившимся въ мѣстныхъ туземныхъ школахъ. И тѣмъ не менѣе успѣхи этихъ школъ въ первое десятилѣтіе ихъ существованія были крайне незначительны: къ 1 января 1888 года было всего 22 школы съ 523 учащимися и къ 1 января 1896 года число ихъ возросло лишь до 28 съ 650 учащимися. Важнѣйшей причиной такого неуспѣха русско-туземныхъ школъ въ первое время по открытіи ихъ слѣдуетъ признать неудачную организацію занятій въ русскихъ классахъ. Несмотря на то, что при самомъ открытіи ихъ ясно была указана основная задача обученія въ этихъ школахъ—изученіе разговорнаго русскаго языка и примѣненіе этихъ знаній къ практическимъ потребностямъ жизни, цѣль эта въ дѣйствительности совсѣмъ не достигалась. Во всѣхъ школахъ былъ введенъ методъ обученія русскому языку при помощи туземныхъ нарѣчій и при посредствѣ русской транскрипціи; учителями въ нихъ назначались русскіе и инородческіе воспитанники Туркестанской учительской семинаріи, хорошо знающіе мѣстные туземные языки. Была составлена особая инструкція для завѣдующихъ русско-туземными училищами Туркестанскаго края, къ которой приложены программы для занятій въ русскихъ классахъ по русскому языку и ариѳметикѣ; согласно этой инструкціи предлагалось каждый урокъ русскаго языка начинать заучиваніемъ русскихъ словъ и фразъ и повтореніемъ раньше пройденныхъ; учитель произноситъ сартовское слово и переводитъ его устно на русскій языкъ, а затѣмъ весь классъ

долженъ повторить это слово и т. д.; при этомъ рекомендовалось только, чтобы этотъ родъ занятій не слишкомъ надоѣдалъ ученикамъ. Въ концѣ обученія урокъ русскаго языка рекомендовалось раздѣлять на слѣдующія три части: а) устное заучиваніе словъ и фразъ, б) диктантъ съ переводомъ на сартовскій языкъ и в) чтеніе тоже съ переводомъ на сартовскій языкъ; диктуемыя ученикамъ русскія фразы, разсказы и загадки обязательно должны переводиться на туземный языкъ. Соотвѣтственно этимъ указаніямъ была составлена бывшимъ въ то время преподавателемъ семинаріи Наливкинымъ азбука для русско-мусульманскихъ школъ осѣдлаго населенія Туркестанскаго края, въ которой, кромѣ алфавита и упражненій въ чтеніи транскрибированныхъ русскими буквами туземныхъ словъ, помѣщены также фразы и статьи для заучиванія съ переводомъ ихъ на туземный языкъ; изданъ также составленный подъ его руководствомъ самоучитель русскаго языка для русско-мусульманскахъ школъ съ переводомъ русскихъ фразъ на сартовскій языкъ, причемъ сартовскій переводъ былъ транскрибированъ при помощи арабскаго алфавита. Для киргизскихъ русско туземныхъ училищъ былъ принятъ изданный въ Казани букварь для киргизовъ, составленный примѣнительно къ тому-же плану занятій; отъ азбуки Наливкина онъ отличался существенно тѣмъ, что транскрипція его была принята съ введеніемъ въ нее многочисленныхъ дополнительныхъ знаковъ, еще болѣе затрудняющихъ изученіе русскаго алфавита. Дальнѣйшія занятія по русскому языку въ русскихъ классахъ русско-туземныхъ училищъ производились по книжкамъ Ушинскаго, Вольпера и другимъ русскимъ хрестоматіямъ, содержаніе которыхъ и характеръ изложенія были совсѣмъ не примѣнены къ условіямъ обученія въ этихъ школахъ. Впрочемъ это и не имѣло особаго значенія для дѣла, такъ какъ ученики читали и переводили изъ этихъ книгъ только небольшое количество статей, причемъ главное вниманіе обращалось не на содержаніе прочитаннаго, а на умѣніе пословно переводить русскій текстъ на родной языкъ. Въ дополненіе къ этимъ пособіямъ были разосланы по училищамъ: составленный бывшимъ воспитанникомъ семинаріи Букинымъ русско киргизскій словарь, киргизская хрестоматія Лютша, изданія православнаго миссіонерскаго общества, составленныя на киргизскомъ языкѣ и транскрибированныя при посредствѣ русскаго алфавита. Но послѣднія пособія совсѣмъ не были въ употребленіи въ школахъ. Программа по ариѳметикѣ была разработана еще менѣе и помѣщенныя въ ней указанія во многомъ грѣшили противъ основныхъ требованій методики этого предмета.

Въ 1893 году, вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей и подробно ознакомившись съ постановкою учебнаго дѣла въ русско-туземныхъ школахъ, инспекторъ народныхъ училищъ Сыръ дарьинской области нашелъ ее весьма плачевною, о чемъ подробно и изложилъ въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ. Изученіе русской азбуки при посредствѣ туземныхъ словъ замедляло правильный ходъ занятій и пріучало дѣтей къ неправильному произношенію звуковъ русскаго алфавита. Утомительно скучный переводный методъ обученія наводилъ тоску какъ на учащихся, такъ и на самихъ учителей; занятія по нему приняли чисто механическій характеръ и ограничивались изученіемъ русскихъ словъ и фразъ, обратнымъ переводомъ ихъ на родной языкъ и заучиваніемъ грамматическихъ окончаній. Въ русскомъ классѣ на урокахъ русскаго языка русской рѣчи въ дѣйствительности почти не было, даже въ старшихъ отдѣленіяхъ училищъ. Ученики, правда, научались довольно бѣгло читать по русски, но чтеніе это было чисто механическое, безсознательное

и съ совершенно произвольной разста новкой ударений на словахъ. Содержаніе и смыслъ прочитаннаго ученики понимали только послѣ пословнаго перевода прочитаннаго текста на родной языкъ. За прочитаннымъ короткимъ текстомъ слѣдовалъ обязательный переводъ его на родной языкъ, а затѣмъ разговоръ и объясненіе учителя на туземномъ языкѣ, и въ теченіе цѣлаго урока ученики произносили и слышали только ничтожное количество русскихъ словъ и фразъ Въ результатѣ такихъ занятій дѣти, проучившіяся въ школѣ даже 6—7 лѣтъ, не только сами не научались говорить по-русски, но не въ состояніи были даже понимать разговорную русскую рѣчь; содержаніе ея они усваивали только послѣ того, какъ въ состояніи были пословно перевести ее на родной языкъ; свои отвѣты они обычно давали на родномъ языкѣ; если-же отъ нихъ настойчиво требовался разговоръ на русскомъ языкѣ, они ограничивались односложными отвѣтами, выражавшими только намеки на мысль, при томъ не всегда правильные. Образовательнаго значенія такія занятія также не имѣли, такъ какъ проходимый учащимися матеріалъ былъ крайне незначителенъ и несистематизированъ, и основная цѣль такихъ занятій заключалась не въ усвоеніи понятій и содержанія прочитанныхъ статей, а въ заучиваніи словъ и способности дѣлать пословные переводы съ одного языка на другой. Преподаваніе ариѳметики было поставлено не лучше этого; учащіеся, не понимая русской рѣчи, не имѣя на родномъ языкѣ соотвѣтствующихъ ариѳметическихъ терминовъ, научались кое какъ производить механическія вычисленія, причемъ нерѣдко доходили только до дѣленія цѣлыхъ чиселъ, которое являлось для нихъ камнемъ преткновенія; практика же ихъ въ рѣшеніи задачъ была совсѣмъ ничтожна.

Подробно ознакомившись съ такой постановкой дѣла, инспекторъ доложилъ о ней главному инспектору училищъ, личныя наблюденія котораго, оказалось, совпадали съ такими заключеніями. Отъ послѣдняго было получено оффиціальное предложеніе озаботиться, согласно § 29 утвержденной въ 1879 году инструкціи для инспекторовъ народныхъ училищъ Туркестанскаго края, пріобрѣтеніемъ или составленіемъ приноровленныхъ къ обученію инородцевъ Туркестанскаго края учебниковъ и принять возможныя мѣры къ улучшенію постановки обученія въ русскихъ классахъ русско-туземныхъ училищъ.

Изучивъ этотъ вопросъ, инспекторъ народныхъ училищъ пришелъ къ двумъ заключеніямъ: 1) переводный методъ обученія, основанный на изученіи русскаго языка при посредствѣ туземныхъ нарѣчій не пригоденъ для русско туземныхъ училищъ края, главная задача которыхъ заключается въ изученіи живого разговорнаго русскаго языка и 2) учебныхъ пособій, соотвѣтствующихъ этимъ цѣлямъ и примѣненныхъ къ условіямъ природы и быта мѣстнаго населенія Туркестана, не оказалось, а потому явилась необходимость въ составленіи для этой цѣли новыхъ учебниковъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ нагляднаго метода обученія, какъ болѣе цѣлесообразнаго въ дѣлѣ изученія живыхъ языковъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ были составлены эти пособія, получили одобреніе мѣстнаго попечительнаго комитета и введены въ употребленіе въ русско туземныхъ училищахъ края. Одновременно съ этимъ возникалъ вопросъ о подготовкѣ учителей для веденія занятій по новому методу. Хотя въ дѣйствительности онъ очень простъ и совсѣмъ нетруденъ, тѣмъ не менѣе въ этомъ вопросѣ явились неожиданныя затрудненія въ естественной косности и нежеланіи старыхъ учителей отказаться отъ традиціонныхъ, сдѣлавшихся чисто механическими, пріемовъ обученія и принять на себя трудъ по подготовкѣ къ новому и необычному для нихъ виду занятій. Педагогическій совѣтъ Туркестан-

ской учительской семинаріи, къ которому инспекторъ обратился съ просьбой за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ, отнесся къ его просьбѣ совершенно отрицательно; бывшій директоръ этой семинаріи (М) и преподаватель русскаго языка (В.), воспитанники покойнаго Н. И. Ильминскаго, заявили, что они твердо держатся въ этомъ вопросѣ завѣтовъ своего учителя, что система его существуетъ давно и даетъ прекрасные результаты; до сего времени она была принята въ русско туземныхъ училищахъ Туркестанскаго края и въ будущемъ они намѣрены подготовлять своихъ воспитанниковъ къ занятіямъ по этой же системѣ. Тогда пришлось обратиться непосредственно къ учителямъ русско-туземныхъ училищъ, находившимся въ распоряженіи инспектора. Путемъ рекомендаціи соотвѣтствующихъ пособій, путемъ циркуляровъ, въ которыхъ онъ настойчиво указывалъ на необходимость перенесенія центра тяжести обученія въ русскихъ классахъ съ туземнаго языка на русскій и возможнаго примѣненія нагляднаго метода обученія, а болѣе всего при помощи частыхъ личныхъ бесѣдъ и совѣщаній, а также практическихъ указаній, даваемыхъ на самыхъ урокахъ, онъ склонилъ большую часть учителей сдѣлать опытъ примѣненія новаго метода въ дѣлѣ обученія русскому языку. И результаты получились въ очень короткое время весьма удовлетворительные; успѣхи учащихся настолько быстро подвинулись впередъ, что сами учителя потомъ заявляли, что они раньше были точно слѣпые и только теперь прозрѣли. Вновь назначаемые учителя уже легче могли освоиться съ новымъ методомъ обученія, имѣя передъ своими глазами опытъ удачнаго примѣненія его и не будучи связаны привычкой къ другому способу веденія занятій. Впослѣдствіи и руководители Туркестанской учительской семинаріи вполнѣ признали правильность и большую цѣлесообразность такой постановки дѣла и начали подготовлять своихъ воспитанниковъ теоретически и практически, путемъ практики въ русско-туземныхъ училищахъ города Ташкента, къ веденію обученія русскому языку при помощи нагляднаго метода.

Реформа методовъ обученія въ настоящее время коснулась отчасти и туземныхъ классовъ русско-туземныхъ училищъ; по рекомендаціи учебнаго начальства были составлены учебники для обученія въ этихъ классахъ туземной грамотѣ учителями ташкентскихъ русско туземныхъ школъ: Саидъ Азизовымъ—Устади-авваль для обученія грамотѣ по звуковому способу и учителемъ Калининымъ — хрестоматія для русско туземныхъ училищъ. Эти учебники, разсмотрѣнные и исправленные по указаніямъ учебнаго начальства, были также введены въ употребленіе въ русско-туземныхъ школахъ и оказали весьма благопріятное вліяніе въ дѣлѣ обученія туземной грамотѣ, значительно сокративъ время этого обученія, введя въ курсъ его общеполезныя знанія и пріучая дѣтей къ сознательному чтенію и усвоенію содержанія прочитаннаго.

Я намѣренно подробнѣе остановился на исторіи развитія туркестанскихъ русско-туземныхъ училищъ, чтобы показать, съ какими затрудненіями приходилось бороться при ихъ устройствѣ и чтобы въ будущемъ избѣжать повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя были допущены при начальной ихъ организаціи.

Въ помѣщенной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1906 годъ статьѣ директора Туркестанской учительской семинаріи Н. Остроумова послѣдній цитируетъ относительно русско туземныхъ училищъ, между прочимъ, слѣдующую выдержку изъ замѣтки, помѣщенной въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ*:

«Только по прошествіи восьми лѣтъ съ начала открытія этихъ училищъ установился твердый порядокъ ихъ жизни.

Систему обученія въ нихъ пришлось радикально измѣнить и обосновать занятія въ русскомъ классѣ исключительно на русскомъ языкѣ. Въ то время, какъ въ туземномъ классѣ дѣти изучали туземную грамоту и основы мусульманскаго вѣроученія подъ руководствомъ туземнаго муллы, въ русскомъ классѣ занятія съ самаго начала обученія были направлены къ усвоенію русскаго языка и пріобрѣтенію при помощи его необходимыхъ знаній и развитія. Поставленное, такимъ образомъ, дѣло обученія пошло значительно успѣшнѣе и дало вполнѣ благопріятные результаты; опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ показалъ, что въ этихъ школахъ дѣти туземцевъ въ теченіе четырехъ лѣтъ научаются свободно понимать русскую рѣчь и говорить по-русски и проходятъ въ русскомъ классѣ приблизительно ту программу обученія, которая установлена для русскихъ начальныхъ училищъ. При этомъ, получая эти знанія, они оканчиваютъ курсъ въ томъ возрастѣ, когда есть полная возможность поступать въ другія учебныя заведенія и продолжать свое образованіе. Туземное населеніе, ближе ознакомясь съ этими школами и видя успѣхи обученія въ нихъ своихъ дѣтей, перестало недовѣрчиво относиться къ нимъ. Туземцы скоро убѣдились, что не только въ этихъ школахъ нѣтъ ничего противнаго ихъ воззрѣніямъ на задачи мусульманской школы, но, напротивъ, дѣти здѣсь скорѣе научаются и мусульманской грамотѣ при помощи тѣхъ пріемовъ обученія, которые были введены при содѣйствіи русскихъ учителей, и болѣе сознательно усваиваютъ начала мусульманскаго вѣроученія; вмѣстѣ съ тѣмъ они безъ особаго труда, сравнительно въ короткій промежутокъ времени, настолько усваиваютъ русскій языкъ и грамоту, что могутъ съ успѣхомъ пользоваться этими знаніями для практической жизни и обосновать на нихъ свое дальнѣйшее образованіе. Вслѣдствіе этого число учащихся въ русско-туземныхъ школахъ начало такъ быстро возрастать, что существующихъ школъ скоро оказалось недостаточно и явилась необходимость расширять ихъ и открывать новыя школы. Въ одномъ Ташкентѣ, вмѣсто прежнихъ четырехъ одноклассныхъ школъ, мы имѣемъ въ настоящее время шесть школъ съ десятью русскими классами, къ которымъ прибавляются два класса во вновь открываемомъ училищѣ». (Стр. 144).

Въ этой же статьѣ авторомъ сообщаются нѣкоторыя и другія свѣдѣнія о русско туземныхъ училищахъ края*), и въ заключеніе самъ онъ высказываетъ такое мнѣніе о русско-туземныхъ училищахъ края: «въ русско-туземныхъ школахъ русскій языкъ изучается не только какъ языкъ государственный, но и какъ языкъ высшей культуры, литературы и науки, открывающій дѣтямъ инородцамъ общую съ дѣтьми русскаго народа дорогу въ русскую правительственную школу, какъ среднюю, такъ и высшую» (стр. 159). Подобный взглядъ на успѣхи русско туземныхъ училищъ Туркестанскаго края имъ былъ высказанъ и въ комиссіи 1905 года по инородческому образованію, причемъ, къ сожалѣнію, осталось недоговореннымъ, по какому методу ведутся эти занятія и какимъ причинамъ обязаны эти школы въ своемъ успѣхѣ. Въ указанной-же своей статьѣ авторъ уже опредѣленно заявляетъ, что «лучшимъ пріемомъ обученія въ нихъ долженъ быть признанъ тотъ, который сопровождается лучшими результатами» (стр. 150).

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ ст. С. Граменицкаго: „Очеркъ развитія нар. образованія въ Турк. краѣ" (Сборн. матер. для статистики Сыръ-дарьин. обл. т. V за 1896 годъ); „Инородческое образованіе въ Турк. краѣ" *Турк. Вѣд.* 1900 годъ; „25-лѣтіе учебнаго дѣла въ Туркест. краѣ" (*Турк. Вѣд.* 1901 годъ); „Учебное дѣло въ Турк. краѣ" (*Турк. Вѣд.* 1906 г.) „Къ вопросу объ инородческомъ образованіи въ Россіи" (*Турк. Вѣд.* 1908 г.) и въ другихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ разное время въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ.*

Такой взглядъ бывшаго сотрудника покойнаго Н. И. Ильминскаго и горячаго его послѣдователя можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ на тѣ нападки, которымъ неоднократно подвергались русско туземныя школы Туркестанскаго края и практикуемый въ нихъ наглядный методъ обученія со стороны другихъ дѣятелей по инородческому образованію въ Россіи.

Статистика показываетъ, что за послѣднее десятилѣтіе число русско туземныхъ училищъ въ краѣ значительно возрасло: къ 1 января 1901 года ихъ было уже 45 съ 1490 учащимися; къ 1 января 1907 года въ краѣ, не считая Закаспійской области, было всего 79 русско-туземныхъ училищъ и число мусульманъ, обучающихся въ русскихъ училищахъ, достигло 2359. Еще болѣе важнымъ показателемъ успѣха этихъ школъ можетъ служить полное довѣріе къ нимъ мѣстнаго населенія, охотно отдающаго въ нихъ своихъ дѣтей и нерѣдко жертвующаго на содержаніе ихъ довольно значительныя средства.

Рядомъ съ русско туземными школами продолжали существовать въ Туркестанскомъ краѣ и открытыя конфессіональныя школы, отношенія къ которымъ со стороны русской власти имѣютъ свою краткую исторію.

Туркестанскій край, сравнительно недавно присоединенный къ Имперіи и отдѣленный отъ центровъ умственной и культурной жизни громадными и трудно проходимыми пространствами, представляетъ изъ себя особый, замкнутый и самобытный міръ, въ которомъ съ большимъ трудомъ проникаютъ всякія нововведенія и реформы въ жизнь туземнаго населенія. Вслѣдствіе этого и мѣстныя туземныя школы до сего времени продолжаютъ оставаться здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существовали задолго до прихода въ край русскихъ. Такъ какъ онѣ представляютъ свои особенности, отличающія ихъ отъ подобныхъ школъ другихъ мѣстностей Имперіи, то я позволю себѣ сдѣлать краткую характеристику повсюду распространенныхъ въ краѣ туземныхъ школъ—мектебе и медрессе.

Мектебе есть низшее начальное училище, въ которомъ дѣти обучаются туземной грамотѣ и началамъ мусульманскаго вѣроученія. Вступивъ въ мектебе, ученики прежде всего учатъ на память молитву, произношеніе которой должно оказать содѣйствіе въ успѣхахъ обученія. Затѣмъ имъ чертятся на доскѣ (тахта) 32 буквы арабскаго алфавита, и они заучиваютъ наизусть названія и запоминаютъ очертанія ихъ. Послѣ этого упражняются въ сложеніи этихъ буквъ (склады—абджаръ), затѣмъ приступаютъ къ чтенію гафтіака—избранныхъ мѣстъ изъ Корана, причемъ чтеніе это бываетъ часто механическое, безъ всякихъ попытокъ довести учащихся до пониманія и усвоенія прочитаннаго текста. Наконецъ, изучается такъ называемый Чарь-Китабъ—книга на персидскомъ языкѣ, излагающая правила о религіозныхъ обязанностяхъ мусульманъ (о молитвѣ и омовеніяхъ, милостынѣ, постѣ и путешествіи въ Мекку и Медину). Если остается свободное время, ученики упражняются въ чтеніи религіозныхъ стихотвореній (изъ Хафиза, Суфи-Аллаяра и др.) Во время обученія дѣти упражняются также въ каллиграфіи. Ученики поступаютъ въ мектебе въ возрастѣ отъ 7 до 8 лѣтъ и остаются въ немъ до 12—13 лѣтъ.

Въ медрессе поступаютъ ученики, окончившіе курсъ мектебе. Курсъ медрессе дѣлится на три отдѣленія.

Въ 1 отдѣленіи (адна), курсъ котораго продолжается отъ 9 до 10 лѣтъ, проходятся: мусульманскій катехизисъ, изложенный на персидскомъ языкѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ; арабская грамматика на персидскомъ и арабскомъ языкахъ, краткій курсъ законовѣдѣнія и логика.

Во 2 отдѣленіи (аусатъ), курсъ котораго продолжается около 7—8 лѣтъ, изучаются: богословіе, по арабскому учебни

ку, законовѣдѣніе, логика въ болѣе обширномъ объемѣ, арабская грамматика (курсъ краснорѣчія) и метафизика.

Въ 3 отдѣленіи (ала), курсъ котораго продолжается около 5 лѣтъ, проходятъ высшій курсъ богословія, полный курсъ законовѣдѣнія (хидая) и толкованія на Коранъ.

Уже этотъ краткій перечень предметовъ преподаванія въ туземныхъ школахъ Туркестанскаго края, въ планъ которыхъ, несмотря на громадную продолжительность періода обученія, не вошли даже такіе предметы, какъ родной языкъ, природовѣдѣніе, географія, исторія, математика и т. п. предметы общаго образованія,—ясно показываетъ, что онъ имѣютъ, главнымъ образомъ, религіозно-бытовое значеніе и совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ взглядамъ на задачи общаго образованія, которые установились въ настоящее время среди культурныхъ народовъ.

Мѣстный изслѣдователь жизни туркестанскихъ медрессе еще въ 1876 году сдѣлалъ такую характеристику ихъ: «вся магометанская школьная программа проникнута строго спекулятивнымъ, но религіознымъ принципомъ, проведеннымъ очень послѣдовательно, захватывающимъ съ самаго начала, какъ сжатыми клещами, умъ студента (муллы) и влекущамъ безповоротно въ одномъ направленіи по указанію догматовъ, аргументируемыхъ путемъ діалектики и дедукціи. Всѣ пути къ выходу изъ круга познаній, опредѣленныхъ религіей, для магометанскаго студента отрѣзаны. Онъ обреченъ знать только то, что зналъ авторъ изучаемыхъ имъ статей 500—1000 лѣтъ назадъ; знать болѣе для него запрещено, грѣшно. Онъ обязанъ упражнять свой умъ въ той самой гимнастикѣ, которая опредѣлена нѣкогда; употребленіе другихъ пріемовъ дѣлаетъ его уродомъ въ глазахъ вѣрующихъ, человѣкомъ отверженнымъ. Его авторитетами ему внушено не вѣрить въ опредѣленный наукой порядокъ планетнаго вращенія, въ законы, управляющіе физическими явленіями, въ силы природы, въ историческіе факты, очищенные критикой отъ фантастическихъ примѣсей. Онъ обязанъ знать, что есть семь сферъ небесныхъ, населенныхъ небожителями, что вся земля раздѣляется на семь эклимовъ и что мусульмане свыше призваны къ господству надъ народами. Исторія, географія, космографія магометанъ полны нелѣпыхъ басенъ и фантастическихъ легендъ. Умъ, скованный цѣпями рабства, самъ собою не можетъ выбраться изъ этого мрака, изъ этого хаоса, на путь болѣе свѣтлый, сдѣлать существованіе человѣка болѣе осмысленнымъ, разумнымъ. Русскому вліянію на востокѣ представляется задача важная и возвышенная—разбить умственныя оковы магометанства и пріобщить туземцевъ къ жизни человѣчества. Это—обязанность, налагаемая на насъ исторіей, предъ которой мы будемъ судиться впослѣдствіи» (*Туркестанскія Вѣдомости* 1876 года № 48, ст. Г.).

Съ того времени положеніе дѣла въ туркестанскихъ медрессе нисколько не измѣнилось, какъ свидѣтельствуетъ и приведенный перечень предметовъ обученія въ нихъ. Это подтверждаютъ и всѣ позднѣйшіе наблюдатели за мусульманскими школами, подробныя свѣдѣнія о которыхъ помѣщены въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1892 годъ (ст. Керенскаго) и за 1906 годъ (ст. Остроумова).

Инородцы-мусульмане, какъ вѣрные подданные Государя и граждане одного общаго государства, несомнѣнно, имѣютъ право на заботы о нихъ правительства и содѣйствіе его къ тому, чтобы вывести эти народности на путь обще-культурнаго развитія и пріобщить ихъ къ жизни и благамъ современной цивилизаціи. Но является вопросъ, при помощи какихъ средствъ возможно достигнуть этихъ цѣлей? Можно было, конечно, примѣнить

здѣсь самый короткій и рѣшительный путь—насиліе, и тотчасъ послѣ завоеванія края закрыть всѣ существовавшія въ немъ школы, а на мѣстѣ ихъ открыть новыя, болѣе соотвѣтствующія современнымъ взглядамъ на задачи общаго образованія. Но такой путь совершенно не соотвѣтствовалъ современной цивилизаціи народовъ и былъ недопустимъ тѣмъ болѣе, что дѣло образованія у туркестанскихъ инородцевъ-мусульманъ было тѣсно связано съ дѣломъ религіи.

Такимъ образомъ, остается возможнымъ только другой путь—содѣйствія и покровительства такимъ реформамъ въ школьномъ дѣлѣ, которыя могли бы повести инородческое образованіе въ краѣ по другому направленію, въ соотвѣтствіи съ общекультурными задачами просвѣщенія.

Въ Туркестанскомъ краѣ были дѣланы неоднократныя попытки въ этомъ направленіи еще со временъ Кауфмана; онъ самъ лично рекомендовалъ населенію города Ташкента открыть при какомъ либо медрессе классъ русскаго языка, чтобы при посредствѣ этого предмета ввести нѣкоторый прогрессъ въ школьное дѣло туземцевъ и открыть имъ новые горизонты, и предлагалъ даже для этой цѣли свои средства; но, несмотря на то, что покойный Генералъ-Губернаторъ пользовался среди населенія громаднымъ не только оффиціальнымъ, но и личнымъ авторитетомъ (они не иначе называли его, какъ ярымъ-паша—полуцарь), эта рекомендація успѣха не имѣла и жители подъ благовиднымъ предлогомъ отклонили ее. Подобная попытка дѣлалась и въ болѣе позднее время, при Генералъ-Губернаторѣ Ивановѣ, но также успѣха не имѣла. Были сдѣланы также опыты распространенія среди туземныхъ школъ и населенія популярныхъ брошюръ разнаго содержанія, переведенныхъ на мѣстные языки, но и онѣ успѣха не имѣли. Сдѣланъ былъ въ этомъ направленіи опытъ даже въ болѣе широкихъ размѣрахъ: въ Туркестанѣ нѣкоторое время существовала даже особая инспекція инородческихъ училищъ (1889 по 1896 годъ), въ вѣдѣніи которой находились исключительно туземныя школы; должность эта поручена была лучшему знатоку мѣстныхъ нарѣчій и быта населенія; была утверждена для этой должности особая инструкція (14 марта 1894 года)—и такая попытка не только не имѣла какихъ-либо благопріятныхъ послѣдствій, но даже дѣятельность инспектора инородческихъ училищъ была найдена вредною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Министерство народнаго просвѣщенія еще въ 1888 году увѣдомило Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, что порядокъ завѣдыванія мусульманскими школами черезъ особыхъ инспекторовъ въ округахъ Казанскомъ и Оренбургскомъ не приводитъ къ тѣмъ благимъ послѣдствіямъ въ смыслѣ надзора за этими школами и распространенія среди мусульманъ русскаго образованія, какія имѣлись въ виду при учрежденіи этихъ должностей. Шестилѣтній опытъ показалъ, что и въ Туркестанскомъ краѣ особое завѣдываніе мусульманскими школами третьимъ инспекторомъ не привело къ благимъ послѣдствіямъ; за это время не послѣдовало никакихъ перемѣнъ въ учебномъ строѣ мусульманскихъ школъ подъ вліяніемъ дѣятельности третьяго инспектора. Съ назначеніемъ въ 1879 году третьяго инспектора и порученіемъ его вѣдѣнію исключительно мусульманскихъ училищъ послѣднія до сего времени остаются въ прежней косности. Вслѣдствіе этого, по ходатайству Генералъ Губернатора (отъ 20 марта 1896 года, за № 780), эта должность была закрыта. Такимъ образомъ, и до сего времени ни одна изъ существующихъ въ краѣ туземныхъ школъ не реформирована и ни при одной изъ нихъ не введено обученіе русскому языку.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько подробнѣе остановиться на разсмотрѣніи принципіальнаго вопроса объ отношеніи русской администраціи вообще и учебной въ частности—къ конфессіональнымъ мусульманскимъ школамъ и объ организаціи особой инспекціи для завѣдыванія этими школами. Вопросъ этотъ возникалъ неоднократно и въ Туркестанскомъ краѣ и до сего времени его нельзя считать окончательно разрѣшеннымъ какъ въ отношеніи мѣстныхъ туземныхъ школъ, такъ и другихъ конфессіональныхъ мусульманскихъ училищъ Имперіи.

При обсужденіи этого вопроса слѣдуетъ прежде всего точно выяснить, какія цѣли и задачи должна преслѣдовать русская администрація въ отношеніи инородческихъ школъ; должна-ли она стремиться къ реорганизаціи этихъ школъ, культурному ихъ совершенствованію, и вообще исполнять тѣ функціи, которыя установлены для инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ въ отношеніи русскихъ школъ, или она должна ограничить свою дѣятельность только надзоромъ за школами, съ цѣлью не допускать развитія въ нихъ противогосударственныхъ ученій и сепаративныхъ стремленій. Въ первомъ случаѣ необходимо создать для этой цѣли особую инструкцію и правила для открытія, организаціи и постановки обученія въ этихъ училищахъ, за исполненіемъ которыхъ обязаны будутъ наблюдать особые инспекторы. Какъ показалъ опытъ, въ Туркестанскомъ краѣ такая дѣятельность, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, едва ли можетъ имѣть какой-либо успѣхъ въ смыслѣ реформированія туземныхъ школъ и упорядоченія ихъ программъ, методовъ обученія и внѣшней обстановки. Въ то же время заранѣе можно опасаться, что добросовѣстное и ревностное исполненіе инспекторами такихъ обязанностей вызоветъ въ средѣ инородческаго населенія весьма нежелательныя волненія и недовольство, и, такимъ образомъ, дѣятельность эта можетъ принять характеръ той насильственной политики, которая отвергалась въ Туркестанскомъ краѣ съ самаго начала управленія его русской властью. Игнорированіе-же требованій правилъ и допущеніе нарушеній ихъ поведутъ только къ дискредитированію русской власти въ глазахъ инородцевъ. Если же придать дѣятельности инспекторовъ инородческихъ училищъ только полицейско-административный характеръ, возложивъ на нихъ лишь обязанность по наблюденію за школами, съ цѣлью недопущенія въ нихъ вредныхъ ученій и антигосударственныхъ стремленій, то едва-ли такая исключительная дѣятельность будетъ соотвѣтствовать функціямъ инспекторовъ министерства народнаго просвѣщенія.

Я позволю себѣ привести по этому вопросу мнѣніе покойнаго Н. И. Ильминскаго, слѣдующаго содержанія:

«Относительно того, нужно ли или не нужно принять надзоръ за магометанскими школами на обязанность русскаго инспектора, я, право, больше склоняюсь, чтобы не принимать, потому что, принявши на свое попеченіе эти школы, надо будетъ заботиться о ихъ процвѣтаніи и, безъ сомнѣнія, въ духѣ ихъ религіозныхъ тенденцій и интересовъ, такъ какъ направленіе и существо ихъ исключительно магометанское, религіозное. Мнѣ представляется невозможнымъ достигнуть чрезъ сліяніе магометанскихъ началъ или принциповъ и догматовъ съ европейской наукой и цивилизаціей, не то, чтобы обрусенія, а даже какого-либо расположенія къ русскимъ людямъ и къ русскому государству. Я полагаю, не лучше ли такъ сдѣлать: пусть медрессе остаются сами по себѣ, какъ терпимыя, а русскія школы для туземцевъ пусть идутъ на русскихъ началахъ, т. е. на гуманномъ образованіи и воспитаніи и на русской наукѣ». («Участіе Н. И Ильминскаго въ дѣлѣ инородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ», П. В. Знаменскаго. Стр. 100).

Такой взглядъ совпадалъ съ направленіемъ принятой Генералъ Губернаторомъ Кауфманомъ политики въ отношеніи туземныхъ училищъ Туркестанскаго края, на которой онъ настаивалъ даже вопреки закону 20 ноября 1874 года. Эта политика получила свое оправданіе въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія отъ 8 марта 1884 года, въ которомъ оно ограничиваетъ примѣненіе указаннаго закона къ магометанскимъ училищамъ лишь собираніемъ о нихъ свѣдѣній, безъ проявленія начальственной власти. Когда попечитель оренбургскаго учебнаго округа въ 1884 году возбудилъ ходатайство объ отмѣнѣ этого циркуляра и возстановленіи закона 1874 года, Н. И. Ильминскій приглашенъ былъ къ разсмотрѣнію этого ходатайства и представилъ г. министру народнаго просвѣщенія мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, приводилъ такія соображенія:

«Циркуляръ отвѣчаетъ старинному, традиціонному отношенію русскаго государства къ магометанству и магометанскимъ училищамъ. Русское государство издавна не входило ни въ какія заботы о магометанскихъ училищахъ; достигаются-ли какіе - либо полезные для магометанской религіи или вообще результаты, хороши-ли способы обученія, достаточно-ли подготовлены тамъ учителя—до всего этого русскому государству не было никакого дѣла. Весь надзоръ со стороны государства сводился къ полицейской инспекціи. Передача закономъ 20 ноября 1874 года магометанскаго обученія школьнаго и частнаго въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія представляетъ одну изъ мѣръ правительства о благоустройствѣ магометанскихъ училищъ и поставляетъ на очередь цѣлый рядъ учебно-педагогическихъ вопросовъ: о лицахъ, которыя имѣютъ право заниматься преподаваніемъ, о программѣ и способахъ преподаванія, объ успѣхахъ преподаванія, о языкѣ преподаванія въ магометанскихъ училищахъ и проч.

«Инспекторъ не полицейскій чиновникъ; являясь въ школу, онъ не можетъ ограничиться удостовѣреніемъ, есть ли у преподавателей паспорты и нѣтъ-ли въ училищѣ эпидемической болѣзни,—инспекторъ долженъ войти въ разсмотрѣніе дѣла, дать начальственныя указанія и дружескіе совѣты для большей успѣшности преподаванія. Куда должны клониться дружескіе совѣты инспектора въ этихъ училищахъ? Къ указанію ли учителямъ лучшихъ способовъ преподаванія магометанскаго вѣроученія, или къ чему другому? Въ первомъ случаѣ инспекторъ сойдетъ со строго легальнаго взгляда на магометанство, какъ на религію только терпимую, во второмъ его положеніе будетъ очень щекотливо въ нравственномъ отношеніи.

«Для того, чтобы инспекторъ могъ давать начальственныя указанія, каждое магометанское училище должно имѣть утвержденную программу.

«По нашему глубокому убѣжденію, отмѣняя циркуляръ 8 марта, надо быть готовымъ къ одновременному закрытію всѣхъ медрессе и мектебе во всемъ огромномъ приволжскомъ и приуральскомъ краѣ, закрытію неизбѣжному за отказомъ въ подчиненіи предъявленному закону.

«Только высшая законодательная власть можетъ рѣшить, насколько своевременна подобная мѣра; трудно предвидѣть ея послѣдствія; весьма возможно, что за нею послѣдуетъ усиленіе магометанскаго фанатизма, которое можетъ весьма вредно отразиться на инородцахъ-христіанахъ, слабо окрѣпшихъ еще въ православіи, и, несомнѣнно, что это предпріятіе создастъ огромныя затрудненія для учебнаго начальства, для министерства внутреннихъ дѣлъ и можетъ отразиться даже въ международныхъ отношеніяхъ. Въ виду этихъ возможностей представляется болѣе полезнымъ придержаться исконнаго отношенія рус-

скаго государства къ частнымъ магометанскимъ училищамъ». (Кн. Знам., стр. 102—105).

Мѣстная администрація Туркестанскаго края, за исключеніемъ короткаго періода существованія особой инспекціи для туземныхъ школъ, всегда держалась въ этомъ вопросѣ изложеннаго выше взгляда перваго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора; по отношенію къ мектебе администраціей велась только регистрація ихъ, а наблюденіе учебнаго начальства за медрессе ограничивалось устройствомъ внѣшняго порядка ихъ жизни: назначенія мударрисовъ, требованій необходимаго ремонта и исправленій зданій, когда они являлись опасными, разборомъ жалобъ и ссоръ между мударрисами, мутеваліями и муллами и т. п.

Составленная въ 1898 году подъ предсѣдательствомъ бывшаго въ то время помощника Туркестанскаго Генералъ-Губернатора Иванова особая комиссія намѣтила по этому вопросу новыя правила и инструкцію, согласно которымъ мусульманскія школы въ Туркестанскомъ краѣ должны были состоять въ вѣдѣніи областной и уѣздной администраціи (п. 5) и на обязанность этой администраціи возлагалась какъ регистрація этихъ школъ, такъ и надзоръ за ними, причемъ система и пріемы преподаванія были изъяты изъ этого надзора.

Въ 1905 году, послѣ изданія Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, была составлена Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ новая комиссія, которая въ этомъ вопросѣ, кромѣ практическихъ условій мѣстной жизни, очевидно, приняла во вниманіе и руководящія указанія комитета министровъ, помѣщенныя въ журналѣ отъ 22 февраля и 1 марта 1905 года. На стр. 22—23 этого журнала изложено: «Проживая въ составѣ Россіи уже въ теченіе многихъ столѣтій, мусульманское населеніе внутреннихъ губерній исполняло всегда долгъ свой предъ государствомъ наравнѣ съ его коренными подданными и не доставляло правительству какихъ-либо особыхъ заботъ въ отношеніи политическомъ. Будучи, затѣмъ, всегда твердымъ въ правилахъ своего вѣроученія, населеніе это никогда, однако, не проявляло прозелитизма среди русскаго народа. Кромѣ того, несмотря на сохранившіяся еще нѣкоторыя отличія внутренняго и внѣшняго быта, населеніе это сроднилось съ Россіею и вполнѣ ей дружественно. Исторически сложившимися отношеніями этими надлежитъ дорожить и испортить ихъ слѣдуетъ опасаться.

«Существующія въ дѣлѣ духовнаго образованія мусульманъ стѣсненія не могутъ не вызывать въ нихъ нѣкотораго недовольства, которое поэтому и было-бы желательно устранить. При этомъ, разумѣется, не предполагается лишить правительство принадлежащаго ему права контроля надъ конфессіональными школами магометанъ, который и долженъ проявляться въ недопущеніи въ школахъ противогосударственныхъ ученій. Но идти по сему пути далѣе и оказывать давленіе на обученіе въ смыслѣ непремѣннаго направленія его въ ту или другую сторону, было-бы, судя по произведеннымъ по этому предмету опытамъ, и неосторожно, и безцѣльно».

Руководствуясь этими указаніями, комиссія 1905 года по вопросу о надзорѣ за мѣстными инородческими школами пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: туземныя мусульманскія школы должны открываться явочнымъ порядкомъ, чтобы учебное начальство и администрація могли слѣдить за недопущеніемъ въ этихъ школахъ антиправительственныхъ цѣлей; затѣмъ ни учебное начальство, ни гражданское не должны вмѣшиваться ни въ программы преподаванія, ни въ назначеніе учебнаго персонала. Съ такимъ взглядомъ вполнѣ согласились покойный Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ Тевяшевъ и г. военный министръ (предст. Туркестанскаго Генералъ-Губернатора отъ 28 іюля 1905 года за № 7242

и письмо военнаго министра отъ 2 сентября 1905 года за № 44280). Бывшій Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ генералъ Гродековъ увѣдомилъ г. военнаго министра (отъ 21—22 января 1907 года) что онъ вполнѣ присоединяется къ взглядамъ своего предшественника, изложеннымъ въ представленіи за № 7242.

Утвержденныя 31 марта 1906 года правила для инородческихъ училищъ и предложенныя къ руководству и въ Туркестанскомъ краѣ шли въ разрѣзъ съ изложенными выше заключеніями мѣстной администраціи, такъ какъ устанавливали въ отношеніи мусульманскихъ школъ такія требованія, которымъ въ Туркестанскомъ краѣ ни одна изъ нихъ не удовлетворяла. Въ августѣ мѣсяцѣ того-же года директоромъ народныхъ училищъ Сыръ дарьинской области была подана въ министерство народнаго просвѣщенія докладная записка, въ которой было подробно изложено о непримѣнимости этихъ правилъ въ условіяхъ жизни Туркестанскаго края, вслѣдствіе чего было получено разрѣшеніе не вводить ихъ въ дѣйствіе. Попечительскій комитетъ при управленіи учебными заведеніями Туркестанскаго края въ своемъ постановленіи отъ 29 мая 1907 года пришелъ къ тому же заключенію, а осенью 1907 года была организована при министерствѣ народнаго просвѣщенія новая комиссія по вопросу объ инородческомъ образованіи, которая нашла необходимымъ правила 31 марта 1906 года замѣнить новыми, въ которыя не были включены какія либо требованія въ отношеніи конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ.

Такимъ образомъ, какъ мѣстная администрація, такъ и министерство народнаго просвѣщенія въ послѣднихъ своихъ распоряженіяхъ высказываютъ на этотъ вопросъ одинаковые взгляды, согласные съ цитированнымъ выше мнѣніемъ комитета министровъ,—въ отношеніи конфессіональныхъ мусульманскихъ школъ требуется лишь надзоръ за ними, но не руководительство, а тѣмъ менѣе насильственная реформа ихъ.

Что касается до организаціи такого надзора, то при рѣшеніи этого вопроса необходимо принять во вниманіе и количество этихъ училищъ; изъ отчета главнаго инспектора училищъ за 1906 годъ видно, что только въ трехъ коренныхъ областяхъ края къ 1 января 1906 года числилось 285 медрессе и 5572 мектебе, раскинутыхъ по громадной территоріи этихъ областей. Очевидно, что фактическій надзоръ за такимъ громаднымъ числомъ училищъ для инспекторовъ народныхъ училищъ физически невозможенъ. Поэтому было бы цѣлесообразнѣе организовать этотъ надзоръ, согласно изложеннымъ выше мнѣніямъ особыхъ комиссій, возложивъ его на мѣстныя административныя учрежденія и сохранивъ право доступа и посѣщенія этихъ училищъ также для чиновъ учебной инспекціи.

Въ заключеніе позволю себѣ изложить слѣдующія основныя положенія и вопросы, твердо установить которые необходимо для правильнаго направленія и развитія инородческаго образованія въ Россіи:

1. Игнорировать дѣло просвѣщенія инородцевъ, входящихъ въ составъ Имперіи, невозможно; какъ вѣрные подданные Государя и члены одного общаго государства, они имѣютъ право на заботы правительства объ ихъ духовномъ развитіи и культурномъ совершенствованіи.

2. Издавна существовавшія въ Туркестанскомъ краѣ мусульманскія училища совершенно не соотвѣтствуютъ современнымъ взглядамъ на культурное развитіе, такъ какъ всѣ они основаны на религіозномъ фанатизмѣ и косности.

3. Правительственныя мѣры, направленныя къ правильной постановкѣ и развитію инородческаго образованія, могутъ быть двоякаго рода; самый простой и рѣшительный путь—насильственный,

недопустимый по современнымъ условіямъ жизни и культурнаго развитія народовъ; въ данномъ случаѣ онъ является тѣмъ болѣе недопустимымъ, что въ мусульманской средѣ дѣло народнаго образованія тѣсно связано съ дѣломъ религіи; въ этомъ случаѣ пришлось бы посягать и налагать разрушающую руку не только на установившіяся издавна и вѣками освѣщенныя традиціи и бытовыя особенности инородческихъ племенъ, но и на самую религію ихъ.

Поэтому остается допустить только второй путь—содѣйствія къ направленію образованія инородцевъ мусульманъ по пути обще культурныхъ задачъ просвѣщенія. Такой путь требуетъ вниманія къ существующимъ издавна образовательнымъ учрежденіямъ мусульманскихъ народностей, не позволяетъ насильственно измѣнять ихъ, вопреки желаніямъ и взглядамъ современнаго туземнаго населенія, и допускаетъ только содѣйствіе и покровительство въ дѣлѣ организаціи и распространенія, рядомъ съ существующими и вѣками освященными школами, новыхъ образовательныхъ учрежденій, болѣе соотвѣтствующихъ задачамъ общечеловѣческой культуры и государственности.

Послѣдній путь былъ ясно и опредѣленно намѣченъ еще первымъ устроителемъ Туркестанскаго края К. П. фонъ Кауфманомъ и послужилъ руководящимъ началомъ для всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей въ Туркестанѣ.

4. При такомъ направленіи дѣла требуется со стороны администраціи полное невмѣшательство въ жизнь мѣстныхъ духовныхъ и образовательныхъ учрежденій инородцевъ и допускается лишь наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ нихъ не пропагандировался нетерпимый религіозный фанатизмъ и не проникали противогосударственныя ученія. При организаціи же новаго типа школъ является необходимость сообразоваться не только съ задачами общекультурнаго образованія, но также и съ религіозно-бытовыми потребностями населенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ школы эти не могутъ завоевать къ себѣ довѣрія и симпатій его. Поэтому необходимо въ новыхъ инородческихъ школахъ сохранить обученіе дѣтей туземной грамотѣ и дать имъ возможность получать необходимое религіозное образованіе.

5. Общекультурныя задачи просвѣщенія инородцевъ могутъ достигаться или путемъ правильно поставленнаго образованія на родномъ языкѣ учащихся, или на общегосударственномъ русскомъ языкѣ. Первый путь возможенъ только въ томъ случаѣ, когда инородческое племя имѣетъ достаточно обработанный въ литературно научномъ отношеніи языкъ и когда практическія условія жизни позволяютъ правильно повести это дѣло, т. е. когда имѣются на лицо достаточно подготовленные учителя, приспособленные для этой цѣли руководства и учебники и когда само населеніе сочувственно относится къ намѣченной реформѣ своихъ школъ; но и при этомъ необходимо ввести въ курсъ реформированной школы настолько интенсивное обученіе русскому языку, чтобы учащіеся могли практически имъ пользоваться и обосновать на немъ дальнѣйшее свое развитіе.

Когда же такихъ благопріятныхъ условій не существуетъ, является необходимость сосредоточить все культурное значеніе инородческой школы на русскомъ языкѣ и при помощи его вести правильное образованіе съ самаго начала обученія, допустивъ въ ней преподаваніе туземной грамоты и основъ вѣроученія настолько, насколько оно является необходимымъ съ точки зрѣнія современнаго туземнаго общества.

6. Примѣненіе системы Ильминскаго въ дѣлѣ образованія туркестанскихъ инородцевъ-мусульманъ вызывало всегда большія опасенія; система эта была принята и введена въ практику для инород-

цевъ-христіанъ и преслѣдовала, главнымъ образомъ, религіозно просвѣтительныя задачи; съ этой точки зрѣнія, въ виду указанныхъ выше руководящихъ воззрѣній мѣстной администраціи, она была совсѣмъ непримѣнима въ Туркестанѣ. Въ дѣлѣ-же общекультурнаго образованія она не имѣетъ за собою особыхъ преимуществъ, и результаты ея примѣненія къ этому дѣлу мало извѣстны. Для привлеченія дѣтей всякихъ инородцевъ въ новыя реформированныя школы важно одно —не игнорировать въ нихъ родного языка учащихся и сохранить въ нихъ обученіе туземной грамотѣ; но нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній требовать веденія обученія русскому языку непремѣнно послѣ туземнаго и не иначе, какъ при посредствѣ его; смѣшеніе этихъ двухъ задачъ на практикѣ нерѣдко ведетъ къ безполезной потерѣ времени и къ такимъ осложненіямъ въ дѣлѣ обученія, при которыхъ ни русскіе, ни туземные учителя не могутъ хорошо справиться съ дѣломъ и не достигаютъ хорошихъ результатовъ ни въ дѣлѣ обученія туземной грамотѣ, ни въ изученіи русскаго языка. Самъ покойный Ильминскій отказался отъ введенія своей системы въ Туркестанскомъ краѣ, хотя къ этому представлялся весьма благопріятный случай, когда Генералъ-Губернаторъ просилъ его принять на себя задачу выработки системы образованія туркестанскихъ инородцевъ. И только по отношеніи къ киргизамъ онъ высказалъ мысль, что примѣненіе въ киргизскихъ школахъ русской транскрипціи и метода, введеннаго имъ для инородцевъ христіанъ, могли-бы дать благопріятные результаты и повести къ обращенію ихъ въ православіе. Но и эту попытку онъ предполагалъ провести только частнымъ и скрытымъ путемъ чрезъ посредство лично извѣстнаго ему киргиза Алтынсарина; очевидно, и самъ Н. И. Ильминскій, придававшій такое важное значеніе алфавиту съ религіозной точки зрѣнія, не особенно надѣялся на успѣхъ этого дѣла среди туркестанскихъ киргизовъ, сдѣлавшихся мусульманами еще до присоединенія края къ Россіи и имѣющими свою довольно распространенную письменность на арабскомъ алфавитѣ, а потому онъ и проектировалъ свой планъ въ такихъ узкихъ рамкахъ.

Поэтому болѣе цѣлесообразной представляется организація инородческихъ училищъ въ видѣ двухъ самостоятельныхъ классовъ—русскаго, соотвѣтствующаго задачамъ общекультурнаго развитія и государственности, и туземнаго, обученіе въ которомъ располагается примѣнительно укоренившимся въ населеніи взглядамъ на религіозно-просвѣтительныя задачи своей школы. При такой организаціи является возможность провести новые пріемы обученія и постепенно измѣнить программы въ туземныхъ классахъ такихъ училищъ, чего въ настоящее время невозможно сдѣлать въ прежнихъ дореформенныхъ туземныхъ школахъ.

7. Для настойчивой рекомендаціи и закрѣпленія въ новыхъ инородческихъ школахъ переводнаго метода обученія русскому языку нѣтъ никакихъ основаній; русскій языкъ входящими въ составъ Имперіи народностями долженъ изучаться не какъ мертвый, книжный языкъ, а какъ живой разговорный, которымъ инородцы должны пользоваться практически, какъ общегосударственнымъ языкомъ, принятымъ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, повсюду распространеннымъ и необходимымъ для торговыхъ, промышленныхъ и другихъ сношеній; на немъ-же должно быть обосновано и общее развитіе учащихся дѣтей-инородцевъ, усвоеніе ими полезныхъ знаній и правильныхъ взглядовъ на природу и взаимныя отношенія людей между собою. Поэтому чѣмъ полнѣе достигается эта цѣль, тѣмъ лучше для дѣла. Искус-

ственное-же закрѣпленіе старыхъ пріемовъ преподаванія живыхъ языковъ и устраненіе болѣе продуктивнаго новаго метода поведетъ лишь къ застою и косности въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и безъ надобности затормозитъ достиженіе основныхъ задачъ образованія. Примѣры неумѣлаго и неудачнаго примѣненія нагляднаго метода обученія въ однихъ мѣстахъ не даютъ достаточныхъ основаній отрицать вообще полезность этого пріема, получающаго все большее распространеніе. Напротивъ, теоретическія соображенія о преимуществахъ зрительныхъ ассоціацій предъ слуховыми, а также многолѣтній опытъ примѣненія грамматически переводнаго метода обученія новыхъ языковъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ большей основательностью даютъ право дѣлать обратное заключеніе —о малой пригодности этого метода, въ особенности въ дѣлѣ изученія живого разговорнаго языка.

Болѣе правильно формулированный вопросъ о постановкѣ занятій въ новой инородческой школѣ можетъ повести только къ требованіямъ обязательнаго изученія въ ней русскаго языка и туземной грамоты, но не долженъ касаться методовъ преподаванія этихъ предметовъ; опредѣленіе послѣднихъ должно быть предоставлено усмотрѣнію мѣстныхъ руководителей дѣла народнаго образованія.

8. Въ виду изложеннаго самъ собою устраняется вопросъ объ обязательномъ введеніи русской транскрипціи при изученіи туземныхъ нарѣчій; такое требованіе возможно допустить лишь въ отношеніи такихъ народностей, которыя не имѣютъ своей письменности и распространенной транскрипціи. И въ частности слѣдуетъ выяснить, могутъ-ли быть отнесены къ такой народности туркестанскіе киргизы, пользующіеся въ настоящее время арабской транскрипціей.

9. Въ дѣлѣ образованія малокультурныхъ инородцевъ содѣйствіе къ развитію туземныхъ нарѣчій и введеніе въ нихъ русской транскрипціи едва ли могутъ имѣть большее значеніе, чѣмъ усвоеніе ими русскаго языка, какъ средства для выхода ихъ изъ состоянія косности и невѣжества и пріобщенія къ русской культурѣ и гражданственности. Отсюда ясно разрѣшается вопросъ, въ какую сторону должны быть направлены заботы правительства въ дѣлѣ образованія инородцевъ: на разработку-ли и развитіе ихъ собственнаго языка, хотя-бы при посредствѣ русской транскрипціи, или же на возможно широкое распространеніе среди нихъ русскаго языка и сообщенія при посредствѣ его началъ культурнаго развитія и государственности.

С. Граменицкій.

Къ вопросу объ открытіи въ г. Ташкентѣ женскаго института.

Вслѣдствіе чрезвычайнаго переполненія туркестанскихъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній учащимися, еще въ 1899 году, при Главномъ Начальникѣ Туркестанскаго края генералѣ отъ-инфантеріи Духовскомъ возникъ вопросъ о крайней необходимости въ открытіи въ г.г. Ташкентѣ или Самаркандѣ Туркестанскаго женскаго института. Генералъ Духовской, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, письмомъ отъ 29 января 1899 года просилъ главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи графа Протасова Бахметева «въ виду чрезвычайной важности для культурной миссіи нашей въ Средней Азіи» сообщить ему, какое участіе въ дѣлѣ открытія упомянутаго института могло бы принять мѣстное управленіе краемъ. Въ отвѣтномъ письмѣ графъ, указавъ на «не только мѣстное, но и об-

щегосударственное значеніе женскаго закрытаго учебнаго заведенія на средне-азіатской окраинѣ», вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ генералу Духовскому, что предполагалось-бы возможнымъ учредить въ Туркестанскомъ краѣ дѣвичій институтъ на общихъ основаніяхъ для институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, съ комплектомъ отъ 210 до 250 воспитанницъ, съ платою по 350 рублей въ годъ, причемъ половина или болѣе вакансій могла-бы быть предоставлена стипендіаткамъ военнаго вѣдомства и Туркестанскаго Генералъ Губернатора. Независимо отъ сего въ томъ-же письмѣ былъ намѣченъ рядъ вопросовъ для разработки ихъ въ управленіи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, касающихся выясненія какъ единовременныхъ расходовъ по учрежденію института, такъ равно и постоянныхъ расходовъ по содержанію его съ просьбой объ указаніи источника, имѣющагося въ распоряженіи Генералъ-Губернатора, для покрытія означенныхъ расходовъ, причемъ опредѣлилась-бы, въ случаѣ надобности, и сумма ежегоднаго пособія, которая могла-бы быть выдаваема изъ средствъ вѣдомства на содержаніе вновь возникающаго учебнаго заведенія. Затѣмъ, съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія, воспослѣдовавшаго въ 15 день февраля 1899 года, было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ главноуправляющаго графа Протасова-Бахметева и при участіи: Туркестанскаго Генералъ Губернатора Духовского, товарища главноуправляющаго П. М. фонъ - Кауфмана, управляющаго дѣлами собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи Н. А. Воеводскаго, правителя канцеляріи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора М. И. Бродовскаго, правителя канцеляріи главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній Д. Д. Лермантова и директора департамента государственнаго казначейства Дмитріева.

Въ этомъ совѣщаніи было рѣшено учредить въ городѣ Ташкентѣ женское училище св. Ольги для приходящихъ дѣвицъ съ пансіономъ, всего на 250 ученицъ, изъ коихъ 100 пансіонерокъ въ интернатѣ и 150 приходящихъ.

Въ виду такого рѣшенія, въ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи были составлены: а) проектъ устава училища св. Ольги и б) примѣрная смѣта расходовъ по содержанію упомянутаго выше училища, каковые и были препровождены на заключеніе Туркестанскаго Генералъ - Губернатора при письмѣ товарища главноуправляющаго отъ 12 октября 1899 года за № 1897.

Въ отвѣтномъ письмѣ графу Протасову Бахметеву, отъ 30 декабря 1899 г. за № 4025, Туркестанскій Генералъ Губернаторъ Духовской, сообщивъ нѣсколько замѣчаній по поводу проекта устава училища св. Ольги и примѣрной смѣты расходовъ по содержанію онаго, высказалъ необходимость учрежденія въ Ташкентѣ не училища св. Ольги, а дѣвичьяго института, въ виду чего и просилъ повергнуть на благовоззрѣніе Государя Императора и Государыни Императрицы его ходатайство объ учрежденіи въ г. Ташкентѣ дѣвичьяго института для сиротъ и дѣтей заслуженныхъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, съ примѣненіемъ къ нему устава Оренбургскаго института Императора Николая I, а также тѣхъ особыхъ положеній, которыя необходимы по мѣстнымъ условіямъ.

Въ виду ходатайства Туркестанскаго Генералъ-Губернатора объ учрежденіи въ Ташкентѣ не училища, а института св. Ольги, по распоряженію товарища главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи была составлена примѣрная смѣта ежегодныхъ расходовъ предполагаемаго къ открытію въ городѣ Ташкентѣ института

св. Ольги, примѣнительно къ штатамъ Оренбургскаго института Императора Николая I.

По предварительнымъ подсчетамъ, на постройку институтскихъ зданій исчислена была сумма въ 300.000 рублей и на первоначальное обзаведеніе для 250 воспитанницъ, полагая по 225 рублей на каждую, 56.250 рублей. Сумма эта предположена была къ расходу въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, по мѣрѣ открытія институтскихъ классовъ. Часть строительнаго расхода въ 50 тысячъ рублей по означенному исчисленію предположено было отнести на счетъ запасныхъ капиталовъ тѣхъ городовъ Туркестанскаго края, въ которыхъ не введено городовое положеніе. На содержаніе института, по приблизительному разсчету, исчислена сумма въ 87.660 рублей въ годъ. Часть этой суммы въ размѣрѣ 6.090 рублей предположено было отнести на суммы, уплачиваемыя Главнымъ Начальникомъ Туркестанскаго края, по званію Генералъ-Губернатора и Командующаго войсками округа, за воспитаніе туркестанокъ-сиротъ въ институтахъ Европейской Россіи. Изъ 250 вакансій 130 предположено предоставить казенвокоштнымъ и 120 своекоштнымъ пансіонеркамъ съ платою по 350 рублей въ годъ за каждую, что составитъ сумму 42.000 рублей. Такимъ образомъ, изъ приведеннаго разсчета видно, что изъ средствъ вѣдомства учрежденія Императрицы Маріи на содержаніе Туркестанскаго женскаго института потребовалось бы отнести ежегодный расходъ только въ суммѣ 39 570 рублей. Подъ постройку институтскихъ зданій и разведеніе институтскаго сада городомъ обѣщано безвозмездно уступить необходимый участокъ городской земли. Затѣмъ въ письмѣ, отъ 17 октября 1900 года, на имя графа Протасова-Бахметева генералъ Духовской, сообщая, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе въ городѣ Ташкентѣ дѣвичьяго института и на присвоеніе ему имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны, просилъ его сіятельство повергнуть на Всемилостивѣйшее Государя Императора благоговѣйнѣе ходатайство объ открытіи въ Ташкентѣ института имени Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны. Къ сему генералъ Духовской присовокупилъ, что по воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія немедленно будетъ сдѣлано распоряженіе о составленіи проекта и смѣты на постройку институтскихъ зданій. Въ такомъ положеніи дѣло передано было въ контроль вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Для разсмотрѣнія вопроса по существу контролемъ были испрошены необходимыя свѣдѣнія изъ Туркестанской контрольной палаты, по полученіи которыхъ контролемъ изготовленъ былъ проектъ доклада главноуправляющему собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Затѣмъ вопросъ не получилъ дальнѣйшаго движенія въ теченіе пяти лѣтъ и только въ сентябрѣ 1905 года, вслѣдствіе письма Туркестанскаго Генералъ Губернатора, отъ 25 августа того-же года, о положеніи дѣла по учрежденію въ городѣ Ташкентѣ женскаго института, графъ Протасовъ-Бахметевъ увѣдомилъ бывшаго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора генерала Тевяшова, что «одновременно съ разработкой вопроса объ учрежденіи института въ Ташкентѣ обсуждался вопросъ объ учрежденіи еще двухъ дворянскихъ институтовъ въ городахъ Воронежѣ и Костромѣ и третьяго въ Сочи. Предполагалось, что всѣ четыре института будутъ построены и содержимы или прямо на счетъ суммъ государственнаго казначейства или, по крайней мѣрѣ, при значительномъ его пособіи. Такъ какъ одновременное учрежденіе четырехъ институтовъ было затруднительно для государственнаго казначейства, то мини-

стерство финансовъ предложило избрать очередь между ними. По ходатайствамъ дворянства Воронежской и Костромской губерніи, удостоившимся Высочайшаго одобренія, на первую очередь было поставлено учрежденіе двухъ дворянскихъ женскихъ институтовъ въ городахъ Воронежѣ и Костромѣ, но война съ Японіей помѣшала ихъ учрежденію. Дѣло объ ихъ постройкѣ отложено и только теперь признано возможнымъ войти въ Государственный Совѣтъ съ ходатайствомъ объ ассигнованіи потребныхъ на постройку означенныхъ институтовъ суммъ въ будущемъ 1906 году. Что же касается учрежденія института въ Ташкентѣ, то дальнѣйшее движеніе этому дѣлу можетъ быть дано только по окончательномъ рѣшеніи вопроса объ учрежденіи и постройкѣ упомянутыхъ двухъ дворянскихъ институтовъ».

Въ какомъ положеніи вопросъ объ открытіи Туркестанскаго института въ настоящее время—до сихъ поръ намъ ничего не извѣстно, а между тѣмъ онъ настолько важенъ для нашего края, что желательно его скорѣйшее разрѣшеніе и притомъ въ благопріятномъ, конечно, смыслѣ.

Е. Васиевскій.

Звенигородскій поселокъ въ Туркестанскомъ участкѣ.

Верстахъ въ 40 отъ города Туркестана на мѣстности «Сары-чинкуль», Хантагской волости, съ разрѣшенія начальства осенью 1889 года образованъ первый русскій поселокъ на землѣ, добровольно уступленной подъ него по приговору киргизъ той-же волости, всего пахотной и сѣнокосной въ количествѣ 500 десятинъ, для 20 русскихъ переселенческихъ семей.

Первыми колонизаторами мѣстности «Сары чинкуль» были выходцы изъ Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, крестьяне, которые прибыли на эту мѣстность въ августѣ мѣсяцѣ 1889 года. Выборомъ ходоками отъ этихъ крестьянъ мѣста подъ поселокъ, названный ими «Звенигородскій», мужички остались очень довольны. Да какъ и не быть было имъ довольными: вездѣ, куда глазами можно было только окинуть мѣстность, послѣ спада воды отъ бывшаго лѣтняго разлива рѣки Сыръ-дарьи, зеленѣлась трава, не только годная для подножнаго корма, а даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и для сѣнокоса. По берегамъ озеръ и узековъ зеленый камышъ стоялъ стѣной и при небольшомъ дуновеніи вѣтерка качалъ своими головками, призывая работниковъ жнецовъ. Въ камышахъ этихъ не только ночью, но и днемъ слышна была возня и хрюканье дикихъ кабановъ. Гуси, утки, стрепета и проч. дичь проносилась вереницами черезъ головы прибывшихъ мужичковъ, не видавшихъ на родинѣ ничего подобнаго. Въ озерахъ и узекахъ плескалось много всевозможныхъ породъ рыбы. Тутъ-же рядомъ около мѣстъ, предполагавшихся для постройки избъ и дворовъ, виднѣлся густой гребенщикъ, который могъ поселенцамъ служить для дровъ.

Однимъ словомъ, мѣстность «Сары чинкуль» на взглядъ мужичка, вырвавшагося на «волю» изъ Европейской Россіи, была заманчива, какъ рай, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пагубна, въ смыслѣ хлѣбопашества, безъ котораго ни одинъ крестьянинъ не можетъ обходиться и быть состоятельнымъ хозяиномъ, во-первыхъ, потому, что на отведенной мѣстности подъ Звенигородскій поселокъ земли съ искусственнымъ орошеніемъ нѣтъ, во-вторыхъ, въ виду не рѣдко повторяющихся весеннихъ и лѣтнихъ разливовъ рѣки Сыръ дарьи, затопляющихъ не только всю названную мѣстность, но и далѣе отъ нея по направленію къ городу Туркестану на протяженіи около 20 верстъ.

При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что при такихъ разливахъ проѣздъ какъ изъ Туркестана въ Звенигородскій поселокъ, такъ и обратно прекращается до 2 мѣсяцевъ.

Непригодность къ заселенію переселен-

цами мѣстности «Сары чинкуль» можно видѣть изъ того обстоятельства, что первые выходцы звенигородцы, получившіе даже отъ казны пособіе на обзаведеніе въ указанномъ поселкѣ хозяйствомъ, убѣдившись весною 1890 года въ невозможности укрѣпиться въ этомъ мѣстѣ за неимѣніемъ пахотныхъ искусственно орошенныхъ земель и въ виду затопленія весеннимъ разливомъ не только окружавшей ихъ мѣстности, но даже и нѣсколькихъ огородовъ новоселовъ,—всѣ, за исключеніемъ 2—3 семействъ (зажиточныхъ скотоводовъ), ушли изъ Звенигородскаго поселка въ разныя стороны Туркестанскаго края для пріисканія себѣ болѣе подходящихъ мѣстъ, чѣмъ «Сары-чинкуль».

Оставшіеся-же на названной мѣстности 2—3 скотовода имѣли въ виду испытать свое счастье безъ хлѣбопашества и прожить, занимаясь скотоводствомъ и промыслами —охотой и рыбной ловлей. Всѣ вмѣстѣ взятые эти промыслы, безъ хлѣбопашества, не дали имъ тѣхъ желательныхъ результатовъ, которые они имѣли въ виду получить, такъ какъ безъ продажи порядочнаго количества рогатаго скота новоселы эти не могли обезпечить трудомъ отъ охоты и рыбной ловли свои семейства всѣмъ необходимымъ на круглый годъ. Проживая, такимъ образомъ, свое благосостояніе, добытое сильнымъ и упорнымъ трудомъ еще въ Россіи, и не видя въ будущемъ ровно никакого улучшенія, если останутся и далѣе жить въ Звенигородскомъ поселкѣ, такъ какъ за время ихъ жительства въ немъ въ продолженіи 3 лѣтъ въ поселокъ ежегодно прибывало до 20 семей и, разобравшись, въ какомъ положеніи находится онъ, прибывшіе новоселы въ томъ же числѣ исчезали изъ него безслѣдно, а въ послѣдній разъ съ такими же мужичками исчезли и семейства 2—3 скотоводовъ, потерявшихъ всякую надежду на будущность развитія Звенигородскаго поселка.

Мѣстность «Сары-чинкуль» несмотря на всѣ неудобства ея колонизаціи, но въ виду завлекательности своимъ прекраснымъ расположеніемъ послѣ уступки таковой киргизами для поселка русскихъ крестьянъ стала пунктомъ ежегоднаго притока туда переселенцевъ съ 1889 года по 1907 годъ включительно, а также и ухода ихъ оттуда.

При этомъ нельзя обойти молчаніемъ того факта, что послѣ ухода изъ Звенигородскаго поселка первыхъ новоселовъ прибывавшіе вновь для заселенія той-же мѣстности крестьяне мѣстнымъ участковымъ приставомъ всегда были предупреждаемы о непригодности «Сары-чинкуля» къ заселенію по причинѣ бывающихъ сильныхъ разливовъ рѣки Сыръ-дарьи и за неимѣніемъ искусственно орошаемыхъ для хлѣбопашества земель. Русскій же темный мужикъ, незнакомый съ культурнымъ порядкомъ данной мѣстности, но вырвавшійся на «волю» изъ внутренней Россіи, не только не вѣрилъ, но и вѣрить не хотѣлъ предупрежденіямъ пристава, а наоборотъ, обвинялъ еще самъ пристава въ укрывательствѣ мѣстности «Сары-чинкуль» отъ крестьянъ. Между тѣмъ, когда тѣмъ-же мужикамъ, поселившимся на «Сары чинкулѣ», приходилось туго и нужно было удирать изъ поселка, именно по тѣмъ причинамъ, какія были высказаны имъ приставомъ, то тогда крестьяне эти сами себя ругали за то, что не повѣрили предупрежденіямъ пристава и не послушались его совѣта.

Въ заключеніе о постигающей печальной участи Звенигородскаго поселка долженъ сказать, что осенью 1907 года красота мѣстности «Сары-чинкуль» приняла въ свои объятія вновь прибывшихъ и поселившихся тамъ 20 семей крестьянъ и мѣщанъ, выходцевъ изъ разныхъ губерній, участь которыхъ едва-ли будетъ лучшей, чѣмъ тѣхъ мужичковъ, кои ежегодно покидали Звенигородскій поселокъ.

Разночинцы этихъ 20 семей, самый бѣднѣйшій классъ населенія и, на сколько можно судить, все же трудолюбивый

народъ. Всѣ они осенью 1907 года приступили къ постройкѣ себѣ избъ, которыя съ трудомъ, въ виду недостатка средствъ, были ими построены на выбранномъ ими новомъ болѣе возвышенномъ мѣстѣ, въ надеждѣ, что могущимъ быть разливомъ Дарьи ихъ не зальетъ.

Послѣ постройки лачугъ новоселы приступили къ сооруженію плотины, посредствомъ которой предполагали весною сего 1908 года орошать свои пахотныя земли; плотину, не покладая рукъ всю зиму, они къ веснѣ закончили.

Пришла весна. Всѣ 20 семей новоселовъ, залѣзая въ долги, приступили къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ и каждый изъ нихъ хотя немного, но засѣялъ. Разливъ рѣки Сыръ-дарьи прошелъ благополучно и уровень воды на столько оказался низкимъ, что сооруженная ими плотина въ смыслѣ задержанія воды для орошенія пахотной земли оказалась воздушной надеждой. Вода не пошла на посѣвы. Весна оказалась крайне неблагопріятной для хлѣбопашества—сухой и къ концу іюня мѣсяца посѣвы находились въ крайне печальномъ состояніи, первоначально отъ недостатка влаги, а впослѣдствіи, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ этихъ тружениковъ, наступившимъ сильнымъ разливомъ рѣки Сыръ-дарьи не только посѣвы были затоплены водой и погибли, но такъ же затопленными оказались и избы новоселовъ и часть ихъ отъ этого наводненія разрушилась, не говоря уже о самой мѣстности «Сары-чинкуль», которая вплоть до «Тске», на протяженіи около 20 верстъ, вся покрыта была водой. Поселяне Звенигородскаго поселка, къ своему счастью, заблаговременно убрались изъ него къ желѣзнодорожной станціи Туркестанъ въ образовавшійся около нея поселокъ подъ названіемъ «Нахаловка», гдѣ и проживали почти три мѣсяца, пока не образовался свободный проѣздъ къ ихъ, такъ богатому своими приключеніями, поселку.

Положеніе указанныхъ 20 семей новоселовъ Звенигородскаго поселка крайне бѣдственное, но не смотря на это они не падаютъ духомъ и надѣются, что мѣстность «Сары чинкуль» будетъ фактически нарѣзана и утверждена за ними. Въ ожиданіи-же разрѣшенія назрѣвшаго и больного для нихъ этого важнаго вопроса, всѣ они послѣ наводненія выѣхали изъ «Нахаловки» въ свой поселокъ.

Чѣмъ окончится дѣло поселянъ Звенигородскаго поселка: 1) будетъ ли фактическое утвержденіе его съ нарѣзкой земли; 2) останутся-ли въ немъ на жительство 20 семей поселянъ подъ страхомъ опасенія быть затопленными однимъ изъ разливовъ рѣки Сыръ-дарьи; 3) будетъ ли Звенигородскій поселокъ упраздненъ, какъ непригодный къ заселенію, или-же вмѣсто него отведется другое мѣсто съ ирригаціонной пахотной землей, и при томъ, которому не грозило-бы быть затопленнымъ во время разливовъ, съ причиненіемъ поселенцамъ, убытковъ,—пока опредѣлить не представляется возможнымъ

На немедленное разрѣшеніе даннаго вопроса надлежало-бы, кому слѣдуетъ, обратить болѣе серьезное вниманіе.

Звенигородецъ.

Д. Н. Логофетъ „Страна безправія“ (Бухарское ханство и его современное состояніе). Изданіе В. Березовскаго. Петербургъ 1908/9 года. цѣна 1 рубль 25 коп.

Въ только что вышедшей изъ печати книгѣ «Страна безправія» Д. Н. Логофетъ, статьи котораго по различнымъ вопросамъ, такъ или иначе связаннымъ съ бухарскими владѣніями, появлялись въ туркестанскихъ повременныхъ изданіяхъ, широкими штрихами рисуетъ современное состояніе Бухарскаго ханства—этого своеобразнаго государства, хотя и находящагося подъ протекторатомъ Россіи, но живущаго своею особою жизнью, управляющагося своими законами, не имѣющими ничего общаго

съ нашимъ законодательствомъ.

За исключеніемъ небольшого числа туркестанцевъ, посѣщавшихъ бухарскія владѣнія,—одни еще во время завоеванія ихъ, а другіе, проѣзжавшіе по линіи Средне-азіатской желѣзной дороги,—рѣдко кому приходилось заглянуть въ глухіе города и кишлаки этого государства, территорія котораго, равняясь нѣсколькимъ областямъ, служитъ мѣстомъ жительства 3 милліонному населенію. Поэтому книга Д. Н. Логофетъ особенно интересна, заполняя собою довольно значительный пробѣлъ въ крайне небогатой современной литературѣ о Бухарскомъ ханствѣ. Обрисовавъ исторію завоеванія Бухары и отношенія наши къ этому государству, находящемуся подъ протекторатомъ Россіи свыше сорока лѣтъ, авторъ переходитъ къ административному устройству страны, ея суду, населенію, богатствамъ края, податной системѣ, въ то-же время сообщая совершенно новыя данныя о доходахъ, собираемыхъ бухарскимъ правительствомъ съ населенія. Вопросамъ дорожному, почтовому, а также развитію торговли внутри страны и съ сопредѣльнымъ Афганистаномъ отведено большое мѣсто, какъ равно затронутъ серьезный вопросъ защиты бухарско-афганскихъ границъ.

Разсмотрѣвъ въ пятнадцати главахъ общее положеніе Бухарскаго ханства, г. Логофетъ приходитъ къ крайне грустнымъ выводамъ и въ главѣ «Итоги 40-лѣтняго протектората» останавливается передъ тѣми печальными результатами, которые принесъ этотъ протекторатъ странѣ и ея населенію, доведенному податною системою и отношеніями бухарскихъ властей до полнаго обнищанія.

Отсутствіе даже призрачныхъ намековъ на законность, полное отсутствіе контроля надъ дѣятельностью административныхъ лицъ, колоссальный произволъ ихъ по отношенію населенія и непомѣрно высокое его обложеніе податями и налогами составляютъ характерную особенность Бухары, вызывая невольное изумленіе, а оставленіе населенія безъ образованія и врачебной помощи указываетъ, что страна эта является въ настоящее время чѣмъ-то до нельзя архаическимъ, хотя въ то-же время нельзя не вспомнить, что у Бухары было когда то время расцвѣта и ей не чужды были идеалы культурнаго государства. Но въ дальнѣйшемъ все это накрѣпко было забыто и государство стало тою страною безправія, которая до нельзя поражаетъ всѣхъ имѣвшихъ возможность съ ней ознакомиться.

Главная мысль автора—необходимость скорѣйшаго разсмотрѣнія бухарскаго вопроса и неотложность вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Бухары съ цѣлью урегулировать ея податную систему, вызвать къ жизни промышленность, обезпечивъ въ то-же время населенію правовой строй жизни.

Книга посвящена «высокому вниманію Государственной Думы» и надо полагать, что какъ Государственная Дума въ своемъ цѣломъ, такъ и ея отдѣльные члены, а также и вся интеллигентная часть нашего общества заинтересуются этою книгою, дающею полное и всестороннее представленіе о Бухарѣ и бухарскомъ вопросѣ, скрывающемъ, по словамъ эпиграфа книги, «непочатый ворохъ глубокаго трагизма вмѣстѣ съ игривостью веселаго фарса».

* * *

Наши просвѣтительныя задачи.

Требованія, предъявляемыя къ начальной школѣ въ послѣдніе годы со стороны населенія, несомнѣнно шире и строже требованій прошлыхъ лѣтъ. На страницахъ періодической печати начинаютъ уже раздаваться голоса многихъ земствъ о недостаточной подготовкѣ учителей для нашихъ начальныхъ школъ. Отсюда самъ собою возникаетъ вопросъ, чѣмъ объясняются и откуда возникаютъ эти жалобы? Дѣйствительно-ли подготовка на-

шихъ учителей плоха, или вообще ощущается недостатокъ въ подготовленныхъ учителяхъ, или-же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ иного порядка, съ новыми запросами современной жизни, опередившими дѣйствительность? Отвѣчая на этотъ больной вопросъ, мы съ грустью должны сознаться, что нашъ народный учитель въ своей массѣ еще очень далекъ отъ идеала. Само собою разумѣется, что среди учителей есть много выдающихся работниковъ на нивѣ народной, но и эти работники подтвердятъ, что среди нихъ есть также много невѣжественныхъ, полуграмотныхъ молодыхъ людей, получившихъ самое ограниченное и притомъ, если такъ можно выразиться, случайное образованіе. Мы очень немного ошибемся, если скажемъ, что учителей въ народныхъ школахъ съ спеціальной подготовкой, т. е. окончившихъ учительскія семинаріи, немногимъ больше половины всего учащаго персонала, включая сюда и учительницъ, окончившихъ женскія гимназіи; весь-же остальной персоналъ лишь «допущенъ» къ преподаванію начальной грамоты. Огромная недостача учителей со спеціальной подготовкой объясняется, во первыхъ, все возрастающимъ спросомъ на учителей и во-вторыхъ далеко несоотвѣтствующимъ этому спросу ежегодному выпуску учителей учительскими семинаріями; къ этому слѣдуетъ еще прибавить непрекращающійся отливъ народныхъ учителей на другія мѣста, гдѣ трудъ оплачивается гораздо лучше, чѣмъ трудъ учительскій. Не лучше дѣло стоитъ и у насъ, въ Туркестанскомъ краѣ. Такъ, инспекторъ народныхъ училищъ Семирѣченской области въ одномъ изъ донесеній на имя главнаго инспектора училищъ о результатахъ своей ревизіи училищъ инспекціи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Почти всѣ учителя начальныхъ училищъ Семирѣченской области получили спѣшную педагогическую подготовку, большинство ихъ вѣрненскіе курсисты, меньшинство—лица, получившія учительское званіе посредствомъ экзаменовъ при гимназіи или при городскихъ училищахъ, семинаристовъ изъ нихъ только двое. Мѣстныя городскія училища давно не получаютъ учителей изъ учительскихъ институтовъ и мѣста въ этихъ училищахъ приходится замѣщать семинаристами, а такъ какъ и послѣднихъ мало, то мѣста въ начальныхъ училищахъ остается заполнять курсистами и лицами, выдержавшими экзаменъ на учительское званіе. Худшій сортъ учителей даютъ выдержавшіе экзаменъ на учительское званіе,—ихъ подготовка къ учительской дѣятельности самая скороспѣлая. Такихъ учителей по большей части приходилось назначать поневолѣ,—при учрежденіи новыхъ училищъ, когда не представлялось возможности найти другихъ кандидатовъ». Въ настоящее время въ среду учителей начальныхъ училищъ Семирѣченской области, по словамъ инспектора, «вошло много негоднаго элемента, который слѣдовало бы систематически удалять, замѣняя его новымъ и вполнѣ пригоднымъ для дѣла». Отсюда естественно, что при такихъ условіяхъ современный сельскій учитель, особенно не прошедшій курса учительской семинаріи, не можетъ удовлетворять предъявленнымъ къ нему требованіямъ и что въ настоящее время требуется уже учитель съ болѣе повышеннымъ уровнемъ знаній. Въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ въ послѣднее время обсуждались цѣлыя программы проектируемыхъ крестьянскими обществами новыхъ школъ, значительно превышающихъ по курсу существующія земскія нормальныя школы. Это достаточно ясно указываетъ на то, что населеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ умственно замѣтно выросло и что существующая тамъ начальная школа выполнила уже свою культурную миссію, подготовивъ почву для дальнѣйшаго развитія народа. Для болѣе широкой и правильной постановки школьнаго дѣла

важнѣе всего надлежащая подготовка учителей. Недостатокъ въ такихъ учителяхъ особенно даетъ себя чувствовать въ городскихъ училищахъ нашего края, въ которыхъ большинство учителей безъ спеціальной подготовки. Въ виду сего замѣщать учительскія вакансіи въ городскихъ училищахъ края лицами, получившими образованіе въ учительскихъ институтахъ Европейской Россіи, оказывается почти невозможнымъ. Попечители учебныхъ округовъ категорически отказываютъ давать согласіе окончившимъ учительскіе институты въ ихъ округахъ на продолженіе учебной службы въ городскихъ училищахъ Туркестанскаго края. Такіе отказы обыкновенно мотивируются тѣми соображеніями, что окончившіе учительскіе институты, согласно закону, обязаны прослужить извѣстное число лѣтъ въ своемъ учебномъ округѣ за полученное въ институтѣ на казенный счетъ образованіе. Какъ на примѣръ, мы можемъ указать на слѣдующій: три воспитанника, окончившіе въ прошломъ году Тифлисскій Александровскій институтъ, обратились къ главному инспектору училищъ Туркестанскаго края съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ, какъ уроженцамъ края, учительскихъ мѣстъ въ городскихъ училищахъ. По данному вопросу главный инспекторъ училищъ обратился къ попечителю кавказскаго учебнаго округа съ просьбой о разрѣшеніи названнымъ воспитанникамъ, по окончаніи института, поступить на службу въ Туркестанскій край. Въ отвѣтъ на это попечитель сообщилъ, что вышеупомянутые воспитанники состоятъ казенными стипендіатами и по окончаніи института, согласно ст. 2338 т. XI ч. I, изд. 1893 года, обязаны прослужить въ кавказскомъ учебномъ округѣ не менѣе шести лѣтъ и что къ поступленію ихъ на службу въ городскія училища Туркестанскаго края не могло бы быть препятствій лишь при условіи возврата причитающейся съ нихъ за казенное содержаніе въ институтѣ суммы. Въ надеждѣ, что министерство народнаго просвѣщенія разрѣшитъ означенный вопросъ въ благопріятномъ для Туркестана смыслѣ, бывшій Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ генералъ отъ инфантеріи Гродековъ въ отношеніи, отъ 5 апрѣля 1907 года, указавъ на то, что въ существующія въ краѣ 19 городскихъ училищъ, за неимѣніемъ своего учительскаго института, нерѣдко назначаются лица неполноправныя, пріобрѣвшія званія учителей уѣздныхъ училищъ, а въ крайности даже лица безъ этихъ званій, что крайне вредно отражается на постановкѣ учебно воспитательнаго дѣла, просилъ разрѣшенія министерства на назначенія въ городскія училища Туркестанскаго края лицъ, окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ въ Имперіи, съ обязательствомъ прослуженія ими въ училищахъ края законнаго числа лѣтъ. Въ отвѣтъ на это министерство увѣдомило, что не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію возбужденнаго ходатайства, если къ тому не встрѣтится какихъ-либо возраженій со стороны подлежащихъ учебно окружныхъ начальствъ. Къ сожалѣнію, возраженія эти всегда находятся въ видѣ ссылки на приведенную статью закона, благодаря чему городскія училища Туркестанскаго края и не имѣютъ и не могутъ имѣть необходимыхъ для нихъ учителей. Въ силу приведенныхъ обстоятельствъ замѣщеніе учительскихъ вакансій въ городскихъ училищахъ края является задачей чрезвычайно трудно исполнимой. Въ настоящее время учительскій персоналъ городскихъ училищъ пополняется, главнымъ образомъ, воспитанниками учительской семинаріи, которые могутъ быть терпимы лишь при наличности въ училищахъ лицъ съ институтскимъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, число такихъ лицъ замѣтно уменьшается, что въ недалекомъ будущемъ въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ городскихъ училищъ края не сомнѣнно вызоветъ кризисъ. Всѣ вышеприведенные данныя довольно убѣдительно говорятъ за то, что

для устраненія грядущаго кризиса необходимо открытіе въ краѣ учительскаго института, вопросъ о которомъ является давно назрѣвшимъ и прямо-таки неотложнымъ. Существующая въ Ташкентѣ учительская семинарія, несмотря на свой четырехгодичный курсъ и почти институтскую программу, не можетъ знакомить своихъ питомцевъ съ методикой преподаванія предметовъ, входящихъ въ курсъ городскихъ училищъ. Хотя программы нашихъ семинарій, въ общемъ, и довольно широки, но нужно сознаться, что проходятся онѣ съ такой головокружительной быстротой, что поступающіе въ семинаріи молодые люди преимущественно изъ крестьянской среды, окончившіе сельскія и городскія училища, въ теченіе какихъ-либо трехъ—четырехъ лѣтъ не въ состояніи сколько-нибудь достаточно ознакомиться съ преподаваемыми предметами. Представьте себѣ 16—17 лѣтняго юношу, на котораго вдругъ обрушивается цѣлый ураганъ наукъ, которыя онъ обязанъ постичь въ три, а много четыре года. Естественно, что только выдающіеся юноши выносятъ изъ семинаріи болѣе или менѣе ясное представленіе о пройденныхъ предметахъ, большинство-же, вернувшись въ деревню, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни общества, скоро забываютъ всѣ пройденныя «науки» и вновь понижаются до среды, изъ которой вышли. Изъ этого явственно, что программы нашихъ учительскихъ семинарій нуждаются въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, согласно новѣйшимъ запросамъ, предъявляемымъ населеніемъ къ школѣ и ея учителю, и чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ лучше для дѣла.

Е. Васиневскій.